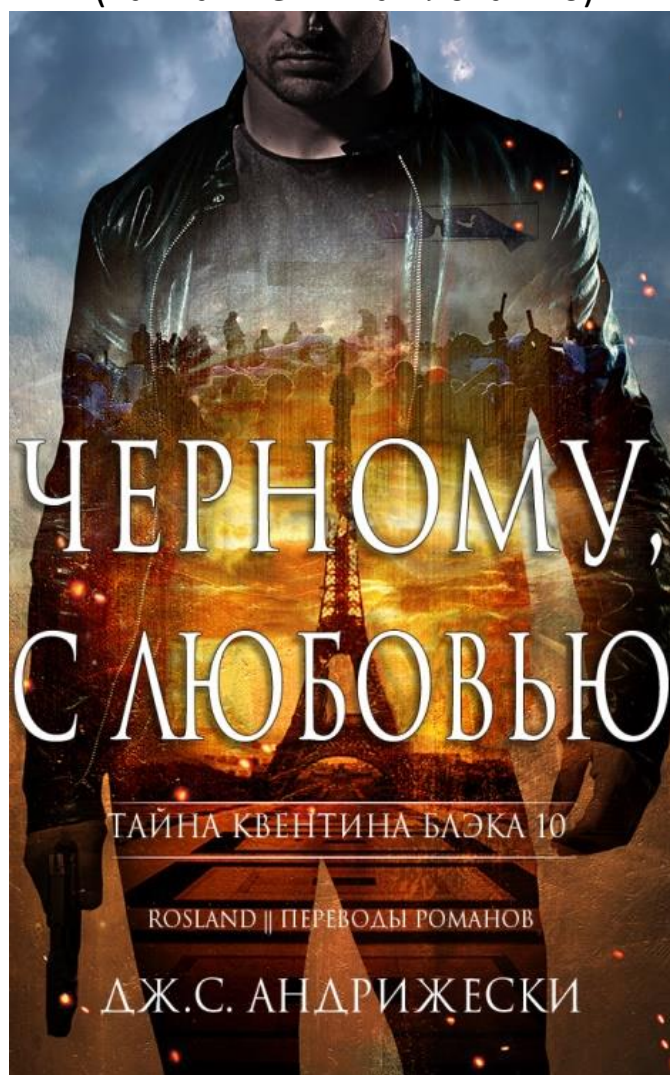

Дж. С. Андрижески – Чёрному, с любовью
(Тайна Квентина Блэка #10)

Перевод: **Rosland**

Русификация обложки: **Rosland**

Слишком поздно его спасать.

Слишком поздно — он уже не хочет быть спасённым.

Славный парень Ник, бывший коп, награждённый медалями ветеран... его уже нет.

Ник Танака числится пропавшим уже месяцы.

После хаоса на тайском острове Мангаан, Мири и Блэк ищут Ника по всей Европе, отслеживая каждую улику, каждый слух и след, который только можно проверить.

Однако следы быстро остывают.

Мири должна посмотреть в лицо фактам.

Ник, скорее всего, мёртв.

Или вампиры убили его, или он погиб в том пожаре на острове Мангаан — она может никогда не узнать правду.

Мири и Блэк возвращаются в Соединённые Штаты, в Сан-Франциско, к реальности того, что её дядя Чарльз развязал гражданскую войну на территории Америки.

Чарльз больше всего хочет стереть с лица планеты расу вампиров, и для этого он готов поработить или убить каждого человека на Земле.

Его недавно основанное «Движение за Чистоту» начинает массовые беспорядки в нескольких штатах. Волнения подбираются ближе к Блэку и Мири, а Чарльз продолжает давить на них, чтобы они примкнули к войне на его стороне. Вампиры тоже беспокоятся о Чарльзе — настолько, что их король связывается с Блэком, желая заключить союз.

Взамен он обещает Блэку и Мири новости о Нике.

Он также выдвигает предложение, от которого они не могут отказаться.

Пролог. Как я тебе теперь?

Он поднял голову, хватая ртом воздух и одним плавным движением приводя тело в вертикальное положение.

Даже это простое действие восторгало его.

Удовлетворение омыло его, когда он облизнул губы, затем вытер рот. При этом по нему пронеслись реки боли и наслаждения, вызывая мурашки по коже, а также столь мощный прилив энергии, что он слегка пружинил на пятках, крутя шей так, словно находился на борцовском ринге.

Удовлетворение продлилось недолго.

Оно никогда не длилось долго.

Через считанные секунды по его венам потёк жар, вызывая колющий, наэлектризованный дискомфорт на коже и в самой жидкости его крови.

Он боролся со своими обострившимися чувствами, пытался справиться с ними, контролировать свою эмоциональную реакцию на интенсивность — подавляя ту полупьяную, то подступающую, то отступающую агрессию, которая её сопровождала. Он пытался найти способ стабилизировать это внутри, но какая-то часть него бунтовала, считая это глупым, даже бессмысленным.

Это действительно напоминало опьянение или, может быть, морскую болезнь, но сопровождавшая это чувство ясность наполняла его разум альтернативными сценариями, мыслями, идеями для выражения этой интенсивности, и делала борьбу сложнее, а не проще. Земля под его ногами никогда не обретала полную стабильность, а продолжала подниматься и опадать чередой крутых холмов.

Его разум плыл надо всем этим, пытаясь найти различные методы так или иначе вытолкнуть это ощущение, ища способы почесать зудящее место.

Чем дольше он стоял там и боролся с этим, тем сильнее распалялась его кожа.

И это всё вопреки его похолодевшей крови, относительной тишине его физического тела. Этот жар, это ощущение жизни и дискомфорта ещё сильнее усиливало его неутомимость, желание пошевелиться, продолжать двигаться, продолжать действовать, чувствовать, трахать, крушить сквозь время и пространство, крушить сквозь жизнь и смерть.

Конечно, отчасти дело могло быть в крови, которую он только что выпил.

Однако не всё сводилось к этому.

Он ещё не закончил.

Сопровождавшая его женщина, всё ещё стоявшая на коленях возле второго человека, которого они затащили в этот тёмный заплесневелый переулок за баром, рассмеялась, поднимая на него взгляд.

— Не раскатывай губу, — пожурила она, и её глаза и щеки покраснелись кроваво-красным. — Я буквально вижу, как вертятся шестерёнки в твоей голове. Практикуй умение успокаиваться, любовь моя. Практикуй самоконтроль...

— Нах*й умение успокаиваться, — он заговорил бездумно — он теперь большинство вещей делал без раздумий. Его взгляд скользнул к её глазам, оставаясь таким же холодным, как его голос. — Нах*й самоконтроль. Я ещё не закончил.

— Ты закончил, — сказала она. — На сегодня больше никаких убийств, любовь моя. Я и так позволила тебе превысить число, которое он тебе разрешил. Ты знаешь, что он узнает, — уголок её губ приподнялся, обнажая поразительно белый клык. — Ты также знаешь, что он накажет меня, а не тебя.

— Если я уже превысил лимит, то какая разница? — сказал он. — Наказание — и есть наказание. Никакой бл*дской разницы. Два или двадцать, нет никакой бл*дской...

— Помоги мне закончить с этим, — уговаривала она.

Когда он поморщился, качая головой и не желая делить полумёртвую жертву, в её голосе более явно зазвучало предостережение.

— Не пропадать же добру, любовь моя. Тебе не разрешается убивать ради спортивного удовольствия.

Та ярость и жар в нем усилились.

Он хотел с ней поспорить.

Он хотел указать на то, что никто не ограничивал развлечения Дориана. Никто не ограничивал развлечения Найроби, или Мигеля, или Брика... или её, если уж на то пошло.

Больше всего ему хотелось скинуть её с того засранца в деловом костюме, из которого она пила, и свернуть ему шею. Он наблюдал, как этот ублюдок трахает её, пока она пила и стонала на французском, совершенно не замечая, что с ним происходит.

Этот парень просто жалок.

Он вызывал у него отвращение.

Даже сейчас те синие глаза посмотрели в его сторону, уставившись на него с безумно тупым выражением лица. Он видел там мольбу, просьбу животного-к-животному — о помощи, о милосердии. Он хотел лишь пнуть хнычущего мужчину в бледное лицо.

Он не хотел думать о том, что в этой уязвимости так сильно злило его. Он не хотел думать, и точка — только не так, только не о самовлюблённом дерьме, которое только выбесит его.

Он хотел рычать на неё, пока она не согласится пойти с ним.

Или он хотел просто развернуться и побежать на полной скорости прочь, пока она всё ещё возилась с синеглазым неудачником в костюме в тонкую полоску.

Однако она могла его поймать.

Любой из них мог его поймать. Он узнал это на своей шкуре.

Он всё ещё был не таким быстрым, как остальные.

Просто по тону её голоса он знал, что после этого она попытается увести его обратно, в ту же самую до безумия скучную квартиру на Университетской улице с видом на Эйфелеву башню. Внутри квартиры он мог слышать каждый чёртов звук из каждой чёртовой квартиры вверху и внизу.

Внутри квартиры он мог слышать каждый звук с улицы.

Он мог слышать каждое слово, каждый звон бокала или металла, каждое шарканье ботинка, каждый выдох, каждый шорох одежды и волос. Он мог слышать каждое приглушенное ругательство, каждый нервный всхлип, каждое постукивание носком ботинка или пальцами руки. Он слышал скрип и скрежет шарниров, звон колокольчиков, скрип ступенек, когда кто-то входил в один из окрестных магазинчиков, таунхаусов или баров.

Он слышал шорох ветра в листве деревьев, высаженных вдоль улицы.

Он слышал каждый самолёт, вертолёт, птицу и насекомое в этом чёртовом небе.

Каждый запах в радиусе примерно пяти миль вокруг доходил до него через французские окна высотой в пятнадцать футов.

Он слышал падение каждой капельки пота и дождя по стеклу.

Большинство дней пребывание взаперти, под бомбардировкой всего по ту сторону стекла, гипса, дерева и металла вызывало у него желание пробить стену голыми руками. Он не раз испытывал искушение разбить одно из окон, бежать, бежать и продолжать бежать, пока та сжатая пружина в нем не расслабится.

Он знал правила.

Его уже наказывали.

Его наказывали много раз — раз за разом.

Воспоминания об этих наказаниях, о том, что они подразумевали, сдержали его даже сейчас, вопреки тому, что он сказал женщине секунды назад.

Брик *пообещал* в этот раз наказать её... и заставить его смотреть.

Старший вампир сказал, что он явно не слишком заботится о собственной шкуре, так что Брик попробует вместо этого наказать её и посмотрит, не сработает ли это лучше.

Вспомнив это теперь, он ощутил, как удлиняются его клыки.

Он постарался контролировать прилив ярости — чтобы хотя бы не показать это лицом.

Он всё ещё стоял там, пытаясь решить, что делать — то ли всё равно стоит рискнуть наказанием, то ли у него могут быть другие варианты, как она уже поднялась на ноги и вновь оказалась возле него.

Вытерев рот, она подняла на него взгляд, и те кроваво-красные чернила окрасили её радужки.

Он так хорошо мог видеть в темноте, что половину времени забывал, что сейчас ночь.

Солнце было слишком ярким; оно причиняло боль глазам, слепило его.

Это всё равно что плыть по проклятому лесному пожару...

Но ему не нравился огонь.

Ему не нравилось даже думать про огонь, или деревья, или горящие деревья.

Он сосредоточился обратно на её хрустальных глазах.

Их кровавый цвет как-то на него повлиял.

К сожалению, это «как-то» ни разу не расслабило его.

Увидев отличие в его взгляде, она улыбнулась и сжала его руку.

— Хочешь посмотреть кино и потрахаться? — спросила она, взглянув в конец переулка, на дорогу. — Ещё рано. Даже одиннадцати нет. Нам необязательно кормиться. Есть и другие способы развлечься, братик.

Когда он проследил за её взглядом и взглянул обратно на неё, она улыбнулась ещё шире, крепче обвила его руку своей и прижалась к нему всем телом.

— Ты остался, — промурлыкала она. — Я думала, ты снова убежишь, но Папочка прав. Ты предпочтёшь сам вынести наказание, чем смотреть, как наказывают меня. Какой же ты хороший мальчик.

Он фыркнул, но ощутил, как затвердевает от её мурлыканья.

— Хочешь пойти в парк и потрахаться? — предложила она, улыбаясь ещё шире и лукаво вскидывая бровь прежде, чем он успел ответить. — Или в церковь? Или мы могли бы найти миленькое кафе у тротуара? Я бы хотела вознаградить тебя за то, что ты ведёшь себя как хороший мальчик. Твоя ревность ранее в сочетании с кормлением и без того возбудила меня, дорогой.

Он издал очередное полусушутливое фыркание.

— А ещё разбудила твою внутреннюю эксгибиционистку, видимо, — сказал он.

— Это что, улыбка? — она потянула его за руку. — И с каких это пор моя эксгибиционистка «внутренняя»? А ты сам? Это же ты прошлой ночью захотел сделать это на ступенях Нотр-Дама.

Он позволил утянуть себя, позволил ей повести себя к относительно освещённому концу переулка, где фонари окрашивали улицу золотисто-оранжевым цветом.

Нюансы цветов на мгновение отвлекли его наряду с парящими частицами моросящего дождя, которые искажались от света фар и ветра, кружились в круглых лучах света над дорогой.

Он слышал радио из ближайшего окна, смех женщины, рёв телевизора... но его глаза ни на секунду не отрывались от изменявшихся пятен цвета дождя, фонарей, машин, мигавших неоновых вывесок и пешеходов, шагавших по скользкому от дождя тротуару.

Он наблюдал, как цвета и тени кружат по дороге, словно жидкий свет.

Он попытался вспомнить, какой сейчас месяц.

Октябрь? Ноябрь?

— Станет проще, — мягче произнесла она, обнимая его руку. — Обещаю, любовь моя.

Он отвёл взгляд от цветов и градаций света.

Он посмотрел на неё, уставившись в градации кроваво-красного в её радужках.

— Может, я этого не хочу, — сказал он.

Она вскинула тёмные брови над большими, огромными глазами, которые могли бы напоминать глаза оленёнка, будь они другого цвета.

— Ты не хочешь, чтобы стало проще? — спросила она всё ещё лукавым тоном.

Он был не в настроении для лукавства. Может, он в настроении для траха, но он не в настроении лукавить, флиртовать, позволять ей отвлечь его или обращаться с ним как с ребёнком.

Он до чёртиков устал от того, что им, бл*дь, *управляют*.

— Куда мы идём? — спросил он. — Когда мы вернёмся?

Он не имел в виду квартиру.

Он не имел в виду церковь.

Он вообще не имел в виду Париж.

Похоже, она это знала просто по тому, как он задал этот вопрос.

Поначалу она не отвечала.

И всё же он ощутил её вздох через свою и её кожу.

Когда этот вздох оборвался, её голос сменился с флиртующего на нормальный.

— Когда ты будешь готов, — ответила она.

— Я готов сейчас.

Он и не осознавал, насколько агрессивно произнёс эти слова, пока она не остановилась и не подняла на него взгляд. Её грудь вздымалась и опадала в очередном вздохе. Он знал, что в определённой мере это показуха. Вампирам не нужно дышать. И всё же большинство симулировало многие человеческие повадки — то ли по привычке, то ли ради маскировки, то ли и то, и другое.

— Нет, — просто ответила она. — Ты не готов.

— Потому что так сказал Брик, — прорычал он.

— Потому что так сказал Брик, — подтвердила она с кивком, хмуро посмотрев на него. — Который, позволь напомнить, является главным. И не только для тебя.

Она закатила глаза при виде выражения его лица.

— Ты не можешь винить во всём Брика, знаешь ли, — раздражённо сказала она. — Он спрашивал нас всех. Не только он считает, что ты ещё не готов. Я тоже так считаю. Найроби так считает. Дориан так считает. Мигель так считает...

— Почему? — спросил он. — Почему я не готов?

Она нахмурилась, и между её бровей залегла небольшая складка.

— Зачем ты задаёшь вопросы, на которые знаешь ответ? — спросила она. — Никакое количество охоты тебя не насыщает. Ты едва можешь контролировать себя во время кормления. Ты вообще не можешь контролировать свои эмоции. Ты импульсивен, тебе нет дела до разоблачения, ты не можешь регулировать степень реакции на большинство внешних раздражителей. Ты зол. Вчера ты напал на Дориана и умудрился действительно *ранить* его...

Она фыркнула и слегка улыбнулась, точно вопреки собственному желанию.

— ... Не такая уж простая задача, между прочим. Ты всё ещё почти каждый день не подчиняешься Брику. Ему ненавистно наказывать тебя, а ты уже четыре раза на этой неделе заставил его сделать это...

— Ладно, — прорычал он. — Я уловил суть.

— Почему тебе так не терпится туда попасть? — спросила она.

В этот раз её тон был таким открытым, искренним, безо всякой сдержанности, которая присутствовала там ранее.

Он услышал в её словах искреннее любопытство.

— Зачем? — повторила она, когда он не ответил. — Просто скажи мне, *зачем*, любовь моя. Помоги мне понять. Возможно, если ты объяснишь мне, я сумею помочь Брику тоже это понять.

Он фыркнул, стискивая челюсти.

— Почему-то я сомневаюсь, что Брику нужно разжёвывать мои мотивы, — хмуро посмотрев на неё, он добавил: — Ты только что сказала мне перестать задавать вопросы, на которые я знаю ответ. Почему бы тебе не поступить так же?

— Потому что я не знаю ответ на этот вопрос, любовь моя...

— Хрень собачья! — он развернулся к ней, и его грудь вновь переполнилась яростью и жаром. — *Зачем?* Ты действительно спрашиваешь меня, *зачем?* Ты, бл*дь, серьёзно? А сама как думаешь, *мать твою?*

Выражение её лица не дрогнуло перед его злобой.

Когда он закончил говорить, она лишь пожала плечами.

— Но я действительно *не* знаю, — её голос всё ещё звучал скорее честно, нежели сердито, а теперь и с неприкрытым недоумением. — Годами после своего перерождения я избегала своего дома, места, откуда я родом. Я избегала его десятилетиями. Я не имела ни малейшего желания отправляться туда. Я не имела ни малейшего желания видеть те места или людей. Он *заставил* меня вернуться. Он решил, что мне это нужно, так что я отправилась туда. Но если бы он не приказал, если бы он не настоял на том, чтобы сопровождать меня, возможно, я бы *никогда* не вернулась.

Она имела в виду Брика.

Он знал, что она имела в виду Брика.

— Мы разные, — сказал он. — Очевидно.

Всё ещё глядя на него снизу вверх, она сжала его ладонь, но продолжала откровенно хмуриться.

— Но зачем? — ласково спросила она. — Ты всё ещё мне не ответил. *Зачем* ты хочешь вернуться туда? Возвращаться больно. Всем нам. Возвращение не приносит ничего хорошего. Оставь прошлое в прошлом... где ему и место.

Он ей не ответил.

Она тряхнула его руку.

— Зачем, Наоко? Что ждёт тебя в Сан-Франциско?

Он вздрогнул просто от того, что услышал название своего родного города.

Это название тревожило его куда сильнее, чем упоминание его наречённого имени, Наоко. Он уже чувствовал, что более длинная, японская версия имени подходила ему лучше, чем короткое англизированное прозвище, которым раньше называли его человеческие друзья.

Его собратья, похоже, были согласны.

Никто из них не называл его Ником.

Никто с самого времени его обращения.

Однако у него всё ещё не было вампирского имени — настоящего. Брик сказал, что даст ему такое имя, когда он «созреет», что бы это, чёрт подери, ни значило. Традиционно именно создатель давал это имя. Обычно это имя имело какую-то историческую значимость для сообщества.

Брик сказал, что уже выбрал такое имя.

— Ты знаешь, что ждёт меня там, — сказал он, запоздало отвечая на её вопрос. Его взгляд бегло пробежался по переулку. — И ты знаешь, почему я хочу туда вернуться, Люсия.

Не сказав больше ни слова, он продолжил шагать по скользкому от дождя тротуару.

Стиснув его руку, она молча пошла рядом с ним прогулочным шагом.

Он чувствовал на себе её взгляд, изучающий его лицо, его глаза, его тело.

Он не смотрел на неё в ответ.

Держа её руку в своей, он наблюдал, как цвета над дорогой слегка изменяются. Он наблюдал, как искусственное освещение играет на стекле, пластике, металле, асфальте, дереве — словно всё это было одним сложным музыкальным инструментом, который играл цвет вместо звука. Он переводил взгляд с объекта на частицу света и снова на объект, отслеживая то, каким другим всё выглядело для него, как много он мог видеть, сколько всего он замечал боковым зрением вопреки острому как лазер фокусу.

Не глядя на неё, он знал, что ей не понравился его ответ.

Совсем не понравился.

— Что именно ты планируешь делать? — спросила она наконец.

Когда он не ответил немедленно, она подтолкнула его, легонько встряхнув его руку сильными пальцами.

— Когда ты её увидишь? Что ты сделаешь, Наоко?

— Я не знаю.

— Но ты всё равно хочешь её увидеть?

Он посмотрел на неё, хмуро поджав губы.

— Это что, бл*дь, такое? — спросил он. — Ревность?

Она один раз моргнула. Затем пожала плечами.

— Может быть. Если так, тебя это беспокоит?

Он фыркнул, не утруждая себя попытками скрыть свои мысли на этот счёт.

Она крепче сжала его руку, плотнее прижимаясь к его телу.

— Просто скажи мне, — уговаривала она. — Что ты сделаешь? Убьёшь её? Покормишься от неё? Проломишь её головой окно? Потому что ты знаешь — Брик всё это не одобрит.

— Я узнаю, когда увижу её, — он посмотрел на последний участок переулка, медленно стискивая зубы и размышляя. — Тогда я буду знать, что мне хочется сделать. Пока что я просто хочу, чтобы она увидела *меня*.

Подумав об этом, он ощутил, как клыки удлинлись в его рту, остро уколов губы и язык. Вместо того чтобы успокоить, это вновь вызвало в нем тот жар — ярость, напряжение в теле и конечностях, интенсивность энергии.

Если вампирша и заметила, то не отреагировала.

Поначалу она вообще ничего ему не ответила.

Он буквально ощущал, как она размышляет, обдумывает его слова.

Затем, когда он уже решил, что она закрыла тему, когда они уже дошли до края переулка, она сама издала лёгкий смешок.

— Понятно, — протянула она весёлым голосом, а затем сухо добавила: — *«Как я тебе теперь?»* В этом задумка?

Он повернулся, посмотрев на неё.

Увидев блеск её хрустально-красных глаз, слабую усмешку на губах, вскинутую бровь, он невольно издал отрывистый смешок.

— Что-то типа того, — ответил он.

Посмотрев на неё, на её длинные черные, слегка волнистые волосы, красные губы, хрустально-красные глаза, роскошное фигуристое тело в платье винного цвета в обтяжку, с глубоким декольте, которое открывало её оливковую, но мертвецки-бледную кожу — он почувствовал, как начинает оживать уже другая часть тела.

— Пошли в церковь, — сказал он, прижимая её руку к своему боку. — Потом будет моя очередь выбирать, куда мы пойдём.

Вскинув бровь, она весело покачала головой. Затем она одарила его знающей, наполовину изумлённой улыбкой, когда они вышли на главную улицу.

— Разве ты не выбрал только что, мой прекрасный, привлекательный, сексуальный Наоко?

— Это было твоё предложение с самого начала, — напомнил он ей. — Я иду тебе навстречу.

Она вновь рассмеялась — в этот раз искренне.

И всё же она вполне с готовностью последовала за ним.

К тому времени, как он завёл её в её любимую церковь, было уже достаточно темно, чтобы после взлома замков он протащил её мимо скамеек.

Полностью проигнорировав деревянные лавки, а также бархатные канаты, отделявшие их от алтаря, он повёл её вверх по лестнице, пока они не очутились прямо под знаменитой картиной золотого Иисуса на купольном потолке над алтарём.

Повалив её лицом вниз на белое алтарное покрывало, он задрал её платье и испытал удовольствие, увидев, что она не потрудилась надеть нижнее белье, если не считать подвязок, которые удерживали её чулки. Он без промедления вставил в неё свой член сзади и впился зубами в её шею.

Она застонала...

... и его омыло ощущением.

Чувство было таким интенсивным, таким невероятно интенсивным, интимным, деликатным и таким, чёрт подери, головокружительно *приятным*, что в этот раз оно сумело отвлечь его по-настоящему.

Это успокоило бушевавший в нем жар даже лучше кормления.

Это успокаивало его — по крайней мере, в те моменты, когда это происходило.

Каждая часть его сосредоточилась.

Каждый орган чувств звенел и вибрировал, реагируя на стимуляцию.

Кровь, ощущение вокруг его члена, ощущения во рту, горле, на языке, агрессия, прилив воспоминаний, мыслей и чувств, пока он пил из неё, безгранично приятные ощущения, заполонившие каждую частичку его кожи...

Этого было достаточно. Этого наконец-то, бл*дь, *достаточно*.

Та дыра внутри него на какое-то время заполнилась.

Лишь одна вещь успокаивала его ещё лучше.

Охота вызывала в нем умиротворение, несравнимое ни с чем другим, что он ощущал. Когда он охотился, его разум и сердце делались совершенно неподвижными. Те минуты и секунды, даже часы, когда он преследовал их перед тем, как они сдавались, перед тем, как он делал первый, останавливающий сердце укус — это работало ещё лучше секса.

Когда через час с лишним они вывалились за двери Сакре-Кёр в куда более помятой одежде, оба с полностью кровавыми глазами и удлинившимися клыками, искажавшими форму рта, он потащил её за руку вниз по холму.

Дождь наконец-то прекратился.

Брусчатка была скользкой, кое-где стояли лужицы, но воздух уже сделался суше, и из-за этого изменился свет.

Люсия смеялась, когда он перепрыгивал лужицы, замирал, балансируя на низенькой стене, перед тем как совершить длинный прыжок на каменную лестницу, а оттуда на более высокую стену на улице внизу. Она журила его, говорила, что он слишком красуется, что он должен сдерживать свои движения на публике, особенно когда нет никаких причин так поступать.

Однако в основном она только смеялась.

Она также вполне легко следовала за ним, по крайней мере, пока он не остановился перед чёрной дверью в нескольких дюжинах кварталов от церкви. Увидев вышибалу, который сидел перед дверью в кожаном кресле, скрестив на груди мощные звуки, она издала невесёлый смешок.

— Танцы? — произнесла она насмешливым тоном. — Почему бы тебе не назвать вещи своими именами, Наоко?

— И какими же это? — сказал он, невинно приподнимая бровь.

— Охота, — тут же ответила она. — Это охота, Наоко. И ты подкупил меня сексом. Ах ты гадкий, гадкий мальчик.

— А я-то думал, что я хороший мальчик, — протянул он, всё ещё вскидывая одну бровь.

— Ты в большей степени гадкий, чем хороший, даже в лучшие дни, — парировала она, фыркнув. Затем потянула его за руку, произнося уговаривающим тоном: — Ну же, Наоко. Давай пойдём купим вина, пока магазины не закрылись. Принесём Брику и остальным. Ты знаешь, что не должен этого делать. Ты *знаешь*, что не должен...

— Всего несколько часов. Я пока ещё не могу вернуться, — рывком подтащив её ближе, он куснул её шею клыками, ощутив очередной прилив крови к члену, когда он вжался в неё. — В этот раз мы найдём того, кого нам обоим захочется трахнуть.

Посмотрев на него своими гигантскими глазами, она покачала головой. Её глаза сделались серьёзными, когда она прислонилась к нему.

— Мы и так слишком много времени провели снаружи, — в ответ на его раздражённую гримасу, она резко добавила: — Нельзя, чтобы тебя увидели, Наоко. *Нельзя*. Ты знаешь, что он в Европе и ищет тебя. Я была там, когда Брик сказал тебе, что он и его люди не так давно были в Париже. Если мы наткнёмся на них, если они тебя увидят...

— Они не ищут меня таким.

Она издала полный неверия смешок.

— В этом и *смысл*, Наоко. Разве ты не понимаешь? Они *не могут* увидеть тебя таким. Пока наш король к ним не готов.

Когда он нахмурился, она добавила ещё резче:

— Ты пытаешься наткнуться на него, Наоко? На Блэка? Из-за того, что ты сказал ранее?

— Нет, — его голос звучал смиреннее, но холоднее. — Нет. Я могу подождать ради него.

Всё ещё прижимая её к своему боку, он нахмурился.

— Наверное, он даже не узнает меня, — сказал он после небольшой паузы. — В любом случае, я тебе говорил... я видел все разработки, которые имелись у Чарльза на наш вид. Я видел правительственные отчёты. Они считают, что яд срабатывает только на определённых генетических типах. Наша группа прошла тестирование в лаборатории компании Блэка после того, как они проанализировали находки той другой лаборатории. Мой результат был отрицательным. Они не знают о других способах создания вампиров. Они не будут искать меня таким. Первым делом они будут искать меня на кладбищах.

Люсия уставилась на него.

— Если они увидят доказательство собственными глазами...

— Говорю тебе, они не ищут меня таким. Они думают, что меня похитили и где-то пытаются... или они считают меня погибшим. Брик именно это сказал прошлой ночью, а его люди всё ещё наблюдают за ними.

Наклонившись поближе, он куснул её за горло, вызвав несколько капелек крови.

Он слизнул их со своих губ и тихо застонал ей на ухо.

— Случившееся со мной для них неправдоподобная страшилка, Люсия, любовь моя, — пробормотал он, прижимаясь членом к её бедру. — Человеческий миф. Как чеснок и серебряные пули.

— И именно поэтому Брик хотел бы *не сообщать* им, брат Наоко... как можно дольше. Так долго, как потребуется, — она нахмурилась, толкнув его в грудь. — Ты знаешь, что дело не только в тебе. На кону стоит многое... для всех нас. Ты нужен ему, Наоко. Ему нужна твоя помощь в этом.

Наоко покачал головой.

— Я ему не нужен. У него есть она.

Люсия нахмурилась.

— Он не может пока что использовать её. Ты это тоже знаешь.

Он потянул её за руку, увлекая за собой к входу в клуб.

— Они сюда не придут, — уговаривал он.

— Ты этого не знаешь!

— Нет, знаю. Блэк никогда не стал бы искать меня в таком месте.

— Он не ищет *тебя*, — раздражённо проворчала Люсия. — Ты сам только что сказал. Он ищет Брика.

— Брик тоже не пришёл бы в такое место.

Уставившись на него, она невольно расхохоталась.

— Ты просто невыносим!

— Идём, — уговаривал он. — Всего лишь часик. Максимум два. Может, три.

— Брик мне за это палец отрежет...

— Мы принесём кого-нибудь Брику. Кого-нибудь, кто ему понравится. Я отсосу ему, пока он будет пить. Он успокоится.

Люсия запрокинула голову, разразившись искренним гортанным смехом.

Всё ещё повиснув на его руке, которую он прижимал к боку, сжав пальцы в кулак, она широко улыбнулась, глядя на него снизу вверх.

— О, мой дорогой мальчик, — сказала она, смягчаясь и поглаживая его пальцы. — Ты учишься слишком, *слишком* быстро. Неудивительно, что он уже питает к тебе такие нежные чувства...

Глава 1. Нельзя вновь вернуться домой

Когда багажник открылся, я потянулась к своим сумкам, но меня отстранил мужчина в униформе — мужчина просиял и явно узнал меня, но я не видела его так долго, что смогла лишь недоуменно моргнуть.

Мигель. Его звали Мигель.

Он был одним из охранников в главном здании Блэка.

Он забрал прямо из моей руки сумку, которую я вытащила из багажника, продолжая улыбаться, и втиснулся между мной и остальным нашим багажом.

Ожидалось, что здесь я не буду сама носить свой багаж.

Я забыла.

Мы вернулись в другой мир Блэка, который всегда казался мне более сюрреалистичным, чем тот, что наполнен оружием и военной экипировкой, а всё чаще экстрасенсами и вампирами. В этой версии жизни Блэка мы не делали такие вещи — не носили свой багаж, не разбирали вещи, не стирали одежду, даже не садились за руль.

В этом мире Блэк был знаменитостью.

Подумав об этом, я резко ощутила все взгляды, обращённые к нам.

Блэк обвил рукой мою талию, ласково притягивая к себе, но моё внимание оставалось в основном сосредоточенным на растущей толпе между нами и стеклянными дверьми его здания на Калифорния-стрит в центре Сан-Франциско.

Каким-то образом они прознали, что мы вернулись в город.

Понятия не имею, как. Весь путь мы проделали на частном самолёте Блэка, и когда мы покидали Рим, не было никаких СМИ, вообще никаких.

«Кто-то дал им наводку, — пробормотал Блэк в моём сознании, крепче обнимая меня одной рукой. — Кто-то, кто наблюдал».

Чарльз. Чарльз нас ждал.

Возможно, именно он послужил причиной появления этих репортёров.

Блэк крепче прижал меня к своему боку.

«Возможно», — послал он загадочно.

Помимо него я знала лишь одну возможную кандидатуру.

Прежде чем мой разум успел углубиться в эти мысли, Блэк омыл меня теплом из своего живого света видящего, окутал меня собой, уютно прижал к себе.

«Мири, не волнуйся, милая. Мои люди занимаются этим, — он поцеловал меня в висок. — Давай просто зайдём внутрь. Они ждут нас наверху».

Я кивнула, но так и не отвела взгляда от толпы.

Репортёры собрались по обе стороны двух рядов охранников из «Охраны и Расследований Блэка», которые уже образовали узкий коридор между дверцей лимузина и стеклянными дверьми здания Блэка. Я смотрела, как мускулистые мужчины и несколько женщин умело используют свои тела и руки, чтобы отодвинуть дальше две половины толпы и расширить проход.

Я узнала некоторых членов команды охраны, и минимум двое из них были видящими. Они, видимо, надели контактные линзы, потому что я помнила настоящий цвет их глаз, и это был не тускло-карий и не бледно-ореховый, как прямо сейчас.

Каждый член команды носил чёрную футболку и черные брюки. На их спинах красовался логотип компании Блэка с белыми буквами.

Переведя взгляд на саму толпу, я просканировала репортёров, собравшихся по обе стороны этого расчищенного прохода, заметив высококачественные видеокамеры, микрофоны, цифровые диктофоны и смартфоны, которые они поднимали вверх, глядя на меня и Блэка.

Среди репортёров кое-где виднелись восхищённые лица, принадлежавшие, наверное, туристам, случайно оказавшимся в центре, офисным сотрудникам, работавшим неподалёку, а также кучке поклонниц и фанаток Блэка, скорее всего, входивших в две предыдущие группы. Как минимум некоторые из них должны были осознать, что означала толпа репортёров, как только они связали их появление с адресом здания.

Как обычно, восемьдесят процентов фанаток составляли молодые женщины.

Здание Блэка сделалось относительно известным с тех самых пор, как он по-настоящему стал знаменитостью — это началось примерно тогда, когда мы поехали в Нью-Йорк, и он больше года маячил на ток-шоу и обложках журналов. А то, что последний год Блэк провел в бегах от закона, скрывался от Пентагона — это только добавило ему скандальной известности и сделало более привлекательным в глазах многих женщин.

Блэк, посмеиваясь, рассказывал мне, что здание на Калифорния-стрит теперь даже включено в некоторые автобусные экскурсии по Сан-Франциско.

В отличие от фанаток, женщины-репортёры стояли в передних рядах за самой охраной, одетые в деловые костюмы. Их волосы были идеально уложены, а на лице присутствовало больше макияжа, чем на большинстве жительниц Сан-Франциско, где бы они ни работали. Большинство этих женщин держали микрофоны, которые выглядели чрезмерно большими и как будто устаревшими.

Блэк уже направлял меня по проходу, разделявшему толпу.

Я невольно наблюдала за глазами, которые следили за нами — особенно за ним.

Люди всегда пялились на Блэка.

Женщины пялились на него, но и мужчины тоже.

И не только потому, что он поразительно красив.

Блэк откровенно не способен сливаться с толпой. Что-то в нем просто не сочеталось с обычным человеческим обществом.

К тому времени я встречала слишком много видящих, чтобы списывать всё на его расу.

Наблюдая за его приближением, они не замолчали, но как будто сделались более внимательными, меньше отвлекались на остальную толпу. Присутствие Блэка одновременно манило их ближе к нам и напротив, заставляло держаться на расстоянии.

Однако как только мы отошли от машины, как минимум репортёры стряхнули с себя эту животную реакцию на свет Блэка. Как только это произошло, они тут же стали ломиться через охранников и начали выкрикивать вопросы нам обоим. Я смотрела на них, слегка хмурясь и наблюдая, как они прыгают, поднимают руки и всячески тянутся поверх мускулистых плеч и рук сотрудников Блэка.

— Где ты был, Квентин? — выкрикнул мужчина в коричневом блейзере.

— Мириам! — закричал мне другой репортёр. — Мириам! Эти слухи — правда? Ты жена Квентина? Вы двое поженились? Скажите нам правду, доктор Фокс!

— Вы вдвоём только что вернулись из медового месяца?

— Где вы были, мистер Блэк?

— Что насчёт ваших проблем с законом, мистер Блэк? Прокомментируете то, как были сняты обвинения? Это из-за ваших связей в Пентагоне?

Один голос заглушил все остальные, заставив меня оторвать взгляд от мужчины в жёлтом галстуке, который спросил меня о том, стала ли я женой Блэка. Мой взгляд сместился к другой стороне расчищенного прохода.

— Мистер Блэк! — в этот раз женщина, одна из репортёрш с укладкой и большим микрофоном. Она протиснулась сквозь толкавшихся журналистов, устремляя своё тело вперёд как оружие. — У вас есть заявление относительно террористических атак? Или ответ Белому Дому?

Я смотрела, как она проталкивается ближе к краю.

— ...Вы поддерживаете новую политику? — закричала она громче, пока мы продолжали идти. — Вы поддерживаете движение Новой Чистоты, мистер Блэк?

Я сглотнула, осознав её слова.

Движение Новой Чистоты.

Одно лишь название вызывало у меня тошноту.

— Мистер Блэк! — выкрикнул другой репортёр с той же стороны, в этот раз мужчина. — Как вы обелили своё имя? Вы в курсе, что некоторые требуют нового расследования убийств в Вирджинии? Как вы перестали быть главным подозреваемым?

— Мириам! — выкрикнул мужской голос. — Что вы чувствуете по поводу того, что вашего спутника окрестили террористом? Вы вышли замуж за убийцу, Мириам?

— Мистер Блэк! — завопил другой голос. — Как вы отреагируете на теории заговора, касающиеся вас и вашей организации? Вы знаете, что вас называют частью теневого правительства? Они говорят, что вы возглавляете отряд наёмников-карателей, работающих на предателей внутри нашего военно-промышленного комплекса. Что скажете?

Я почувствовала, что Блэк напрягся в ответ на последний вопрос, но он не повернул голову.

Сжав его руку, обвивавшую мою талию, я послала ему импульс света, пытаюсь отвлечь от толпы репортёров, всё ещё оравших на него.

Я понимала, что это не особенно сработало.

Всё уже ощущалось иначе.

Я чувствовала это всюду вокруг себя, словно мы каким-то образом проткнули мыльный пузырь, когда просто въехали на территорию Соединённых Штатов. Я ощутила это даже в самолёте, как только мы вошли в воздушное пространство США. Теперь, когда мы приземлились и даже вышли из машины, это чувство ударило по мне с физической силой.

Теперь мы в мире моего дяди.

Я даже пока не уверена, что это значило.

Однако я ощущала разницу. Я не могла даже по-настоящему ощущать это место своим домом. Этот город казался совершенно иным Сан-Франциско.

«Он действительно сделал это? — спросила я у Блэка. — Как он мог так быстро всё изменить?»

«Конструкции, — разум Блэка прозвучал жёстко, остро, отражая все те эмоции, которые он усилием воли не показывал на лице. — Он изменяет Барьерное поле над всем чёртовым континентом Соединённых Штатов. Это влияет на всех них, в той или иной степени».

Взглянув на меня, он поджал губы.

Всмотревшись в выражение моего лица, он крепче прижал меня к своему боку.

«Эй... всё хорошо, док. Мы знали об этом. И у нас будет некоторая защита от самого худшего, как только мы войдём внутрь. Я поручил видящим поработать над щитами вокруг этого места и нескольких других локаций, как только они вернулись из Таиланда».

Я могла лишь покачать головой, хмурясь от неверия.

Конструкция — не единственное, что меня беспокоило.

Сложно было не воспринимать вопросы некоторых репортёров как угрозы.

А также сложно было не слышать, что эта угроза исходит прямоком от дяди Чарльза.

«Ага, — пробормотал Блэк в моём сознании. — Как минимум, это послание».

«Почему здесь это настолько сильнее? — послала я, всё ещё реагируя на ощущение толпы, на разницу в свете вокруг меня. — В Европе всё ощущалось не так».

Блэк наградил меня мрачным взглядом. *«Он начинает здесь. Это будет распространяться».*

Я ощутила, как мои челюсти сжались ещё сильнее.

Я подумывала вновь надавить на него, но лишь кивнула.

Мы провели в Европе больше двух месяцев, ища Брика и его вампирских последователей. Вопреки моей одержимости новостными программами и нашему почти постоянному контакту с командой в Сан-Франциско, у меня всё равно складывалось ощущение, что я не в курсе происходящего в Соединённых Штатах.

В Европе мы сосредоточились на других вещах.

Мы неделями следовали за неясными и противоречивыми отчётами разведки и предположительными появлениями Брика и его вампирского клана. Эти отчёты заставляли нас зигзагами носиться по всей Европе, проводя дни и даже целые недели в Риме, Берлине, Будапеште, Праге, Париже, Лондоне.

Мы отслеживали псевдонимы, которые, по нашим сведениям, Брик мог использовать в аэропортах и вокзалах половины Восточной и Западной Европы.

По моим ощущениям, мы не приблизились ни на йоту.

Только мы начинали исследовать город, посылали людей Блэка, чтобы те помогли отследить различные зацепки, как мы тут же получали доклад, что Брика только что заметили в другой стране или другом городе, или же мы узнавали, что изначальная наводка или доклад оказывались ложными.

Большая часть видеосъёмки, к которой нам удалось получить доступ, была размытой или слишком далёкой, чтобы мы могли с уверенностью подтвердить его личность. Преимущественно мы искали самого Брика, но также других членов его

«ковена», в особенности Дориана — самого легко узнаваемого из его вампиров, а также того, который никогда не оставлял Брика надолго.

Я осматривала тела в моргах, которые определённо выглядели так, словно их убил вампир.

В нескольких посещённых нами городах, особенно в Будапеште и Париже, наблюдался всплеск нераскрытых и как будто беспорядочных убийств на улицах, но мы так и не выяснили, имели ли к ним какое-то отношение Брик и его люди.

Вампиры в целом чертовски хорошо избегали камер видеонаблюдения. Более того, мы понятия не имели, сколько вампиров существовало в мире, а потому никак нельзя привязать вспышки убийств и смертей именно к Брику и его друзьям.

Конечно, плевать я хотела на самого Брика.

Мне безразличны погибшие люди.

Мне безразлично, что их убили вампиры.

Однако я не искала конкретно вампирского короля, и не считала, что он был чем-то хуже большинства вампиров, когда дело касалось мёртвых тел, оставленных на улицах.

По словам Блэка, Брик был довольно осторожен в том, что касалось убийства его жертв для пропитания. Похоже, Блэк считал, что Брик по возможности оставлял их в живых — как минимум для того, чтобы его сущность не раскрыли, и не возникло проблем с человеческими правоохранительными органами.

Интересная информация, конечно, и это могло когда-нибудь пригодиться, но сейчас это не помогало мне добиться желаемого. И не помогало, пока мы находились в Европе. Из-за этого вампирского короля лишь становилось сложнее выследить.

Для меня Брик служил лишь средством достижения конечной цели.

На самом деле я искала вовсе не Брика.

Я искала Ника Танаку, одного из своих самых давних друзей.

Одна лишь мысль о том, что мы не нашли ни единого следа, ни единого намёка на то, что он вообще жив, не говоря уж о том, похитили ли его Брик и вампиры, вызывала у меня тошноту всякий раз, когда я позволяла себе подумать об этом дольше нескольких секунд.

К тому времени я беспокоилась о нем так сильно, что едва могла спать.

Пока мы были в Европе, Блэк часто просыпался посреди ночи и обнаруживал, что я хожу туда-сюда по нашему номеру отеля, смотрю в тёмные окна — а ещё чаще он просыпался и видел записку на пустой кровати. После примерно часа лежания и изучения потолка я обычно сдавалась и сама отправлялась на поиски Ника, ходя по ночным улицам с пистолетом под пальто, простирая свой экстрасенсорный свет во все стороны.

Конечно, моё экстрасенсорное зрение было практически бесполезным в поисках Брика, потому что видящие не могли почувствовать вампиров.

Однако я вынуждена была надеяться, что почувствую Ника, если он окажется поблизости.

Что касается Брика и его дружков, я могла лишь искать пустые места в экстрасенсорном пространстве, которые могли указывать на их присутствие, или же искать признаки эмоциональных терзаний у людей — всё, что могло косвенно указывать на охотящегося вампира поблизости.

Если Блэк просыпался до моего возвращения, он устраивал мне разнос за то, что я не взяла его с собой.

Каждый раз я обещала ему, что в следующий раз позову его с собой.

И всё же в следующий раз я не могла заставить себя разбудить его, как и не могла остановить себя от поисков Ника — по крайней мере, в те ночи, когда я не теряла сознание от усталости.

О чём я не хотела думать, и о чём не говорил Блэк (по крайней мере, со мной), так это о том, как высока вероятность, что Ник мёртв.

Серьёзно, к этому времени гибель Ника — это наиболее вероятный сценарий.

Если Брик похитил Ника с тайского острова Мангаан, где мы их в последний раз видели, то вампирский король не сделал бы это просто так.

Он сделал бы это, рассчитывая чего-то добиться.

Что бы там ни было, он уже затребовал бы этого.

Ник числился пропавшим почти три месяца.

Три чёртовых месяца, а у нас не было ни единой зацепки.

Ник должен быть мёртв.

Бл*дь, да я сама себе морочила голову, говоря, что он всё ещё может быть жив.

Блэк крепче обнял меня рукой, вжимая в свой бок.

Нам улыбнулся другой охранник Блэка из числа регулярной охраны лобби, одетый в дорогой деловой костюм. Склонив голову, он сжал ручку стеклянной двери справа от нас и распахнул её, когда мы подошли ближе.

Мы прошли внутрь, и Блэк прибавил шаг, кивнув охраннику. Как только мы полностью зашли в здание, я услышала, как дверь за нами закрылась — в тот же момент, когда я ступила на чёрно-белый гранит, украшавший пол лобби высотой в четыре этажа.

Пространство вокруг нас мгновенно изменилось.

Я ощутила, как Блэк сделал вдох.

Что-то в его теле, свете и руке расслабилось. Я сделала вдох сразу же после него, затем постепенно подстроила своё дыхание и сердечный ритм под него. Печаль, которая возникла во мне при мысли о Нике, не уменьшилась. Если уж на то пошло, стало только хуже, но это чувство во мне как будто смягчилось.

Возвращение вызывало у меня странные чувства.

Лобби здания Блэка выглядело и ощущалось в точности таким, каким я его помнила, отчего контраст с наружным миром становился ещё более поразительным.

Ощущение нереальности усиливалось по мере того, как мы продолжали идти, пересекая каменные полы и минуя основные лифты, чтобы добраться до его личного лифта.

Я пристально уставилась, когда мы миновали фонтан-водопад с медной скульптурой, которая выдавалась из стены, украшенная висячими кристаллами, мерцавшими бледными разноцветными огоньками. Совсем как мне помнилось, другие предметы настоящего искусства украшали лобби, висели на стенах, делая это здание больше похожим на музей, чем на обычный бизнес-комплекс.

Мы не проделали и половины пути по гранитному полу, когда к нам подошли ещё два представителя команды Блэка. Я смотрела вниз, заново знакомясь с полом в виде детальной шахматной доски и направляясь к личному лифту Блэка, когда охранники встали прямо перед нами, заставив нас резко остановиться.

Я слушала вполуха, пока Блэк обсуждал с ними некоторые меры безопасности, включая новые ключи доступа для нас обоих, сканеры отпечатков пальцев перед его апартаментами в пентхаусе, а также новый код безопасности, который мы с Блэком могли поменять, как только поднимемся наверх.

Только когда он проговорил с ними несколько минут, я осознала, что они оба видящие. Оба мне не знакомы; видимо, Ярли в наше отсутствие активно набирала кадры из беженцев, которых мы приютили.

— Недавно у нас было несколько попыток проникновения, — сказала одна из них Блэку, высокая женщина со светлыми глазами.

Сложно сказать, какого цвета их глаза на самом деле, поскольку они оба, похоже, носили цветные контактные линзы.

— ...Я знаю, что Декс хочет обсудить с вами как минимум одну из них, мистер Блэк, — вежливо добавила она. — У него также имеются кое-какие мысли о безопасности в целом, включая личных охранников для вас и вашей жены.

Она бросила на меня немного нервный взгляд, но дружелюбно улыбнулась в ответ на мою улыбку.

— ...Он хотел, чтобы я передала это вам, сэр. Он просил сказать вам, что он и Ковбой дадут вам более детальную информацию наверху.

— И они ждут нас в апартаментах? — спросил Блэк низким грубоватым голосом.

Она один раз кивнула, и этот кивок больше напоминал отдание чести.

— Ждут, сэр. И они знают, что вы оба приехали. Но они также пожелали, чтобы я передала вам — они с радостью подождут, если вы и ваша жена сначала захотите принять душ и переодеться. Мы можем прямо сейчас поднять вас на лифте.

В ответ на вскинутую бровь Блэка она поспешно добавила:

— ...Это только до тех пор, пока вам не представилась возможность ввести в систему сканы ваших сетчаток глаза. Мы можем сделать это сегодня же, когда захотите.

Блэк фыркнул, кивнув.

Когда они оба повернулись, сопровождая нас остаток пути до личного лифта Блэка, он покосился на меня, вскинув бровь.

— А они не тратили время даром, да? — пробормотала я.

Он снова фыркнул, в этот раз уже весело.

— А им бы задницы надрали, если бы они тратили его даром, — пробормотал он в ответ, целуя меня в щеку. — Только мне тут платят просто за то, что я хорошенький.

Когда я издала сдвленный смешок и заработала слегка удивлённый косой взгляд от двух видящих, Блэк крепче обнял меня одной рукой и послал такой разряд жара, что я прочувствовала его до самых ступней. Это заставило меня задрожать и крепче прижаться к нему. А ещё мне захотелось не только принять душ, когда мы поднимемся в пентхаус.

«С моей стороны никаких жалоб, док», — пробормотал Блэк, крепче обвивая меня своим светом.

Я ощутила, как мой свет полыхнул в ответ...

... что вызвало у меня адский прилив чувства вины, когда я подумала о Нике, и об Энджел наверху, которая ждёт от меня заверений, что с Ником всё хорошо.

В последнее время это случалось часто.

Я часто чувствовала себя виноватой.

Из всех сил постаравшись выбросить это из головы, я позволила взгляду расфокусироваться и уставиться на картины на стенах, на скульптуру с водопадом, на чёрно-белую гранитную плитку, на спины двух охранников, шагавших перед нами. Я уже чувствовала, что изменились далеко не только наши коды, несколько мер безопасности и коды лифтов.

Теперь, когда мы провели внутри несколько секунд, создавалось странное ощущение, словно всё здание изолировано. Это напомнило мне вход в посольства в зарубежных государствах во время войны, или даже в кое-какие тюрьмы строгого режима, которые я посещала, будучи судебным психологом. Здание определённо больше походило на такие места, чем на деловой и жилой комплекс в одном из самых дорогих объектов недвижимости в стране.

Однако я держала эти мысли при себе.

Я даже скрывала основную часть своих мыслей от Блэка — в основном потому, что я знала, как сильно он обо мне беспокоится.

Мы проследовали за видящими-охранниками до частного лифта, который находился в маленьком алькове слева от основных лифтов. Я наблюдала, как женщина-видящая наклоняется и активирует сканер сетчатки, как только мы вошли внутрь.

Двери лифта постепенно начали закрываться.

Как только это случилось, сложилось такое ощущение, будто мы уже оставили то другое Сан-Франциско позади.

Глава 2. Воссоединение

Больше часа спустя мы вошли в самый крупный конференц-зал Блэка, отделанный матовым стеклом. В этой комнате я ранее провела довольно много времени, но теперь едва узнавала её, и не только потому, что она переполнена людьми.

Я с некоторым изумлением смотрела на все эти лица и затылки, замечая множество экранов на стене над массивным столом для совещаний в индустриальном стиле, а также несколько пар глаз причудливого цвета и странно-инородных лиц среди толпы.

Блэк и я воспользовались их предложением сначала сходить в душ.

Пока мы были там, я прикладывала усилия, чтобы это не перетекло в нечто большее.

Блэк предложил это практически прямым текстом, но я сумела убедить себя, что сейчас это не лучшая идея, что мне нужно поговорить с Энджел, что мне нужно узнать новости от команды Блэка, что мне нужны новости по *Нику* — и это мне нужнее секса.

Теперь я уже не так уверена, что сделала правильный выбор.

Я чувствовала себя слишком отдалённой от Блэка, и в плане света, и в плане разума, чтобы обсуждать то, что по моим подозрениям мы собирались обсуждать.

Ощувив слабый импульс от самого Блэка, я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как он выразительно вскидывает бровь — жест, который у него означал что-то вроде «я же тебе говорил». Слегка закатив глаза, я пихнула его плечом, и он обнял меня за плечи, улыбаясь.

«Я могу куда выразительнее донести послы «я же тебе говорил», док, — пробормотал он в моём сознании. — Между прочим, решительно настроен продемонстрировать это тебе сегодня же, только попозже, если ты вдруг забыла».

Легонько щёлкнув языком, я посмотрела влево как раз вовремя, чтобы увидеть, как в комнату входит другая видящая вместе с человеком. Оба лица оказались знакомыми — такими знакомыми, что я слегка подпрыгнула и уставилась на них.

— Привет, — протянула я, и мой взгляд упал к их сцепленным рукам. — Что-то новенькое.

Мэнни расхохотался и посмотрел на Ярли, которую он держал за руку.

— Не такое уж новенькое, Мириам. Ты просто немножко отстала от жизни, — уголок его губ приподнялся. — О, и... деликатно, между прочим. Я так понимаю, твой большой мозг мозгоправа намного обгоняет нас, простых смертных, когда дело касается навыков наблюдения. И допроса.

Блэк заржал в голос.

Я почувствовала, как к лицу приливает жар.

— Прости. Никто мне не сказал.

Ярли шутливо-укоризненно щёлкнула языком, отпустив руку Мэнни. Подойдя прямоком ко мне, высокая видящая — которая, как я всегда считала, походила на модель с подиума — тепло обняла меня и крепко прижала к груди.

— Мы тоже рады тебя видеть, Мири, — сказала она, улыбаясь и целуя меня в щеку. Отпустив меня, как только я почувствовала импульс лёгкого раздражения от Блэка, она повернулась и обняла самого Блэка. — Тебя я тоже рада видеть, брат. Сильнее, чем могу выразить словами.

Блэк выглядел слегка опешившим.

Он обнял видящую в ответ, выражение его лица сменилось с недоумения до почти растроганного вида.

Когда Ярли отпустила его, Блэк улыбнулся ей по-настоящему.

Эта улыбка выглядела искренней.

— Я слышал, что мне за многое нужно поблагодарить тебя за время моего отсутствия, сестра, — пробормотал он. — Тебя и остальную часть твоей команды. Мне не терпится услышать всё в деталях.

Я взглянула на Блэка, вскинув бровь.

Это было... запредельно официально по его меркам.

Я вынуждена была предположить, что это фишка видящих — может, просто базовая вежливость видящих, а может, это также как-то связано с её возрастом. Блэк говорил, что видящие вроде как замораживаются с возрастом и уважением к старшим, а она предположительно на несколько сотен лет старше него... вопреки тому, что она выглядела на тридцать с небольшим, а он был её начальником.

Отвернувшись от Ярли, Блэк повернулся и крепко обнял Мэнни, грубовато похлопав индейца по спине.

— Выглядишь стариком, Мануэлито, — парировал он, шутливо нахмурившись и отпустив его. — Ты меня напугать пытаешься?

— Ага, — проворчал Мэнни, покосившись на Ярли. — Ну, маловероятно, что положение дел улучшится, брат. Я продолжаю твердить ей это, но она не слушает.

Ярли ткнула его под ребра, улыбаясь.

В этой улыбке было столько мягкости, что я невольно тоже заулыбалась, глядя на этих двоих вместе.

Они оба выглядели влюблёнными по уши.

Затем я увидела, как Мэнни окидывает меня повторным чуть прищуренным взглядом, как будто изучая. Он вроде собирался заговорить, затем взглянул на Блэка, наградил его не самым деликатным и явно предостерегающим взглядом, а также едва уловимым качанием головы.

Я не спрашивала.

Я всё равно более-менее знала.

Я знала, что Блэк уже какое-то время улавливал от меня некоторые вещи — практически с тех самых пор, как мы покинули Европу. Он пока что ничего не говорил мне прямым текстом, но я время от времени ощущала это в его свете.

Я знала, что он беспокоится обо мне.

Я знала это и ощущала лёгкое чувство вины... я просто не знала, что ему сказать, чтобы он почувствовал себя лучше. Я не знала, что именно со мной не так. По правде говоря, я сомневалась, что знала больше него, учитывая, как пристально он следил за моим светом.

Я всё время ощущала тошноту.

Я ощущала тошноту, я не спала, я с трудом могла сосредоточиться.

Боль становилась хуже, и во многом она не походила на сексуальную боль или что-то связанное с Блэком.

Я знала, что это как-то относится к Нику.

Я не знала, что именно, помимо беспокойства за него и тяжёлого ужаса от того, что какая-то часть меня уже знала, куда приведёт его след. Я знала, что большая часть меня ещё не готова посмотреть этому в глаза, и тем более принять это. И Блэк знал это на каком-то уровне.

Моя неспособность разобраться с этим или, честно говоря, посмотреть в лицо реальности — наверное, одна из причин, по которой он не принуждал меня к разговору.

Я приходила в ужас от того, что какая-то часть меня уже знала — Ник мёртв.

Я ужасалась тому, что видящая во мне каким-то образом уже знала это *наверняка*, а не просто как статистическую вероятность.

Я была в ужасе, потому что в некоторые ночи, пока я лежала и смотрела в потолки незнакомых номеров отеля, смерть Ника была единственным, что казалось мне логичным.

Единственным, что хоть отдалённо казалось правдивым.

Я знала, что Мэнни, наверное, увидел на моём лице что-то, зеркально вторившее тому, что Блэк ощущал и видел в моём свете. Мы вчетвером всё ещё стояли там, Мэнни слегка хмурился, словно ещё не принял решение — как вдруг с другой стороны меня обняли руки и стиснули меня в крепком объятии.

Я ощутила аромат знакомого парфюма, узнала сами руки, и ещё не успев осознать свои действия, я развернулась и обняла Энджел в ответ так крепко, что сама не могла дышать.

Она хотела поехать с нами.

Она так сильно хотела поехать с нами.

После Нью-Йорка это была самая сильная ссора между ней и Блэком.

Думаю, я большую часть их спора пробыла в каком-то оцепенении — к сожалению, это случилось сразу после того, как я по-настоящему осознала пропажу Ника и поняла, что Брик не заявится внезапно, и не скажет, что по какой-то бредовой причине решил увезти Ника на Пхукет, и не вернёт его живого и здорового в течение часа.

Эта иллюзия разлетелась вдребезги к тому времени, когда Энджел сцепилась с Блэком по поводу того, кому стоит ехать с нами в Европу.

В то время мне было всё равно, кто поедет.

Я просто хотела поехать.

У Блэка имелось весомое мнение.

Как минимум, более чёткие представления.

Он считал, что лучший вариант — это маленькая группа. Он считал, что лучше иметь меньше людей, которых Брик может узнать или попытаться использовать против меня и него. Он решил, что раз вампиры забрали Ника, то это делалось ради какого-то рычага давления или выкупа. Он не хотел давать Брику больше возможностей надавить на нас.

Он также решил, что Брик, как и мы, поручил своим людям наблюдать за аэропортами.

Он не хотел облегчать Брику задачу по нашему отслеживанию.

По этим причинам, и наверное, по каким-то другим, он не хотел, чтобы из нашей основной группы ехал кто-то, помимо нас двоих. Это включало Энджел, Ковбоя, Декса и Кико. Это также включало Джема, Ярли, Холо, Джакса, Мику, большинство индейцев и Джори, одного из видящих, который изначально работал на моего дядю, но с тех пор перебрался в наш лагерь.

Брик знал их всех.

Дориан, его молчаливый прихвостень-социопат, который выглядел то как технарь-предприниматель, то как скандинавский лорд, тоже знал их всех.

Так что Энджел не могла поехать.

Она орала на Блэка, обвиняла его в иррациональных вещах, но он не поддавался. Он сказал ей возвращаться в Сан-Франциско, иначе она уволена — а в таком случае ей всё равно ехать в Сан-Франциско, где она жила до того, как он её нанял. О, и ещё ей придётся жить в здании на Калифорния-стрит, добавил он, потому что он ни за что на свете не позволит ей жить самой по себе, в месте без полноценной защиты видящих и людей, то есть людей, которые работали прямо на него... и всё равно Ковбой будет жить в здании на Калифорния-стрит, так что она может просто жить с ним вне зависимости от того, уволит ли Блэк её за то, что она иррациональная заноза в заднице, которая не следует приказам, или нет.

По правде говоря, я удивилась, как она ему не врезала.

Что бы она ни чувствовала в то время, сейчас она не казалась сердитой.

Когда она обняла меня, я ощущала в Энджел лишь печаль.

Я также ощущала её необходимость побыть с тем, кто полностью понимал эту печаль. Я чувствовала её желание остаться со мной наедине, чтобы мы сумели поговорить о том, что делать. Конечно, это вело к целой куче вещей, о которых я не хотела думать.

Нам нужно поговорить о родителях Ника.

Нам нужно поговорить о том, что им сказать, а также что сказать остальной семье Ника. Нам нужно решить, *когда* поговорить с ними, как много им рассказать, и когда наступит момент, когда мы будем просто обязаны сказать им что-то. Мы с Энджел обе довольно близко общались с семьёй Ника. Мы проводили с ними Рождество. Мы встречали с ними День Благодарения.

Мы праздновали с ними дни рождения, День Независимости и Хэллоуин.

Энджел выросла с Ником, практически по соседству, так что её семья близко общалась с семьёй Ника. Их матери дружили.

Однако сейчас я не могла думать обо всём этом.

Для всего этого мне нужно остаться наедине с Энджел.

И прежде чем мы сможем это сделать, нам понадобится немало алкоголя.

Пока что я заставила себя отпустить её.

Сжав её руки, я отстранилась из объятия и посмотрела ей в лицо, до боли стиснув зубы.

— Сегодня вечером, ладно? — произнесла я грубовато. Я слегка встряхнула её, посылая ей столько любви и теплоты, сколько могла, не утратив контроль. — Сегодня вечером.

Энджел поняла.

В её глазах сверкнули слёзы, но она смахнула их, не пытаясь высвободиться из моей хватки. Кивнув, она шмыгнула носом, затем ещё раз кивнула.

Пока она делала это, я покосилась поверх её плеча на Ковбоя. Я увидела, что он с обеспокоенным лицом наблюдает за нами, и особенно за Энджел.

По его лицу я понимала, что это беспокойство отнюдь не ново.

Более того, оно чересчур напоминало мне выражение, которое я в последнее время часто видела на лице Блэка — практически всякий раз, когда он думал, что я не смотрю на него.

Вытолкнув это из головы, я усилием воли отвернулась от Энджел и изо всех сил постаралась переключиться на остальных присутствовавших в комнате.

Теперь многие наблюдали за нами, и за мной в особенности.

Я чувствовала, что Блэк тоже наблюдает за мной, и теперь уже знакомое беспокойство буквально сочится из его кожи. В этот самый момент я увидела, как Ковбой и Блэк переглянулись, затем посмотрели обратно на нас с Энджел.

Я подумала, что возможно, не только мы с Энджел будем пить сегодня вечером.

Подумав об этом, я увидела, что Кико смотрит на меня.

Увидев, что я заметила её взгляд, она сглотнула, покраснела и тут же отвернулась. Я ощущала в ней чувство вины, а также прилив столь интенсивной печали, что мои глаза невольно закрылись. Я знала, что они с Ником были близки, хотя и не знала, насколько. Я также знала, что Ник хотел большего, то есть не только дружбы, но она ему отказала.

Вместо этого она начала спать с Джемом.

Ник узнал об этом, когда Кико и темноволосый, нечеловечески красивый видящий начали целоваться прямо перед ним.

Мне так и не представилось возможности поговорить с Ником об этом.

Мне так и не представилось возможности обсудить с Ником хоть что-то из всей этой ситуации.

Энджел была там, когда это случилось. Она сказала, что Нику как будто под дых дали. Она также сказала, что пыталась разговорить его, пока они шли по джунглям вместе со спасательным отрядом, но Ник такой Ник, и как обычно от неё отмахнулся.

Он явно дал понять, что не хочет говорить об этом, но кроме того Ник сказал ей — он знал, что Кико в нем не заинтересована, и это не проблема. Он пробормотал что-то про то, что Кико несколько раз говорила, как он «напоминает ей брата», так что он не слишком удивился, когда она ему отказала.

Энджел в это не поверила.

По правде говоря, я тоже не верила.

Знать что-то и по-настоящему *знать* — это две разные вещи, а Энджел знала Ника лучше всех. Если она считала, что Ник далеко не «в порядке» от всей этой ситуации, хоть и притворялся, то я склонна ей верить.

В любом случае, теперь всё это не имело значения.

Однако это не мешало мне ощущать иррациональную волну злости в адрес Кико.

Ник был одним из самых хороших людей, что я знала.

Он был очаровательным, красивым, спортивным, и у него было в избытке того, что любят женщины, что делает мужчин привлекательными. За всё время нашего знакомства с Ником, женщины постоянно подходили к нему в барах, кофейнях, на пляже, иногда даже на улицах. Он был одним из немногих мужчин в моём окружении, которых постоянно пытались склеить совершенно незнакомые женщины. Может, он и не дотягивал до уровня *Блэка* в плане того, сколько привлекательных женщин предлагало ему секс, но он всё равно мог считать себя удачливее 80-90% знакомых мне мужчин.

А ещё он был склонен выбирать женщин, которые им не интересовались.

Он также ждал слишком долго, чтобы подойти к заинтересованным женщинам, словно он набирался храбрости сказать что-нибудь, пока они не связывались с кем-то другим.

И да, это иронично, учитывая, сколько женщин сами вешались на Ника.

Когда он сам не заинтересован, он мог быть чертовски очаровательным, смешным, милым. Он мог даже быть загадочным-сексуальным-альфой на мотоцикле или в студии боевых искусств или с доской для сёрфинга под мышкой. Он был внимательным, добрым, хорошим слушателем. Он был ветераном, награждённым медалями, и детективом отдела убийств. Он имел больше черных поясов, чем все мои знакомые — за исключением *Блэка* и, может быть, Кико. И он с самых старших классов выигрывал соревнования по сёрфингу. Он не морочил голову, не врал о своих намерениях, и хоть я ни разу не спала с ним, по рассказам Энджел у меня сложилось впечатление, что никто не жаловался на него в этом плане.

У Ника никогда не было проблем с *женщинами*.

И только когда он испытывал серьёзные чувства, он как будто терял хватку каждый чёртов раз. Он просто не мог собраться, когда это действительно было для него важно.

Об этом я тоже не могла думать.

Я знала, что на самом деле злюсь не на Кико.

— Эй, док, — я повернула голову и увидела, что *Блэк* смотрит на меня мягким взглядом золотых глаз. — Ты готова? Мне нужно начинать.

Только тогда я осознала, что просто стою, уставившись в пространство.

Я почувствовала, что краснею — и не столько из-за этого. Скорее потому, что каждый видящий в комнате наверняка услышал всё, о чем я только что думала. Включая *Блэка*.

Кивнув, я подошла к столу и выдвинула стул.

Я чувствовала себя почти роботом, занимая своё место. Я даже не обратила внимания на то, куда сажусь, так что очутилась практически за противоположной частью стола от всех видящих и людей, которых я знала.

Подняв голову, я осознала, что сижу между *Эй-Джеем* и *Люс*, двумя сотрудниками *Блэка*, которых я знала лишь мельком. С *Эй-Джеем* мне доводилось поговорить несколько раз, а *Люс* знала только потому, что она отличалась такой выделяющейся внешностью, и потому что она получила повышение в компании *Блэка* после того, как *Элис* погибла в Таиланде.

Люс была невысокой, где-то 152-154 см, но она была одной из самых мускулистых женщин, что я встречала в своей жизни. Обладая наполовину филиппинскими корнями, а на другую половину — европейскими, или ближневосточными или южно-азиатскими, она

выделялась смуглой кожей, широким лицом со светлыми веснушками и темными миндалевидными глазами. Свои короткие волосы она осветляла до платинового блонда, а её руки покрывали татуировки с цветами.

А по выходным, если верить Энджел, она полупрофессионально занималась боксом.

Я знала, что она также уделяла время смешанным боевым искусствам и боям без правил.

Так что да, Люс была крутой.

А ещё она была, пожалуй, самой дружелюбной и улыбчивой из всех сотрудников команды Блэка в Сан-Франциско. Даже сейчас, взглянув на неё, я не увидела в её больших темных глазах ничего, кроме сочувствия. Я всё ещё смотрела на неё, когда она крепко обняла меня одной рукой.

Я осознала, что прислоняюсь к ней своим светом ещё до того, как приняла сознательное решение.

Я только-только сделала глубокий вдох, когда Блэк заговорил во главе стола.

— Я знаю, наша повестка дня забита под завязку, — сказал он. — Я знаю, у многих из вас есть вопросы о том, что мы нашли и не нашли в Европе. Я знаю, что обеим сторонам нужно ввести друг друга в курс дела по проблеме с Ником Танака и обсудить следующие шаги. Но перед всем этим я хочу поговорить о Чарльзе.

Когда я подняла взгляд, он смотрел на меня.

Просто по шёпоту его света я понимала, что он жалел, что я не села рядом с ним. В то же время я чувствовала — он испытывает благодарность, что вместо этого я села рядом с Люс.

Я также чувствовала, как его желание защищать связывается с этой более глубокой и тёмной частью его света, превращается в желание утащить меня обратно в наш пентхаус и провести со мной остаток дня, трахая и утешая меня — может, одновременно, а может, по очереди.

Он отвёл взгляд своих золотых глаз в сторону.

Я заметила, что его щёки слегка порозовели, но выражение лица не дрогнуло.

— ...Предельно ясно, что он недоволен тем, как мы здесь устроились, — произнёс Блэк ворчливым тоном. — Также предельно ясно, что он кормит новостные передачи историями обо мне — скорее всего, на случай, если придётся открыто меня устранить. Вероятно, он сначала попытается дискредитировать меня, нацелится на мои активы. Но я не думаю, что нам стоит сбрасывать со счетов более отчаянные меры, на которые он может пойти. Из-за Мири я не думаю, что он убьёт меня. Более вероятно, что он засунет меня в тюрьму... а может, просто депортирует.

Он бросил на меня мрачный взгляд.

Я видела в его глазах слегка виноватое выражение.

«Не будь нелепым, — мягко пожурела я его. — Тебе нет необходимости извиняться, Блэк. Поверь, я бы лучше провела день с тобой. Если ты думаешь, что я предпочла бы находиться здесь, говорить обо всём этом дерьме, то ты из ума выжил. Я люблю своих друзей, но Иисусе. Нет. Просто... нет».

Часть напряжения сошла с его лица.

Я ощутила в нём проблеск сожаления перед тем, как он взглянул на Кико, Декса, Ярли и Мэнни.

После Таиланда они практически стали его руководящей командой.

Ну, они и Даледжем.

— Итак? — произнёс Блэк всё ещё ворчливо, но теперь сильнее переплетая свой свет с моим. — Мы не могли следить за всем этим из Европы, не так детально. У вас есть доклад по этому дерьму с Движением Чистоты? И что он затевает в плане политики теперь, когда конструкция над Соединёнными Штатами более-менее установлена?

Воцарилось молчание.

Затем все, похоже, посмотрели на Ярли.

Они всё ещё смотрели на неё, когда дверь позади меня открылась, и я повернулась вместе со всеми.

Вошёл Даледжем, его лицо сохраняло решительное, но немного хмурое и отвлечённое выражение, его свет источал почти воинственность. Он выглядел так, будто находился в разгаре ситуации, от исхода которой зависела жизнь или смерть.

Он увидел меня и опешил, затем его взгляд метнулся к Блэку, сидевшему за другим концом стола. Джем всё ещё казался мне худым после случившегося в Таиланде, и я заметила, что на его шее всё ещё виднелся заживающий порез или нечто подобное.

Однако он выглядел в миллион раз лучше, чем при нашей последней встрече, так что я невольно испустила облегчённый вздох, оценив его облик в целом.

Увидев это облегчение на моём лице, а может, почувствовав его в моём свете, он улыбнулся, и эта улыбка отразилась в его глазах. Преодолев расстояние до меня за два шага, он наклонился и крепко обнял меня на стуле, поцеловав в щеку. Не успела я сказать ни слова, как он мрачно заговорил в моём сознании.

«Ничего?» — послал он, всё ещё не отпуская меня.

Посмотрев ему в глаза, я подавила прилив боли, стиснувший грудь.

В итоге я лишь покачала головой.

Из света Джема выплеснулась боль, затем он наклонился поближе, ещё раз поцеловал и крепко обнял перед тем, как отпустить. Я ощущала в нём печаль, но в то же время чувство вины, раздражение и злость, которая не имела ко мне никакого отношения.

Зато она относилась к Нику.

Пока Джем обходил стол и шёл к ближайшему свободному месту, до меня дошло, что он сам расстроен из-за Ника, а не только из солидарности со мной, Энджел и остальными, кто знал Ника.

Я невольно гадала, не связано ли это с Кико.

Задумчиво переводя взгляд между ним и Кико, я заметила, что их свет был довольно закрытым друг для друга. Как раз когда я подумала об этом, Кико покосилась в его сторону, притворяясь, что смотрит не на него. Я заметила, как она при этом слегка поджала губы.

Что бы ни происходило между ними, похоже, всё кончено.

И похоже, закончилось не лучшим образом.

Я всё ещё озадаченно наблюдала за Джемом, когда с другой стороны комнаты до меня донеслась иная реакция. Поскольку я не почувствовала в Джеме совершенно *ничего*, что намекало бы на секс даже в шутливой флиртующей манере (что по меркам видящих — скука смертная), я осознала, что выразительно вскидываю бровь и смотрю на Блэка.

«*Не в том дело*, — послал Блэк слегка раздражённо. Не похоже, чтобы это раздражение адресовалось мне. — *Это никак не связано с тобой*».

Я поджала губы, наградив его ещё более пристальным взглядом. «*Тогда что? Я думала, ты говорил, что Джем проделявает здесь невероятную работу. Ты говорил, что он и Ярли — самые компетентные видящие, с которыми тебе когда-либо доводилось работать, и тебе чертовски повезло заполучить их обоих...*»

«*Мы потом поговорим, хорошо?*»

Я поколебалась.

Когда он послал мне импульс жара, я нахмурилась.

«*Потом, док. Я обещаю. Сейчас не время*».

Ошутив его беспокойство, что Джем нас подслушает, хоть мы и говорили исключительно через структуру нашей связи, а также тот факт, что он не готов пока что говорить с Джемом на эту тему (что бы там ни было), я неохотно отступила.

«*Ладно*, — послала я. — *Но скоро*».

Прежде чем он успел ответить, дверь позади меня открылась во второй раз.

В этот раз вошли Холо, Джакс, Мика и ещё двое людей, заставив меня отвести взгляд от Джема и Блэка.

Холо, Джакс и Мика опешили, увидев меня. Они также каждый обняли меня, пока два новеньких держались в стороне. Я окинула этих двоих достаточно долгим взглядом, чтобы понять — они практически *обязаны* быть видящими, судя по их росту, почти азиатским чертам и странному цвету глаз.

Я улыбнулась им обоим.

Проследив за моим взглядом, Мика представила нас.

У женщины были почти черные глаза с белым ободком по наружному краю радужки. В её длинных тёмно-синих волосах виднелись черные и золотые пряди. Мика представила её под именем Киесса, и не думаю, что я раньше с ней встречалась. Имя определённо незнакомое. У мужчины был один серебристый глаз и один светло-голубой, черные волосы, европейская внешность.

Его звали Зайрей, и я смутно помнила его по команде новых рекрутов-разведчиков, которых Блэк и Джем тренировали на острове Мангаан.

— Ну все? — низко прорычал Блэк. — Теперь мы можем начинать?

Он выразительно посмотрел на свои наручные часы, затем на Мику, и поднял бровь.

Когда никто не сдвинулся с места, он добавил:

— Я рад всех видеть. На меня произвело огромное впечатление всё, что я видел и слышал о вашей работе, проделанной за время нашего отсутствия. Но мы находимся под огромным давлением, и время поджигает. Давайте сначала к делу, — фыркнув, он добавил: — Потом мы принесём сюда еду и обменяемся новостями... если вас всех к тому времени не начнёт от меня тошнить, чёрт подери.

Все умолкли и уставились на него, словно не до конца понимали, шутит он или нет.

Когда Блэк не пошевелился и не изменил выражение лица, они, похоже, приняли решение. Те немногие люди, что стояли на ногах, быстро нашли себе место за столом.

Как только все уселись и притихли, Блэк посмотрел на Ярли и Кико.

— Ладно, — сказал он, бросив на Джема беглый тёмный взгляд. — Теперь расскажите мне об этих психах-засранцах, борющихся за чистоту. Начните с самого начала.

Так они и сделали.

Глава 3. Все хотят править миром

— Он определённо вернулся в страну, — мрачно произнёс видящий. Он перевёл взгляд, посмотрев на босса в ответ. — Мы получаем кадры прямого эфира, если хотите увидеть.

Чарльз поколебался доли секунды, затем кивнул.

Ослабив галстук после собрания с Советом Национальной Безопасности, где он выступал как «информационный советник» Президента, он щёлкнул пальцами, в манере видящих показывая на самый крупный монитор в комнате с высокими потолками. Монитор стоял прямо напротив тёмно-синего кожаного дивана, за которым он сейчас стоял и на который опирался руками, когда видящий задал вопрос.

Пока Чарльз ждал, когда видящий исполнил указания, его мысли крутились вокруг последнего собрания.

Оно оставило его скорее раздражённым.

Однако это другие проблемы — проблемы, которые будет намного проще решить, если никто не вмешается. Проблемы куда более незамысловатые по сравнению с теми, которые имели отношение к его племяннице и её раздражающе непоколебимому мужу.

Президент Брэдфорд Риджент, может, не самого яркого ума даже по меркам большинства людей, с которыми встречался Чарльз, но им относительно легко манипулировать. Даже не приходится всецело полагаться на фокусы с *aleimi* или Барьерными конструкциями, чтобы подталкивать его к правильным решениям. Мотивы Риджента прямолинейны, как и его причины соглашаться с их планами почти во всём.

Сложнее было придерживаться его формата.

И заставлять его держать рот на замке.

Он, похоже, уже убедил себя, что всё это было его идеей. Он начинал действительно *верить* в пропаганду, которую команда Чарльза создала вокруг него, и забывать о своей настоящей роли. Чарльзу нужно напомнить хорошему Президенту истинный характер этой роли.

А также надо напомнить ему, как легко его можно заменить.

Возможно, Чарльзу придётся поподробнее объяснить, насколько эффективным может быть политическое убийство для укрепления поддержки масс.

Прищёлкнув языком от чёрного юмора в этой мысли, Чарльз расстегнул несколько верхних пуговиц рубашки и в этот раз выдохнул, искренне расслабившись.

В конце концов, Риджент был лишь временным инструментом.

Чарльзу нужно напоминать себе об этом и не психовать из-за ужимок мужчины или его мании величия.

Его выдернули из размышлений, когда на мониторе прямо перед ним показались кадры прямого эфира.

Поначалу звук отсутствовал.

Затем внезапно взревело голосовое сопровождение.

Крики и вопли репортёров заполнили зону отдыха, дополняясь шумом уличного движения на фоне, сигналами машин, взбудораженными разговорами пешеходов, когда те узнали здание и лицо Блэка, появившегося из лимузина.

Чарльз смотрел, как Мири выбирается из лимузина следом за ним. Она выглядела слишком худой и явно погруженной в свои мысли. Она как будто на автомате прошла к задней части лимузина и начала доставать их сумки. Однако она взялась лишь за первую, когда один из работников Блэка отстранил её, буквально выхватив ручки сумки из её рук, и с улыбкой наклонился к ней.

Второй агент безопасности позади него схватил два дизайнерских чемодана из багажника и поставил на обочину.

Слегка поджав губы, Мири наблюдала, как они работают, опустошая багажник.

Затем возле неё появился Блэк.

Чарльз ещё даже не начал читать Барьерное пространство, но он уже буквально *видел*, как из света высокого видящего исходит желание защитить.

Хмурясь про себя, Чарльз смотрел, как муж его племянницы обнимает её мускулистой рукой. Он окутал жену своим светом, практически окружил её своим телом. Мириам едва ли можно назвать слабой женщиной, но она с такой лёгкостью погружалась в свет и тело Блэка, что Чарльз нахмурился ещё сильнее.

Может, чтобы отвлечься от этих двоих, он сосредоточился на рядах охранников. На двух рядах мускулистых спин красовались футболки с логотипом компании Блэка. Охранники расставили руки, сдерживая толпу.

Большая часть работников была людьми, но Чарльз заметил минимум четверых видящих, стоящих плечом к плечу с червяками. Он знал, что на Блэка теперь работает намного больше видящих. Плохо уже то, что он заполучил того видящего из Адипана,

Даледжема... но он также заполучил четырёх других видящих с высокими рангами, у которых имелся опыт боевой работы под самим *Сайримном*.

На Блэка работали подчинённые *Меча*, твою ж мать.

Тот факт, что такие видящие подчиняются этому щенку, был бы совершенно нелепым, даже если бы этим видящим был не Блэк — незрелый, сексуально озабоченный, непостоянный в идеологическом плане, атеистический наёмник, окруживший себя червяками.

За одну ту видящую, Ярли, можно отдать золотые горы.

Даже не простирая свет, Чарльз чувствовал конструкцию, которую видящие Блэка сплели вокруг здания Блэка. Он невольно с некоторым раздражением заметил, что она была военного образца и явно обладала чертами Адипана, а также некоторыми чертами и связями, которые ему вообще не знакомы.

По правде говоря, он никогда не видел такой конструкции.

Он не сталкивался с таким даже на Старой Земле.

Он вынужден предполагать, что это тоже уроки Моста и Меча в действии.

Согласно отчётам, которые он получал (а они были далеко не такими детальными, как хотелось бы Чарльзу), этот бывший член Адипана, Даледжем, был основным архитектором конструкции, отсюда и её необычный дизайн. Разведчики Чарльза сообщили ему, что Даледжем представлял собой маловероятную кандидатуру для вербовки, что ещё сильнее раздражало Чарльза, и не только потому, что в итоге ему, возможно, придётся устранить этого видящего.

Чарльзу не нравилось убивать представителей собственного вида.

Ему не нравилось убивать своих даже по весомай причине.

От своих людей он слышал, что Даледжем, или «Джем», сумел выжить после того, что случилось с ним в Таиланде, хотя эти хищные люди джунглей обошлись с ним довольно сурово. Чертовски глупо со стороны Блэка рисковать своим самым высококвалифицированным оперативником ради двух практически бесполезных людей — всего-то человеческие *туристы*, которые оказались настолько глупы, чтобы потеряться в джунглях, а потом попасть в плен к этим чокнутым придуркам.

Для самого Чарльза оказалось весьма прискорбным, что Даледжем выжил.

Это решило бы хотя бы одну его проблему.

Хотя, если бы Чарльз был полностью честен сам с собой, он не прочь бы совершить ещё одну попытку вербовки — какими бы ни были прогнозы его разведчиков. Сумей он узнать о нем побольше, об его прошлом, может, об его религиозных верованиях — и тогда, возможно, он сумел бы найти подход.

У всех имелись слабые места.

Все чего-то хотели, всех что-то мотивировало.

Для многих видящих это была семья.

При этой мысли взгляд Чарльза вернулся к Блэку.

Он наблюдал за высоким темноволосым видящим, когда тот обнял Мири за талию, всё ещё заслоняя её физически и окутывая светом, и повёл к стеклянным дверям своего главного здания на Калифорния-стрит.

Его жена была с ним всё то время, что он провёл в Европе.

Ну, само собой. Блэк никогда бы не поехал без неё, какой бы риск это ни представляло для неё. Блэк уже не первый раз подставлял племянницу Чарльза под линию прямого огня всех ковенов вампиров.

Нахмурившись, Чарльз вновь перевёл взгляд на Мири.

Он не слишком приближался, по крайней мере, с его *aleimi*. Мири даже лучше Блэка всегда замечала, когда он читал её свет.

Однако он невольно напряжённо изучал её взглядом.

Ещё когда она впервые вышла из лимузина, он заметил, что она похудела.

Она потеряла слишком много веса.

Это остаточное влияние связи? Или существовала другая причина?

Видящий, стоявший над клавиатурой, обернулся к нему.

— Думаю, это максимально хороший кадр, который я сейчас могу получить, сэр, — виновато сказал он. — Они невероятно усложняют наблюдение за местом... эта камера сумела проскользнуть только потому, что репортёры уже присутствовали там.

— Когда они приехали? — спросил Чарльз. — В страну, имею в виду. Когда они приземлились?

— Они прилетели в аэропорт Сан-Франциско на одном из его частных самолётов чуть больше часа назад. Практически одни, насколько мы можем судить — только он и его жена, а также команда из четырёх человек. Команда, которая сопровождала его в Европе, похоже, там и осталась; они продолжают работать на местах вместе с правоохранительными органами и местными подразделениями армии в Германии и Франции.

— Ищут Ника Танаку? — уточнил Чарльз.

Видящий один раз кивнул.

— Насколько нам известно, да.

— Среди них есть видящие? В Европе?

Разведчик-индеец медленно покачал головой, но не совсем в знак отрицания, хмуро изучая данные на экране — подборку разведывательных отчётов нескольких команд.

— Мы подозреваем, что у них там как минимум двое, — ответил он после небольшой паузы. — Но мы не смогли установить точные личности, так что это могут быть новоприбывшие из порталов. Кто-то, кого мы не заметили и не ввели в базы данных по прибытию.

Он взглянул на Чарльза.

— Практически все, кто был с ним в Таиланде, включая его новую команду видящих-военных, беженцев, которые переметнулись на его сторону, а также его человеческих союзников — все вернулись в Сан-Франциско несколько месяцев назад. Все за исключением нескольких были идентифицированы и учтены нашими разведчиками. Все за исключением нескольких, похоже, живут и работают в шести главных зданиях. Большая часть военного персонала с подготовкой разведчиков живут в двух зданиях с повышенными мерами безопасности — на карте подсвечены синим. Но мы ещё не установили личности их всех. Особенно у нас нет данных по тем, кто работает за пределами Соединённых Штатов.

На одном из меньших мониторов появилась карта. Видящий показал на подсвеченные точки на карте Сан-Франциско. Большинство из них были синими и зелёными.

— Вот это здания, в которых, судя по всему, разместилось большинство видящих, — произнёс он, показывая на синие точки. — Он разбил их на несколько категорий. Преимущественно разграничение на гражданских и военных... то есть, обыкновенные видящие обычно размещаются вместе, но отдельно от тех, у кого есть военный и/или разведывательный опыт. С гражданскими он поселил несколько охранников — предположительно чтобы обеспечить их безопасность, пока они не ассимилируются, и удостовериться, что мы не попытаемся их завербовать. Но большинство разведчиков разместились отдельно, под другим условным обозначением.

Чарльз бегло взглянул на карту.

Детали он рассмотрит попозже, когда перед ним не будет показываться прямой эфир с его племянницей и её мужем.

Однако он посмотрел достаточно долго, чтобы заметить названия и расположение главных зданий.

Похоже, большая часть основной группы жила на Калифорния-стрит.

А значит, теперь они жили с Мири и Блэком.

Подумав об этом, Чарльз во второй раз отвёл от них взгляд и просканировал список мер безопасности, которые они уже распознали в главном здании. Он знал, что список не будет исчерпывающим. А ещё, зная мужа его племянницы, Блэк наверняка пополнит этот список теперь, когда он вернулся в город. Конечно, основная безопасность будет обеспечиваться самой конструкцией.

Однако эта конструкция будет совершенно бесполезна против вампиров.

С другой стороны, Блэк, похоже, считал врагами *их*, а не кровососущих монстров, которые пытали и насиловали его, похищали его людей, похитили его самого, похитили его племянницу, предали его, ввали ему раз за разом.

Зелёные как листва глаза Чарльза снова сосредоточились на главном мониторе.

Упёршись руками в спинку кожаного дивана, он наблюдал, как Блэк и его жена готовятся войти в здание. Два сотрудника Блэка следовали за ними, оба имели при себе скрытое оружие и тащили тележку с их багажом.

Лимузин на глазах Чарльза отъехал от обочины.

Он нахмурился, стиснув зубы.

Он поймал себя на том, что более детально изучает живой свет другого мужчины — особенно Блэка, хотя он уже заметил изменения в свете Мириам.

Что-то определённо изменилось.

Что-то из этого вызвано связью, которую они явно завершили.

Чарльз подавил прилив раздражения от одного лишь этого факта.

Каким бы бредовым это ни казалось, он начинал лелеять надежду, что связь *никогда* не будет завершена благодаря инфантильности Блэка и его, похоже, ненасытной потребности портить отношения с женой как раз в тот момент, когда они должны были консуммировать связь.

Чарльз даже начал задаваться вопросом, вдруг Блэк намеренно саботирует их отношения, или это делает Мири, или они оба. Что бы там ни было на самом деле, Чарльз позволил себе верить, что Блэк действительно может испоганить их отношения — то есть, *навечно* испоганить — ещё до того, как Мири полностью согласится на него.

Бредовая надежда.

Чарльз это понимал. Однако он невольно позволял себе ненадолго представить такой вариант.

Ощущая свои эмоции, вскипавшие по этому поводу, он ни на секунду не терял фокуса на свете другого мужчины.

Завершение связи не объясняло всего.

Это не объясняло то, что он видел.

Что бы ни изменилось в их свете, *его* свете, особенно в свете Блэка, это не могло произойти просто потому, что они полностью связались друг с другом. Хотя Чарльз подозревал, что связь могла сработать как какой-то катализатор, спровоцировавший потайные изменения. Возможно, Мири помогла ему вырасти в этом отношении.

Чарльз скользнул в Барьер, более пристально фокусируя свой свет на Блэке.

Он осторожно подбирался к другому мужчине, держа свой свет совершенно неподвижно.

Не ощутив никакой реакции на своё присутствие, он подобрался чуть поближе.

И ещё ближе.

И ещё.

Он аккуратно проскользнул за щиты молодого мужчины, в края света, который обвивал его тело, а затем и в структуры *aleimi* над головой Блэка.

Чарльз не знал, как именно или даже в какой момент всё изменилось.

Он не ощутил никаких отличий в плане качества света. Он не почувствовал никакого предостережения, что он подбирается слишком близко.

Однако в какой-то момент он подошёл слишком близко.

В ретроспективе это походило на такое чувство, будто он споткнулся о проволочную растяжку в джунглях, какие он и его люди оставляли для Блэка во Вьетнаме или Гватемале. Только вместо щелчка и взрыва отличие подкралось к нему, незаметно окутало его и просочилось в его свет.

Осознание снизошло на него так же постепенно.

И вот в один момент — он просто осознал.

Он уже не был охотником. Охота велась на него.

Отличие так сильно встревожило его, так сильно шокировало, что он застыл. Поначалу он поступил так чисто инстинктивно. Однако оглядываясь назад, он поражённо осознал, что это внимание к тому безмолвному предупреждению, возможно, спасло ему жизнь. Он вообще не знал, как или почему он в это поверил, но это казалось верным. Чем бы ни была эта *штука*... это могло его убить.

То, что случилось потом, противоречило всякой логике — отрицало любой опыт, который был у него с каким-либо видящим в Барьере, в этом мире или в том, который он оставил позади.

Поднялась толстая чёрная стена из не-света.

Она поднялась как жидкость, возвышаясь над ним приливной волной тёмного, насыщенного присутствия.

Дыхание Чарльза сдавило в груди.

Он мог лишь смотреть на это, зная, что никак не может убраться с дороги. Это присутствие окутало его прежде, чем он успел прийти в себя, прежде чем он успел как-то классифицировать это явление. Вместо постепенных деликатных завитков, которые он ощущал ранее, это густое присутствие окутало его, вторглось в него, рассекло его и разодрало на части так, словно он был лягушкой, пришпиленной к доске для препарирования. Оно продолжало систематично оценивать его, плавать в его свете, заполнять каждую впадинку и трещинку, не оставляя ни единой неизученной части.

Оно изучало его разум, структуру его света, его мысли.

Затем оно перешло к его материи, к самим его атомам, кирпичикам, образовывавшим его как личность.

Оно впитывало его всего, вдохнуло его за считанные секунды.

Чарльз уставился на него, зачарованный, потерявшийся...

Перепуганный до усрачки и безумия.

Присутствие походило на высокоинтеллектуальную машину. Оно ощущалось как машина, смешанная с каким-то хищным животным и, возможно, безумным учёным.

Что бы там ни было, он боялся, что оно может убить его всего лишь за то, что он его раздражает.

Он ощущал в этом чем-то намёки на Блэка, но скорее Блэка, которого вывернули наизнанку и заново собрали из других материалов, а может быть, скрестили с совершенно новым видом. Эта версия Блэка ощущалась совершенно иным созданием, даже отдалённо непохожим на знакомого ему Блэка, особенно такого, каким он был, когда Чарльз в последний раз имел глубинный доступ к его свету — когда Блэк был ещё моложе, а Чарльз впервые наткнулся на него в джунглях Вьетнама.

И всё же это походило на него.

Бл*дь, это *походило* на него.

Это содержало проблески и оттенки знакомого ему Блэка, вопреки совершенно чужеродному и ужасающему сознанию.

Что бы это ни было, кто бы это ни был, сражаться с ним совершенно не вариант.

Соппротивление любого рода — не вариант.

Чарльз оказался беспомощен перед ним, и он мгновенно это понял, не имея ни единого факта или логичного заключения, чтобы подкрепить это знание. Он понял это в то же мгновение, когда эта... *штука*, которая была на самом деле не Блэком, но всё же *была* Блэком... действительно коснулась его.

Он мог лишь покориться.

Он мог лишь надеяться, что не разозлит его.

Не было времени даже позвать на помощь его военных разведчиков. Едва хватило времени осознать, что с ним происходит. Это похожее на бездну присутствие завершило свою оценку, удовлетворившись тем, что нашло.

Последовало мгновение тишины, склоняющий рывок...

Затем, что бы это ни было, оно прошло сквозь Чарльза.

Эта разливающаяся стена черноты врезалась в него.

Такое чувство, будто по его телу и свету ударили кувалдой.

Чарльза силой выбросило из света другого видящего — из *Барьера* — прежде чем он осознал, что происходит, что вот-вот ударит по нему. Его не столько вытолкнули, сколько резко *вышвырнули* — рукой, сделанной из цемента и непрозрачной тени. Ощущалось это так, словно его небрежно сбросили со скалы. У него не было времени приготовиться, даже замедлить его падение.

За долю секунды все намёки на присутствие другого испарились.

Присутствие Мири тоже исчезло.

Чарльз моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд.

Он осознал, что тяжело дышит, покрывается потом, задыхается, сердце так сильно бьётся в груди, что ему пришлось стиснуть спинку кожаного дивана. Он и не осознавал, насколько сильно его вышибло из тела, пока он не вернулся. Он не мог дышать. Он как будто забыл, как нужно дышать, как работать челюстями, руками, телом.

Его не вышибали из Барьера настолько всецело с тех пор, как он был подростком.

Может, даже с самого детства.

Во рту ощущался медный привкус, как... кровь.

Он ощущал вкус своей крови.

— Сэр? — лабораторный техник уставился на него с тревогой в серебристо-серых глазах и тут же поднялся на ноги. — Сэр! *Gaos!* Что случилось? С вами всё хорошо?

Мужчина-видящий уже направлялся в его сторону, но Чарльз отвернулся, с трудом выпрямился и постарался перевести дыхание. Он отмахнулся от другого мужчины, вытащил носовой платок из кармана пиджака и развернул его взмахом запястья.

Подавляя стыд, злость, страх, смятенное неверие... он взглянул в зеркало на стене напротив главного монитора.

Его отражение напоминало кадр из фильма ужасов.

Кровь свободно текла из носа и ушей, окрашивая воротник белой рубашки.

Он не вообразил себе это.

Он действительно чувствовал вкус своей крови.

Вытерев нос и рот носовым платком из нагрудного кармана, он занялся ушами, глядя в отражение и по возможности приводя себя в порядок. Он всё ещё застрял где-то между неверием, злостью, шоком.

— Что случилось? — вновь спросил другой видящий.

Чарльз крепче стиснул зубы. Он закончил вытирать левое ухо, затем покосился на техника.

— Неважно.

Он повернулся обратно к главному монитору, всё ещё шмыгая от крови в носу, всё ещё сглатывая кровь, стекавшую по горлу.

Образы Мири и Блэка пропали.

Его племянница и её муж исчезли за зеркальными окнами роскошного жилого и делового комплекса. Толпа репортёров и зевак перед зданием уже расходилась, большинство просто зашагало дальше по улицам, продолжая жить своей жизнью или возвращаясь в офисы СМИ в центре.

Чарльз провожал их взглядом, стискивая зубы и до побеления костяшек сжимая окровавленный носовой платок в одной руке.

Ему нужно поговорить с его разведчиками.

Ему нужно поговорить с его разведчиками немедленно, бл*дь.

Чарльз прищурился, наклоняясь через спинку офисного кресла, в котором сидела женщина-видящая с крашеными светлыми волосами, заплетёнными в тугие косы. Заглядывая через её плечо, он прочёл на мониторе отчёт по первым нескольким прыжкам, которые совершила его команда.

Ничего. Они ни черта не узнали.

Даже Джалиса, блондинка-видящая перед ним, лидер его отряда прыжков, которая могла похвастаться самыми впечатляющими рангами в его команде, ничего не смогла увидеть через эту стену.

Как и большинство женщин-видящих, работавших на него в данный момент, Джалиса была новенькой на этой версии Земли. Она прибыла менее года назад, когда открылись двери-порталы.

Чарльз невольно испытывал облегчение из-за того, что теперь на Новой Земле у его людей решена проблема с женщинами, а также проблема низкой численности видящих в целом, от которой они страдали с самого первого прибытия сюда. Он знал, что каждый мужчина-видящий из его изначальной команды тоже испытывал огромное облегчение. Все они практически без исключения как можно больше наслаждались новоприбывшими сёстрами.

У некоторых не было секса с женщиной-видящей на протяжении десятков лет.

Для некоторых прошло даже больше сотни лет.

Конечно, случалось несколько драк, а также несколько влюблённостей и заикленностей. Кое-что из этого всё ещё длилось, включая самую недавнюю вспышку в бараках разведчиков буквально сегодня днём. В данный момент в женщинах не было нехватки, но сложно отбросить привычку жизни в постоянной нехватке — особенно сложно это для молодых мужчин.

Поскольку через те двери прошло больше женщин-видящих, нежели мужчин, Чарльз надеялся, что вскоре всё успокоится.

Часть проблемы заключалась в том, что нормальные обычаи секса и размножения на этой версии Земли исказились с тех пор, как он прибыл сюда. Довольно многие мужчины-видящие хотели не просто партнёров по сексу, а супруг — и детей.

Многие чувствовали, что их слишком долго лишали таких вещей.

Другие считали своим долгом размножать расу.

И всё же внезапный прилив женщин чертовски сильно отвлекал, по правде говоря. Чарльз надеялся, что всё вскоре вернётся к обычному уровню хаоса и конфликтов, которые всегда существовали в сексуальной культуре видящих — в идеале это произойдёт в следующие несколько месяцев. Чтобы это случилось, мужчинам нужно побороть свою нужду навёрстывания упущенного времени.

Чарльз подозревал, что проблема крылась скорее в психологии, нежели в самом сексе.

Большинство этих мужчин смирились с тем, что, скорее всего, им *никогда* не достанется в супруги женщина-видящая — и у них не будет биологических детей. Большинство из них заводило отношения с другими мужчинами-видящими, а также с человеческими женщинами и мужчинами, но Чарльз знал, что невозможность иметь детей беспокоит многих из них.

Ему приходилось прикладывать немало усилий, чтобы не подпустить их к Мири.

Как только они узнали, что она биологически совместима с чистокровными видящими-мужчинами, она стала представлять для них куда больший интерес.

К счастью, после Солоника — и особенно после того, что Блэк сделал с Йеном — большинство мужчин-видящих, кажется, уловили посыл, что попытки переманить Мири от Блэка не закончатся для них ничем хорошим. Чарльз ясно дал понять, что тоже не поддержит такие действия. Хоть ему и ненавистно признавать связь Блэка и Мири, Чарльз пообещал своей племяннице, своему покойному брату и себе самому, что он не станет мешать Мири и её выбору партнёра.

Обещание, данное брату, он никак не мог нарушить.

До тех пор, пока она по своей воле выбирала партнёра, этот партнёр оставался неприкосновенным.

Чарльз не раз пожалел о данной клятве, но пока что сумел её сдержать.

До недавних пор он по-прежнему беспокоился, что кто-то проскользнёт мимо него и Блэка и доберётся до Мири. В конце концов, один раз такое уже случилось, и хоть Солоник был не совсем нормальным видящим, возможность повторения такого не так уж немыслима.

Теперь же у его мужчин-видящих появились другие отвлечения.

Конечно, женщины-видящие, пришедшие через те двери, полезны не только благодаря наличию дырки под *hirik* и способности вынашивания детей-видящих. Чертовски многие из них работали на Западе и являлись высококвалифицированными разведчиками.

Джалиса теперь была видящей с самым высоким рангом в его распоряжении.

Ну... с самым высоким рангом среди нынешнего состава.

Джалиса бросила на него косой взгляд.

Должно быть, она это услышала.

Судя по выражению её лица, она уловила как минимум часть его мыслей.

Она тут же отвернулась, но вскоре, почувствовав его взгляд на своём профиле и затылке, она обернулась во второй раз и посмотрела на него своими темными кроваво-оранжевыми глазами. Её выражение и повернутая шея заставили нацистский шрам на её лице вытянуться — тот же диагональный шрам, который он видел у многих видящих со Старой Земли.

Шрам был достаточно широким, чтобы исказить в остальном поразительные черты её лица, заставить их выглядеть слегка искривлёнными и дисгармоничными в том месте, где её лицо пересекала белая линия. Шрам как будто слегка опускал линии её щеки и глаза с этой стороны, а также изгиб её полных губ.

— Ты подумываешь вернуть его для этого, — заметила она. — Солоника.

Чарльз нахмурился, покосившись на неё.

Она услышала больше, чем он осознавал.

А ещё она поразительно много знала об их операциях здесь.

Он искренне не мог решить, то ли это раздражает его, то ли производит впечатление.

Возможно, ему стоит перевести её в высшие эшелоны его команды лидеров, и чем раньше, тем лучше. Он всё равно планировал сделать это, опираясь на один лишь её рабочий ранг, но возможно, ему понадобится ускорить проверки безопасности, которым исподтишка подвергала Джалису его команда с тех самых пор, как она впервые вошла в эти двери.

— Я думаю, нам нужны все ресурсы, имеющиеся в нашем распоряжении, — сказал он, всматриваясь в эти кроваво-оранжевые глаза. Затем, выдохнув, он пробормотал себе под нос: — ...Даже сумасшедшие, несговорчивые и совершенно непредсказуемые.

Джалиса кивнула, сохраняя совершенно нейтральное выражение.

— Что насчёт новой видящей? — произнесла она нейтральным тоном. — Женщины из лагеря Блэка? Рейвен? Я слышала, что её ранг видящей тоже высок.

Чарльз нахмурился. Подумав несколько секунд, он покачал головой.

— Пока что нет, — сказал он. — Солоник, может и безумен, но он чертовски преданный. Я ещё не закончил проверять её. Чего доброго, её сюда прислал Блэк.

Джалиса кивнула, выражение её лица не дрогнуло.

Чарльз знал, что её ранг видящей достаточно высок, и он, наверное, не уловит её мыслей, если она сама того не захочет, и ему это удастся только с помощью конструкции и нескольких своих лучших разведчиков. Знание этого факта делало выражение её лица практически ничего не значащим, как и тишину, которую он ощущал из её живого света.

— Что насчёт вашей племянницы? — спросила женщина-видящая, и её голос оставался таким же нейтральным, как и выражение лица. — Насчёт её истории с Солоником, имею в виду.

Чарльз нахмурился.

Вместо того чтобы ответить на её вопрос — который она задала вслух и который подразумевала — он кивнул в сторону команды, сидевшей перед ними на откидных креслах.

— Что они делают? — спросил он. — Они ведь занимаются не Блэком, не так ли?

Двенадцать видящих лежали рядом на усовершенствованных шезлонгах, закрыв глаза. Их головы, груди и руки были подключены к электродам. Эти электроды должны мониторить их показатели, а также связывать отдельных членов команды меж собой, предоставляя частичную обратную связь для элементарных записывающих устройств. Их команда Чарльза смастерила из техники, стараясь воссоздать оборудование Старой Земли.

Взгляд Джалисы переключился на ряды разведчиков.

— Нет. Они всё ещё с Пуристами, — она подняла взгляд на него. — Хотите, чтобы я вытащила их оттуда? Поручила им помочь с анализом света Блэка?

— Нет, — Чарльз непреклонно покачал головой. — Нет, мы продолжаем по плану. Даже если мне придётся самолично вогнать пулю в мозг Блэка или, — мрачно пробормотал он. — Скорее, надеть ему ошейник на шею, я не позволю ему вмешиваться в нашу работу.

Джалиса поколебалась. В итоге она лишь кивнула.

— Теперь у меня есть контакт с Калри, — предложила она. — Если вы хотите с ним поговорить.

Чарльз кивнул на монитор.

— Прошу. Выведи на экран.

Она нажала на несколько кнопок, используя сенсорную панель.

Появилось лицо видящего с нетипично европейской внешностью в тёмно-синих контактных линзах. По меркам видящих его волосы были подстрижены коротко, больше в стиле людей, среди которых он теперь работал. Он также красил волосы в блондинистый оттенок, но не в тот необычный почти серебристый цвет косичек Джалисы. Вместо этого его волосы выглядели почти русыми и совершенно неприметными.

Конечный результат был поразительно близок к внешности западного человека — красивого, но совершенно обыкновенного человеческого мужчины.

Конечно, Чарльз чувствовал, кем он являлся. Любой видящий почувствовал бы это, если бы смог посмотреть сквозь его щиты. Однако не глядя на его свет, Чарльз мог бы купиться на маскировку, даже вопреки странной ровности искусственного цвета его радужек.

Конечно, здесь, на этой версии Земли никто и не знал, насколько необычно встретить видящего с такими чертами лица и внешностью. Здесь люди вообще не знали о видящих. И всё же внешность Калри являлась преимуществом, особенно на юго-востоке Соединённых Штатов и в Техасе, где он в настоящее время находился.

— Я не могу долго говорить, — произнёс светловолосый видящий с мрачным лицом.

Он обернулся через плечо, на огромную аудиторию для конференций, видневшуюся на мониторе Джалисы. Осмотревшись в поисках потенциальных свидетелей, он переключился на прекси, язык видящих.

— ...Скоро опять начнём, — добавил Калри, не увидев никого в пределах слышимости. — Я буду вторым спикером после перерыва.

— Как всё проходит? — спросил Чарльз. — Доложи о прогрессе.

Калри вздрогнул. До тех пор Чарльз не осознавал, что изображение передаётся только в одну сторону. Очевидно, Калри не догадывался об его присутствии.

Светловолосый видящий быстро оправился и один раз кивнул в манере видящих.

Этот кивок почти напоминал отдачу чести.

— Конечно, сэр, — вежливо сказал он, всё ещё говоря на родном языке. — Мы продолжаем укреплять и наращивать группу. Идеология всё ещё немного размытая, но это в основном наша вина, потому что мы здесь всё ещё на этапе обучения. Мы сделаем всё возможное, чтобы закрепить успех и в то же время сохранять некоторую гибкость.

Всё ещё оглядываясь по сторонам в поисках свидетелей, он добавил:

— Я поручил большинству наших непубличных людей работать над обслуживанием конструкции и её управлением. Это отчасти для того, чтобы адаптироваться под большие толпы, но в то же время накалить обстановку, спровоцировать больше страха и жестокости, а также спешки и паранойи. Я хочу освободить нашу команду от принуждения отдельных людей. На самом деле, мне хотелось бы, что люди сами занялись вербовкой других людей. Я бы предпочёл осуществлять воздействие только на лидеров. Поэтому я говорю своей команде адаптировать конструкцию и/или философию... чтобы прибегать к давлению и откровенным манипуляциям светом только в тех случаях, где другие тактики не работают. Я предположил, что вы захотите иметь возможность управлять большей частью этих ячеек удалённо, как только мы организуем их и приведём в рабочий вид...

— В этом ты прав, — сказал Чарльз.

Калри ответил очередным официальным кивком.

— Очень хорошо, сэр. По той же причине я поручил публичным членам сосредоточиться на формировании курса и идеологии в целом, а также на создании атмосферы, которая будет более религиозной по натуре и рвению. Будем надеяться, что из рядов людей органически выделится большее количество лидеров, как только они более полно подвергнутся влиянию самой идеологии. Если мы будем поддерживать иерархическую организацию в целом, конструкция будет естественным образом её придерживаться.

Чарльз кивнул, поджав губы.

— Разумный подход, — сказал он. — Вы уже начали вводить больше информации о вампирах? Что они такое? Как много их может быть? Их мотивы?

Калри кивнул, опять-таки почти отдавая честь.

— Начали, сэр, — сказал он. — Только во время этой конференции мы несколько раз прозондировали почву. В основном теории заговора о «гибридных» людях, выращиваемых в правительственных лабораториях. Мы получили несколько других версий, одна называет их видом генетических «супер-солдат», которыми управляют внешние правительства. Другая называет их продуктом сатанинских ритуалов, которые проводят члены всемирной теневой правительственной элиты. У нас есть и третий набор историй, утверждающий, что они пришельцы из внешнего космоса...

Чарльз фыркнул, щёлкнув языком.

— Которая приживается лучше всего? — спросил он.

— В данный момент? — Калри, казалось, задумался, а может, прорабатывал информацию в своём свете. — Странно, но похоже, они лучше всего работают вместе. Они как будто подкрепляют друг друга, сэр, — добавил он после небольшой паузы. — Религиозные мотивы лучше всего работают для оригинальных Пуристов, поскольку это и

так является большей частью их философии... но это не объясняет их численность, как две другие теории. Они склонны соединять эти три вещи в свою идеологию, которая хорошо работает для наших целей.

Светловолосый видящий добавил:

— Мы считаем, что пока это направляет их страхи и агрессию в нужное нам русло, лучше позволять им придумывать как можно больше конкретных мифов. Так вероятнее, что это приживётся. В любом случае, как я уже говорил, большинство из нас всё ещё изучает человеческое население на этой версии Земли. Вероятно, мы только всё испортим, если на данной стадии будем слишком непреклонны или установим жёсткий контроль. Мы сможем позднее закрепить успех, как только они придадут этим теориям свой окрас.

Чарльз кивнул, размышляя.

— Я позднее свяжусь с тобой по этому вопросу, — сказал он после небольшой паузы. — Узнаю, смогут ли кое-какие наши люди, работающие над концепциями, помочь с этим. Они лучше знают людей этого мира. Может, мы сумеем предоставить какие-то «доказательства», которые вы сможете использовать... может, заставим Президента намекнуть о таких вещах в его следующем крупном появлении на публике.

— Спасибо, сэр, — сказал Калри, выдохнув с явным облегчением. — Было бы потрясающе.

Благодарность светловолосого видящего немного поразила Чарльза.

Искренность, которую услышал Чарльз, готовность принять помощь без защитных механизмов, высокомерия или смирения не только удивила его, но и произвела на него впечатление.

— А что по поводу вербовки армии? — спросил Чарльз. — Где мы в этом отношении?

Калри ответил без колебаний.

— Много интереса на низших уровнях, — сказал он. — Ориентация на армию стала приоритетом, сэр. В настоящее время мы ищем рыбку покрупнее.

— Они должны быть готовы следовать приказам, — предостерёг Чарльз. — На всех уровнях.

Калри сосредоточенно кивнул.

— Да, сэр.

— ...А это значит, что нам совершенно точно нужны убеждённые сторонники средних рангов и выше, — добавил Чарльз. — Я бы хотел как минимум одного генерала, желательно больше, и минимум одно высокопоставленное лицо, достаточно уважаемое, чтобы его люди с готовностью последовали за ним. Если после того, как Президент объявит себя Пуристом, армия не последует за ним, то всё это будет впустую. Вампиры обязательно нанесут контратаку, если почувют, что мы затеваем.

Помедлив, он кивнул:

— Они *нужны* нам. Ты меня понимаешь, Калри? Я не хочу предпринимать какие-то действия без поддержки армии. Мы не можем полагаться только на личные силы президента. ЦРУ и федеральных правоохранительных органов тоже недостаточно. Нам определённо *нужна* поддержка армии.

— Понял, сэр. Абсолютно.

Немного расслабившись при виде взгляда другого видящего, Чарльз кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тебе ещё что-нибудь нужно от нас?

Калри поджал губы, думая.

Наблюдая, как он размышляет, Чарльз ещё немного расслабился.

Ему нравился этот видящий.

Он не только не отрицал поправки стратегии, но и не отказывался от предложений помощи. Более того, он явно улавливал глобальную стратегию того, что они тут делали.

Чарльз определённо возьмёт этого молодого видящего на заметку для дальнейших кадровых перестановок.

— Что насчёт собрания, сэр? — спросил Калри, выдёргивая Чарльза из его мыслей. — Я знаю, что Президент пока не станет заявлять об этом публично, но что если мы организуем собрание для него и нескольких генералов? Может, пригласим ещё несколько адмиралов. Теперь у нас есть список тех, кто может быть подвержен влиянию. Президент — герой войны, сэр. Его слово будет много значить для этих людей. Он очень популярен во всех подразделениях.

Чарльз нахмурился, обдумывая это.

— Хорошая идея, — сказал он. — Но думаю, не нужно делать групповое собрание, учитывая возможный охват в прессе и последующие вопросы...

— Согласен, — тут же отозвался Калри. — Личные встречи с глазу на глаз будут предпочтительнее. И желательно за пределами Вашингтона. Может, он приедет сюда на митинг? Что-то, что послужит отвлечением, а также поводом для его приезда? Мы можем доставить сюда самолётом тех, кто находится в других местах.

Чарльз осознал, что медленно кивает.

И вновь этот молодой видящий производил на него приятное впечатление.

— Мне нравится, — сказал он. — Но не митинг. Нам нужен более крупный отвлекающий фактор. Организуйте бунт... большой. Нам всё равно надо начинать разжигать жестокость. Я хочу, чтобы остальная часть страны начала беспокоиться о том, что здесь происходит. Событие, спровоцировавшее бунт, выберите сами. Лишь это вызвало больше страха перед чужаками и агитаторами. И конечно, перед вампирами, — отрывисто добавил он.

Всё ещё размышляя, он побарабанил пальцами по спинке кресла Джалисы.

— Мы пошлём Президента, чтобы «успокоить ситуацию», — сказал он потом. — Нам всё равно в данный момент не помешает отвлечение от Вашингтона. У нас тут ряд институциональных и законодательных изменений, которые нужно протолкнуть, чтобы они послужили основанием для второго этапа. Будет проще, если все взгляды будут обращены в другую сторону. Если инцидент получит достаточно освещения в СМИ, то мы, скорее всего, значительно ускоримся в этом отношении...

Всё ещё размышляя, Чарльз добавил:

— Пошли наши команды, чтобы поймать больше вампиров — желательно мужчин, но любой пол подойдёт, лишь бы они выглядели взрослыми. Я бы не хотел использовать тех, что имеются у нас здесь, в лабораториях. Выставьте их на переднем плане самого мятежа. Ещё лучше, позвольте им убить нескольких репортёров... или кого-нибудь относительно высокопоставленного. Память у людей короткая. С инцидента в Луизиане прошло почти шесть месяцев. Давайте напомним им, как выглядит вампирское убийство. Постарайтесь обставить всё так, чтобы они не смогли списать это на спецэффекты или монтаж. Мы пока не готовы, чтобы Президент публично выступил против них, но чем прочнее мы зложим фундамент, тем проще будет в будущем.

— Да, сэр, — в голосе Калри прозвучало лёгкое веселье. — Это мы можем сделать. Временные рамки?

— Как можно скорее, — тут же ответил Чарльз. — Просто дайте нам знать, когда вы всё подготовите, чтобы мы могли оказать содействие отсюда.

Позади светловолосого видящего открылись двери вверх аудиторной лестницы.

Люди начали заходить внутрь и растекаться по рядам аудитории, заполняя помещение своим гулом. Через считанные секунды некоторые из них стали проходить мимо места, где стоял Калри — достаточно близко, чтобы он оборачивался через плечо, отвлекаясь на их близость.

— Ладно, — сказал Чарльз. — Тебе явно пора.

Калри переключился на английский, и его слова окрашивал явный южный акцент.

— Боюсь, мне действительно пора, сэр. Не могу выразить, как сильно я ценю вашу помощь.

Чарльз один раз кивнул.

— Ты делаешь очень хорошую работу, брат. Шлю тебе любовь.
Видящий потупился, покраснев от явного удовольствия.
— Благодарю вас, сэр...
— Выполни эту миссию, и я захочу, чтобы ты присоединился ко мне здесь, в Вашингтоне, — добавил Чарльз, вкладывая в свой голос насыщенный импульс света. — Великолепная работа. Я говорю серьёзно, брат. Я под огромным впечатлением.
Улыбка видящего становилась всё шире.
— Спасибо, сэр...
Кто-то схватил его за плечо, и светловолосый видящий повернулся, посмотрев на раскрасневшегося краснолицего мужчину в коричневом костюме и ковбойской шляпе. Аудитория быстро заполнялась и становилась шумной по мере того, как люди прибывали, теперь уже окружая Калри в проходе возле задней части.
У большинства из них имелись таблички, и они носили футболки со слоганами пуристов.
— Простите, сэр, — сказал Калри. — Полагаю, мне лучше вернуться к делу.
Чарльз отпустил его взмахом руки.
— Иди. Мы скоро поговорим, — он повысил голос, когда видящего опять схватил какой-то рьяный сторонник, а из толпы неподалёку послышался бодрый вопль, когда кто-то мимо проходивший его узнал. — Удачи тебе сегодня.
Видящий улыбнулся, кивая:
— Спасибо...
Целая группа молодых парней закричала, увидев стоявшего там Калри.
Экран потемнел.
Чарльз выпрямился, всё ещё сжимая спинку вращающегося кресла Джалисы.
Чарльзу пришлось в голову проверить онлайн-присутствие видящего теперь, когда он рассматривал его для национальной роли. Теперь он вспомнил, что слышал, как Калри и некоторые другие набрали немало последователей на нескольких платформах социальных сетей.
Калри пользовался особой популярностью среди молодых человеческих парней. Отчасти поэтому его пригласили на это мероприятие. В отличие от множества остальных, его, скорее всего, и так пригласили бы, даже если бы видящие не манипулировали всем из-за кулис.
— Он хорош, — сказала Джалиса, соглашаясь с его мыслями. — Думаю, вы правы в своём намерении забрать его сюда. Может, он даже смог бы участвовать в предвыборной гонке.
Чарльз кивнул, тоже задумавшись над этим.
Неплохая идея.
Может, Калри даже сумел бы заменить Риджента.
Однако перед всем этим Чарльзу нужно разобраться с Блэком.
Ему нужно разобраться с Блэком, чтобы тот не похерил всё, когда Чарльз начнёт реализовывать свой план по-настоящему.

Глава 4. О Нике

— Ладно, — Блэк суровым взглядом обвёл собравшихся за конференц-столом. Его голос всё ещё звучал тише обычного, наполовину рычанием, пока он оценивал лица

членов своей команды. — Что ещё мне нужно знать про этих фанатиков? Кто их лидер? Это тот светловолосый видящий, про которого вы мне только что рассказывали? Калри?

Ярли взглянула на Мэнни, который поджал губы.

Слегка вздохнув, она перевела взгляд своих темных глаз на Блэка.

— Среди людей он представляется как Джек Рейнджер, — сказала она, раздражённо прищёлкнув языком. — И да, он — проблема. Он явно одна из их наиболее популярных медийных личностей. Он разжигает среди людей немало жестокости и страха во время личных выступлений, теле— и веб-интервью, а также через онлайн-статьи. В данный момент у него уже своеобразный культ последователей. Он определённо привлёк больше внимания к движению в национальном масштабе. Однако его внимание по-прежнему приковано в основном к югу.

Грациозно пожав одним плечом, она покосилась на меня, затем добавила:

— Даже учитывая это все, я не уверена, что его можно назвать их *лидером*. Видящие, приставленные к этому движению пуристов, похоже, отдают лидерские посты людям. Однако можно сказать, что он во многих отношениях становится лицом движения.

Блэк фыркнул, взглянув на меня.

— Это *и есть* лидер, Ярли, — сказал он, сменив позу в кожаном кресле. — Кого бы они ни называли Президентом Пуризма в заголовках, Королём Чистоты... да как угодно... если он лицо движения, за которым идут массы — то *это* и есть лидер.

Ярли взглянула на меня, выгнув бровь. Я ничего не слышала в своём сознании, но она явно хотела знать, согласна ли я с Блэком.

Я один раз кивнула.

Я действительно соглашалась с ним.

Выдохнув, Ярли нахмурилась, затем перевела взгляд обратно на Блэка.

— Если вы правы, — сказала она. — Тогда он уже обладает внушительной мощью. Мы думали, что он, возможно, уйдёт из центра внимания, как только организует людей и внедрит их идеологию.

Блэк тихо щёлкнул языком и покачал головой.

— Чарльз бы никогда этого не допустил. Если этот Калри такой убедительный и харизматичный, как вы говорите. Этот мудака сливается с толпой. Черт, да он выглядит более похожим на человека, чем большинство людей. Чарльз никогда не стал бы растрачивать впустую такой ресурс. И Чарльз *не доверяет* людям. Он гарантированно предпочёл бы видеть у руля видящего, если он может сделать это, не вызывая подозрений.

Ярли поджала губы, покосившись на Джема и Мэнни, но по её глазам я видела, что она обдумывает слова Блэка.

По лицу Джема я также видела, что он согласен с Блэком.

Взглянув на изображение светловолосого видящего на мониторе над столом, Ярли нахмурилась.

— Логично, — признала она. — По правде говоря, мы не сразу осознали, что он видящий. Люди Чарльза надёжно закрывают его свет, и он так *похож* на человека, чёрт подери, ты сам сказал. Но одна из наших беженцев знала его на Старой Земле. Она знала его по тюремному лагерю и увидела его речь в интернете. К счастью, она сообщила информацию напрямую нашей команде и не стала предполагать, что мы уже знаем, кто и что он такое.

Блэк кивнул, нахмурившись.

Я видела, как он покосился на меня, затем посмотрел на остальную часть группы.

— Он скоро будет действовать, — прямо сказал он. — Чарльз.

Он опять бегло взглянул на меня, помрачнев.

— ...Теперь у него время поджигает. Он захочет привести всё это в движение прежде, чем вампиры сумеют организовать достойные контрмеры. Он явно намеревается использовать этих людей в качестве щитов. Не удивлюсь, если он скоро превратит это в полноценную политическую партию. Скорее всего, он захочет, чтобы его люди обладали

властью на всех уровнях. Это один из способов держать людей под контролем. А также это хорошо работает с конструкциями.

Все вокруг стола, особенно видящие, обменялись тяжёлыми взглядами.

— Да, — мрачно сказал Джем после небольшой паузы. — Мы в некотором роде знакомы с такой стратегией. По крайней мере, те из нас, кто сражались под руководством Моста.

Блэк кивнул.

— Нам стоит кого-нибудь послать туда? — спросил Даледжем, переводя взгляд между мной и Блэком. — Мы ждали вашего возвращения, чтобы спросить. Похоже, мы сейчас достигли такой точки, когда можно рискнуть.

Блэк выдохнул. Он посмотрел на главный монитор, где транслировалась какая-то речь или выступление в огромной аудитории в Техасе.

Ещё мгновение спустя Блэк медленно кивнул.

— Да, — сказал он. — Нам нужно послать команду. В Вашингтоне нам тоже надо больше людей.

Нахмурившись, он посмотрел на лица, и его голос понизился до рычания.

— Я хочу, чтобы каждый кандидат получил моё одобрение, — сказал он. — Им всем нужно знать, насколько это опасно. Вы должны сделать так, чтобы они поняли... высока вероятность, что Чарльз высматривает моих людей, подосланных в его группу, и там у него будет преимущество в виде конструкции. Думаю, всё достаточно серьёзно, чтобы он убил всех, кого обнаружит и посчитает, что не сможет переманить к себе. По меньшей мере, они окажутся в какой-нибудь дыре, и мы не сразу их найдём, не сразу выторгуем их освобождение.

Выждав мгновение, он добавил:

— Они должны уметь ставить чертовски хорошие щиты, и им нужно понимать, на какой риск они идут. А нам нужно искать способы, как можно привязать их к здешней конструкции. Будем рады услышать любые мысли старших разведчиков на этот счёт.

После его слов воцарилась тишина.

Затем Ярли кивнула:

— Поняла, босс. У меня есть кое-какие идеи. Что касается кандидатов, я составлю список и предоставлю вам.

— К завтрашнему утру, — произнёс Блэк с предостережением в голосе.

Ярли кивнула, ответив странным жестом, который напоминал отдавание чести.

Молчание сгустилось, когда мы все посмотрели на толпу на мониторе. Звук был приглушен, и мы видели лишь лица в толпе. Я видела, как они с покрасневшими лицами махали шапками и руками и кричали что-то красивому светловолосому мужчине на подиуме.

По краям аудитории стояла группа в чёрно-красных масках. Некоторые из них носили на груди и руках белые треугольники.

Мы всё ещё смотрели на экран, когда Джем заговорил. Его голос звучал чуть резче.

— Думаю, это всё, что нужно нам от тебя на данном этапе, *lao ban*¹, в отношении проблемы Чарльза, — сказал он, привлекая все взгляды к себе. — Теперь мы можем обсудить другую тему?

Блэк повернулся, переводя взгляд золотых глаз в сторону другого мужчины.

— Какую другую тему?

Не знаю, услышал и увидел ли это Джем, но я уловила проблеск предупреждения во взгляде Блэка. Я также чувствовала, что это предупреждение относится и ко мне, хотя Блэк не смотрел на меня.

С другой стороны, ему и не нужно было.

Я знала, почему он осторожничал говорить о Нике в моём присутствии.

¹ Lao ban – уважительное обращение на мандаринском наречии китайского языка. Переводится примерно как «босс», «владелец бизнеса», «господин».

Если Джем это услышал или почувствовал, то проигнорировал.

— Тему Ника Танаки, — произнёс Джем, поджав губы.

Блэк взглянул на меня, и я вскинула бровь.

«Ну? — послала я. — *Мы будем это обсуждать?* — я помедлила. — *Или ты собирався найти повод сначала отослать меня из комнаты, чтобы ты мог говорить открыто?*»

Посмотрев на меня, Блэк тихо щёлкнул языком.

Однако я ощущала его обречённое смирение.

— Ладно, — сказал Блэк, повернувшись лицом к комнате. — Давайте обсудим это.

Он сосредоточился на Джеме.

— Ну? — фыркнул он. — Похоже, тебе есть что сказать, брат Даледжем. Ты познакомишь нас со своими теориями? Мыслями? Следующими шагами?

Джем взглянул на меня, слегка нахмурившись, затем посмотрел обратно на Блэка. Скрестив руки на груди, он взял свой тон под контроль, но я всё ещё слышала резкие нотки.

— Какова сейчас рабочая теория? — спросил он. — Для тебя, Блэк. Он мёртв?

Воцарилось молчание.

Джем обвёл взглядом собравшихся за столом.

Он избегал меня, но я ощутила вздрагивание, когда его взгляд прошёлся мимо моего места.

— Ну? — настаивал он. — Я знаю, никто не хочет говорить об этом, но думаю, пришло время обсудить наиболее вероятный вариант, учитывая, как мало мы нашли. Есть лишь четыре логичных варианта, учитывая молчание вампиров, — вновь посмотрев на меня, он сделал неопределённый жест ладонью, другой рукой обхватывая свою грудную клетку. — Они его похитили и удерживают по неизвестным причинам. Они его как-то потеряли... что кажется мне маловероятным. Он мёртв, или... — он вновь взглянул на меня. — Или он вампир.

Молчание сгустилось.

Я ощутила, что стискиваю челюсти. Я изо всех сил старалась не выдать это лицом, но сомневаюсь, что я кого-то обдурила.

Я не обдурила Блэка, и Джема тоже вряд ли.

Я чувствовала на себе взгляд Блэка, но не повернулась.

Однако он не сдавался.

«Мири? — мягко послал он. — *Тебе необязательно присутствовать*».

Он помедлил, всё ещё всматриваясь в моё лицо. Его мысли сделались прямолинейными.

«Однако он прав, — добавил он. — *Мы дошли до такой точки. Мы должны обсудить это с командой. Им нужно знать, что выяснили ребята из лаборатории. Им нужно знать, что знаем мы, особенно если мы отправим их в боевые условия*».

Я покосилась на него краем взгляда.

Увидев, как его золотые глаза осторожно наблюдают за мной, я вздохнула.

«Я не уйду, Блэк, — послала я, заметно качнув головой. — *Но я согласна. Не думаю, что Джем довольствуется уклончивыми ответами. Меньше всего нам нужно, чтобы он отправился к ребятам из лаборатории. Они имеют право знать...*»

— Ну? — спросил Джем.

Мы с Блэком оба повернулись, посмотрев на него.

Джем нахмурился.

— Это возможно? — спросил он. — Они могли его обратить?

Он переводил хмурый взгляд между мной и Блэком, словно знал, что мы говорим, но не улавливал самих слов. Слегка повысив голос, он добавил:

— Таков ведь миф, верно? Что они рождаются людьми? Не ты ли сказал мне, *lao ban*, что они хотели обратить Мири? Что они угрожали обратить Ковбоя? Разве не из-за этого отчасти случился весь тот бардак в Нью-Йорке?

Тишина за столом сделалась оглушительной.

Теперь я видела, как Энджел хмуро переглядывается с Ковбоем. Я чувствовала боль в её сердце, когда слова Джема отложились в сознании, когда она позволила себе обдумать эту мысль.

— Есть исследование, верно? — невозмутимо продолжал Джем.

Я видела, как он стискивает зубы, обводя всех взглядом, а затем сосредотачиваясь обратно на Блэке.

Посмотрев на красивое лицо зеленоглазого видящего, я осознала, что он едва сдерживает свою ярость. Меня это сбilo с толку, поскольку ярость не казалась направленной на меня или Блэка, или на кого-то за столом.

Я гадала, на кого он злится.

На Чарльза? Вампиров? Самого Ника?

— Разве вы не получили как минимум часть данных из тех правительственных лабораторий? — упорствовал Джем. — Мне сказали, что ни у кого из нас нет доступа к тем файлам... ни у кого, кроме самого Блэка, — ровный взгляд Джема остановился на Блэке. — Ну, брат? Это правда? И если да, ты скажешь нам, что в этих отчётах? Или есть причина, по которой этой информацией не делятся с нами?

Блэк слегка хмуро посмотрел на него.

Из его света я чувствовала, что по сравнению со мной он имеет лучшее представление о том, почему Джем так себя ведёт. Я даже чувствовала, что у Блэка имелись конкретные мысли о мотивах Джема. Какими бы ни были эти мотивы, они, похоже, вызывали у самого Блэка противоречивые эмоции.

Раздражение, да... но в то же время лёгкое сочувствие.

Как минимум, понимание.

Выдохнув часть этого раздражения, Блэк откинулся на спинку кресла.

— Мы знаем немного больше, чем вам сказали, — признал он. Наградив Джема суровым взглядом, он добавил: — Но не так много, как ты намекаешь, брат.

Он взглянул на меня, затем на остальных собравшихся.

— Мы смогли получить доступ к большей части файлов, сохранившихся после пожаров в Луизиане. Это было непросто, — продолжил он, тихо фыркнув. — Большая часть оказалась уничтожена, но судя по тому, что смогли рассказать мне сотрудники лаборатории, записи были на удивление полными в отношении их заключений, вопреки пропавшим делам и образцам.

Он взглянул на Джема, затем продолжил будничным тоном.

— Итак, вот что мы знаем на данный момент, — сказал он. — ...Относительно их размножения. Вампиры не могут вот так просто обратить любого человека, какого захотят. Они могут обратить только тех, кто совместим с их ядом.

Он взглянул на меня, затем на Джема.

— В лаборатории обнаружили четыре генетических типа, которых вампиры могут обратить. Вампиры, похоже, знают это инстинктивно... каких людей они могут обратить, а каких не могут. Не знаю, бл*дь, может, они *чуют* это, может, феромоны, но они знают. Они знали в случае с Ковбоем. Мы протестировали его, используя те образцы, которые мы взяли, когда принимали его на работу. Он показал положительный результат как возможный кандидат для обращения двумя из четырёх генетических типов вампиров.

В группе воцарилось молчание.

Позволив этому молчанию немного затянуться, Блэк посмотрел на Энджел.

— Ты тоже восприимчива, Эндж, — сказал он. — Как минимум, для одного генетического типа вампиров, — затем он посмотрел на Мэнни. — Ты чист, Мануэлито. Ни один из вампирских типов не совместим с твоей кровью.

Его взгляд переместился к следующему креслу.

— Ты тоже в безопасности, Истон. Фрэнк — нет. Он совместим с тремя типами. Мэджик, к сожалению, совместима со всеми четырьмя. Как и Пёс. Девин в безопасности. Туз, ты тоже в безопасности. И Кико тоже.

Он посмотрел на другое кресло.

— Декс, ты подвержен двум из четырёх генетических штаммов. Хавьер тоже.

Переводя взгляд вокруг стола, Блэк нахмурился и заговорил прямо.

— У нас есть профили на всех вас. Я намеревался поделиться ими с группой, когда мы вернёмся, поскольку теперь наша команда генетиков уверена в своих находках. Тем временем, я назначал некоторых оперативников, опираясь на знания о ваших факторах риска.

Он наградил Энджел выразительным взглядом и хмуро поджал губы.

— ...Это включает нашу с Мири недавнюю поездку на поиски Ника.

Энджел вскинула бровь, затем отвернулась и переглянулась с Ковбоем. Вопреки её поджатым губам, я видела, что у неё буквально зажглась лампочка понимания, почему Блэк говорил это ей, и почему он так непреклонно запретил ей сопровождать нас в Европе.

Но мгновение спустя она вновь нахмурилась.

— Что насчёт Ника? — спросила она. — У тебя есть и его образец крови, не так ли?

Блэк едва взглянул на неё.

Его взгляд пробежался по остальной группе. Он откинулся на кресле, заставив спинку скрипнуть, и скрестил руки на груди.

— Когда меня держали в тех лабораториях, один вампир сказал мне, что есть и другой способ обращать людей в вампиров, — сказал он. — Но он не рассказал мне, что это за способ. Он просто сказал, что яд — это «один способ» создавать новых вампиров... единственный, о котором известно «людям».

Блэк помедлил, затем поднял одну руку с груди и сделал плавный жест ладонью.

— ...Вампира, который рассказал мне это, звали Пазл, — сказал он. — Он был молод и во многом вёл себя как ребёнок, так что я понятия не имею, можно ли ему верить. И всё же он знал об ошейниках сдерживания видящих и том, как они работают. Он знал, что они основаны на технологии, которую дал им Чарльз. Он также довольно много знал о том, что делали человеческие учёные в той лаборатории, потому что они считали его относительно безвредным по вампирским меркам и говорили перед ним более открыто, чем перед остальными.

— Что именно он сказал? — Кико положила руки на стол, подаваясь в сторону Блэка. — Этот вампир. Пазл. Что он сказал тебе *слово в слово*, босс?

Блэк ответил одним из выразительных пожатий плечами в манере видящих.

И всё же он был видящим, так что он мог слово в слово повторить свой диалог с Пазлом.

Странно было слышать, как он это делает, поскольку когда он озвучил ответ Пазла, сам его голос изменился, зазвучав выше и как будто по-детски.

— Пазл сказал: *«Вампирский яд, конечно же. Здесь люди пытаются делать вампиров, Квентин. Правительство пытается сделать это последние несколько лет, как только узнало о нашем существовании. Конечно, их потери от провалов практически бездонны. Но они никогда не получали сюда одного из вас, так что, думаю, они не знают, что ты такое»*. Затем, немного позднее в разговоре он сказал: *«Меня зовут Пазл. Они используют меня для яда. Меня и ещё примерно дюжину других»*. Я спросил: *«Яда? Ты производишь яд? Вот как обращают в вампира?»* Пазл кивнул, затем сказал: *«Ну, это один из способов. Единственный, который им известен. Они извлекают его. Они пытаются создать из него какой-то коктейль генетического вируса»*.

Блэк отключился от воспоминаний, взглянув на Кико.

Вскинув бровь, он снова красноречиво пожал плечами.

— Именно это он сказал, слово в слово. Он определённо намекал, что яд — это лишь один способ, которым вампиры могут размножаться, и могут существовать другие способы, неизвестные людям. Я так и не добился от него ответа, что это за способы. Предположительно, Чарльз их тоже не знает. Он очень заинтересовался, когда в нашем единственном разговоре на эту тему я упомянул слова Паззла. Хотя возможно, это всего лишь притворство, и Чарльз не хотел делиться этой информацией со мной.

Воцарилось очередное молчание.

Я посмотрела на собравшихся за столом, наблюдая, как все они обдумывают слова Блэка.

— И ты уверен насчёт Мири? — спросил Джем, привлекая к себе все взгляды. — Я думал, их яд убивает видящих. Но ты сказал, что Брик, похоже, уверен, что сможет её обратить. Почему?

— Вампирский яд *действительно* убивает видящих, — сказал Блэк, выдыхая и проводя пальцами по своим волосам. — Среди тех видящих, которым дали неразбавленную дозу, необходимую для превращения человека в вампира, наблюдалась практически стопроцентная смертность. Мне чертовски повезло, что они не убили меня в тех лабораториях.

Голос Блэка сделался жёстче, подбородок напрягся.

— ...И нет, я не настолько уверен насчёт Мири. У нас нет контрольной группы для Мири, так что я понятия не имею, почему Брик так уверен, что может её обратить. Возможно, у него есть какие-то экстрасенсорные способы определения этого, как и с людьми... но я сомневаюсь. От Чарльза у меня сложилось впечатление, что вампиры не знали, что не могут обращать видящих, пока не убили нескольких в попытках. Какой бы «экстрасенсорикой» они там ни определяли, каких людей можно обращать, похоже, это не работает на видящих.

Блэк посмотрел на меня.

На мгновение я заметила, как он обеспокоенно нахмурил лоб.

Я послала ему импульс тепла и увидела, что его лицо расслабилось, но лишь отчасти.

— Согласно лабораториям, — продолжил он, вернувшись к тому ровному выражению и переключив внимание на остальных. — Люди, которые не отреагировали на яд желаемым образом, не всегда умирают. Довольно многие тяжело заболели, но потом выживали. Некоторые получили повреждение мозга... но большинство повреждений мозга наблюдалось тогда, когда они пытались сделать обращённых вампиров обратно людьми.

Выдохнув, он сделал очередной неопределённый, но в то же время выразительный жест рукой.

— Тестовая группа из несовместимых людей показала примерно 60% выживаемости, когда учёные, проводившие исследования, ввели им яд. Однако исследования доказывают, что это преимущественно лабораторный феномен. Обычно «в диких условиях» это не проблема, как они утверждают, потому что вампиры обычно не пытаются обратить таких людей. Они уже знают, что те не подходят. Это всплыло только тогда, когда они отделили яд от вампиров и испытали на тестовых человеческих субъектах.

С другой стороны стола во второй раз донёсся голос Энджел.

В этот раз её тон был значительно суровее.

— А Ник? — резко спросила она. — Он был в категории со знаком плюс? Или минус?

Блэк нахмурился.

Он взглянул на меня, затем прямо посмотрел на Энджел.

Я невольно заметила, что Джем тоже пристально наблюдал за Блэком, ожидая его ответа.

— Ник был в категории со знаком минус, — прямо сказал он. — Ник не мог обратиться. Он был несовместим со всеми четырьмя генетическими штаммами, которые выделила лаборатория.

За длинным столом прокатились тихие перешёптывания.

Энджел хмуро смотрела на него. Она ничего не сказала.

Джем тоже промолчал, и через несколько секунд шёпот тоже стих.

— Ник знал, что он несовместим, — добавил Блэк, когда никто больше не нарушил молчания. — До этого обсуждения он был единственным гражданским человеком, который знал о необходимости совпадения разных генетических типов людей и вампиров. Полковник предпочёл ввести его в курс дела, отчасти из-за его военного прошлого и доступа к секретной информации, который он возобновил через меня, когда присоединился к моей компании. Однако даже в армии только полковник и ещё немного лиц знали об этом.

Взгляд Блэка вернулся к Энджел, его голос сделался мрачным.

— Но Ник знал, что его нельзя сделать вампиром. Он знал о разных «типах» людей. Он знал бы, что он не кандидат на обращение.

Нахмурившись в ответ на молчание, вызванное его словами, Блэк как будто хотел сказать что-то ещё, когда Джем заговорил на другом конце комнаты.

— А те другие методы размножения? — сказал он. — Откуда нам знать, что Ник не пригоден для них?

Блэк повернулся, посмотрев Джемму в глаза.

Затем, взглянув на меня, он снова выдохнул, и следующие его слова напоминали извинение.

— Слушай, я понимаю, как заманчива эта мысль, — сказал он. — Я понимаю. Мы знаем, что есть шанс сделать вампира обратно человеком, так что вера в то, что Ника обратили — это проблеск надежды. Но у нас на руках месяцы исследований из лагеря Чарльза и из тех лабораторий в Луизиане. Наши техники ещё не нашли ни единого ныне существующего вампира, который не попадал бы под эти генетические парадигмы... а они в данный момент взяли образцы буквально у тысяч вампиров. Большинство из них не было создано в лабораториях под тем складом в Луизиане. Большинство из них было создано в естественных условиях.

Позволив его словам повиснуть в воздухе, Блэк сделал очередной грациозный жест рукой.

— Превращение в вампира всё равно нельзя назвать счастливым исходом для Ника, — добавил он всё ещё с извиняющейся ноткой в голосе. — На случай, если ты не услышал эту часть, то большая часть вампиров, превращённых в людей, оказались в состоянии овоща. Поначалу я думал, что они ментально не справлялись с превращением, потому что так долго пробыли вампирами. Это определённо казалось правдой для жены Брика, Лилы.

Блэк бросил на меня ещё один беглый взгляд, затем стиснул зубы, посмотрев на остальную группу.

— Но даже те, кого недавно обратили в тех лабораториях, с большой вероятностью в процессе превращались в овощи. В тюрьме, где меня держали, таким даже дали название. Зомби. Так они называли заключённых, которых забрали в лаборатории, а потом отправили обратно. Ковбой может рассказать вам больше, чем я, потому что он видел это собственными глазами. Он говорил, что их обычно быстро переводили оттуда. Остальные заключённые предполагали, что их посылали в какую-то психиатрическую клинику, потому что во многих случаях они вели себя так, будто им сделали лоботомию. Многие также проявляли жестокость.

Стиснув зубы, Блэк посмотрел прямо на меня.

— Никто не хочет этого для Ника, — произнёс он грубовато. — Никто.

Посмотрев на него, я сглотнула, затем кивнула.

Покосившись на Энджел, я видела, что слова Блэка ударили и по ней.

Я знала, что он прав.

Я знала, но слышать это вслух всё равно ранило моё сердце, может, даже какую-то часть моей души.

Маловероятно, что Ника ждал какой-либо счастливый исход.

Чем больше времени он числился пропавшим, тем меньше становилась эта вероятность.

Даже теперь я буквально чувствовала, как это окно закрывается, пока мы сидим за столом и перевариваем слова Блэка. Если мы в ближайшее время не услышим новостей, что он жив, то шансы на его выживание продолжают уменьшаться. Те немногие оставшиеся сценарии — что он в плену у вампиров, в плену у Чарльза ради выкупа, или что у него случилась какая-то чудная амнезия, и он бродит по Таиланду или Европе — чем дольше Ник отсутствовал, тем менее вероятными становились эти сценарии.

Я это знала.

Блэк это знал.

Но я всё ещё не могла заставить себя принять это.

Глава 5. Услуга

— Я бы хотел попросить вас об услуге, мой король.

Помедлив, вампир прочистил горло.

— ... Я прошу смиренно. Но с некоторой настойчивостью.

Брик поднял взгляд от прямой трансляции на планшете, который стоял на антикварном дубовом столе. Экран в настоящий момент показывал прямой новостной эфир с массового политического митинга людей в Хьюстоне, штат Техас.

Переключив внимание со светловолосого мужчины, читавшего речь на экране, на светловолосого мужчину, стоявшего перед ним, он слегка удивлённо поджал губы, но увидев его серьёзное лицо, окинул повторным взглядом.

Когда мужчина не отреагировал на его пристальный взгляд и ничего больше не сказал, Брик один раз кивнул.

— Говори.

Вампир прошёл глубже в комнату, его идеальное, неподвижное лицо оставалось неподвижным, пока он выходил на то место, где свет пламени осветил его щеки, лоб и нос с одной стороны. Он встал перед столом, за которым работал Брик. Что-то в официальности этой позы вызвало беглые воспоминания в сознании Брика.

В человеческом мире до обращения Дориан был лордом.

Странная мысль для такого момента, но Брик не слишком углублялся в эту тему.

И всё же высокий привлекательный вампир всё ещё хранил в себе остатки той сущности.

Он нёс её в себе даже тогда, когда замахивался своим обшитым сталью скейтбордом на голову своей жертвы, или когда одевался как молодой панк, или как молодой технарь, или как биржевой маклер, или как ассасин, или когда он делал себя совершенно неприметным.

Возможно, такое остаётся на уровне генетики.

А возможно, никто не может избавиться от своего изначального образа даже при смене биологического вида... даже после ста с лишним лет.

— Что я могу сделать для тебя, брат мой? — спросил Брик, откидываясь на спинку.

Наблюдая за лицом другого вампира, он сложил ладони на солнечном сплетении, позволяя вращающемуся креслу скрипнуть. Он слегка покачивался, закинув одну ногу на колено и легонько отталкиваясь от края стола, и с некоторым любопытством наблюдал за серьёзным выражением этих кроваво-красных глаз.

Дориану несвойственно колебаться — из-за чего бы то ни было.

Серьёзно, всё, что Дориан говорил вслух нормальным голосом — уже событие.

— Очевидно, ты чего-то очень сильно хочешь, — заметил Брик. — Говори, возлюбленный друг. Ты знаешь, что я мало в чем тебе откажу.

Дориан поднял взгляд от огня.

Его похожие на стекло глаза всё ещё отражали это пламя, отчего привычный кровавый цвет радужек становился ещё насыщеннее обычного. Его длинный идеальный подбородок слегка напрягся перед тем, как он посмотрел на своего короля, встретившись с ним немигающим взглядом.

— Я бы хотел, чтобы вы дали мне разрешение, — сказал он. — Тренировать его.

Брик приподнял брови.

На протяжении нескольких секунд тишину нарушало лишь тиканье старинных напольных часов, которые стояли у стены возле плотных штор, заслонявших балкон за его столом.

Когда Брик заговорил, его тон граничил с предупреждением.

— Тренировать... его? — его губы изогнулись в притворной озадаченности. — Кого «его», скажи на милость?

На это Дориан не потрудился ответить.

Он посмотрел обратно на огонь, и эта лёгкая ожесточённость его черт проступила ещё явственнее.

Воцарилось очередное молчание.

Затем Дориан заговорил, всё ещё глядя на огонь.

— Вы слишком заняты, чтобы заниматься этим, — произнёс он безупречно вежливым голосом. — Вы, прошу меня простить... слишком мягки. Вы питаете к нему слишком нежные чувства, чтобы сделать это должным образом.

Дориан помедлил, вероятно, ожидая выговора.

Не услышав такового, он перевёл взгляд и посмотрел Брику в лицо. Выражение благородного вампира сделалось прежним, плоским как камень.

— Люсия с ним откровенно бесполезна, — продолжил он. — Она вообще его не сдерживает. Она позволяет ему вырабатывать дурные привычки. Она потакает им, считая их забавными.

Дориан заметно скривил губы.

— ...Она как щенок с ещё одним щенком, — холодно добавил он. — Она слишком слаба для него. Слишком молода. Она его сведёт в могилу. Или просто сделает его неконтролируемым. Его надо приструнить. И это должно произойти сейчас. До Сан-Франциско.

Дориан замолчал.

Он неподвижно стоял там, явно ожидая ответа на свои слова.

Теперь Брик хмурился скорее озадаченно, нежели раздражённо. Позволив рукам опуститься на подлокотники кресла, он сложил пальцы домиком, всматриваясь в лицо своего друга.

— Это для тебя важно? — спросил он.

Дориан сжал челюсти.

— Да, — только и ответил он.

— Почему? — спросил Брик, и в его голос просочилось любопытство.

На это Дориан тоже не ответил.

Он лишь стоял там, напоминая эфемерную мраморную статую с кроваво-красными глазами.

— Вы отклоняете мою просьбу? — спросил Дориан.

Брик моргнул.

Вопрос не был грубым.

В нем не содержалось даже намёка на пассивную агрессию.

Вопрос был осторожно вежливым, совершенно лишённым эмоций, контекста, любой степени неповиновения. И всё же явный интерес вампира, его решение прийти и прямо попросить Брика, сделать это важным вопросом и даже услугой — всё это немало интриговало Брика.

Однако Дориан явно не намеревался делиться с ним своими мотивами... по крайней мере, не без деликатного подталкивания со стороны самого Брика. Дориан имел право не делиться своими мыслями, конечно, поскольку он явно давал понять, что будет уважать любое решение Брика. Брик был не из тех лидеров, которые требовали докладывать всё без исключения, и уж точно не тогда, когда верность ему оставалась непоколебимой.

И всё же его молчание явно разожгло любопытство Брика.

Однако тот факт, что Брик не знал точные причины тяги Дориана к этому заданию, не повлиял на его финальное решение.

— Нет, — сказал он, принимая решение и глядя в лицо вампира, который был его правой рукой. — Нет, Дориан. Я тебе не отказываю.

Помедлив, он добавил:

— Ты можешь тренировать его, возлюбленный брат, — увидев, что напряжённые губы вампира слегка расслабились, Брик заговорил предостерегающим тоном.

— Ты не станешь его *ломать*, Дориан... ни в коей мере. Ты не будешь ломать его разум, его тело, его дух. Ты не будешь ломать ничего в нём. Никаких необратимых повреждений.

Слегка усмехнувшись над своими словами, Брик легонько взмахнул рукой.

— Если честно, я бы предпочёл, чтобы его не слишком ломали даже временно, — пробормотал он. — Я согласен с тобой, что это нужно сделать до Сан-Франциско. И всё же мы не можем слишком долго откладывать эту поездку. Так что у тебя есть один месяц, брат. Ты меня слышишь, Дориан? Один месяц. И он должен быть почти в безупречном состоянии, когда мы будем готовы пуститься в путь. Никаких видимых следов.

Брик посмотрел в эти красные глаза, слегка нахмурившись.

— Эти условия понятны, брат?

Выражение лица Дориана напоминало неподвижный камень.

— Одного месяца достаточно, — только и сказал он.

— Никакого ломания, — Брик нахмурился, грозя ему пальцем. — Я серьёзно, брат. Я не хочу, чтобы он был помятым в этом отношении. Ты сможешь испытать его истинные точки напряжения, когда он привыкнет быть одним из нас, и если тогда тебе всё ещё захочется это сделать. Не сейчас. Только не тогда, когда он так молод. И я хочу регулярные доклады о прогрессе. Мы будем обсуждать это каждый день, мой возлюбленный друг.

— Благодарю вас, мой король, — Дориан согнулся пополам, опустив туловище и руку в официальном поклоне. — Я очень ценю эту услугу. Из-за неё я ещё сильнее у вас в долгу, чем прежде.

Брик наблюдал, как он завершает поклон.

Он проследил за пальцами высокого вампира, когда они едва не задели напольный паркет.

Однако озадаченность так и не покидала его, даже когда его «правая рука» повернулся и вышел за дверь, не обернувшись.

— Уходи. Немедленно.

Наоко застыл.

Его взгляд заметался туда-сюда, он замер, не до конца надев пошитое на заказ пальто, стоя перед антикварным деревянным гардеробом. Он уставился на высокого вампира с пустым лицом и бело-светлыми глазами, который стоял на пороге его комнаты.

Ник заметил полное отсутствие выражения на его лице, затем взглянул на Люсию.

Вампирша одевалась рядом с ним. Когда Дориан заговорил, она только-только накинула полупрозрачную чёрную шаль на плечи поверх тёмно-зелёного платья.

Наоко не знал, откуда ему это известно, но он точно понимал, что команда правой руки Брика адресовалась ей, а не ему.

Словно увидев это знание на его лице, Дориан адресовал следующие слова ему.

— Сегодня ты никуда не пойдёшь, — сказал он.

Молчание сгустилось, превратившись почти в одушевлённое существо.

Затем Наоко нарушил его, издав полный неверия смешок.

— Чёрта с два.

Другой вампир не дрогнул.

После небольшой паузы он прошёл глубже в комнату и встал прямо в центре пола, точно посередине антикварного ковра, занимавшего половину комнаты Наоко. Дориан двигался как тень — так тихо, что Наоко едва слышал его перемещение.

Незванная тень, заметил про себя Наоко.

— С каких это пор ты отдаёшь мне приказы? — холодно сказал Наоко. — Убирайся *нахер* из моей комнаты, мёртвоглазый чудик...

Вампир перебил его.

— ...С этих самых пор.

Слова вампира прозвучали почти безразлично, но они явственно донесли послыл. Он едва удостоил Ника взглядом. Повернув голову, он уставился на Люсию этими глубокими рубиновыми глазами.

— Уходи. Немедленно. Ты не будешь контактировать с ним. Пока я не разрешу. А этого не случится минимум месяц.

Наоко ещё шире раскрыл глаза.

— Да какого ж *хера*...

— Молчать, — в этот раз старший вампир повернулся к нему.

Пристально посмотрев ему в лицо, Дориан показал самые кончики клыков.

Что-то в его глазах, в кровавом бурлении этих ровных безжизненных радужек заставило молодого вампира помедлить.

Однако ненадолго.

— Убирайся *нахер* из моей комнаты! Сейчас же! — прошипел Наоко, тоже показывая клыки. — Я тебя не приглашал, и мне совершенно точно не нужна *нянька*, чёрт подери. Скажи Брику...

— Брик уже дал мне разрешение тренировать тебя, молодой брат. И каждую секунду, с каждым словом, слетающим с твоих губ, ты лишь подтверждаешь неотложную потребность в этой тренировке, — холодный взгляд высокого вампира переключился на Люсии. — Убирайся. Немедленно. Я не буду повторять ещё раз.

И без того белая как мел кожа Люсии побледнела ещё на один оттенок.

Светловолосый вампир наблюдал своими безжизненными как у акулы глазами, как она обходит высокого мужчину, сжимая на груди полупрозрачную чёрную шаль и поспешно направляясь к двери. Её высокие каблуки застучали по паркету, как только она

сошла с ковра, и этот звук напоминал цокот коготков маленькой собачки. Она мельком обернулась на Наоко через плечо, и в её прозрачных стеклянных глазах виднелся заметный страх.

Он честно не мог сказать, был ли это страх за себя или страх за него.

По правде говоря, ему было насрать.

Она ещё не дошла до двери, когда он сдвинулся с места.

Развернулся на пятках — и просто метнулся.

Он устремил весь свой вес вперёд, направив тело к ближайшему выходу и проломившись через окно квартиры на четвёртом этаже.

Его лицо и руки врезались в стекло, затем внезапно очутились в ночном воздухе. Он усиленно замахал руками и ногами, стараясь отдалиться от здания, пока не упал на землю.

Его единственный шанс заключался в эффекте неожиданности.

Эффекте неожиданности, а также беге со всех ног, пока он не уберётся из пределов видимости вампира. В отличие от человека, он не источал запах, который вампир мог легко отследить.

Его ступни даже не коснулись тротуара, когда чьи-то ладони стиснули его бицепсы как стальные когти. Они так крепко сжали мышцы, впились так безжалостно, что удержали напрягшиеся мускулы на месте, и заставили Наоко приземлиться одновременно с тяжёлым вампиром.

Недолгая радость Наоко превратилась в ярость.

Логика уже не сопровождала его попыткам бежать.

Он извернулся в воздухе, пнул другого вампира и использовал свой вес, чтобы попытаться отбросить его.

Он хотел, чтобы Дориан кувыркнулся через голову.

Ему это *наполовину* удалось к тому времени, когда они долетели до брусчатки — то есть, он не перевернул его полностью, но он сместил центр опоры высокого вампира, использовав против него его же вес. В воздухе он сумел толкнуть его достаточно быстро и сильно, чтобы Дориан ослабил свою хватку перед приземлением.

По той же причине, как только они приземлились, Ник ударил первым.

Приземлившись задницей на неровную поверхность на секунду раньше Дориана, Наоко вскочил на ноги, как только ощутил, что хватка пальцев ослабла.

В процессе он сумел заставить вампира перевернуться, затем сопровождал это двойным пинком по голове и ударом в центр широкой груди вампира. Ник скорее ощутил, нежели увидел, как более высокий и более тяжёлый вампир проехался по улице перед тем, как ткнуться лицом в брусчатку.

Наоко не стал ждать.

Изогнув тело в быстром рывке, чтобы приземлиться на обе ноги, он услышал звучный вздох приближавшегося пешехода, который думал, что они оба сильно пострадали. Наоко протолкнулся мимо человека и отбросил его в сторону, словно тот был бумажной мишенью.

Он перешёл на бег, на всей скорости метнувшись в тёмный переулок.

Опять-таки, он ушёл недалеко.

Мощный вес врезался в него сзади, так стремительно и неожиданно, что Наоко не просто споткнулся — он полетел прямо лицом в тротуар. В его скуле и челюсти взорвалась боль, за которой последовал сильный глухой удар по лбу.

Вместо того чтобы оглушить, удар разъярил его.

Он едва успел осознать, что с ним случилось, как эти стальные руки опять стиснули его бицепсы как пара лиан, подняв на ноги, затем резко дёрнув и развернув лицом в противоположную сторону.

Зашипев, Наоко запрокинул голову и боднул, ощутив крепкий удар, когда его череп встретился с подбородком вампира.

В отличие от предыдущего раза, хватка пальцев на его руках не разжалась.

Другой вампир даже не издал ни звука.

Наоко осознал, что вампир не издал ни звука с тех самых пор, как он проломил окно. Если он и издал какой-то звук, Наоко его не услышал даже с вампирским слухом.

Мгновение спустя пальцы одной руки отпустили его.

Как только рука освободилась, Наоко замахнулся...

... и в это самое мгновение холодная рука стиснула его горло.

Рука дёрнула его назад, прижав тело Наоко к каменному телу. Наоко шипел на него, плевался, пытался впиться зубами в руку под плащом, которая прижимала его к груди вампира. Извиваясь в его хватке, он не переставал сопротивляться всё то время, что его тащили по улице в сторону их жилого здания.

Вампир тащил его, оставаясь безмолвным и безразличным, подталкивал вперёд, не обращая внимания на его размахивание кулаками, пинки и угрозы. Наоко не раз попадал в цель этими пинками и ударами, но вампир даже не дрогнул.

При виде приближавшейся двери их жилого здания, в его груди взорвалась ярость. Издав гневный вопль, он метнулся всем весом назад, оттолкнувшись от тротуара обеими ногами и швырнув на вампира всё своё тело.

В этот раз ему удалось застать его врасплох, и хватка Дориана на его другой руке ослабла. Наоко не пытался ударить его. Вместо этого он вывернулся, используя дополнительную инерцию, чтобы высвободить голову и шею.

Он наполовину вырвался...

Затем эти стальные пальцы сжали его горло.

Не успел Наоко осознать случившееся, как его спина врезалась в кирпичную стену, образовывавшую фасад здания. В этот раз он ударился так сильно, что почувствовал, как кирпичи стены трещат и ломаются под его позвоночником. Он невольно издал вскрик, на мгновение обмякнув в хватке другого вампира, свесив ноги и ступни над тротуаром.

Когда он посмотрел вниз, Дориан уставился на него, полностью обнажив клыки. Его лицо заливала кровь, черты исказились в яростной гримасе. Его светлые волосы запачкались кровью. Он гортанно рычал, и этот звук вибрировал в его груди и горле.

Он приподнял Наоко над тротуаром, и его рука образовывала длинную идеальную диагональную линию.

— Шевельнись, и я тебе *шею сверну*, — прошипел он.

Наоко моргнул.

Затем его затопила ярость.

Она горячеей, неконтролируемой волной заполонила его разум, его тело, каждую часть его естества.

Без единой мысли в голове он врезал светловолосому вампиру кулаком по лицу, согнувшись в талии и вложив в удар весь свой вес.

Он ощутил, как его костяшки пальцев соприкоснулись с плотью, ощутил торжествующее, холодное чувство возмездия, когда пальцы другого вампира ненадолго разжались...

Затем всё потемнело.

Глава 6. Ученик

Наоко открыл глаза.

Он не просыпался постепенно.

Он полностью, совершенно, до конца проснулся.

Воспоминания затопили его разум.

Образы приходили линейным повествованием — длинная напрягающаяся рука под чёрным плащом, рычащее окровавленное лицо, бело-светлые волосы, окровавленные, холодные, белые как мел пальцы, стискивающие его горло металлической хваткой.

Адреналин, или какой-то его вампирский эквивалент, хлынул в его кровь, в само его сознание. Ладони Наоко нащупали жёсткую поверхность, на которой он лежал, готовясь оттолкнуться из позы лёжа на груди и животе, привести тело в вертикальное положение, в позу, готовую к драке, бегу, какому-то манёвру.

Он опёрся на ладони, отталкивая свой вес вверх и назад...

И издал невольный шокированный звук.

Что-то прижимало его к жёсткому полу.

Наоко на мгновение остановился, оглядывая деревянные доски.

Он поднял голову, насколько это ему удалось, затем попытался выгнуть шею, обернуться и посмотреть на плечи и спину.

Он мельком заметил нечто вертикальное и металлическое, выступавшее над его кожей. Он уставился на этот предмет, затем опустил голову обратно, чтобы посмотреть на пол. Он оценил свою позу, своё тело, лимиты передвижения.

Его ноги свободны. Его руки свободны.

Что бы там ни было, оно прижимало его к полу только за туловище. Вся эта штука была металлической. Металл. Острый. Может, дюйма три шириной, а толщиной всего несколько миллиметров.

Скорее всего, меч.

В любом случае, это проходило сквозь его грудь, пронизывало грудину и удерживало его на полу.

Он должен суметь вытащить эту штуку.

Почему он не мог отодрать себя от пола?

Он сильнее деревянных досок. Он покосился на рукоятку, если это действительно меч. Он мог видеть и чувствовать его, как и клинок в своём теле. Рукоятка должна дать ему опору, чтобы вытащить эту штуку из досок.

— Я его согнул, — сказал голос свыше.

Наоко поднял взгляд, выгнув шею, чтобы посмотреть в противоположную сторону комнату, всё ещё упираясь ладонями в пол по обе стороны от своей груди.

Он уставился на вампира, сидевшего на антикварном диванчике.

Диван по стилю был викторианским, с замысловатой спинкой из вишнёвого дерева, украшенной резьбой в форме роз и лиц херувимов. Зелёная обивка дивана контрастировала с белыми волосами вампира, а также с тёмно-синими брюками и классической белой рубашкой.

Вопреки современной одежде, Дориан совершенно уместно смотрелся на антикварном диване.

Он также, похоже, знал, как сидеть на нем относительно удобно — чему сам Наоко ещё не научился, хотя эта проклятая штука находилась в его комнате, когда он въехал.

Наоко обдумал слова вампира.

— Ты его согнул? — настороженно переспросил он. — Меч?

Дориан кивнул.

Наоко невольно с некоторым удовлетворением заметил, что на лице другого мужчины всё ещё виднелись следы их драки. Синяки по большей части сошли, но порезы на щеке, переносице, подбородке и возле линии роста волос всё ещё заживали.

Разум Наоко вернулся к проблеме с мечом.

Если металл согнут там, где он вонзался в дерево, то он должен суметь его вытащить.

Нужно просто подождать, пока вампир уйдёт.

— ...А ещё я залил его цементом, — добавил Дориан. — Другой конец клинка. И большую часть потолка под тобой.

Наоко поднял взгляд.

Он увидел, что вампир наблюдает за ним.

В его тёмно-красные глаза вернулся тот безразличный, пустой взгляд.

На глазах Наоко Дориан склонил голову, словно изучая животное, которое он поместил в клетку. Выражение его лица не менялось.

— Я бы не советовал срывать своё тело с меча, — добавил вампир таким же бесстрастным тоном. — Самая толстая часть клинка краешком задевает твоё сердце, так что вряд ли ты сумеешь успешно освободиться... не убив себя.

Наоко моргнул, уставившись на него, затем повернул голову, чтобы посмотреть на рукоятку, торчавшую из его спины. Он сосредоточил внимание на своём сердце, на тех частях груди, где он чувствовал клинок меча, подтверждая слова вампира.

— Это шотландский клеймор², — добавил Дориан. — Брик совсем не обрадовался, когда я его испортил, поскольку это оригинал, но это единственный имевшийся у нас клинок, который был достаточно длинным... и достаточно прочным. И раз уж изначально он принадлежал мужчине, которого я убил, полагаю, у меня было право.

Дориан поджал губы, переводя непроницаемый взгляд на стену и потолок.

— ... К счастью, в отличие от своего предшественника, Брик не особенно привязывается к «вещам», — добавил вампир, всё ещё разглядывая рубиновыми глазами стены. — И всё же мне нужно найти ему равноценный подарок, раз он дорожил этим мечом...

— Зачем, бл*дь, это нужно? — выплюнул Наоко. — Напугать меня?

Дориан помедлил, опуская взгляд.

Он всматривался в лицо Наоко. Его губы приподнялись в лёгкой улыбке.

Однако улыбка не коснулась тех рубиновых глаз.

— Усмирить тебя? — предположил он.

Увидев, как губы Наоко скривились в хмурой гримасе, вампир хмыкнул и улыбнулся ещё шире.

— Пожалуй, нет, — сказал он.

Он грациозно поднялся на ноги.

Наоко наблюдал за ним, по-прежнему хмурясь, а теперь ещё и зашипел, потянувшись к нему рукой, когда Дориан явно собрался уходить.

Светловолосый вампир небрежно прошёл мимо его распростёртого тела, мимо горящего камина справа от Наоко, мимо вытянутой руки Наоко и хватающей ладони, мимо ковра, который скатали в рулон и приставили к стене возле каменного очага, мимо антикварных кресел, подходивших к викторианскому дивану.

Дориан и взглядом не удостоил вампира, припиленного к полу настоящим шотландским клеймором, сделанным где-то в пятнадцатом веке.

— Возможно, я посчитал, что тебе нужно время подумать, друг, — сказал он.

Даже произнося эти слова, он не обернулся.

Ярость ослепила вампира на полу.

— *Иди ты нах*й, альбиносовый кусок социопатичного дерьма...*

Слова Наоко заглушил звук плотно закрывшейся двери.

Мигом осознав, что вампир не вернётся, по крайней мере, в ближайшее время, Наоко издал яростный вопль, задёргавшись на жёстких гранях клинка, который удерживал его на полу.

Никто не подошёл к двери.

² Клеймор – двуручный (реже – одноручный) шотландский меч с длинной рукоятью и широким клинком. Длина клинка – 105-110 см, рукояти – 30-35 см. Таким образом, общая длина меча могла достигать до полутора метров.

Никто, похоже, вообще его не слышал.

Дориан отправился на ленивую охоту.

Он уделил этому всю ночь.

Он несколько раз звонил в квартиру, в основном, чтобы услышать новости от охранницы, которую он приставил к двери нового ученика. Найроби заверила его, что если не считать злого шипения и рычания, по ту сторону двери было тихо.

На следующий день Дориан не заходил в комнату.

Несколько раз он проходил мимо двери.

Он оставался в доме, тем самым избавив Найроби от обязанности нести караул, но не стоял возле двери весь день, как она прошлой ночью. Вместо этого он работал с Бриком, отслеживал события в Соединённых Штатах, помогал королю организовывать кланы в Европе и Южной Америке, большинство из которых уже находилось на этапе подготовки к войне.

Наступление на Северную Америку теперь стало неизбежным.

Когда Брик отпустил его на закате, Дориан покинул жилое здание.

В ту ночь он охотился, как и в предыдущую.

Он вновь оставил Найроби у двери.

В этот раз, когда он звонил, она говорила, что в комнате царит полная тишина.

По её словам, было настолько тихо, что она начала беспокоиться о побеге новорождённого. Она несколько раз подбиралась снаружи к окну, чтобы убедиться, что он всё ещё внутри.

Она сказала, что он всё ещё там, припилен к полу, как его и оставил Дориан.

Дориан поблагодарил её за проверку.

И всё же он нарушил свою охотничью рутину и сам проверил через окно, убедившись, что Наоко действительно там же, где он его оставил. Он также проверил меч — и той ночью, и несколько раз за следующий день, и за предыдущий день.

Меч оставался нетронутым с тех пор, как он вогнал его в грудь вампира, а затем в пол и потолок ниже. Бетон, которым он запечатал согнутый клинок, оставался целым. Никаких трещин на серо-белой поверхности. Квартира сохраняла прежний вид, и снаружи, и со стен прилегающих комнат. Здание старое, но технические пространства между этажами были узкими.

Дориан это знал. Он это проверил.

Его подопечному некуда деваться.

Ему совершенно точно никуда не деться незамеченным.

И всё же эти проверки заверили Дориана, что он ничего не упустил.

В конце полного второго дня он пошёл на короткую охоту.

К тому времени ему было любопытно посмотреть, как поживает его подопечный.

Он сомневался, что Наоко искренне раскается всего через несколько дней.

Он сомневался, что он хоть сколько-нибудь запугал его.

И всё же к этому времени мог наблюдаться видимый прогресс.

Возможно, затруднительное положение Наоко на протяжении последних нескольких дней успокоило его достаточно, и он будет разумно и уважительно слушать.

Он будет голоден.

Он будет слаб, голоден, и в результате более уступчив. Молодым вампирам не хватало дисциплины или выдержки, чтобы долго обходиться без крови. Более того, они не могли справиться с ментальным стрессом.

Они понятия не имели, как долго могут прожить без крови.

Для них голод — это всё равно что буквально наблюдать собственную смерть.

Большинство из них считало, что если они проведут без крови несколько дней, то умрут, и это состояние сознания делало их более склонными для переговоров.

Как минимум, Наоко *притворится*, что идёт навстречу — хотя бы пока не получит крови. Он попытается убедить Дориана, чтобы тот разрешил ему поохотиться. Скорее всего, он пообещает сделать что угодно, лишь бы Дориан разрешил ему охотиться и кормиться.

Молодые вампиры также сильнее ощущали необходимость охотиться, чем старшие вампиры.

Однако Дориан не собирался позволять ему такое — пока что нет. Он не собирался давать ему что-либо, пока не получит в ответ несколько настоящих признаний. Он ожидал, что на это уйдёт ещё несколько дней как минимум.

Но эти дни необязательно проводить в изоляции.

Дориан мог начать обучать его в эти дни.

Кое-что может даже отложиться в его мозгу.

Он отпустил Найроби примерно в два часа утра.

Показав ей жестом, что дальше он сам обо всём позаботится, он остановил её ровно настолько, чтобы пробормотать на ухо о том, что он оставил в её комнате несколько подарков взамен этой услуги.

Он не сказал ей, что это за подарки, но знал, что они её порадуют.

Она тоже знала, что они её порадуют, и благодарно улыбнулась, сжав его руку бледной ладонью.

Дориан не тратился впустую, когда дело касалось подарков.

А также он серьёзно относился к услугам и оплачивал за них в соответствующей серьёзной манере.

Поэтому он оставил ей два подарка, по одному за ночь и день, что она охраняла его подопечного. Один из подарков был мужчиной, которого он достал с немалыми проблемами.

Она питала слабость к аристократам, так что он приложил усилия.

Вместе с молодым графом, специально для неё одетым в парадную униформу, связанным и стоящим на коленях с кляпом во рту, Дориан оставил ей на каминной полке изумрудно-бриллиантовое ожерелье, которое принадлежало теперь уже покойной жене графа.

Всё ещё слегка улыбаясь и представляя, что мог принести ей Дориан, Найроби направилась по коридору к своей комнате.

Дориан проводил её взглядом.

Затем он потянулся к ручке двери в комнату Наоко.

Беззвучно повернув её, он открыл дверь.

Он приказал Найроби не входить в комнату ни под каким предлогом.

Он также сказал ей проверять его через окна, если у неё возникнут вопросы или беспокойство об его самочувствии или присутствии в комнате. Она могла проверять его любым другим образом, какой сочтёт подходящим, лишь бы Наоко не почувствовал и не ощутил её в комнате, лишь бы эта дверь не открывалась.

Новорождённый должен был чувствовать себя в совершенном одиночестве.

Уединение содержало в себе посыл, как и меч.

Дориан знал, что Найроби в точности соблюдёт его инструкции.

Он также знал, что она будет проверять Наоко через окна чаще, чем скажет ему — из страха разочаровать, как минимум, но в основном и гордости. Она никогда не позволит себе упустить из-под присмотра подопечного, которого ей поручили. Никогда. Это просто не в натуре Найроби.

По той же причине, а также благодаря мерам предосторожности, Дориан знал, что Наоко будет в комнате, более-менее в таком же состоянии, в каком он его оставил.

Он знал, что Наоко будет там.

Он ожидал увидеть его лежащим без рубашки на деревянном полу, пока меч прищипливал его к полу по самую рукоятку. И всё же, вид его действительно на том же месте, бледного и вибрирующего энергией, настороженно поднявшего голову при звуках появления Дориана, вызвал у него мягкую волну удовольствия. Он позволил себе лёгкую улыбку, пересёк порог и закрыл за собой дверь.

Молодой вампир выглядел совершенно великолепно, даже сейчас.

Эта улыбка всё ещё играла на губах Дориана, когда он сделал ещё один шаг...

...и он тут же понял, что что-то не так.

Его взгляд метнулся в сторону.

Его вампирские глаза заметили тонкий металлический столбик, когда тот взлетел по дуге как кнут, целясь в высокий потолок. Дориан не увидел движение полностью. Петля проволоки обвила его лодыжку, дёрнула вверх за доли секунды и подвесила вверх тормашками, пока он извивался в воздухе, пытаясь дотянуться до пойманной в ловушку ноги.

Он раскачивался в воздухе, а его лодыжка повисла в проволочной петле.

Зашипев, он завозился с проволокой, которая рассекла кожу его лодыжки, и только тогда осознал, что проволоку заострили с двух сторон, сделав её острой как бритва.

Он в неверии уставился в потолок, всё ещё бешено раскачиваясь в разные стороны и извиваясь, повиснув на теперь уже выпрямившемся столбике.

Он ни на секунду не прекращал попыток высвободить ногу.

Однако прежде чем он сумел запустить пальцы под бритвенно-острую проволоку, он ощутил движение воздуха над лицом и голой кожей рук — и это движение вызывалось не раскачивающейся проволокой. Это движение казалось направленным, неслучайным.

Оно заставило волоски на его коже подняться, как от электрического заряда.

Он повернулся, зашипел, удлинил клыки, раскачиваясь в воздухе и всё ещё поддевая пальцами проволоку на лодыжке, истекая кровью по ноге и пытаясь высвободиться.

Перед ним появилось улыбающееся лицо Наоко.

Кровь покрывала его грудь, лицо, руки.

Прежде чем Дориан успел сказать хоть слово, сильные руки обхватили его голову...

И всё померкло.

Глава 7. Другой подход

Брик наблюдал за своим заместителем, слегка поджав губы.

Он хотел испытывать раздражение.

На каком-то уровне он отчётливо ощущал, что должен испытывать сильное раздражение.

Более того, он знал, что если он поддастся инстинктивной реакции на ситуацию, это не пойдёт на благо дисциплине. Это также могло обидеть другого вампира, конечно же, но при данных обстоятельствах Брик не так беспокоился об этом.

Ему стоило разозлиться.

Дориан пропал на несколько дней.

Он позволил самому молодому, даже новорождённому, только что обращённому, исчезнуть на несколько дней. Он позволил тому же новорождённому устроить настоящий разгул в Париже, который оказался достаточно заметным, чтобы угодить в крупные газеты и наверняка привлечь внимание видящих Блэка или Счастливого Люцифера, которые всё ещё работали на этом континенте.

Всё это произошло под надзором Дориана.

Всё это произошло после того, как Дориан *прямым текстом* заверил Брика, что он лично займётся подготовительной тренировкой Наоко и сделает это потому, что никто не мог сделать это так хорошо и тщательно, как Дориан.

Полный и бесконечный провал Дориана в задаче тренировки нового подопечного Брика — нет, нового члена его *семьи* — должен был его разозлить.

И всё же реакция Брика преимущественно граничила с весельем.

Более того, ему было довольно сложно сидеть там, придавая лицу серьёзное выражение и не показывать другому вампиру своё веселье. Чем дольше он смотрел на вампира, сидевшего напротив него на кожаном диванчике, тем сложнее становилось держать лицо.

Отчасти причиной могла служить совершенная несовместимость того, кто и в чём провалился, а также *эпичность* этого провала.

Дориан не терпел неудачу.

Дориан никогда не терпел неудачу.

Брик практически уверен, что никогда не видел его таким, ну... всклокоченным.

Лицо Дориана сохраняло его обычную неподвижную маску нейтральности. Его радужки были того же тёмно-рубинового цвета, что и всегда — его разум и кровь поддерживал то же постоянное состояние возбуждения, пусть и на каком-то невидимом внутреннем уровне.

Его одежда, как всегда, выглядела безупречно.

Его светлые волосы недавно были подстрижены, коротко по бокам и сзади, длиннее на макушке.

Но ничто из этого не скрывало наполовину зажившие порезы, усеивавшие его лицо и другие видимые участки кожи. Брик видел порезы на лбу Дориана, у одного глаза, на губах, на одной щеке, на шее, на верхней части груди.

Синяки также нарушали привычную безупречность внешности Дориана. Тёмно-синие отметины уже бледнели на его горле. Более крупный след темнел с одной стороны длинного подбородка. Брик даже через одежду заметил длинную рану с внутренней стороны запястья и руки Дориана, а также глубокий заживающий порез на костяшках другой руки.

Он также не упустил глубокий след от укуса на предплечье Дориана.

Брик видел, как Дориан дрался с несколькими вампирами одновременно.

Он видел, как он разбирался с видящими, людьми с винтовками, первоклассными ассасинами, даже вампирами, входившими в несколько перечисленных категорий.

Не знай он правду, он бы предположил, что Дориана подкараулили как минимум четыре или пять видящих-разведчиков с военной тренировкой. Он, скорее всего, предположил бы, что как минимум некоторые из этих разведчиков были вооружены тем иномирным оружием из зелёного металла, над разработкой и изготовлением которого люди Чарльза трудились последнюю дюжину с лишним лет.

Дориан наблюдал, как Брик его оценивает.

Если он и заметил веселье Брика из-за того, в каком состоянии он находился, то не отреагировал.

Выражение лица светловолосого вампира не изменилось.

— Могу я запросить... текущий статус? — спросил Брик наконец, усилием воли не позволяя юмору прокрасться в голос. — Должен сказать, прошло несколько дней с тех пор, как ты достаивал меня отчёта, брат Дориан.

Лицо Дориана не дрогнуло.

Подняв одну ногу с пола, он элегантно положил лодыжку на колено другой ноги.

— Да, — просто сказал он. — Я приношу свои извинения, мой король.

Брик кивнул, всё ещё поджимая губы.

Опять-таки, как бы ему ни хотелось сердиться, это давалось ему с трудом.

— И? — спросил Брик. — Наш возлюбленный Наоко дома? В целости и сохранности?

— Он в безопасности. Совершенно невредим.

Брик приподнял брови.

— Серьёзно? Невредим? *Совершенно невредим*, говоришь?

— Мне пришлось свернуть ему шею, — холодно объяснил Дориан. — Чтобы вернуть его домой. Он восстанавливается, но в остальном без единой царапины. К концу дня будет в полном порядке.

— А. Понятно.

И вновь Брик помедлил.

И вновь Дориан не предложил дополнительной информации.

— И... могу я спросить...? — деликатно рискнул Брик. — *Где именно он находится?*

— В моей комнате.

— А, — Брик кивнул, сохраняя задумчивое выражение лица.

Когда Дориан не стал углубляться в детали, Брик изобразил на лице вежливую любознательность.

— Под охраной, надеюсь? Вопреки его нынешнему состоянию? — когда Дориан промолчал, Брик не унимался. — Ты должен понимать моё беспокойство, возлюбленный брат, учитывая события последних дней. В этот раз он *действительно* надёжно изолирован? Или он, скорее всего, покинет здание прежде, чем завершится наш разговор?

— Он в клетке, — сказал Дориан.

— В... клетке?

— Да, — Дориан изменил позу на диванчике, но в остальном не моргнул и не изменил выражение лица. — Она железная. Мне её построил кузнец. Из Пьерфона³. Её доставили в моё отсутствие, и теперь она расположена в моей комнате, — помедлив, он добавил: — Она достаточно прочная. С замком, который он не сможет взломать. Единственный ключ у меня. А ещё он прикован к ней. Железными кандалами.

подавив улыбку, Брик постарался не расхохотаться в голос.

Он кашлянул, чтобы скрыть смешок, затем прочистил горло, пока не смог взять выражение лица под полный контроль. Посмотрев на своего заместителя, он нахмурил лоб и серьёзно кивнул, откинувшись на спинку вращающегося кресла за массивным столом из состаренного дуба. Балансируя на кресле, он сложил руки на груди и наградил прищуренным взглядом своего заместителя, своего любимого и самого верного лейтенанта.

Дориан по-прежнему не менял выражение лица.

— И? — подтолкнул его Брик, когда Дориан не продолжил. — Как долго ты предлагаешь держать нашего непослушного Наоко в железной клетке, которую ты для него построил?

Уголок губ Дориана дёрнулся.

Это первая реакция, которую заметил Брик на его равнодушном фасаде.

— Поэтому я здесь, — сказал Дориан. Он положил бледные ладони на диван, поглаживая тёмно-красную ткань длинными, хоть теперь и изрезанными и ушибленными пальцами. — Я бы хотел обсудить альтернативные подходы к тренировке Наоко.

В этот раз Брик не смог подавить улыбку.

³ Пьерфон — замок на юго-восточной окраине Компьенского леса, Франция. Служил местом съёмок многих исторических сериалов. В том числе там снимали сцены в Камелоте для сериала «Мерлин».

— Неужели? — невинно отозвался он. — Какие... подходы... ты хотел бы опробовать, мой возлюбленный друг? — на мгновение сверкнув клыками, он добавил: — Моё условие не вредить ему остаётся в силе, Дориан. Никаких пыток. Никаких бензопил. Никакого удаления конечностей, хоть они отрастут, хоть нет. Никакого морения голодом или ментальной манипуляции...

Другой вампир спокойно поднял ладонь.

— Ничего такого, — сказал он. — Более того, теперь я полагаю, что самые типичные формы наказания будут не очень эффективны.

Брик приподнял брови.

Сильнее откинувшись на спинку кресла, он вновь скрестил руки.

— Вот как? И почему же?

— Он слишком умён, — просто ответил Дориан.

В ответ на молчание Брика Дориан отвёл взгляд.

Уставившись в камин, он продолжил тем же нейтральным голосом.

— Теперь я полагаю, что будучи человеком, он притворялся намного более глупым, чем он есть на самом деле, а также не выдавал всего набора своих навыков. Я не знаю, почему и как долго это продолжалось. Однако недавно я собрал информацию на него по человеческим каналам, включая то, что мне удалось заполучить из армии, а также по его службе в полиции и работе детективом. В этих записях присутствуют намёки на интеллект значительно выше среднего... а также явные попытки скрыть это с его стороны.

Дориан помедлил, затем сделал витиеватый жест рукой.

— Больше он этим не утруждается, — сказал он. — Будучи вампиром.

Брови Брика взлетели нетипично высоко.

— Пример, брат? Если тебе не сложно?

— Найроби сказала тебе, как она меня нашла? — спросил Дориан. — Как он сбежал?

Брик нахмурился.

— Она не... вдавалась в детали, — осторожно ответил он.

Дориан кивнул, его необычайно красивое лицо по-прежнему оставалось неподвижным как мрамор.

— Он приготовил для меня ловушку, — сказал он. — Он прорезал себе путь к свободе, двигая своё тело так, чтобы клинок прорезал его, пока он не освободился. Хоть я и сказал ему, что подобное его убьёт.

Дориан посмотрел в глаза Брику, и его кровавые радужки сделались ярче.

— Он достаточно хорошо знал анатомию, чтобы проверить такое... чтобы увести клинок от места, где он задевал сердце, чтобы маневрировать лезвием, избегая толстых костей, который меч не смог бы прорезать. Должно быть, ему потребовалось некоторое время и тщательные мысленные расчёты, но он освободился, а затем подготовил для меня ловушку, используя подручные материалы в комнате. Металлический прут от корпуса кровати, обладающий достаточной гибкостью, чтобы сработать как палка в силке... спусковой механизм, который он соорудил из расшатавшейся половицы и металлической кочерги, которую погнул зубами.

Челюсти Дориана напряглись.

— ...Он удостоверился, чтобы ничто из этого не видно из окна, задёрнул шторы на одном окне, которое позволило бы мне или Найроби увидеть его силки снаружи. Занавески на другом окне он оставил открытыми. По случайности, этот вид позволял всем заглядывающим увидеть его на полу... но не видеть металлический прут, который он приладил в качестве ловушки для меня.

И вновь челюсти Дориана слегка напряглись.

— Затем наш новорождённый насадил себя обратно на меч... опять-таки прорезав своё тело лезвием, как бы болезненно это ни было. Он направил клинок по тому же курсу, каким освободился. Он прикрыл порез своей же кровью, чтобы не было заметно из окна.

Затем он позволил своей коже и плоти исцелиться на порезе, чтобы он выглядел так, будто оставался на прежнем месте.

Дориан пожал плечами, глядя на Брика безразличными кровавыми глазами.

— Он ждал там, на полу, когда я вернусь. Он не выпрыгнул из окна. Он не попытался сбежать, как в первый раз. Должно быть, он разозлился... особенно после такой кровопотери. Однако он не ушёл кормиться или охотиться. Он ждал.

Дориан слабо улыбнулся, вскинув бровь и сделав очередной витиеватый жест рукой.

— Он научился, видите? Он знал, что если сломает мне шею, то получит настоящую фору. Он сумеет избавиться от меня на несколько дней, а не часов... или минут, если бы я был в здании, когда он освободился от меча. Чего он никак не мог узнать, не всполошив нас.

Стиснув подушку дивана длинными белыми пальцами, Дориан задумчиво посмотрел на огонь.

— Из своего недавнего изучения его прошлого я узнал несколько вещей... безответственно с моей стороны было не узнать этого до того, как предпринимать попытки тренировать его. По правде говоря, я предположил, что у меня будет больше времени до тех пор, как мне понадобится такая детальная информация.

Он перевёл взгляд на Брика, и в его кровавых глазах полыхнул ответ пламени.

— Оказывается, он эксперт в создании и обнаружении подобных ловушек. А также взрывных устройств. Обнаружив это, я приложил намного больше усилий, чтобы изучить его профиль... так что теперь я имею относительно точное представление о полном наборе его навыков и во время службы в человеческой армии, и после.

Когда Дориан закончил говорить, воцарилось молчание.

Затем Брик не сдержался.

Он усмехнулся.

— И? — сказал он, улыбаясь и покачиваясь в кожаном кресле. — Как ты его нашёл?

Бровь Дориана приподнялась в безмолвном вопросе.

— После того как он сбежал, — пояснил Брик. — Как ты принялся выслеживать нашего эксперта по ловушкам и армейского оперативника, когда он стал вольно разгуливать по улицам Парижа?

Элегантная бровь опустилась в прежнее положение.

Дориан глубже откинулся на спинку. Его голос оставался смертельно серьёзным.

— Было непросто, — сказал он.

Тут Брик расхохотался по-настоящему.

— Готов поспорить, — он широко улыбался, всё ещё посмеиваясь. — Но как же ты справился, мой возлюбленный друг?

Дориан вскинул бровь, растягивая порез под тем же глазом.

— К тому времени он провёл некоторое время без кормления... и без охоты, — Дориан опять сосредоточился на пламени, поджав бледные губы. — Это должно было упростить его выслеживание, но не упростило. Он каким-то образом сумел контролировать себя первые несколько дней.

Взглянув на Брика, Дориан добавил:

— Он скрывался в канализации и катакомбах, чтобы переждать ночь. Он разделался с несколькими рабочими, как минимум с двумя бездомными и с одним священником. Всех я в итоге нашёл. Очевидно, это ничуть не уменьшило его голод. К третьему дню он совершенно потерял контроль... когда попал в тот подпольный танцевальный клуб. Для нас это стало счастливым прорывом. К тому времени он находился далеко отсюда, на окраине города.

Веселье Брика никуда не уходило.

И всё же он слегка нахмурился, услышав эти слова.

— Не уверен, что назвал бы это «счастливым» брат Дориан. Это попало в парижские новости и разошлось по международным газетам...

— Я приношу свои извинения за это, — вмешался Дориан.

И вновь он поднял ладонь, сохраняя непроницаемое выражение лица.

— И всё же, — продолжил он. — Я бы поспорил, ведь лучше, что он утратил контроль на относительно ранней стадии своего охотничьего загула. Урон мог бы быть куда серьёзнее, если бы он оставался под землёй. И ещё хуже, если бы он вообще выбрался из города — полагаю, именно такую цель он преследовал.

Брик кивнул, признавая его слова, пусть и немного неохотно.

— Даже в клетке он показал себя... проблемным, — признал Дориан.

Брик снова приподнял брови.

— О?

Дориан кивнул с бесстрастным выражением лица.

— В каком отношении, позволь спросить, брат?

— Я пытался кормить его, — объяснил Дориан. — Я также пытался добиться, чтобы он покормился от меня, поскольку он был довольно голоден. В обоих случаях он всё время прокручивал в голове сложные математические уравнения и английские сонеты, чтобы не дать ему вытащить информацию из его сознания. Очевидно, этому трюку он научился за своё время, проведённое с видящими...

Брик расхохотался в голос, не сумев сдержаться.

Дориан лишь пожал плечами, продолжая тем же тоном.

— Возможно, этому трюку он научился от самого Блэка, — признал он, хмуря лоб. — Однако в отличие от Блэка Наоко теперь вампир. Его не так-то просто сделать рабом яда. Не так просто как человека... и тем более видящего.

Всё ещё улыбаясь, Брик усмехнулся.

— Несомненно.

Воцарилось очередное молчание.

Затем Брик подался вперёд в кресле, положив руки на дубовый стол. В этот раз он более тщательно всмотрелся в лицо Дориана, и впервые его веселье стихло.

— Ты весьма заинтригован этим, не так ли, брат? — всё ещё всматриваясь в лицо Дориан, Брик вскинул одну бровь. — Я слышал, ты запретил Люсии приближаться к нему. Могло ли это также злить его, друг мой? Что ты лишил его приятельницы по играм?

Губы Дориана поджались.

Это была первая демонстрация раздражения на этом фарфоровом, пусть и помятом лице.

— Она ему уже наскучила, — сказал Дориан. — Это очевидно для меня, хотя для него пока что нет. Она напоминала ему кого-то... на кого она совсем не похожа, за исключением некоторого физического сходства. Сказать, что она слишком слаба для него — это ничего не сказать. Он бы поиграл с ней ещё немного, затем нашёл бы себе новую игрушку.

Укоризненно покачав головой, Брик тихонько цокнул языком.

— Ну же, брат... в этой семье живёт уважение, — мягко произнёс он. — Уважение ко *всем* нашим братьям и сёстрам. Вне зависимости от их талантов и способностей. Я настаиваю на этом.

Дориан слегка пожал плечами.

— Я извинюсь, если вы хотите, — сказал он, и в его голосе прозвучало лёгкое недоумение. — Но не неуважение заставляет меня произносить эти слова. Она неподходящая пара для него. Он это знает, даже если ещё не посмотрел в лицо этой правде. Вы тоже это знаете. Более того, он даже ни разу не упомянул её имя с тех пор, как я отослал её из его комнаты в ту первую ночь.

Брик кивнул, опять признавая слова собеседника.

— Он уже вспоминает? — спросил он более спокойным тоном. — Его воспоминания. Они уже начали возвращаться?

Дориан перевёл на него взгляд, лицо сделалось задумчивым.

Он явно знал, что имеет в виду Брик.

— Нет, — Дориан поджал губы, всё ещё размышляя. — Нет. Я так не думаю. По моим наблюдениям. Отчасти поэтому до него всё ещё так сложно достучаться, думаю.

Брик опять кивнул.

Он интуитивно чувствовал то же самое.

И всё же это слабое подозрение не уходило из его сознания.

— Ты ещё не совокуплялся с ним? — прямо спросил он. — С Наоко?

В этот раз молчание ощущалось тяжёлым.

— Дориан?

— Нет.

— Нет? — Брик оценивал лицо другого вампира. — И почему же это?

Выражение другого не дрогнуло.

Однако Брик не собирался довольствоваться этим не-ответом. Только не в этом вопросе.

— Скажи мне, почему, — произнёс он жёстко. — Я настаиваю.

Когда молчание затянулось ещё на несколько секунд, Дориан вежливо склонил голову почти в поклоне.

— Я посчитал, что для такого мне понадобится разрешение, мой король, — сказал он.

Брик почувствовал, что крепкий узел в его груди немного ослабел.

— Так и есть, — произнёс он немного холоднее. — Тебе нужно разрешение.

Дориан лишь сидел там, его лицо и тело оставалось неподвижным.

Одна рука легко лежала на колене, другая покоилась на сатиновой подушечке дивана. Если слова Брика повлияли на него, то внешне это никак не проявилось.

— Вот что ты делаешь? — сказал Брик. — Просишь разрешения? Такой «альтернативный подход» ты хочешь опробовать с ним?

Теперь Дориан смотрел на него.

Никаких заметных изменений не наблюдалось в его лице, в кроваво-красных глазах, в полных губах идеальной формы. И всё же у Брика складывалось сильное впечатление, что другой вампир пристально изучает его, может, даже аккуратно оценивает.

— Мне приходило в голову, что такой подход может быть плодотворным, — сказал Дориан, всё ещё не отрывая взгляда кровавых глаз от лица Брика. — Так что, полагаю, ответ положительный.

Его голос оставался нейтральным, лишённым интонации.

Однако Брик вновь ощущал там насторожённость.

— ...Похоже, что более щедрый и ласковый подход в целом может лучше повлиять на него в данный момент. Мы не поставим его в неудобное положение и не заставим задуматься, объявив ему войну. Война — это знакомое ему состояние, для которого он прекрасно подготовлен, и в нём он чувствует себя комфортно.

— А твоя цель — вызвать у него дискомфорт? — Брик нахмурился.

Опять элегантное пожатие плечами.

— Мне кажется, что Наоко переживает нешуточный эмоциональный конфликт из-за своего нового статуса, и похоже, он направляет это в наружные погони. Я подумал, что возможно, если я сумею немного его замедлить, то он немного углубится в эти эмоции, которые ему сложно принять. Я подумал, что если мы сумеем лучше его понять, то сможем убедить его попытаться лучше понять нас...

— Понятно.

Брик действительно понимал. Это казалось логичным.

Он тоже чувствовал вулкан злости, живущий в душе его новорождённого.

Статус новорождённого не объяснял такое состояние. Подобная злость не рождалась просто от крови источника. Да, это чувство ею подпитывается, и возможно, из-за этого его нельзя игнорировать, но оно не возникло бы на пустом месте.

А ещё это делало его опасным.

Это делало его угрозой для остальной семьи, вполне возможно — но с большей вероятностью это делало его угрозой для него самого.

Более того, если Дориан прав, то Наоко даже не начал испытывать полный диапазон вампирских эмоций. Маловероятно, что его воспоминания начали возвращаться к нему. По крайней мере, не в полном спектре эмоций и понимания глазами вампира.

Люди ощущали подобное на весьма поверхностном уровне, правда.

— Он прежде спал с мужчиной? — задумчиво произнёс Брик вслух. Его взгляд вернулся к Дориану, сосредоточившись на его лице. — Это усложнит вещи. Он всё ещё новенький. Люди иначе относятся к таким вещам.

Дориан медленно и задумчиво кивнул.

— Мне это приходило в голову, да.

Слегка нахмурившись, отчего между его бровей залегла крошечная и в высшей степени нетипичная для него складка, светловолосый вампир посмотрел Брику в глаза.

— Возможно, я могу дать ему поиграть с марионетками.

— Людьми? — поинтересовался Брик.

Всё ещё кивая как будто самому себе, Дориан вновь посмотрел на него.

— Возможно. Я не знаю, что Люсия окажется полезной на этом этапе.

— А это не ревность в тебе говорит? — спросил Брик предостерегающим тоном.

В ответ на бесстрастный взгляд другого Брик фыркнул.

— Ты явно увлечён им... нашим Наоко.

И вновь Дориан ничего не сказал и не изменил выражение лица. Он никак не опровергал и не признавал слова Брика.

— Ты хочешь его, — твёрже произнёс Брик. — Скажи мне хоть это, брат. Давай не будем умалчивать в данный момент.

Выражение лица Дориана не дрогнуло.

— Да, — просто сказал он.

Помедлив ещё мгновение, он скрестил руки на широкой груди.

— Я нахожу его... интригующим. Но я пообещал вам, мой король, что я буду тренировать его. Я принёс вам клятву. В которой пока что только подводил вас. Цель идёт наперёд всего остального.

Всматриваясь в глаза Брика, он склонил голову.

— С этой целью я буду использовать любой инструмент в своём распоряжении. Включая Люсию. Я хорошо обдумал привлечение Люсии к этому, но она для него игрушка. Он будет прятаться в её крови и её теле. Он не скажет ей ничего, что он не хочет сообщать мне. Он поставит её между нами и ничего мне не скажет, и не станет терять из-за неё контроль.

Брик нахмурился, обдумывая его слова.

Опять-таки, он не мог поспорить с логикой другого вампира и его наблюдениями.

Дориан всегда демонстрировал хорошие инстинкты, когда дело касалось проникновения в психологию его жертв, будь то люди или вампиры.

Или видящие, если на то пошло.

Наоко, похоже, и правда видел в Люсии товарища по играм.

Он видел в ней сестру, «приятеля-щеночка», как сказал Дориан. Наоко как минимум отчасти использовал Люсию как отвлечение. Если он сможет поставить её между собой и Дорианом, он так и сделает. Если он сумеет затеряться в её крови и избегать крови Дориана, он так и сделает.

Если Дориан использует людей, Наоко это не сойдёт с рук.

Тяга человеческой крови, человеческого разума никогда не будет так сильна.

Всё ещё хмурясь, Брик побарабанил пальцами по дубовой столешнице, глядя на огонь. Он мысленно просчитывал другие сценарии, которые тоже могли сработать наряду с тем, что предлагал Дориан. Он подумывал о своём непосредственном вмешательстве. Он просчитывал, куда это может пойти, что сделает Дориан, как только вытащит Наоко в более открытое и стоворчивое состояние, как только он достигнется до него...

Но он уже знал, к чему это приведёт.

Дориан практически заявил об этом в открытую.

Он также знал, что Дориан ожидал его решения.

Дориан не предпримет никаких действий в отношении новорождённого, если Брик этого не разрешит.

И всё же... Брик колебался.

Глядя в огонь, он молча барабанил пальцами.

Сидя так же тихо, а теперь и неподвижно как камень, Дориан наблюдал за ним и ждал.

Глава 8. Семья

Я сглотнула. Мои руки похолодели, пока я стояла на крыльце дома, который был знаком мне лучше, чем дом, где я провела детство.

Я просто стояла там.

Я честно понятия не имела, как долго я там простояла, но знала, что это продлилось слишком долго.

Мне нужно нажать на дверной звонок.

Мне нужно сделать это, но я лишь стояла там, невидящим взглядом таращась на дверь, покрашенную синей краской, золотого цвета звонок с жемчужной кнопкой. Они покрасили дверь с тех пор, как я в последний раз видела её два Рождества назад. Я почти уверена, что дверь была красной.

Тогда Блэк впервые приехал сюда на Рождество.

Мы оба в тот год приехали на все праздники — канун Рождества и сам день Рождества. Блэк принёс бурбон для папы Ника. Для мамы Ника он привёз настоящий красивый японский гобелен из Киото. Он привёз кучу дорогих подарков для племянников и племянниц, включая беспилотники, собак-роботов, котов-роботов и караоке-системы.

Энджел и большая часть её семьи присоединились к нам вместе с Энтони, который был бойфрендом Энджел до того, как она встретила Ковбоя.

Мы все напились, сыграли ежегодную игру в покер, объелись, играли в соккер и футбол на узком дворе. Когда дети легли спать, взрослые допоздна сидели и смотрели фильмы, по очереди готовили напитки и обменивались подарками.

Всё это было как будто миллион лет назад.

Блэк держался чуть поодаль, на несколько ступенек ниже по крыльцу, но я чувствовала его свет, обернувшийся вокруг и внутрь меня как горячее одеяло. Я невольно гадала, что бы я без него делала.

Такое чувство, будто меня вот-вот стошнит.

Энджел стояла ближе ко мне, на другой стороне крыльца. Она крепко сжимала мою ладонь в своей руке — может, чтобы поддержать меня, а может, ради себя самой. Что бы там ни было, по её лицу я видела, что она справляется ничуть не лучше меня.

Однако в итоге не я потянулась к звонку.

Это была она.

Бросив на меня откровенно виноватый взгляд, она тут же подалась вперёд и нажала на жемчужную кнопчку указательным пальцем. Она подержала её несколько секунд, удостоверившись, что внутри звонок точно услышали.

Убрав палец, она выпрямилась и отпустила мою ладонь.

Она уставилась на дверь так, словно ожидала, что из-за неё выйдет монстр, а не взрослый человек, которого она знала большую часть своей жизни. Она скрестила руки поверх зелёной кожаной куртки, неловко щурясь и топчась, словно она вновь стала ребёнком, живущим на одной улице с Ником в их старом дерьмовом районе на Хантерс-Пойнт.

Но родители Ника уже давно не жили на Хантерс-Пойнт.

Старшая сестра Ника, Нуми, выпустилась лучшей среди своего класса в Гарварде. Она отучилась на полной стипендии и получила работу в крупной фирме Сан-Франциско, как только получила лицензию. Вскоре после этого она переселила родителей в это местечко на Потреро-Хилл.

Ник и его младшая сестра тогда всё ещё учились в старших классах.

Чтобы не смотреть на дверь, Энджел покосилась на Блэка, затем вверх по улице, затем на обочину перед дверью Танака, где стояла её машина, на которой мы приехали — Плимут Хеми Барракуда полночного цвета с белыми гоночными полосками, в идеальном состоянии.

Я не каталась в этой машине года два, с тех пор как мы с Блэком уехали в Лос-Анджелес.

Я всё ещё смотрела на неё, переводила взгляд между Энджел и её машиной, когда дверь перед нами открылась. Мы обе напряглись, затем повернулись.

Там стояла Юми Танака, мать Ника.

Её глаза удивлённо распахнулись, когда она увидела нас.

Затем она моргнула, и её губы изогнулись в улыбке. Не успела я сказать ни единого слова, как она вышла на крыльцо и обняла меня.

— Мириам! — воскликнула она.

В её голосе звучало столько радости, что я почувствовала, как тошнота в моей груди превращается в полноценную паническую атаку.

— Тебе надо было позвонить! Я бы приготовила ужин! У меня сейчас даже торта нет...

Отпустив меня, хотя я всё ещё даже пискнуть не успела, она повернулась к Энджел и просияла ещё ярче.

— Энджел, дорогая. Иди сюда! Обними меня!

Энджел получила такое же крепкое объятие, как и я.

Ей чуть лучше удалось улыбнуться, обнять в ответ и заговорить.

— Привет, Юми, — сказала она, обнимая её крепче обычного. — Отлично выглядишь.

— Ещё чего, — мама Ника отмахнулась от неё, просияв. — Я выгляжу старухой.

Однако она действительно выглядела отлично.

Миссис Танака, как я всё ещё называла её мысленно, хотя она настаивала, чтобы я называла её Юми, было немного за семьдесят, хотя выглядела она намного моложе. Её тёмные глаза смотрели пронизывающе, черные волосы были забраны в идеальный пучок. Она была одета в опрятное пудрово-голубое платье с пояском на талии — такой наряд можно встретить на вечеринке-чаепитии где-то в шестидесятых.

Я смотрела, как она отпускает Энджел и поворачивается, переводя взгляд своих темных глаз — таких похожих на глаза Ника, что у меня перехватило дыхание — на ступени крыльца, где стоял Блэк. Она смерила его резким взглядом. Этот взгляд тоже поразительно напоминал взгляд Ника.

Всё ещё с откровенной пытливостью разглядывая моего мужа, она улыбнулась, словно вопреки собственному желанию.

— Ты всё ещё боишься меня, здоровяк? — усмехнулась она.

Блэк не колебался.

— Да, — сказал он. — Несомненно, миссис Танака.

Она рассмеялась, качая головой.

— То есть, не обнимешь меня? — она снова усмехнулась. — Знаешь, если бы я хотела твоей смерти, я бы отравила тебя на последнем Рождестве, на которое ты позволил моей Мириам приехать, — сообщила она ему. — Суши могут быть опасны. Разве ты не читал?

Блэк издал сдавленный смешок, словно тоже ничего не мог с собой поделать.

— Буду иметь в виду, — сказал он. — И сожалею, что мы не приехали в прошлом году.

— Конечно, сожалеешь, — фыркнула она, уже не так забавляясь. — Я знаю, что это ты виноват.

Повернувшись, Энджел вскинула бровь и посмотрела на Блэка, слегка улыбаясь.

— Ну, нельзя сказать, что он *ни при чем*.

— Вот видишь? — миссис Танака торжествующе показала на Энджел. — Я знала!

— Не помогаешь, Эндж, — пробормотал Блэк, скрестив руки под лапами мотоциклетной куртки и переступив с ноги на ногу. — Если помнишь, это была не совсем моя вина.

В этот раз миссис Танака рассмеялась по-настоящему, махнув нам троим следовать за ней.

— Идёмте, — сказала она, делая резкий жест ладонью. — Заходите! Даже ты, здоровяк. Я хотя бы только что заварила целый кофейник. Нуми принесла мне ещё один пакетик добротного кофе.

Нуми меняла работу после той первоклассной должности следом за выпуском из юридической школы Гарварда. Я почти уверена, что теперь она работала на какую-то гигантскую технологическую фирму, но не помню, на какую именно; к тому времени она поработала во многих крупных компаниях в районе залива. Судя по словам Ника, её имя хорошо известно в деловых кругах. Я даже видела её профиль во многих деловых журналах и на сайтах.

Нуми была матерью-одиночкой с тремя детьми.

Она также жила ниже по улице, так что больше времени проводила здесь, с остальными детьми Танака, у которых уже были свои семьи — у всех, кроме Ника.

Эта мысль застала меня врасплох.

Затем вызвала адскую боль.

Эта боль пырнула меня в грудь, словно пыталась пробить себе путь наружу.

Ник шутил, что его проклинали тремя сёстрами, но по правде говоря, они отчаянно его защищали. Он и его отец уступали девочкам по численности, но с ними определённо не обращались как с гражданами второго сорта. Энджел утверждала, что именно поэтому Ник всё ещё одинок. Она шутила, что он слишком привык, чтобы женщины постоянно ухаживали за ним.

Конечно, он только отшучивался.

Я выбросила это воспоминание из головы, вытерла глаза, кашлянула и поморгала. К счастью, мы заходили внутрь, следуя за миссис Танака на кухню, так что она на меня не смотрела. И всё же я отвернулась от её спины, надеясь, что она ничего не заметила.

Мне нужно держать себя в руках.

Бл*дь, я просто *обязана*.

Тёплая рука обняла меня за плечо, на ходу прижимая к ещё более тёплой груди. Я чувствовала, как его свет ещё глубже вплетается в меня, притягивает меня в его жар, в ту твёрдую почву под его ногами.

— Никаких поцелуйчиков, — сказала Юми Танака, погрозив Блэку пальчиком, как только мы переступили порог её кухни.

Я осознала, что смотрю на безупречную кухню с белым кафелем, тупо сосредотачиваясь на кастрюльках из нержавеющей стали и сковородках, висевших на вешалке, которая крепилась к потолку. Я заметила идеально белые шкафчики с небесно-голубыми ручками, старомодной печью и газовыми горелками.

— Если моего сына здесь нет, это ещё не значит, что вы можете вести себя как перевозбуждённые подростки, — продолжала миссис Танака, всё ещё сверля нас с Блэком шутиливо-хмурым взглядом. — Мне не нужно на это смотреть. Насмотрелась, пока Ник рос.

В этот раз Блэк не засмеялся.

И я тоже.

Блэк прочистил горло.

— Нам нужно кое-что сказать вам, Юми, — произнёс он. — Мицуко здесь?

В отличие от меня Блэк без проблем называл родителей Ника по именам.

Она слегка нахмурилась, обернувшись через плечо с места, где она расставляла кофейные чашки и блюда на подносе. Достав кофейник из кофеварки из нержавеющей стали, она разлила кофе по четырём чашкам, затем поставила рядом маленький молочник и мисочку с кубиками сахара, а также положила четыре маленькие ложечки.

Кофейный сервиз был очень красивым и напоминал настоящий фарфор.

Юми Танака обладала теми самыми старомодными манерами, которые я ассоциировала со своей бабушкой.

— Его здесь нет, — сказала она после паузы, показавшейся очень долгой. — Мицуко. Он уехал в Салинас на несколько дней. Навещает брата. Тому только что сделали операцию.

Мы с Блэком переглянулись.

— Вы не хотите говорить со мной? — парировала она, услышав наше молчание. — Что бы там ни было, я могу ему передать.

Блэк снова колебался.

Я тоже.

И Энджел тоже.

Но теперь мы обязаны ей сказать.

Мы пришли сюда. Мы не могли просто развернуться и уйти.

Наверное, она и так разозлится, что мы ждали так долго и ничего ей не говорили. Если мы скажем ей позднее, она расстроится ещё сильнее. Она захочет знать, почему мы не сказали ей, как только узнали относительно наверняка. Наверное, она захочет знать, почему мы не позвонили ей в то же мгновение, когда узнали об его пропаже, до того, как потратили недели и месяцы на его поиски.

Блэк выдохнул, бросив на меня взгляд.

«Бл*дь», — послал он.

С этим я не могла не согласиться.

— Ладно, — сказал он вслух, слегка нахмурившись и посмотрев на Юми Танаку. — Мы надеялись поговорить с вами обоими, но...

— Нас обоих здесь нет, — резко перебила она. — Так что ты скажешь мне, здоровяк. Какие бы там ни были новости. Вы пойдёте со мной, сядете и расскажете.

Подняв сервированный поднос, она пошла вместе с ним с кухни, направляясь в гостиную, которая находилась по другую сторону от правой кухонной двери, сразу за массивной отдельно стоящей доской для нарезания продуктов. Когда мы не пошли за ней сразу же, она помедлила на пороге, теперь уже настороженно глядя на нас, словно поняла, что эти новости ей не захочется слышать.

— ...Идёмте же, — произнесла она резче. — Кофе остынет.

Когда я взглянула на Блэка, он тоже посмотрел на меня, слегка хмурясь.

Мы оба переглянулись с Энджел, которая тоже нахмурилась.
Но теперь пути назад уже не было.

Мы с Блэком последовали за миссис Танака в гостиную.

Энджел, засунув пальцы в карманы своих чёрных облегающих джинсов, пошла за нами.

Мы вчетвером вошли в сине-белую гостиную семьи Танака и разместились на сине-белом мебельном гарнитуре в цветочек, расположенном вокруг белого столика со стеклянной столешницей.

Мы все послушно взяли чашки с кофе с подноса.

Мы с Блэком заняли диванчик на двоих напротив главного дивана, где села Юми Танака. Энджел села в отдельное кресло, выполненное в том же стиле, что большой диван и диванчик на двоих.

Мы все держали свои кофейные чашки и блюдечки, но никто не сделал ни глоточка.

В этот раз Блэк не нарушил молчание.

Я знала, что глупо ожидать от него этого.

Он и так уже поднял тему с миссис Танака.

Он проложил дорожку для меня и Энджел, и это уже больше, чем он обязан сделать.

И всё же какая-то часть меня надеялась, что он сделает самую сложную часть дела. Когда Энджел посмотрела на меня с мольбой в глазах, я поняла, что она отчасти надеялась на то же самое. Как минимум, она хотела, чтобы это сделала я.

В итоге я обречённо вздохнула.

подавшись вперёд на диванчике, я поставила свой кофе вместе с блюдечком на стеклянный столик и посмотрела матери Ника в глаза.

— У нас плохие новости, Юми, — сказала я так мягко, как только могла. — Это касается Ника.

Она побледнела. Я в равной мере ощутила и увидела это.

На каком-то уровне она должна была знать.

Наверное, она подозревала с того самого мгновения, когда Блэк сообщил, что мы должны кое-что ей рассказать.

Страх за Ника для неё не нов. Ник побывал на войне — черт, да он отслужил шесть контрактов. После этого он был копом. Затем — детективом отдела убийств.

Юми Танака большую часть его взрослой жизни боялась, что к ней на порог придут люди и сообщат плохие новости о Нике. Ник сказал, что она испытала явное облегчение, когда он сказал, что решил на время заняться частной охраной и работать на Блэка. Она ненавидела его работу копа почти так же сильно, как ненавидела его службу в Афганистане и Ираке.

Она была в восторге, что он будет работать на Блэка, которого она считала какой-то знаменитостью, а не настоящим частным детективом, и уж тем более не частным оборонным подрядчиком.

Она думала, что Ник будет носить красивые костюмы и посещать мероприятия в Нью-Йорке, не делая ничего *по-настоящему* опасного и тем более угрожающего жизни.

Это было задолго до того, как Ник сказал, какую зарплату ему предложил Блэк.

— Что не так с Ником? — резко спросила она. Взгляд её темных глаз метнулся к Блэку. — Он в Европе, верно?

Я нахмурилась, посмотрев на Блэка.

Блэк мельком взглянул на меня, затем посмотрел обратно на Юми Танаку. Он приподнял бровь и озадаченно поджал губы.

— В Европе? — переспросил он. — Когда он вам такое сказал?

Но я уже качала головой.

— Нет, — я вновь посмотрела на неё. — Нет, он не в Европе. Он был с нами в Таиланде, миссис Танака... Юми. Он погиб там в пожаре, когда...

— Что? — она издала полный неверия смешок. — В Таиланде? Он не погиб в Таиланде. Он мне всё рассказал про Таиланд. Когда это случилось?

Я почувствовала, как моё лицо заливают теплом.

Эту часть будет сложнее объяснить.

— Два месяца назад, — сказала я после небольшой паузы.

Увидев, как неверие на её лице становится всё более явным, я выдохнула.

— Было непонятно, выжил ли он, — объяснила я. — Мы искали его с тех самых пор, миссис Танака. Мы думали, может, он выбрался с другой группой, — я стиснула зубы, бросив на Блэка беглый тяжёлый взгляд. — ...Частной группой, которой мы наняли для помощи нам в Таиланде. Некоторые участники этой группы также пропали. Мы пытались найти их и Ника. Но спустя всё это время вероятность найти его живым практически...

Затем она шокировала меня.

Она расхохоталась в голос.

Когда я замолчала и уставилась на неё, она покачала головой и поджала губы.

— Я говорила с Ником четыре дня назад, — произнесла она с тихой насмешкой в голосе.

Я застыла, уставившись на её лицо.

Я так крепко стиснула руки, что мои пальцы онемели.

— Что это за бредовые игры? — спросила Юми Танака, теперь уже говоря сердито. Она сверлила Блэка суровым взглядом, и вся игривость ушла с её лица. — Это какая-то шутка? Он сказал мне, что больше не работает на тебя. Он сказал, что ты дерьмовый босс. Что ты подверг его жизнь опасности. Он сказал, что теперь у него работа получше.

У Блэка отвисла челюсть.

Он уставился на Юми Танаку так, будто она только что сообщила ему, что вот-вот родит ему ребёнка.

Посмотрев на Энджел, я увидела, что выражение её лица не слишком отличается от Блэка.

Я повернулась и уставилась на миссис Танаку, чувствуя себя так, словно пол и диванчик внезапно испарились из-под меня.

— Энджел! — мать Ника повернулась к моей лучшей подруге, и в её голосе звучала откровенная злость. — Я понимаю, что Мириам мог втянуть в это её муж... — она буквально выплюнула последнее слово, свирепо посмотрев на Блэка. — ...Но у *тебя* какое оправдание? Ты теперь тоже ссоришься с Наоко?

Не дожидаясь, когда Энджел придёт в себя, Юми наградила сердитым взглядом нас с Блэком.

— Я думала, вы пришли, потому что чувствуете себя виноватыми, — заявила она, и чем дольше она говорила, тем больше злости звучало в её голосе. — Я думала, вы пришли *извиниться* за то, что подвергли моего сына опасности в том ужасном дерьме в Таиланде, о котором рассказал мне Ник... за то, что оставили его в какой-то темнице, где он едва не умер. Допустили, что его едва не убили в джунглях, где они подожгли деревья. Но вы пришли сюда, чтобы напугать меня до чёртиков? Подумать, что с ним случилось что-то плохое?

Её взгляд метнулся обратно к Энджел.

— Я знала твою мать ещё до твоего рождения, Энджел Деверо! Я держала тебя на руках в день твоего рождения. С чего бы тебе вытворять такое? Так пугать меня? Я пожилая леди... ты думаешь, это смешно? Это в твоём понятии шутка?

Энджел разевала рот, глядя то на меня, то на Блэка, возможно, в поисках помощи. Она так широко раскрыла глаза, как будто увидела призрака.

— Н-н-нет, миссис Танака, — пролепетала она. — Нет... конечно, нет...

На меня Юми Танака посмотрела в последнюю очередь.

Взгляд её глаза выражал чистую ярость, но вдобавок к этому — предательство.

Она смотрела на меня так, словно я только что пырнула её в грудь мечом.

Она смотрела на меня так, будто я действительно убила Ника.

— Он *любит* тебя, — произнесла она холодно. — Он *любит* тебя, Мириам. Он всегда любил тебя. Слишком сильно, может быть. Он бы никогда так с тобой не поступил. Он бы никогда не сделал этого с твоей матерью или отцом, если бы они всё ещё были живы. Ты для него семья, — она снова наградила Блэка суровым взглядом. — ...Больше, чем семья. И Наоко тоже должен быть для тебя большим, чем семья. Если бы ты была умной, ты бы вышла за него задолго до того, как встретила этого... этого *плейбоя*.

Она вновь посмотрела на меня, и её тёмные глаза переполнились яростью, предательством, но теперь ещё и чем-то вроде жалости.

— Я ожидала от тебя лучшего, Мириам. Правда. Но может, после того, что случилось с твоими родными, ты забыла, что такое семья. Может, это даже не твоя вина, потому что с тобой столько всего случилось, когда ты была ещё молода... эти ужасные убийства твоих родителей и сестры. Может, теперь ты тоже слишком сломана. Ты думаешь, любовь должна быть сложной. Ты думаешь, что она всегда должна сводиться к боли.

И вновь она наградила суровым взглядом Блэка, даже не скрывая своего намёка.

Мы все втроём просто сидели там, застыв на сине-белом диванчике и сине-белом кресле.

Мы все уставились на неё, приоткрыв рты. Наши языки парализовало.

Когда Юми Танака умолкла на несколько долгих секунд, я слышала лишь тиканье часов с кукушкой, которые стояли за мной над газовым камином.

Я понятия не имела, сколько продлилось это молчание.

Я понятия не имела, как долго я там просидела, пока мой разум застыл как кусок льда.

Глава 9. Что нам делать теперь?

Энджел молча направила синюю Барракуду вниз от Потреро Хилл.

Первые несколько кварталов никто из нас не говорил ни слова.

Мы тупо смотрели в окна, пока ехали обратно в центр.

В доме Танака мы в итоге нарушили молчание.

Мы попытались узнать, когда именно миссис Танака говорила с Ником, что именно он ей сказал, что рассказал о своём местоположении и о том, с кем он находится. Мы попытались выяснить всё, что она согласилась рассказать нам про его так называемую новую работу и нового работодателя. Мы попытались узнать, сколько раз они говорили за последние два месяца, говорил ли с ним кто-то из других членов семьи, и упоминал ли Ник, когда он вернётся в Сан-Франциско.

Блэк прочёл её, конечно же.

И я тоже.

Однако мы оба не смогли определить ничего точного.

Воспоминания людей не похожи на воспоминания видящих. Им недостаёт кристальной ясности и точности воспоминаний видящих. Им недостаёт внимания к деталям, не говоря уж о запоминании каждого произнесённого слова и тона голоса. Ни я, ни Блэк не смогли без сомнений определить, когда случился телефонный звонок, и уж тем более, говорила ли она на самом деле с Ником. Мы точно не смогли подтвердить большинство деталей, которые, по её словам, поступили из этого звонка.

Очевидно, что с кем бы ни говорила Юми Танака, этот кто-то был зол на меня и Блэка.

Он чувствовал, что мы его обидели, а возможно, даже предали.

Что бы он ни сказал Юми, это определённо заставило её тоже разозлиться на меня и Блэка.

Мой разум кружил вокруг этих утверждений, пытаюсь разделить их на части и осмыслить.

Я даже не могла понять, то ли я чувствовала из-за этого робкую надежду или счастье, или хоть отдалённое облегчение. По большей части я ощущала себя парализованной.

Я так сильно хотела, чтобы это было правдой — чтобы Ник оказался жив, чтобы он работал на какой-то высокооплачиваемой работе, чтобы он просто оказался зол на нас за то, что мы бросили его в той темнице, а затем на дереве на острове Мангаан. Чтобы он не сгорел и не оказался убит вампирами.

Я хотела верить в это, но всё это казалось неправильным.

Что-то во всём этом не то.

Мы все ощутили неправильность того, что она нам сказала. Думаю, Блэк почувствовал это ещё отчётливее меня, но мы не говорили об этом первые несколько кварталов по дороге к центру.

Даже если Ник каким-то образом жив, я не могла осознать свои чувства по этому поводу.

Я даже не могла решить, должна ли я злиться, что Ник не позвонил мне или Энджел. Неужели он был настолько в ярости, что попросил Брика забрать его оттуда? Что он просто бросил нас и позволил нам считать его погибшим?

Неужели он действительно позволил бы, чтобы мы с Энджел считали его мёртвым?

Неужели он поступил бы так с Энджел?

Я могла понять, что он злился на меня, но как он мог поступить так с Энджел? Энджел вместе с ним застряла в том ужасном месте на острове Мангаан. Разве он не захотел бы узнать, в порядке ли она, Ковбой, а также Декс, Мика и Элис?

Я отчаянно старалась услышать голос Ника через разум Юми Танака.

Я попыталась услышать в нем знакомого мне Ника, как-то почувствовать его через неё, но то, что вышло, показалось мне... странным.

Это не был *не*-Ник.

Но это и не был Ник.

— Вампиры?

Я посмотрела на Энджел, которая наконец-то нарушила тишину, воцарившуюся в салоне авто.

Она не отводила взгляда от ветрового стекла, поджав губы. Мы ехали по 7-й в сторону Маркет, и её взгляд метнулся к светофору и пешеходам, как только мы выехали на более оживлённый перекрёсток с Мишн Бульвар.

Блэк медленно покачал головой.

— Нет.

Он бросил на меня извиняющийся взгляд, затем посмотрел на Энджел.

— Я правда так не думаю, Эндж, — сказал он.

Она продолжала вопреки его словам, притворившись, будто Блэк не понял, что она имела в виду.

— Это могли быть *другие* вампиры? — упорствовала она, глядя в зеркало заднего вида на Блэка, который сидел позади нас. — Брик? Один из его приятелей? Позвонили, чтобы убедить нас, будто Ник всё ещё жив? Вампиры ведь умеют подражать голосам людей, верно? Разве ты не говорил мне, что они так умеют? Что они могут почти со стопроцентной точностью воспроизвести отдельно взятый голос?

Воцарилось молчание.

Затем Блэк пожал плечами, крепче стиснув мою ладонь. Он просунул руку между двумя сиденьями, чтобы крепко держать меня за руку, лежавшую на моих коленях.

— Но кто? — выпрямившись, он наклонился в пространство между сиденьями, затем прислонился плечом ко мне и повернулся, чтобы посмотреть на Энджел. — С чего бы им это делать, Эндж?

Энджел фыркнула.

Ни капли юмора не содержалось в её голосе или мрачном взгляде, не отрывавшемся от дороги впереди.

— Ну я не знаю, Квентин. Может, чтобы поморочить тебе голову? — язвительно отозвалась она. — Зачем они вообще что-либо делают? Разве Брик не живёт с одной-единственной целью выносить тебе мозг? — покосившись и заметив мой хмурый взгляд, она тоже нахмурилась. — Ой *да брось*, док. Ты знаешь, что Брик запал на твоего мужа. Вероятно, в представлении этого мудака это всё флирт.

Я помрачнела, но не могла поспорить.

Черт, да она, наверное, права.

— Я *права*, — сказала она, словно услышала мои мысли. — А что ещё, чёрт подери? Или вы действительно думаете, что Брик предложил Нику какую-то высокооплачиваемую работу в Нью-Йорке? А Ник... что? Позволяет нам считать его погибшим? Звонит своим родителям, чтобы троллить нас на расстоянии? Хотя что-то из этого напоминает вам того Ника Танаку, которого мы знаем?

Нахмурившись, я покосилась на Блэка, который ответил таким же хмурым взглядом.

— Или вы думаете, Брик всё ещё удерживает его где-то в плену? — переспросила Энджел. Её глаза выдавали, что она сама всё ещё прокручивает в голове варианты. — Вы думаете, он укусил Ника и заставил его совершить звонок? Чтобы заставить нас перестать искать его?

Тишина сгустилась.

Подумав о возможностях, вытекающих из этого, я поморщилась.

Однако в этот раз я ответила ей.

— Раньше я так не думала, — призналась я. — Я бы никогда не пошла в дом Танака, если бы не посчитала, что он наверняка мёртв. Теперь?

Я взглянула на Блэка, затем на Энджел, и покачала головой.

Тихо щёлкнув языком, я сглотнула.

— Я честно не знаю. Что, если он жив? Что, если Ник является рычагом давления, как мы думали изначально? — вновь тяжело сглотнув, я посмотрела в окно. — Или что, если он просто нравится Брику? Что, если Брик решил оставить его себе?

Энджел посмотрела на меня.

Я видела в её глазах бушующий конфликт.

Я понимала, что она так же боялась надеяться, как и я сама.

— Тогда это значит, что он всё ещё жив, — сказала она наконец. — Он не мёртв.

И вновь Блэк нахмурился.

Я чувствовала, что что-то во всех вариантах, которые мы перечисляли, не даёт ему покоя. Он поглаживал мои пальцы и внутреннюю сторону руки, всё ещё прислоняясь к моему сиденью, всё ещё хмуря лицо и стискивая зубы.

Энджел по другую сторону от него тоже хмурилась, явно всё ещё размышляя.

— Мы уверены, что он не вампир? — спросила она.

Блэк тихо щёлкнул языком и покачал головой.

— Это крайне маловероятно, Эндж. Я могу придумать полдюжины других вариантов, которые в сто раз вероятнее.

— Например? — выразительно поинтересовалась Энджел.

— Например, — прямо ответил Блэк. — Я могу представить, что он в руках Счастливики. Насколько мы знаем, Брик заключил с Чарльзом какую-то сделку. Ник мог быть её частью, — выдохнув, он провёл пальцами по волосам и пробормотал: — Хотя, по правде говоря, в таком случае я не понимаю, почему мы всё ещё ничего не слышали от него. Если только он не выжидает момент. Может, ждёт, когда мы предпримем что-то против него. Или он планирует опять предложить мне работу.

Воцарилось очередное молчание.

В этот раз его нарушила я.

— Что ж, мы знаем, что миссис Танака говорила совсем не это, — мой голос звучал жёстче. — Ник никогда бы не уехал вот так просто, не взялся бы за какую-то новую крутую работу в Европе, даже не сказав нам, что он жив.

Я посмотрела на Энджел, поджав губы.

— Он бы не поступил так *с тобой*, Эндж, — добавила я. — Может, со мной и с Блэком, но *с тобой* он так не поступил бы. Если он на кого и зол, то на нас двоих. Практически это и сказала миссис Танака. Похоже, она удивилась, что ты вообще пришла с нами.

Помедлив, я перевела взгляд между ними.

Я стиснула зубы, увидев печальный, обеспокоенный взгляд Блэка.

Я не пыталась интерпретировать, что он значит.

По правде говоря, я не хотела знать.

— Ник не настолько жесток, — сказала я, опять посмотрев на Энджел. — Ник не такой. Даже если он был действительно зол на нас... даже если ему было больно, если он чувствовал себя преданным, даже если ему надоела вся эта история с видящими и вампирами... он не позволил бы нам считать его погибшим. Он бы так *не поступил*. Он был не таким.

Осознав, что только что говорила о нем в прошедшем времени, я содрогнулась.

Это причинило боль, от этого стало сложно дышать.

Обхватив руками своё туловище, я поморщилась, чувствуя, как эта боль в груди обостряется до жаркой вспышки в солнечном сплетении.

— Он бы так не поступил, — пробормотала я, прикусив губу. — Он бы так не сделал, — я посмотрела на Энджел. — Ты думаешь, он обошёлся бы так с нами? Серьёзно? *С чего бы* Нику поступать так с нами? *С тобой?*

Энджел нахмурилась.

Медленно крутя руль, пока мы миновали очередной перекрёсток, она не отводила взгляда от улиц Сан-Франциско.

Мгновение спустя Блэк выдохнул.

Поднеся мою руку к своим губам, он поцеловал мою ладонь, затем ближе прислонился ко мне, сплавляя свой свет с моим. Теперь его свет ощущался скорее как ласка, словно он терпеливо разглаживал какую-то часть меня, успокаивал без слов, мыслей и доводов рассудка.

— Мы все знаем, что Ник бы этого не сделал, — грубовато сказал он. — Он не поступил бы так с тобой, и он точно так же не поступил бы подобным образом с Энджел,

— он помедлил, всматриваясь в мои глаза. — Ты слышала Юми. Он любит тебя. А с любимыми людьми так не поступают.

Я сидела, глядя в окно Барракуды.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь впитать его слова, пытаюсь сделать так, чтобы они ощущались реальными. Я знала, что он говорил.

Я знала, на что указывал Блэк.

Это вина.

Чувство вины лишало меня объективных взглядов на Ника и на саму себя. Мой разум обезумел от чувства вины, так что я представляла Ника, который видел меня в том же свете, в каком я воспринимала саму себя. Я представляла Ника, который винил меня так, как я сама винила себя.

— В любом случае, — продолжил Блэк ещё тише. — Настоящий вопрос не в этом, док.

Когда я обернулась, он взглянул на меня. Его лицо находилось всего в нескольких дюймах от моего.

Я встретила его спокойный взгляд, стараясь расслабиться, позволить этому его разгорячённому свету сделать то, что он пытался сделать — расслабить мышцы моего тела, которые по большей части сжались в тугие узлы. Часть меня хотела закричать.

Другая часть меня хотела расплакаться.

Подавив обе эти реакции в своём свете, я ещё крепче скрестила руки на груди и стиснула зубы.

— А в чём настоящий вопрос? — ворчливо спросила я.

Мягко щёлкнув языком, Блэк посмотрел через ветровое стекло, на котором начинал моросить дождик. Его золотые глаза прослеживали маленькие капельки, которые скатывались по наклонному стеклу косыми линиями из-за ветра.

— Что нам делать теперь? — просто сказал он.

Мы с Энджел обе нахмурились.

Посмотрев друг на друга, мы помрачнели ещё сильнее, но ни одна из нас не сказала ни слова.

По правде говоря, сомневаюсь, что у кого-то из нас имелся хороший ответ.

Глава 10. Лэндс-Энд

— Вставай. Сейчас же, Мири.

Я заворочалась, но не слишком сильно.

Я не настолько проснулась, чтобы слишком глубоко задумываться над этим, но я совершенно точно надеялась, что он не всерьёз. Что он, как и в несколько предыдущих дней, сдастся после нескольких попыток и уйдёт.

Однако Блэк не сдавался. Он не ушёл.

Не в этот раз.

— Давай, дорогая, — его голос сделался нежным, всё упорнее притягивая меня. — Вставай. Хватит уже. И так прошло слишком долго времени.

Я несколько дней спала допоздна.

Такое чувство, будто я *проспала* несколько дней кряду.

Я определённо спала слишком много.

Думаю, я пребывала в отрицании причин этого — в отрицании происходившего со мной, но в то же время не могла заставить себя подумать об этом.

Когда я открыла глаза, снаружи было темно.

— Ночь же, — проинформировала я Блэка, который стоял у оранжевой соляной лампы, которая с комода освещала лишь часть его тела. Соляная лампа принадлежала мне, но теперь он включал её каждую ночь и каждое утро, когда мы вставали.

Он говорил, что это идеальное освещение для траханья.

Однако сейчас он не выглядел так, будто готов меня соблазнять.

Он одет в одежду для прогулки. Черные шорты, облегающая футболка, напоминавшая те, которые носили велосипедисты, браслет-нарукавник, который считал шаги, пульс и кучу других вещей, о которых я даже не утруждалась спрашивать у него. В последнее время он опять серьёзно заиклился на тренировках.

Большую часть времени он оставлял меня в покое.

Ну, до сих пор.

— Иди без меня, — сказала я, глубже зарываясь под одеяло. — Мне всё равно никогда за тобой не поспеть. У меня тело-буррито.

Он рассмеялся.

Я уминала буррито практический каждый вечер после нашего возвращения. Иногда я даже посылала кого-то из людей Блэка в свою любимую такерию в Мишн-дистрикте, если не могла отвлечься от дел в офисе.

Чаще всего я ходила сама.

В последнюю неделю или около того я много ходила.

Иногда я ходила часами, не имея в голове чёткого пункта назначения.

— Чушь, — сказал он, всё ещё улыбаясь, однако эта улыбка сделалась слегка хищной. — Если уж на то пошло, ты всё ещё слишком худая. И ты идёшь со мной. Так что поднимай свою задницу. Или я буду добавлять по миле за каждую минуту, которую ты пролежишь ленивым увальнем.

Я издала очередной вялый стон.

Я знала, что он прав насчёт худобы, но это не значит, что я в состоянии угнаться за ним на его безумной пробежке в пятнадцать миль на самоубийственной скорости.

— Это будет пятнадцать миль, — заверил он меня.

Я фыркнула, признавая поражение и откидывая одеяло.

— Ну конечно. Значит, будет четырнадцать с половиной миль.

Он рассмеялся, тихо щёлкнув языком, и уселся на скамеечку воле комода. Я привела себя в вертикальное положение, пока он завязывал шнурки кроссовок для бега, стоивших, наверное, восемьсот баксов.

— Там ночь, — проворчала я, глядя в окно на горизонт центра Сан-Франциско. — Ещё даже не рассвет. Настоящая *ночь*.

— И что? — спросил он. — Я бы предпочёл побегать сейчас. Там тихо.

— И темно.

— И тихо, — повторил он с лёгким предостережением в голосе. — Давай, док. Я оставил тебя в покое на несколько дней. Ты слишком много спишь. Ты всего избегаешь. Ты начинаешь избегать меня. Тебе это нужно. Даже больше, чем мне.

Нахмурившись, я не ответила.

Но я хотела поспорить с ним.

Правда, хотела — настолько сильно, что прикусила язык, подумав о вещах, которые могла бы сказать. Но ещё сильнее я *не* хотела слушать, как он что-то говорит обо мне, о том, как много я сплю или почему, и что он об этом думал, или о чем я не говорила с тех пор, как мы вернулись после визита к Юми Танака.

Чтобы избежать всего этого, я поднялась на ноги.

Встав возле матраса, я поморщилась, быстренько потянувшись и постаравшись сфокусировать взгляд, тогда как моё тело орало мне возвращаться в постель.

Вместо этого я заставила себя подойти к комоду, встав возле Блэка, когда он начал завязывать шнурки на втором кроссовке. Я начала рыться в ящике со своей спортивной одеждой, всё ещё моргая и пытаясь сфокусировать взгляд на одежде.

Примерно через двадцать минут мы оба шагали к выходу из здания на Калифорния-стрит.

Блэк был совершенно бодрым.

Блэк был... раздражающе бодрым.

В отличие от его первоклассного снаряжения для бега, я натянула рваные шорты и толстовку поверх поношенной футболки. Кроссовки были приличными, но не шли ни в какое сравнение с его обувью. Я всё ещё кое-как фокусировала взгляд. Перед выходом из пентхауса я ничего не успела сделать, кроме как пописать, сбрызнуть лицо водой, убрать волосы в хвостик и нанести немного дезодоранта.

Обычно я бегала с музыкой, но сейчас для этого не было настроения. Если быть честной, то мне не хотелось эмоциональности, которая сопровождала музыку, будь то плохие или хорошие эмоции.

Блэк мотнул головой в северную сторону, в направлении залива.

— Давай, — просто сказал он.

Обречённо смирившись, я перешла на лёгкий бег одновременно с ним.

Обычно мне нравилось бегать.

Это моё время для размышлений, наедине с собой... тихое время, как он и сказал.

Мне даже нравилось бегать с Блэком.

Его ноги длиннее, и он сам чертовски быстрый, но и я довольно быстрая просто потому, что бегала уже много лет. Обычно он не церемонился с правдой, так что я поверила ему, когда он заявил, что я задаю для него хороший темп — даже лучше тех, с кем он бегал регулярно, включая Ковбоя и Декса.

Однако сегодня я сильно сомневалась, что сумею поспеть за ним.

Я не выходила на пробежку с тех пор, как мы побывали в Париже, и то тогда это было для того, чтобы сжечь некоторую тревожность и печаль, которую Блэк пытался выбить из меня прямо сейчас.

Но я знала Блэка.

В этот раз он не позволит мне соскочить с крючка.

Кроме того, он прав. Пробежка — это лучше, чем четвёртый день подряд валяться в постели до десяти утра. Это лучше, чем таращиться в потолок нашей спальни, пытаясь придумать способы провести день так, чтобы избежать Энджел, Джема и всех, кто мог захотеть поговорить о Нике или просто напоминал мне о нём.

Блэк повернул налево, когда мы добрались до Эмбаркадеро, уводя меня в сторону Пирса 39 и Рыбацкой пристани, затем западнее, к Форту Мейсон.

Странно находиться в таких популярных среди туристов местах в три-четыре утра, когда всё закрыто.

К тому времени я довольно сильно вспотела, но в то же время чувствовала себя лучше.

Первые несколько миль вверх по Эмбаркадеро каждый мускул в моём теле кричал так сильно, что я беспокоилась — ведь перед этим я даже не потрудилась сделать растяжку, не говоря уж о разминке. К тому времени, когда мы добрались до Жирарделли-сквер, а затем и до Форта Мейсон, я как-то нашла свой ритм в этом хаосе затёкших рук и конечностей, а также в тумане, опустившемся на мой мозг с тех пор, как мы сдались в поисках Ника и вернулись из Европы.

«Мы не сдались, док», — пробормотал голос.

Подумав об этом, я пожала плечами, и мой мысленный голос прозвучал прямо.

«Я сдалась, — послала я. — Я сдалась, Блэк. Я решила, что он мёртв».

Поначалу Блэк ничего не ответил.

Поддев меня своим разумом, он удлинил шаги, заворачивая направо сразу после того, как мы добежали до улиц Лагуна и Бич.

Он ускорил темп, направляя нас в сторону гавани.

«Ты всё ещё так думаешь? — послал он, как только бухта Сан-Франциско вновь оказалась справа от нас. — Ты всё ещё считаешь, что он мёртв, Мири?»

Я прикусила губу.

При этой мысли нахлынули эмоции, какофония причин, по которым Ник мог и не мог быть мёртв. Я слышала, как все мои мысленные голоса сражаются за эфирное время, за пространство, за мои эмоции, но я не верила ни одному из них. Я верила именно тихой части себя, жившей где-то в центре моей груди.

«Да, — послала я после некоторой паузы. — Да, я так думаю. Я думаю, он мёртв».

Блэк не ответил.

Ещё несколько секунд мы бежали в тишине. Лишь ровное биение сердца в груди и тяжёлое дыхание эхом отдавались в моих ушах.

Какая-то часть меня жалела, что я всё-таки не взяла музыку. Но даже теперь я знала, что мне нужна эта тишина.

«Я знаю, это нелогично, — добавила я, когда Блэк так ничего и не сказал. — После слов его матери я должна испытывать надежду. Я должна стать счастливее. Мы должны вернуться в Европу, искать его. Но не думаю, что мы найдём его там, Блэк. Не знаю, убил ли его кто-то нарочно, или мой дядя или Брик убили его случайно. Не знаю, узнаем ли мы когда-нибудь, что именно с ним случилось, но я думаю, что наш единственный шанс найти его — это найти Брика. А Брик не вылезет из укрытия, пока он не будет чертовски готов».

На мгновение печаль в моей груди и голове исказилась, превращаясь в холодную ожесточённую ярость.

Она свернулась во мне металлическими змеями.

«Я хочу заполучить этого сукина сына, — послала я. — Совсем как ты, после Луизианы. Я хочу его, Блэк. Может, даже сильнее, чем ты тогда».

Я подумывала послать больше, как-то пояснить.

Я этого не сделала.

Не было необходимости.

Блэк помнил Нью-Йорк. Он помнил кошмары после освобождения из той тюрьмы, и то, как он сделался одержим охотой на Брика. Он помнил месяцы тщательного планирования, которые он устроил всем нам, и всё для того, чтобы выманить вампирского короля из укрытия.

Я знала, что Блэк понимал.

«Я понимаю, — осторожно послал он. — Я правда понимаю».

Он помедлил.

«Ты думаешь, Брик убил его, Мири?»

Я снова прикусила губу, не замечая, какую боль это причиняет.

Подумав, я покачала головой, когда мы добежали до краёв Пресидио, где бульвар Марина сворачивал налево. По тычку Блэка мы выбрали Мейсон-стрит, побежав вдоль Крисси-филд в сторону Форт-Пойнт.

Вокруг всё ещё было темно хоть глаз выколи.

Меня поразило, что я никогда раньше не делала этого, даже несколько лет назад. Будучи женщиной, я не могла бегать одной по городу посреди ночи, даже со спутником-мужчиной. Это было бы небезопасно.

Когда Блэк бежал рядом со мной, и мы оба наблюдали за пространством вокруг нас с помощью своего живого света, я даже и не думала, что мы можем быть в опасности.

Странная мысль.

«Я не знаю, — послала я, запоздало отвечая Блэку, пока мы бежали во тьме. — Я знаю, что Брик как-то причастен к исчезновению Ника. Я знаю это».

Прикусив губу, я добавила:

«Я также не думаю, что Брик просто «случайно» оставил Ника на том дереве, потому что он не смог вынести его ранее с остальными или ещё что. Если Ник и мёртв, то он погиб не таким образом. Брик забрал его... куда-то. Не знаю, забрал ли он его для того, чтобы превратить в какую-то вампирскую марионетку, как они сделали с девушкой дяди Чарльза, или же Брик собирался удерживать его для шантажа и убил случайно. Не знаю, то ли Ник звонил миссис Танака, то ли это вампир притворялся Ником, то ли Ника загипнотизировали, чтобы он сказал ей все эти вещи, и они где-то держат его прикованным к полу...»

Я поморщилась, подавляя прилив тошноты, подступившей к горлу.

Единственное лекарство от этой тошноты — ярость.

К счастью, её-то у меня сейчас в избытке.

«...Я просто знаю, что за этим стоит Брик, — закончила я мгновение спустя. — Я это чувствую. Черт, да я чую это. Брик это сделал. Может, он взял Ника в плен, а Ник слишком сильно боролся. Может, Ник только кажется мне мёртвым, потому что он слишком одурманен вампирским ядом, заперт где-то с Бриком и его приятелями-вампирами там, где они обычно скрываются».

Я фыркнула, и эта ярость ещё жарче разгорелась в груди.

«И это ещё лучший сценарий, правда. Что Ник где-то жив, от него кормится и ежедневно насилует кучка вампиров-психов».

Блэк не ответил.

Однако я ощутила от него проблеск боли.

В то же время он не спорил со мной.

*«Не знаю, зачем, — продолжила я, может, потому что мне нужно было поговорить об этом или просто замаять то, что я только что сказала. — Я не знаю, зачем или куда он его забрал, или с кем он сейчас... но бл*дь, я знаю, что Брик это сделал. Это он стоит за всем этим, Блэк. Он удерживает Ника. Во всяком случае, удерживал раньше».*

Не замедляя темпа, я повернула голову, взглянув на Блэка в темноте.

«И я знаю, что Энджел права, — добавила я. — Это как-то сводится к тебе. Он сделал это, потому что он чего-то хочет от тебя. Он думал, что Ник поможет ему получить это».

В моём разуме или в мыслях, которые я ему адресовала, не было обвинений.

Во всяком случае, там не было обвинений в адрес Блэка. И всё же мои собственные мысли разъярили меня, хоть я и не могла сказать, почему.

Однако это не совсем правда.

Я знала, почему.

Не только миссис Танака винила меня.

Я тоже себя винила.

Не Блэка — себя.

На острове Мангаан это я почувствовала, что с Ником что-то пошло не так. Это у меня то и дело возникали дурные предчувствия, тревожные сигналы, предостерегающие сирены, ярко-красные бл*дские флажки над головой, сообщавшие, что Ник в опасности. Я время от времени ощущала эти предостережения и сигналы на протяжении нескольких дней, черт, да может, даже недель, учитывая, насколько сбилось моё ощущение времени. Я чувствовала их большую часть того времени, что мы с Блэком были вместе в том бунгало, и я ничего не сделала.

Я ни черта не сделала.

Я знала, что что-то не так.

Я знала, что Ник в опасности, задолго до того, как Ярли и Мэнни пришли на наши поиски, и мы наконец что-то *предприняли*. Я это чувствовала. Я чувствовала, что это как-то связано с Ником, хоть я и не понимала, что именно я чувствую.

Я время от времени говорила об этом Блэку.

Я просила его послать кого-нибудь.

Но по большей части? Я трахала своего мужа до полусмерти. По большей части я дрейфовала между приступами пожирания еды от личного мишленовского шефа Блэка и сном в обнажённом виде на полу бунгало с кондиционером.

Блэк не чувствовал то, что чувствовала я.

Блэка нельзя винить во всём этом. Это моя вина.

Я это сделала.

— Нет, — Блэк схватил меня за руку.

Он резко остановился посреди дороги, и я тоже остановилась, даже не успев сообразить.

— Нет, — прорычал он, всматриваясь в моё лицо.

Вокруг всё ещё было темно, не считая единичных фонарей. Я видела его лицо в слабом оранжевом свете ближайшего фонаря — особенно выделялись его глаза, отражавшие на меня золотой свет.

— Нет! Чёрт подери. Мири...

Он повысил голос от раздражения, смешанного с какой-то беспомощностью.

— Мири, тогда мы были не в состоянии помочь *кому-либо*. Ни Нику. Ни Энджел. Ни Ковбою. Никому.

Я нахмурилась, невольно стискивая зубы.

Я покачала головой, но он заглушил меня.

— Мы были не в состоянии! — рявкнул он. — Мири... связывающиеся видящие *не просто так* уединяются. Это потому что они не могут находиться в обществе других людей. Это потому что от них нельзя ожидать рационального поведения. От них вполне можно ожидать безумных, беспечных, безрассудных поступков. И уж точно они не в состоянии *руководить* кем-либо. Из-за нас погибло бы ещё больше людей.

Он легонько потряхнул меня за руку.

— Ты этого не делала. Ты не забирала Ника! Ты не похищала его... и не отдавала вампирам. Черт, да *это я* позвонил Брику! Я привёз Брика на остров! Если хочешь винить кого-то, вини меня!

— Ты спросил у меня, — я уставилась на него, кусая губу, хотя было адски больно, хотя я уже ощущала вкус крови. — Ты *спросил* у меня, можешь ли ты позвонить Брику. Я сказала да.

— Мы пытались направить к нему помощь...

— Мы прекрасно вернулись к работе, — сказала я, и мой голос прозвучал громче, грубее голоса Блэка. — Когда Ярли и Мэнни пришли к нам на том пляже, мы были *в порядке*, Блэк. Это было непросто, но мы прекрасно смогли возглавить команду...

— К тому времени мы завершили бл*дскую связь! — взорвался он, крепче стискивая мою руку. Он понизил голос, но его тон всё ещё напоминал рычание. — К тому времени мы *закончили*, Мири! Мы всё ещё были слегка одурманенными и чокнутыми, но мы смогли вернуться в реальность, как только осознали, что в этом есть необходимость. Ты не сделала ничего *плохого*, док! Разве ты не понимаешь? Ярли и остальные не позволили бы нам отправиться в джунгли в таком состоянии. Они, наверное, выстрелили бы в нас обоих транквилизаторами... и были бы *правы*!

Когда я не ответила, он отпустил мою руку и положил ладони на свои бедра.

Выдохнув, он щёлкнул языком и посмотрел на тёмное поле.

— Бл*дь, Мири... я сомневаюсь, что мы вообще нашли бы их без Ника. У нас ушли бы недели, учитывая то, что говорила мне Кико. Брик и Дориан смогли их *почувствовать*. Они охотятся на людей как на еду. Они могут отслеживать их такими физическими путями, которые недоступны нам. Они обошли все помехи этой чокнутой горы и просто следовали за своими желудками, мать их.

На мои глаза навернулись слёзы.

Они пришли из ниоткуда, ослепив меня. Дыхание застряло в моей груди и горле, я задышалась. Я так и стояла там, всхлипывая и согнувшись над бёдрами, когда Блэк подошёл ближе и обнял меня.

— *Gaos*, док... мне так жаль, — боль рябью прокатилась по его свету, отразившись в его голосе. — Мне так, так сильно жаль, — он крепче прижал меня к себе, вливая этот свой жар в мою грудь. — Я сделаю всё, что ты захочешь, Мири. Что угодно. Ты хочешь вернуться в Европу?

Стиснув зубы, я покачала головой.

— Мы бы его не нашли, — сказала я, заставив себя сделать вдох. — Мы бы его не нашли, так что это не имеет значения. Нет смысла.

Мой голос прозвучал мёртвым, но слова казались правдивыми. Я знала это. Я знала, что мы его не найдём, хотя и не понимала, откуда мне это известно.

— Мы не найдём Брика, пока он не захочет быть найденным, — сказала я. Я знала, что повторяюсь, но как будто не могла остановиться. — Мы не найдём Ника, пока Брик не позволит. Или пока он не скажет, что он с ним сделал.

Блэк кивнул.

Я чувствовала, что он согласен со мной.

Я также чувствовала, что та боль в его свете усилилась.

Я понимала, что он, как и я, верил в худшее относительно Ника.

Он просто не хотел говорить это.

Стоя там, я позволила себе прильнуть к нему светом и телом.

Я старалась открыться для боли, или как минимум открыться для самого Блэка.

Я знала, что до осмысления всего этого мне ещё очень далеко, и не только потому, что когда я в последний раз чувствовала себя так, я открылась именно Нику. Ник стал первым, кто утешил меня после гибели моей сестры Зои. Моей сестры Зои, которую тоже убили вампиры. Без Ника я бы не выжила.

Руки Блэка стиснули меня ещё крепче.

Я чувствовала в нем любовь, мучение из-за Ника, печаль из-за того, каким беспомощным он ощущал себя в этой ситуации, из-за того, что он никак не мог помочь мне почувствовать себя лучше.

Ещё через минуту он отпустил меня.

Я смотрела, как он делает шаг назад и вытирает слёзы с глаз. Сама я всё ещё не сумела выдавить из себя настоящих слёз. Я пару раз плакала в душе, пока мы были в Европе, но не слишком долго.

Никогда недостаточно долго.

Прочистив горло, Блэк мотнул головой в сторону дороги.

— Пошли, — сказал он грубовато. — Я хочу иметь хороший вид, когда встанет солнце.

Мы находились в западной части города.

Мы не увидим отсюда рассвет — во всяком случае, не слишком хорошо.

С другой стороны, Блэк *не говорил* «рассвет». Он сказал «хороший вид», так что я предположила, что это не имеет значения. Впереди будут какие-то хорошие виды, даже если мы находились не в той части города, чтобы видеть, как солнце поднимается над кромкой мира.

Что бы там Блэк имел или не имел в виду, я не спорила.

Когда он повернулся и побежал, я просто последовала за ним.

Мы наблюдали, как свет поднимается над краем Лэндс-Энда, где находился каменный лабиринт, который начинался за лесистой беговой дорожкой, петлявшей вокруг музея Почётного Легиона.

Мы стояли на песчаном утёсе с видом на океан, прямо там, где океан сходил с бухтой Сан-Франциско и мостом Золотые Ворота. Слева от себя я видела ещё больше утёсов. Я знала, что сразу за ними находятся Сатро Батс, Клифф-Хаус, а затем Оушн-Бич.

Справа от себя я видела более каменистый берег с мостом Золотые Ворота вдаль — он отражал свет раннего утреннего солнца.

Глядя с утёсов на бьющие волны, мы просто стояли и ничего не говорили, пока вокруг нас проступал пейзаж.

Я слышала птиц, чьи песни становились громче вместе с восходящим солнцем, смотрела на морских котиков, уже готовых принимать солнечные ванны на камнях. Белые завитки пены поднимались и опадали, разбиваясь о подножье утёсов лишь для того, чтобы откатиться и повторить всё вновь.

Мы простояли там, наверное, минут двадцать.

Мы стояли, пока не перевели дыхание от последних нескольких миль то вверх, то вниз по склонам лесистого побережья, через Пресидио вдоль Чайна-Бич, а затем вниз по прибрежной тропе. Мы стояли там, пока я не начала немножко дрожать, потому что потная одежда похолодела на утреннем ветру и прилипла к влажной коже.

Затем Блэк взглянул на меня и заметил, что я обхватываю себя руками.

— Пошли, — сказал он, на мгновение обхватив ладонью мою шею сзади и помассировав мышцы. — Завтрак ждёт.

Не дожидаясь моего ответа, он развернулся на пятках и трусцой побежал вверх по тропе, которая вела обратно к деревьям. Мгновение спустя я последовала за ним. Как только мы вновь вернулись на главные дорожки для бега вокруг утёсов, он направил нас вправо, в сторону Сатро Батс.

Мышцы моих ног, которые страдали всё то время, что мы стояли на месте, запротестовали, как только я сделала несколько шагов бегом след за Блэком.

Они вновь постепенно разогрелись, когда мы вместе сбежали вниз по холму, пробежали мимо Клифф Хауса, пока не оказались над Оушн Бич.

Вскоре после этого Блэк опять завернул вправо, и мы побежали по самому пляжу, прямо по границе накатывавших волн, где песок был плотнее всего.

К тому времени я по-настоящему устала.

Задышавшись, я сумела ускориться ровно настолько, чтобы побежать рядом с Блэком, который всё ещё умудрялся выглядеть так, будто с лёгкостью пробежит ещё пятнадцать-двадцать миль.

— Я вот-вот выдохнусь, — сообщила я ему между тяжёлыми вздохами.

Он взглянул на меня и слегка улыбнулся.

— Почти на месте, док.

Прежде чем я успела запротестовать, он сменил направление, и мы побежали по песку обратно к дороге.

Чем мягче и суше становился песок, тем сложнее было по нему бежать, и вот я уже задышавшись, вся вспотевшая, с трудом поднимаясь по слегка покатою дюне, чтобы выбраться с песка на дорожку.

Наконец, добравшись до дороги, я невольно застонала, когда Блэк широко улыбнулся и кивком головы показал мне следовать за ним на другую сторону улицы.

К тому времени мы уже пробежали мимо западного входа в парк Золотые Ворота.

Рванувшись и силой заставив тело двигаться, я последовала за ним.

Он перебежал через шоссе Грейт, направляясь теперь уже обратно на восток, на Норьега-стрит.

*«Я не побегу с тобой до самого Маркета, — сообщила я ему в своём сознании. — Ты беги, если собрался пробежать сегодня полноценный марафон. А я возьму бл*дское такси. Наверняка всю дорогу буду фантазировать о буррито и картошке фри с чили».*

Он рассмеялся. Я услышала его и ушами, и в своём сознании.

«Не настолько далеко, док, — послал он, вливая в мою грудь жар. — Почти на месте. Обещаю».

«Ты это давно говоришь», — проворчала я.

Мы пробежали ещё несколько кварталов по Норвега, и я начинала думать, что вот-вот грохнусь от изнеможения. Я уже собиралась остановиться по-настоящему, когда увидела, что Блэк замедляет свои длинные шаги и окончательно останавливается перед стеклянной витриной магазина.

Я остановилась вместе с ним, хотя нас разделяла добрая дюжина футов.

Я стояла на тротуаре, хватая ртом воздух и упираясь ладонями в бедра.

Он наблюдал за моим пытанием, уперев руки в бока.

Он ничего не говорил, пока я не сумела более-менее привести дыхание в порядок, хотя я всё ещё хватала воздух так, словно в моём баллоне заканчивался кислород.

— Давай, лежебока, — сказал он, широко улыбаясь. — Я голоден.

— Ты дьявол, — сообщила я ему, лишь наполовину шутя.

— Может быть, — отозвался он, вскинув бровь. — Но я знаю лучшее место, где в восемь утра подают черничные вафли.

Всё ещё улыбаясь, он схватился за ручку двери магазина, распахнул её и скрылся внутри.

Мысленно застонав и всё ещё бурча на него себе под нос, я заставила себя перейти на хромающий шаг-бег и последовала за ним.

По поводу вафель он не ошибся.

Пожалуй, это единственная причина, по которой я не воткнула в него вилку во время еды, когда более-менее отправилась от «терапевтической утренней пробежки» в понимании Блэка.

Я знала, что завтра у меня будет всё болеть.

И, наверное, послезавтра тоже.

— Только если ты опять пропустишь пробежку, — заметил он, запихивая в рот огромную порцию черничных вафель. *«...А этому не бывать, милая»,* — добавил он в моём сознании, принимаясь жевать.

В этот раз я действительно чуть не проткнула ему руку вилкой.

На деле же я лишь рассмеялась.

Он ел вафли как Энджел. Намазывая полсантиметра сливочного масла, а сверху ещё сантиметр кленового сиропа. Он был совершенно бесстыжим в своей избалованности.

— А мне надо стыдиться? — приглушённо поинтересовался он, потому что всё ещё жевал вафли. — Закажи мне ещё кофе, моя секси-леди женушка, и я куплю тебе буррито по дороге домой.

Я снова рассмеялась, хлопнув его по руке, затем махнула официанту.

Хотя кофе был просто фантастическим. Нам не хватило бы по чашке, поэтому мы оба заказали себе по маленькому кофейнику френч-пресса. Я заказала ему ещё один кофейник и принялась за следующий слой вафель на своей тарелке.

У Блэка был отменный вкус на рестораны.

— Нам нужно заглянуть к Кэлу, — сказал он, проглотив вафли и глотнув моего кофе, пока дожидался своей порции. — Он давно зазывает меня поужинать в его ресторане... и привести тебя. Он думает, что после прошлого раза я его избегаю.

Я фыркнула, закатив глаза.

— В этот раз ты будешь угрожать избить его? — спросила я.

— Я постараюсь сдержаться, — он широко улыбнулся, откинувшись на спинку диванчика и потянувшись. — Однако он всё-таки запал на тебя. Он даже по телефону не сумел это скрыть.

Я снова фыркнула, даже не утруждая себя комментированием этого.

Блэк подался к столу, перенёс свой вес на руки и всмотрелся в мои глаза.

— Тебе лучше, док?

Я встретила с ним взглядом.

Вместо того чтобы ответить на отвали, я задумалась над его вопросом.

После небольшой паузы я кивнула.

— Да, — призналась я.

Он удерживал мой взгляд, и в его золотых кошачьих глазах проступила пытливость.

— Ты знаешь, что хочешь делать сейчас? — спросил он.

Глотнув кофе и не отрывая от него взгляда, я снова задумалась, затем медленно кивнула.

— Да.

Он ждал, сложив руки перед собой на столе. Он уже расправился со своей огромной порцией вафель. Пустая тарелка с плавающим сиропом оказалась отодвинута в сторону вместе с посудой от сосисок и бекона, которые он тоже мгновенно умял.

— И? — подтолкнул он, когда я не заговорила. — Собираешься поделиться, любовь моя?

— Это не совсем... этично, — произнесла я.

— Я весь внимание.

Выдохнув, я поймала себя на том, что скопировала один из его взмахивающих жестов рукой и откинулась на диванчик, держа в другой руке чашку кофе.

— Ладно. Тогда я скажу вот что: мы поставим прослушку на все телефоны Танака, — сказала я, глотнув кофе. Я выдержала его взгляд, поигрывая кофейной чашкой, которую поставила обратно на столик. — Мы получим все записи предыдущих звонков и выясним, откуда поступил тот звонок, о котором говорила Юми, а также посмотрим, не получится ли созвониться с Национальной Безопасностью или другими органами, которые могут нам что-то сообщить. И мы пошлём видящих, чтобы прочли членов семьи Танака. Всех. И его сестёр тоже. И его отца.

Блэк моргнул.

Выражение его лица не изменилось.

— Ты можешь сделать это, дорогой? — невинно поинтересовалась я, затем подняла кофейную чашку и отпила глоток, похлопав ему глазками. — Твои приятели в Пентагоне записывают все международные звонки, верно? Я знаю, что они не заглядывают в эти записи без оснований, но ведь у них *есть* эти записи, верно?

В глазах Блэка заискрило лёгкое веселье.

— Верно, моя прекрасная жена.

— Так что? — спросила я, пожимая плечами и делая ещё один глоток кофе. — Мы отследим все контакты. Мы послушаем оригиналы, где получится. Затем пошлём наших людей за Бриком.

— А затем?

Я поставила кружку. Мой голос оставался спокойным, хотя челюсти сжались.

— Затем мы выкачаем из него всю кровь, — сказала я. — И будем сдирать с него кожу, пока он не скажет нам, что именно он сделал с Ником.

Воцарилось молчание.
В уголках губ Блэка заиграла лёгкая усмешка.
Откинувшись назад, он положил руку на спинку дивана и отпил большой глоток кофе.

— Я определённо тебя испортил, — заметил он.

Я пожала плечами.

— Это на пользу.

— То, что я тебя испортил?

— Конечно.

Он усмехнулся, качая головой.

— Возражения будут? — мой голос прозвучал чуть резче. — Мне не грозит нотация, Блэк? О том, что вампиры тоже люди, и...?

— Хочешь поплавать? — спросил он с бухты-барахты.

Когда я умолкла и уставилась на него, он улыбнулся мне, потягивая свой свежесваренный кофе и изучая моё лицо. Я ничего не сказала, а он лишь пожал плечами.

— За нами заедет машина, — сказал он. — Но не хочешь сначала прыгнуть в океан? Знаю, будет холодно, особенно после Таиланда, но я не против, если ты за.

Посмотрев на него, я подавила очередной смешок.

— Значит, нотации будут позже? — уточнила я.

Он покачал головой, аккуратно поставив свою кружку кофе.

— Никаких нотаций, любовь моя. Я говорил тебе... решение за тобой. Я стопроцентно на твоей стороне, как бы ты ни захотела разобраться с этим. Все мои ресурсы в твоём распоряжении. Включая контакты, которые остались у меня в Пентагоне...

— Но что ты сам *думаешь*? — перебила я, поджав губы.

Воцарилась тишина.

Блэк посмотрел мне в глаза, изогнув губы в лёгкой усмешке.

— Ну... возможно, ты только что наградила меня стояком, — он бросил на меня хищный взгляд. — Это относится к делу? Или лишняя информация?

Я подавила смешок.

— ...И моё предложение поплавать, возможно, имеет *слегка* скрытые мотивы, — добавил он, стиснув мою руку на столе и подтянув меня поближе. — Возможно, я намекаю на перепих после пробежки, просто чтобы попробовать, каково это будет в Тихом океане... при нулевой температуре... по сравнению с безветренными водами Таиланда. Однако нам придётся остерегаться сёрферов. И акул. У тебя ведь месячные не идут, нет?

В этот раз я расхохоталась в голос.

И даже я слышала в этом смехе облегчение.

Блэк поддержит меня в этом.

Он поддержит меня до самого конца.

Рано или поздно мы найдём Брику.

Мы найдём его, и тогда я вытащу из него правду о том, что он сделал с моим самым давним другом — даже если в процессе я потеряю свою бл*дскую душу.

Глава 11. Мягкий подход

Наоко смотрел через железные решётки клетки. Он обхватывал их ладонями, сжимал пальцы до побеления костяшек, стискивал их до боли.

Он гортанно рычал.

Ничего не мог с собой поделаться.

К этому времени он едва осознавал, что делает это.

Голод скрутил его внутренности, от сильного желания его тошнило. Его член сделался твёрдым. Слюна наполнила его рот. Клыки до боли удлинились, отчего желание лишь ухудшалось настолько, что ему отчасти хотелось впиться этими клыками в собственное запястье.

Он не мог отвести взгляда от сцены, разворачивавшейся перед ним.

Он не мог зажать уши, чтобы не слышать раздававшихся звуков, тошнотворно чувственного чавканья и сосущих звуков, которые как будто наполнили всю комнату с высокими потолками.

Он ощущал головокружение. Он чувствовал себя одурманенным, затерялся в столь мощном желании, какого никогда не испытывал.

Ему хотелось закричать на другого вампира.

Нет, ему хотелось взречься на него, разорвать его на куски.

Он хотел кидаться на решётки клетки, пока не истечёт кровью.

Однако он знал.

Он знал, что если скажет хоть слово — если в любой манере повысит голос на этого мужчину, и тем более навредит себе, или станет угрожать ему, или проклинать его — он заплатит за это. Он заплатит за это не болью, потому что такой вариант он предпочёл бы для себя. Он заплатит за это голодом, лишением всего в этой бл*дской клетке.

Раздражение заполонило его сознание, вибрируя в крови, которая пересыхала в его венах.

Раньше его пытали как человека.

Его лишали еды, воды, передвижений.

Его обучали справляться с такими вещами. Его дважды ловили в тылу врага, и ему пришлось применить эти навыки на практике. Даже совсем недавно его поймали на том острове и в некотором смысле пытали, хотя пытки были сравнительно мягкими, если не считать изоляции, темноты, жары, насекомых, жажды.

Ну, и наблюдения, как Джема избивают...

Он бездумно отсек это воспоминание, но оно вернулось секунды спустя. В этот раз оно причудливым образом задержалось, сбивая его с толку.

Его смятение лишь усилилось, когда воспоминание заполнило его сознание, вызывая на его лице гримасу.

Боль рябью прокатилась по его венам.

Боль струилась по нему, смешиваясь с кристально ясными образами, и в его нутре поднялась тошнота. Через считанные секунды на эти образы стало больно смотреть.

Эмоции усилились.

Он впервые отвернулся от кормящегося вампира, ахнув, когда эта боль заполнила его грудь. Он крепче стиснул решётки, затем разжал ладонь и вместо этого прижал её к груди, подавляя резкую, похожую на удар ножом реакцию между рёбер — новую боль, какой он никогда прежде не ощущал.

Такое чувство, будто у него случился сердечный приступ.

Будь он человеком, он бы не сомневался, что у него сердечный приступ.

Дориан перед ним поднял голову.

Уставившись на Ника через решётки, он уронил человеческую женщину, от которой кормился, и позволил ей без сознания упасть на пол. Она обмякла, неуклюже приземлившись на разъехавшиеся колени, и захныкала.

Дориан, казалось, почти не заметил.

Он грациозно подошёл к клетке, затем одним движением присел перед ней.

— Что? — он погладил пальцы Наоко на той руке, что всё ещё стискивала решётки.

— Что такое, друг мой? Что происходит?

— Я не знаю, — выдавил Наоко. — Боль.

Он закрыл глаза и покачал головой, пытаясь бороться с этим чувством.

— Что за боль ты чувствуешь? — голос Дориана звучал мягко, уговаривающе. —

Это не от крови, юный брат. Что это?

Наоко не ответил. Он мог лишь покачать головой.

У него всё равно не было ответа на вопрос вампира.

Он не мог это осмыслить.

Боль усилилась. Он видел перед своими глазами Джема. Он видел, как голый видящий лежит на чёрном камне, как его пинают, бьют кулаками, швыряют на камни. Наоко вздрагивал от каждого удара, хрипел, хотя больше не нуждался в кислороде для своих лёгких.

— Заставь это прекратиться, — выдавил он полустоном. — Заставь это прекратиться... пожалуйста.

В голосе Дориана слышалось понимание.

— Ты вспоминаешь, — он произнёс это не как вопрос. Его пальцы сделались мягче, нежнее. — Это часть молодого возраста, Наоко. Все твои воспоминания вернутся. Поначалу это происходит постепенно. Ты помнишь информацию, но чувства возвращаются медленнее.

Наоко посмотрел на него.

Он постарался удержать кровавый взгляд вампира, всё ещё с трудом втягивая воздух, в котором он уже не нуждался, всё ещё стискивая свою грудь и морщась от боли. Он видел в кровавых глазах сочувствие, которое ещё сильнее сбивало его с толку, но рассеяло часть его ярости. Он даже подумал, что кровавый оттенок тех глаз немного померк, сделавшись как никогда близким к прозрачному.

— Это потому что мы чувствуем всё намного сильнее, — сказал Дориан, поглаживая его ладонь. Его голос звучал бормотанием, даже тише шёпота. — Мы чувствуем намного больше, мой возлюбленный. Мы не смогли бы справиться с нашими вампирскими эмоциями, если бы вспомнили всё разом. Так что поначалу мы вспоминаем информацию... чувства приходят позднее. Они приходят постепенно, чтобы не ошеломить нас. Они приходят, и мы привыкаем жить тем, кто мы есть на самом деле. Мы привыкаем справляться с полным, неразбавленным спектром наших эмоций.

Дориан повернулся, взглянув на девушку на полу.

Теперь она держалась за шею и хныкала, широко раскрыв глаза от непонимания.

— Они действительно дети, — сказал он мягко. — Живут половинными жизнями. Чувствуют половинные чувства. Они не имеют представления о том, что такое эмоции на самом деле. Они не ведают об их силе.

Он посмотрел обратно на Наоко.

Сочувствие в этих тёмно-красных глазах сделалось более явным.

— Я принесу тебе что-нибудь поесть, — произнёс он таким же мягким тоном. — Ты поешь, и мы поговорим. Ты не против, Наоко?

Молодой вампир к этому времени полулежал на полу клетки.

Он стискивал свою грудь, стараясь думать сквозь боль, стараясь не расплакаться и не разрыдаться. Он не мог полностью осознать слова Дориана. Он не мог осознать, как что-то столь эфемерное, как чувство, могло сотворить с ним такое.

Он вообще не мог придумать название этому чувству.

Он лишь стискивал железную решётку, чтобы Дориан продолжал касаться его.

— Да, — выдавил он.

Слёзы навернулись на его глаза, когда он посмотрел на это прекрасное лицо.

— Да, — сказал он. — Прошу, брат. Пожалуйста.

Он едва выдавил эти слова, когда Дориан уже встал, поднимаясь на ноги.

Наоко и моргнуть не успел, как светловолосый вампир исчез.

Единственное, что свидетельствовало об его уходе — это звук закрывающейся двери и то, что его пальцы уже не поглаживали Наоко.

Он остался один в клетке, стонал от боли, задыхался, не вдыхая и не выдыхая воздух, смотрел на узоры теней, которые огонь отбрасывал на потолок.

Он не мог долго сосредоточиться на виде комнаты.

Образы той пещеры, Джема, крови, воды и исполосованной плоти встали перед его глазами. Он ощущал каждый удар, раз за разом, вздрагивал от пинков, от стонов лежащего ничком видящего, по подбородку которого струилась кровь. Наоко лежал там, парализованный ужасом, страхась за жизнь видящего, страхась за жизнь Энджел, которую любил как сестру.

Он умер бы там.

Бл*дь, он умер бы в той пещере.

Темнота, лязг цепей, вкус крови, укусы насекомых и крыс...

Он хрипел, стараясь дышать. Он не мог дышать.

Он не мог втянуть в лёгкие воздух.

Он помнил драконов.

Он помнил, как ему снились драконы.

Он полулежал там, чувствуя себя сломанным, хрипя без воздуха, парализованный приливом эмоций, приливом ощущений столь интенсивных, что он не мог осознавать ничего, кроме них. Он не знал, как долго он пролежал там, заново переживая каждую секунду тех воспоминаний из пещеры, но уже без смягчения, без онемения, без всех своих предыдущих оборонительных техник.

Где-то в этом промежутке времени, казавшемся ему бесконечностью, он осознал кое-что ещё.

Дориан забрал с собой человеческую женщину.

Наоко был действительно один.

Он понятия не имел, как долго отсутствовал Дориан.

Воспоминания о пещерах прошли до того, как вернулся Дориан.

Эмоции смягчились, сделались терпимыми.

Наоко всё так же голышом обмяк в клетке, подавляя сдержанную панику, что воспоминания вернутся, или что по нему ударит нечто новое перед тем, как Дориан вернётся.

У него много воспоминаний.

Он мог бы перечислить их.

Он мог описать каждое воспоминание как многогранный бриллиант, находящийся где-то в закоулках его сознания и сохранившийся нетронутым до последней детали. Он помнил факты с потрясающей точностью, но лишь голую информацию, как и сказал Дориан.

Он знал факты своей жизни.

Теперь он намного яснее пересчитывал эти факты и хронологические последовательности в отношении конкретных деталей каждой секунды, что он прожил до сих пор. Наоко помнил даты, имена, лица, места, произошедшие события, действия, которые предпринял он сам, действия и события, свидетелем которых он стал, его собственные реакции и мысли.

Он мог бы перечислить собственные эмоциональные реакции на те события так, как не мог сделать это, будучи человеком...

Но Дориан прав.

Наоко ещё не чувствовал их.

Если Дориан прав и по поводу остального, вскоре это изменится.

Бл*дь, эта мысль приводила его в ужас.

Как и сказал Дориан, люди постоянно жили в тумане. Их чувства приглушены. Их зрение ни на что не годится. Их слух ещё хуже, не говоря уж об обонянии и вкусе. Они существовали наполовину. Испытывали всё наполовину.

Чувствовали наполовину.

В данный момент Наоко завидовал им из-за этого.

Он хотел вернуть себе ту способность.

Он хотел вернуть свои прежние методы справляться с такими вещами, но он уже чувствовал, что здесь, в этом теле, с таким восприятием мира они не сработают. Это всё равно что пытаться впитать весь океан губкой для мытья посуды.

Так что он мог лишь лежать там, одержимо перебирая в голове факты своей жизни, куски, которые он мог даже сейчас бесстрастно перечислить. Он обзревал этот список, смотрел на костяки историй, и в это время намёки в словах Дориана всё глубже и глубже просачивались в его сознание. Чем дольше он думал о словах другого вампира, примерял их смысл к своей человеческой жизни, тем сильнее становился его страх.

Мысль о том, чтобы вспомнить эмоции, жившие за этими воспоминаниями, чтобы *пережить* их во всей мощи, приводила его в ужас.

Он гадал, может ли это убить его.

С большей вероятностью это сведёт его с ума.

Он всё ещё лежал там, когда дверь почти бесшумно распахнулась.

Однако Наоко услышал звук.

Он легко вскочил на ноги в присевшей позе, чтобы не стукнуться головой о клетку, которая не позволяла ему выпрямиться во весь рост. Он посмотрел через решётки и увидел смотревшего на него Дориана. Вампир на глазах Наоко тепло улыбнулся.

Мгновение спустя Дориан отвернулся, сбросил с плеч длинный плащ и повесил его на вешалку у двери.

Наоко всё ещё всматривался в лицо вампира, пытаясь осмыслить, что скрывалось за пустым выражением, когда вампир повернулся обратно к двери.

Он затащил человека.

Наоко уже знал, что он привёл с собой человека — он это почуял.

Запах был слишком сильным, чтобы списать его на остаточный аромат на одежде мужчины.

В любом случае, Дориан обещал. Он обещал, что покормит его.

Дориан не нарушал своих обещаний.

— Она подойдёт? — спросил вампир.

Старший вампир вытащил девушку из тени возле двери, захлопнув за ними панель. Её огромные карие глаза уставились на Наоко. Они смотрели достаточно сконфуженно, чтобы указывать на то, что её немного одурманили, но всё же бояться она не перестала.

Наоко затвердел от одного взгляда на неё.

Она прекрасна.

Может, двадцать с небольшим, а может, и вовсе только-только вышла из подросткового возраста. Карие глаза, длинные черные волосы, высокие скулы, роскошное тело. Одета в зауженные джинсы и футболку с текстом песни на груди. На ногах красовались розовые кроссовки.

Она выглядела так, будто Дориан вытащил её из панк-клуба, а может, сдёрнул со скейтборда, пока она катилась по улице.

— Она подойдёт, Наоко? — спросил старший вампир. — Не отвечай слишком быстро, — в его голосе зазвучало лёгкое предостережение. — Не слишком жадничай, Наоко, каким бы голодным ты ни был. Ты можешь трахнуть эту, если хочешь, так что убедись, что она тебе по вкусу. Как я и говорил, мы убиваем, имея на то причины. Мы выбираем тех, которых мы забираем по какой-то причине. Мы не убиваем без разбору... как животные.

Язык Наоко разбух во рту.

Вопреки реакции его тела, аналитическая сторона его мозга не упустила другие важные намёки в словах вампира.

Дориан собирался выпустить его из клетки.

Или он собирался запихнуть женщину сюда, к нему.

В любом случае, дверь клетки откроется.

— Наоко?

После небольшой паузы молодой вампир кивнул.

— Она идеальна, — сказал он, говоря вполне искренне. — Совершенно идеальна.

Полные губы Дориана изогнулись в легчайшей улыбке.

Хоть это выражение было едва заметно, Наоко к тому времени знал вампира достаточно хорошо, чтобы знать, что он доставил ему невероятное удовольствие своим одобрением.

— Ты не против, если я присоединюсь к тебе? — вежливо спросил Дориан.

Наоко посмотрел на него.

Он был так голоден, что невольно нахмурился.

Он не хотел делиться своим убийством.

Взгляд Дориана пробежался по его лицу. Он расстегнул ремень, снял его с пояса, сложил и убрал в ящик. Затем он сбросил туфли, всё ещё всматриваясь в лицо Наоко, и поставил их внизу гардероба.

— Не в поедании её, — пояснил Дориан после небольшой паузы. — Для этого у меня есть несколько других. Я не стал бы красть у тебя эту пищу, Наоко, когда ты прождал так долго. Эту неделю ты вёл себя хорошо.

Закрыв гардероб после убирания туфель, вампир подошёл к нему и опустился на кресло с толстой обивкой, которое стояло лицом к железным решёткам клетки. Маленький узорчатый столик стоял возле кресла. Налив себе бокал вина, Дориан вскинул бровь и посмотрел в сторону Наоко.

— Кроме того, — добавил он. — Этим вечером я дважды поел. Другие, которых я принёс, могут быть всецело твоими, если пожелаешь. При условии, что будешь хорошо себя вести. Я не знал наверняка, насколько ты голоден.

Наоко озадаченно нахмурился.

Если Дориан не хотел кормиться с ним, чего он хотел?

Вампир ранее упоминал, что они поговорят.

Наоко не возражал и против этого, уже нет.

Вопреки клетке, вопреки всем играм разума, вопреки попыткам выработать у него стокгольмский синдром, с вампиром было на удивление легко говорить. А ещё он не врал ему, насколько мог сказать Наоко. Не пытался исказить его видение реальности, не запугивал его, не играл в психологические игры, которые Наоко презирал ещё при человеческой жизни.

Наоко докатился уже до того, что даже предвкушал их разговоры, хотя он не был слеп и видел, что происходит.

Он знал, что вампир обрабатывает его.

Он знал, что клетка, доброта, контролируемое кормление, попытки сформировать зависимость, завоевать его доверие, обучить его вампирским законам, даже вампирской этике — всё это часть одного и того же психологического повода.

Они пытались контролировать его.

Брик наверняка хотел взять его под контроль, особенно после той сцены в ночном клубе возле центра. Он, скорее всего, приказал Дориану найти способ успокоить его.

Военный разум Наоко понимал это.

Та же часть его даже питала к этому уважение.

Черт, да он сам проделывал такое в допросах, где на кону стояло очень многое. Как-то раз его обучали этому самому дерьму. Он знал, как вести такую игру.

Он знал, что в этот раз они пытаются сломать его мягко, а не сурово.

Он знал, что разговоры с ним и завоевание доверия — это фундаментальная часть.

Он знал, что привязанность, подарки, постепенное дозволение свободы, разговоры по душам, обучение вампирской биологии, вампирской культуре, вампирской истории... всё это часть одного целого.

Он также знал, что мягкий подход обычно эффективнее.

Однако в этот раз у него не возникало ощущения, что вампир нацелен именно на разговоры.

Возможно, это всё ещё мягкий подход, но это нечто новое.

Всматриваясь в лицо вампира, он, наконец, просто спросил.

— Если ты не хочешь есть её, тогда... присоединишься ко мне в чём?

Вампир выдержал его взгляд, отпив большой глоток вина. Он ничего не сказал, но взгляд его глаз сделался более жарким, более хищным.

Наоко почувствовал это, не зная, как именно он это ощутил.

Он почувствовал достаточно, чтобы понять — как минимум, на примитивном уровне.

Его разум последовал, сообразив, что говорил ему вампир. Или о чём просил. Или выдвигал теоретический вопрос, может быть.

Часть с разрешениями Наоко всё ещё понимал не до конца.

Когда молчание затянулось, Наоко почувствовал, что его грудь сдавило уже в другой манере. Он уставился на вампира почти в неверии, наблюдая, как другой открыто оценивает его реакции по мере того, как в его разум просачивается понимание. Наоко посмотрел на женщину, затем обратно на Дориана.

Он говорил о том, чтобы трахнуть её? Или трахнуть его?

Или трахнуть их обоих?

Он почти уверен, что знал ответ и на этот вопрос.

Однако опять-таки, он не знал, откуда именно ему это известно.

Но как только он осознал это, информация странным образом ударила по нему, скорее сбивая с толку, нежели вызывая отвращение или даже пугая.

Он знал, что вампиры фактически бисексуальны.

Судя по тому, что он заметил, они все такие... что не так уж отличалось от видящих, если верить его познаниям и словам Мири. Она сообщила ему практически будничным тоном, что Блэк был с мужчинами. Очевидно, Блэк много раз был с мужчинами, хотя это по большей части происходило на Старой Земле и, возможно, не по обоюдному согласию.

В то время эта информация удивила Наоко.

Возможно, она даже шокировала его, учитывая то, как он воспринимал Блэка — хотя Наоко как человек не особенно был гомофобом. Большую часть жизни, пока он рос в Сан-Франциско, у него были друзья-геи.

У него были геи-соседи по комнате, геи-начальники, геи-коллеги, геи-однокурсники.

Блэк удивил его сильнее, потому что...

Ну, потому что это Блэк.

Теперь же Наоко реагировал на бисексуальность Блэка лишь пожатием плеч.

Будучи человеком, Наоко говорил себе, что эти отличия мало значат для него. Теперь они по-настоящему значили для него ещё меньше.

И всё же он ничего не знал об этом.

Он также не знал, что это означало для него.

Теперь он более бисексуален просто потому, что его обратили? Он начнёт искать этого, жаждать этого, как он жаждал женщин? Или это проявится просто как безразличие? Он просто перестанет заботиться о том, какого пола его партнёры по сексу?

Он начнёт замечать мужчин так, как замечал женщин?

Странная мысль.

Этот вампир вообще делал ему непристойное положение?

Или просто сообщал о новом положении дел?

Как бы ни выбивали его из колеи возможности, вызванные молчанием Дориана, намёки, которые Наоко читал в этом молчании, а также то, что это могло значить лично для него, он невольно подумал об этом в свете его заточения.

В основном он думал о том, как может использовать это себе на руку.

Если он нравился Дориану, даст ли это ему власть над вампиром?

Дориан рассмеялся, застав его врасплох.

Подняв взгляд, Наоко увидел, что другой вампир понимающе улыбается ему. Словно он увидел тот самый момент, когда разум Наоко переключился с шока на стратегическую оценку.

— Не дурачь себя мыслью, что ты можешь воспользоваться этой возможностью и опять свернуть мне шею, Наоко.

Наоко напрягся, инстинктивно стиснув решётки клетки.

Дориан лишь улыбнулся, поразив его *настоящей* улыбкой, вопреки промелькнувшим клыкам. Вампир продолжал ласково смотреть на него, и эта улыбка постепенно просачивалась в его глаза.

— ...Как бы я ни увлёкся моментом, я бы на твоём месте не стал даже пытаться, — весело предупредил он. — Ты один раз застал меня врасплох. Не ожидай, что это повторится... по крайней мере, не в ближайшее время. Теперь я знаю о тебе больше.

Наоко фыркнул.

Он осознал, что всё ещё настороженно смотрит на старшего вампира.

Он не мог определить, то ли он должен быть испуган, заинтригован, возбуждён или просто выбит из колеи.

Дориан, похоже, позволил ему самому решить в этом вопросе.

— Ты готов выйти из клетки, Наоко? — спросил Дориан.

После секундного колебания Наоко кивнул.

— Готов, — сказал он.

Глава 12. Открыть дверь пинком

Наоко был голоден.

Не просто голоден... он *умирал от голода*.

Он, бл*дь, умирал от голода.

Его рот опустился к обнажённой шее под ним, но он не успел даже поцеловать её поверхностью своих губ...

Вампир стиснул его плечо, сдерживая его.

Пальцы другой руки зарылись в волосы Наоко, отстраняя его ещё сильнее, не давая ещё раз укусить лежавшую под ним женщину. Уставившись на эту пульсирующую,

выступающую вену, прямо на самую толстую её часть, чуть выше следов укусов, которые он оставил на ней ранее, Наоко издал низкий стон, зародившийся в груди раздражённым и наполовину умоляющим молчанием.

Дориан оставался непоколебим.

— Ты получишь больше через минуту, Наоко. Успокойся.

Наоко издал очередной невольный рык.

Это не был полноценный протест, но очень близко к нему.

Как минимум, это была мягко озвученная жалоба.

Отвлекая свой разум от крови, от кричащей нужды, исходившей из его горла и клыков, он вместо этого двинул нижней частью туловища, вгоняя свой член в женщину. Она ахнула, когда он грубо вошёл глубже, приподняла бедра, чтобы встретить его, сжала руками его талию. Её ноги обхватили его туловище, обвинили его ноги, затем стиснули ещё крепче, когда он вновь вдавился в неё.

Она издала тихий стон, побуждая его войти ещё глубже на французском.

Её светлые глаза смотрели на него, умоляя.

Выражение, которое он видел там, усиливало голод в его груди и горле.

— Ты ей нравишься, Наоко, — пробормотал вампир, массируя его плечо. — Ты ей очень нравишься, юный брат.

Наоко задрожал, когда вампир стал целовать его спину и позвоночник, используя язык, покусывая его зубами, пока Наоко продолжал трахать женщину. Сочетание этих ощущений сделало его член твёрже, его тело с большей силой вминалось в неё.

И это также усиливало голод.

Он устался на веер её волос, высокие скулы, полные губы. Теперь он ощущал запах её крови всюду вокруг себя, не только из укуса на её шее.

Его клыки удлинились, и он снова зарычал, в этот раз ещё громче.

— Не кончай, — предостерег его Дориан.

Наоко издал очередной протестующий рык, полный протеста.

— Я хочу, чтобы ты подождал меня, — сказал Дориан, стискивая его волосы и бормоча ему на ухо. — Теперь я трахну тебя, Наоко. Если только ты не возражаешь?

Наоко застыл на середине толчка.

Он нависал над женщиной, слушая её дыхание, слушая её сердце, колотившееся в груди и горле, её жалобное хныканье из-за того, что он остановился. Она впиалась ногтями в его спину, призывая его продолжать.

Её желание ненадолго отвлекло его.

Однако не очень надолго.

Руки вампира не отрывались от его тела, массировали мышцы спины, массировали плечи, руки. Длинные пальцы помедлили, чтобы сжать его волосы и вновь запрокинуть голову.

Наоко осознал, как он, должно быть, выглядит, с точки зрения вампира.

Он был покрыт кровью и каким-то маслом.

Когда вампир полил этим маслом его и женщину, он знал, для какой цели это, наверное, делается. Его охватило смятение, когда он понял, что знал и отбросил это в сторону — возможно, желая посмотреть, что на самом деле сделает вампир.

Подумав об этом сейчас, он толкнулся в женщину — в этот раз невольно.

Он продолжал игнорировать этот факт, пока раздевал её, а затем и вовсе забыл обо всём, как только он избавил её от всей одежды, и Дориан впервые позволил покормиться от неё. Наоко вновь позволил этому вылететь из головы, как только вставил в неё свой член.

Он сказал себе, что вампир просто хочет посмотреть.

Он сказал себе, что вампир получал кайф, наблюдая, как он кормится и трахается.

Где-то в закоулке своего сознания он знал, что вампир захочет не только наблюдать за этими двумя вещами. Он чувствовал, что какая-то его часть знала всё это время, и что

он в некотором роде подыгрывал. Не совсем красуясь перед другим мужчиной, но осознавая, что это делает с ним. Он осознал, что уделяет внимание, что из его действий нравится Дориану больше или меньше.

Может, он испытывал его, пытался определить, что означало то первоначальное предложение.

Может, он даже играл с ним в какой-то осторожной, пробующей манере.

Не только любопытство заставляло его дёрнуть за эту ниточку и посмотреть, что произойдёт. Его это возбуждало. Он получал удовольствие от знания, что вампир наблюдает.

Не просто наблюдает — Дориан в той или иной мере режиссировал происходящее.

— Наоко?

Теперь вампир массировал основание его позвоночника, буквально заставляя Наоко расслабиться. В процессе он также вгонял его глубже в девушку.

— Будет больно? — невольно выпалил он.

Дориан улыбнулся.

Наоко этого не видел. Он смотрел на женщину, невидящим взглядом сосредоточившись на её лице. Но он слышал улыбку. Он буквально ощутил её.

— Прямо сейчас? — размышлял Дориан. — Очень сильно сомневаюсь, — выразительно помедлив, Дориан ласково потянул Наоко за волосы, крепче стиснув их рукой. — Я не собирался спрашивать, Наоко. Хочешь ли ты этого. Но я практически уверен, что ты хочешь. Я ошибаюсь?

Наоко уставился на девушку.

Он сглотнул.

Глядя в эти тёмно-карие глаза, совершенно лишённые страха и понимания происходящего, он осознал, что какой-то его части недостаточно этого. Трахать людей недостаточно. Он знал это даже тогда, когда ходил охотиться с Люсией.

Он также осознал, что играл с приоткрытой дверью, которая внезапно раскрылась очень, очень широко, как от пинка.

Теперь он не был уверен, что хотел входить в эту дверь.

— Что насчёт Люсии? — его голос прозвучал грубо. — Если ты хочешь, чтобы я трахнул вампира, хотя бы с ней...

— Люсия вгоняет тебя в скуку, — просто ответил Дориан.

Наоко нахмурился.

Обдумывая слова вампира, он покачал головой, но не совсем в знак отрицания — скорее, он хотел ответить нет. Он чувствовал правду в словах вампира. Закрыв глаза, он попытался отрицать эту правду перед самим собой, но поморщился, ощутив это ещё сильнее и вспоминая свои последние несколько ночей с вампиршей.

Откуда Дориан это знает?

Откуда он вообще может такое знать?

Он даже тогда следил за ними двоими?

Или это просто следствие его возраста, и поэтому он знает Наоко лучше, чем сам Наоко?

Очевидно, Дориан тоже не посчитал его протесты слишком убедительными.

В любом случае, он не потрудился на них ответить.

— Я вгоняю тебя в скуку, Наоко?

Наоко умолк. Его грудь тяжело вздымалась, как при воспоминании о Джеме в тех пещерах. Опять-таки, ему не нужно было дышать, но его грудь всё равно вздымалась от страха, подчиняясь мышечной памяти с былых времён. А может, просто психологический тик, который он ещё не поборол.

— Нет, — ответил он наконец.

— Это значит «да»? Сексу? — уточнил Дориан.

Наоко нахмурился, посмотрев на женщину.

Теперь она ласкала его грудь, слегка надув полные губы и чуть царапая ногтями его кожу, прослеживая ребра и мышцы. Его член пульсировал в ней, будучи как никогда твёрдым. Он знал, что это не только из-за женщины.

Он знал это с тех самых пор, как они начали.

— Наоко? Это «да»?

— Это не «нет», — прорычал он.

Дориан усмехнулся.

Наоко услышал, что вампир позади него переместился.

Он ощутил смещение воздуха.

Он не поворачивал голову, но вместо этого закрыл глаза, прислушиваясь, как Дориан стягивает рубашку через голову. Он слышал, как тот расстёгивает штаны, видел мысленным взглядом, как тот ненадолго встаёт, быстро избавляясь от остатков одежды, как только застёжки оказались расстёгнуты, и легко переступает через грудку одежды.

Наоко слышал, как он кидает свою одежду на кровать выше места, где лежали они с женщиной.

Тревога переполнила его грудь, когда он почувствовал приближение вампира.

В этот раз он не сумел ничего с собой поделаться и повернул голову.

Когда он поднял взгляд на вампира, Дориан улыбнулся ему.

Он не замедлил своих шагов, продолжая улыбаться и идти к нему так быстро и грациозно, что всё тело Наоко замерло совершенно неподвижно, как пойманный в ловушку зверь.

Ему едва представилось время, чтобы принять настоящее решение.

Вампир наклонил к нему голову и губы, и вот они уже целовались. Язык и губы Ника покусывали клыки, ласкал проворный пробующий язык, и он издал надрывный звук, сам не осознавая, чего хотел добиться.

Он не знал, как долго это продолжалось до тех пор, как он начал расслабляться.

Руки вампира вновь опустились на его спину и позвоночник, что тоже помогло.

Его член затвердел до той болезненной пульсации, а вампир продолжал мять его мышцы, кожу и кости. Наоко застыл, нависая и не двигаясь в киске женщины, пока Дориан целовал его, углубляя поцелуй, целуя его всё крепче. Наоко чувствовал, что расслабляется ещё сильнее.

Спустя ещё несколько минут этих болезненных, сводящих с ума, бл*дь, просто невероятных поцелуев, он издал очередной невольный звук и толкнулся в женщину под ним — в этот раз жёстко, стиснув её бедро пальцами.

Теперь это была не капитуляция, а нечто более близкое к требованию.

— Да, — пробормотал он, когда вампир отстранился.

Он почувствовал, как его грудь и горло сдавило. Он не смотрел прямо Дориану в глаза, но стиснул челюсти и снова кивнул. Его язык разбух ещё сильнее.

— Да, — повторил он.

И вновь он услышал улыбку Дориана.

Затем вампир устроился над ним и над девушкой.

Наоко не знал, чего ожидать, как подготовиться, как...

— Толкнись навстречу, — приказал ему Дориан. — Когда почувствуешь меня, толкнись навстречу, словно пытаешься вытолкнуть его. Так будет проще.

Наоко постарался не напрягаться, возбуждение в его груди боролось с лёгкой паникой. Он не пытался отвечать другому вампиру, даже не кивнул.

Он спрашивал себя, какого черта он творит...

... когда вампир вошёл в него.

Всё тело Наоко напряглось. Затем через считанные секунды он подумал, что вот-вот потеряет сознание.

Вампир ошибался. Было больно.

Чего он не ожидал, так это того, что эта боль будет ощущаться так чертовски приятно.

Его руки стиснули пол, и он в шоке уставился вниз перед собой. Он удерживал себя над женщиной, его член оставался в ней. Член Дориана находился в нём, и он мог лишь стонать — наполовину от неверия, наполовину от того, что это ощущалось так охерительно божественно, что он действительно боялся потерять сознание. Его грудь вновь заработала, втягивая воображаемые вдохи. Женщина жалобно вскрикнула, когда Дориан вогнал Наоко глубже в неё.

— Не кончай, — скомандовал Дориан.

Наоко издал полный неверия звук, но заставил себя кивнуть.

Затем дыхание Дориана оказалось возле его уха.

— Тебе это нравится. Ты хотел, чтобы я сделал это, с тех самых пор, как я выпустил тебя из клетки.

Наоко мог лишь кивнуть, закрыв глаза.

Он чувствовал, что вампир смотрит на него, смотрит на его лицо. Затем пальцы сжали его волосы, стиснули до боли, удерживая совершенно неподвижно. Крепко сжимая его волосы в одном кулаке, вампир позади него издал низкое рычание.

Наоко услышал в этом звуке потерю контроля и едва не кончил вопреки тому, что только что сказал вампир. Он всё ещё старался контролировать себя, часто втягивал эти фантомные вдохи, когда вампир укусил его, впившись клыками в то место, где плечо встречалось с шеей. Наоко вскрикнул, подаваясь назад к нему, затем в женщину, и вампир принялся сосать сильнее, вытягивая из него кровь, вызывая у него головокружение.

На протяжении одного долгого момента Наоко не видел ничего вокруг себя.

Исчезла женщина, ковёр, на котором они лежали, корпус кровати, деревянный пол.

Вместо этого его сознание заполонил Дориан.

Он видел мелькающие образы из прошлого вампира, улавливал проблески его в разных странах, разных одеждах. Волна его присутствия на мгновение ошеломила его, поразила нюансами, которые он ощущал, интенсивностью эмоций вопреки обычно стоическому, внешне молчаливому облику вампира.

Наоко постарался увидеть больше, пойти глубже, и образы изменились, исказились вперёд, пока он не увидел старшего вампира после того, как тот впервые затащил Наоко в эту комнату, после того, как он впервые сломал ему шею, чтобы не дать дальше кормиться в том клубе. Он видел, как Дориан некоторое время наблюдал, как он спит на полу клетки до того, как прийти в себя. Он чувствовал, как в вампире борется раздражение, злость на него, растущее восхищение... даже веселье.

Он также ощутил желание вампира привязать его, трахать и кусать до тех пор, пока Наоко не сделает так, как ему, бл*дь, сказано.

Он также ощущал проблески любопытства Дориана в его адрес.

Он видел вампира поздней ночью в той же комнате, только уже за столом. Он сидел голышом перед компьютером, читал файлы, смотрел на его фотографии, когда Наоко был человеком, когда он был молодым. Он чувствовал, как вампир становится всё более и более возбуждённым, заинтригованным, любопытствующим...

В сознании Наоко проносились такие интенсивные воспоминания, что он застонал.

Дориан притянул его, не переставая пить, плывя в его сознании. И Наоко лежал там, наполовину парализованный, пока не увидел собственную человеческую семью.

Этого не было там, но потом вдруг появилось.

Там был Ник.

Он не просто смотрел на это, он вновь находился *там*.

Его мама стояла на газоне, болтая с его дядей Тецуо на ломаном японском и английском о том, что делать с рождественской ёлкой, жалуясь, что гирлянда не работает как надо, и её надо починить, поскольку отец Ника поехал купить ещё алкоголя. Он видел двух своих старших сестёр, Майю и Нуми — они лежали в шортах и майках на шезлонгах,

впитывали холодное декабрьское солнце Калифорнии и распивали белое вино, одновременно наблюдая, как их дети носятся по траве и радостно визжат, гоняясь за футбольным мячиком.

Затем он увидел её.

Это его шокировало.

Одна лишь физическая реальность её шокировала его сердце.

Мири запрокинула голову, рассмеявшись над чем-то, что сказал его племянник, Джейсон. Затем ужасно пнула мячик сапогом на высоком каблуке, держа в одной руке бокал martini, потом вновь запрокинула голову и захохотала.

Он помнил тот день.

Он помнил каждую проклятую секунду того дня.

В тот день она выглядела просто невероятно великолепной.

Даже будучи такой грустной, она выглядела охерительно... он почти не мог это вынести как человек. Он чувствовал себя уайеристом из-за того, как много смотрел на неё в тот день.

Энджел подкалывала его на этот счёт.

Его самая давняя подруга пихала его, закатывала глаза, снова и снова, одними губами произносила слово «сталкер», между делом посмеивалась над ним и советовала просто положить конец этому дерьму и *поговорить* с ней — но он как будто не мог перестать пялиться на неё.

Он также не мог поговорить с ней об этом по-настоящему.

Ну, пока не стало слишком поздно.

В тот день он всё ещё раздумывал, что можно сказать. Он осознавал, что недавно произошло с ней в Таиланде, как её похитил и изнасиловал тот сумасшедший видящий. Он знал, что она пребывает в смятении из-за чувств к Блэку, как бы это ни раздражало Ника в то время. Он знал, что они ссорились, и Мири злилась на своего нового босса, и это не просто ссора между сотрудником и боссом, и даже не ссора между друзьями.

Учитывая всё это, он не хотел напирать, не хотел, чтобы она ощущала на себе какое-то давление.

Он пытался быть хорошим другом.

В то же время он перестал дурачить себя, будто не хочет от неё большего. Он фантазировал о ней, фантазировал о ночи, когда она набросилась на него в своей квартире, о том, как близко они подошли к тому, чтобы заняться сексом, и какой же охерительно *горячей* она была той ночью. Он чертовски много фантазировал и дрочил, думая о ней.

Весь тот канун Рождества он хотел обнять её, отвести в свою старую комнату, где жил, когда был подростком, а потом немного во взрослом возрасте, когда только вернулся из Ирака. Он хотел трахать её там, пока она не забудет о Блэке, о Таиланде, обо всём плохом, что случилось с ней.

Тогда он понятия не имел, что это будет его последнее Рождество с ней перед тем, как она выйдет замуж за этого сукина сына.

Тогда он понятия не имел, что это его последний шанс с ней.

Дориан ахнул, поднимая рот от его шеи.

Он тихо зашипел, и это шипение превратилось в жёсткое рычание.

Наоко ощутил, как ревность искрит в крови вампира, слышал в его рычании почти настоящую враждебность, а затем вампир вновь укусил его, ещё сильнее.

Наоко мог лишь лежать там с запрокинутой головой, пока крупный вампир придавливал его тело. Наверное, это могло бы тревожить его, но по правде говоря, это приносило странное облегчение.

А ещё это едва не заставило его обезуметь от желания.

Воспоминания сделали только хуже.

Когда он вновь пришёл в себя, он трахал женщину под ним, двигаясь резче, быстрее, и Дориан вторил ему, объединяя их движения так, чтобы вколачиваться в неё ещё жёстче, пока она не начала кричать и цепляться за Наоко. Он сам стонал из-за того, что Дориан делал с его телом, и не только своим членом, но и зубами.

Затем он совершенно забылся.

Опустив губы к её горлу, он укусил.

Он бездумно впился клыками, чувствуя себя одурманенным, втягивая её горячую кровь в рот и горло, закатывая глаза...

Пальцы до боли сжали его волосы.

Они отодрали его от женщины.

Наоко не успел осознать, что случилось, как его грубо впечатали лицом в пол.

После этого Дориан не отпустил его. Он продолжал стискивать голову Наоко железными пальцами, прижимая щеку Наоко к коврику и по-настоящему удерживая его в ловушке.

Наоко застонал, слизывая кровь с губ и продолжая стонать, потому что вампир принялся жёстко трахать его, выходя и входя в тело Наоко с чувственностью, которая просто лишала всякого бл*дского рассудка. Он хотел кормиться от неё.

Он хотел кормиться от неё, пока Дориан трахал его...

— Проси, — голос Дориана напоминал хриплое, едва сдерживаемое рычание. — Если чего-то хочешь, *проси*, Наоко. Если хочешь кормиться, проси. Если хочешь кончить... проси.

Наоко застонал.

— Позволь мне. Позволь мне...

— Это не вопрос, Наоко.

— Можно мне? Проклятье, можно мне? Можно мне... пожалуйста?

— Что? Чего ты хочешь, Наоко?

Разум Наоко закружил вокруг вариантов, решая, что же ему нужно больше.

Мысль о том, чтобы сделать одно без другого, выбрать, повергла его в кратковременную панику. Что-то в необходимости просить, выбирать, заставило его член пульсировать ещё сильнее, усилило голод. Он чувствовал пальцы Дориана, стискивающие его волосы, и всё его тело смягчилось. Он не успел облечь это в слова, как Дориан жёстче вошёл в него...

Наоко кончил.

Он застонал, не сумев сдержаться.

Как только это случилось, он совершенно затерялся.

Он отпустил контроль, закрыл глаза, чувствуя всё, бл*дь, совершенно *всё* на протяжении тех нескольких секунд или минут, что это длилось. Он смутно осознавал, что его тело впадает в то бессознательное состояние, двигаясь машинально и вколачиваясь в женщину, пока он продолжал стонать. Каждое нервное окончание, каждый дюйм его кожи как будто ощущал прикосновения и являлся частью этого чувства.

Он ощутил, как женщина сжимает его член спазмами, пока он кончал, и издал очередной сдавленный полурычащий стон.

Дориан нависал над ним, сжимая волосы Ника в железном кулаке.

Дориан наблюдал, как он кончает, и Наоко это тоже почувствовал.

Закончив, он просто лежал там, чувствуя, как бьётся сердце женщины в её груди, ощущая, как её грудная клетка поднимается и опускается под ним, незначительно приподнимая его тело. Она постанывала.

Затем он вздрогнул, ощутив на себе взгляд вампира.

Он ждал наказания, которое обязательно последует.

Он хотел, чтобы его забросили в железную клетку, сказали, что он не будет есть ещё несколько дней и останется один.

Хватка Дориана на его волосах ослабла.

Он принялся массировать шею Наоко сзади.

Долгое время он ничего не говорил.

Когда же всё-таки сказал, его голос прозвучал тихо, почти мурлыканьем.

— Нам придётся поработать над этим, — мягко сказал он. — Над твоим контролем.

Наоко посмотрел на него.

Его голова всё ещё прижималась к полу, где вампир силой удерживал его ещё несколько секунд назад, хотя теперь отпустил.

Он смотрел на мужчину-вампира, наблюдал, как Дориан смотрит на него.

Вопреки мягким словам он ожидал увидеть упрёк.

Он ожидал увидеть неодобрение... как минимум разочарование.

Однако он ничего этого не увидел.

Всё, что он видел в глазах вампира — это жар. Дориан пристально смотрел на него кроваво-красными глазами, обнажив самые кончики клыков.

Это заставило голод Наоко вернуться густой волной.

Должно быть, Дориан тоже это увидел.

Его губы приподнялись в лёгкой улыбке.

— Тебе лучше поесть, Наоко, — произнёс он смертельно серьёзным тоном. — Я намереваюсь кормиться от тебя... много. Так что тебе лучше съесть эту. Как только ты это сделаешь, я принесу следующую. Как только ты и с ней покончишь, я принесу следующую. Если придётся, я ещё раз отправлюсь на охоту.

Чем дольше говорил вампир, тем твёрже становился член Наоко.

Однако он не стал ждать.

Он не ждал, когда вампир передумает.

Он не ждал, когда он попросит ещё раз.

Повернув голову, он приподнялся и посмотрел на женщину под ним. Её глаза остекленели от секса. Она улыбнулась ему.

Он улыбнулся в ответ.

Затем он опустил рот и впился клыками в её шею.

В этот раз он укусил крепко и глубоко, выпивая её прямо из вены и постанывая, пока пил. Наверное, он выпил больше половины, когда Дориан вновь начал двигаться над ним. Наоко двигался вместе с ним, закрыв глаза и ощущая себя в каком-то трансе.

Нервные окончания по всей коже пробудились, превращаясь в какой-то жидкий жар, настроенный на удовольствие и буквально раздирающий его кожу в клочья.

Это. Было. Так. Охеренно.

Так. Охеренно. Приятно. Бл*дь.

Он не припоминал, чтобы что-то ощущалось так хорошо.

Он не мог представить себе такое ощущение за все годы, что он трахался, фантазировал и желал то, что не мог получить. Он никогда не пробовал героин, но подумал, что героин мог оказаться именно таким, если бы у него было подобное воображение, когда он был человеком.

Какая-то его часть ощущала в этом угрозу.

Эта угроза маячила в темных уголках его сознания в достаточной мере, чтобы вызвать приглушенный импульс страха, встряхнуть более рациональные части его сознания, более стратегические части.

Но что бы ему ни хотелось твердить себе, Наоко знал.

Вампир хотел не просто секса.

Дориан намеревался разделить с ним воспоминания, пить из него, пока они оба не познают друг друга так, как Наоко, пожалуй, не знал никого за всю свою жизнь, даже в военное время. Дориан хотел кормиться от него, может, даже чтобы они кормились друг от друга, пока Наоко не утратит возможность удерживать любое мысленное или эмоциональное расстояние.

Он также знал кое-что ещё.

Он ему не откажет.

Даже сейчас, в этот самый момент, зная и понимая, что он сделал, понимая мотивы, скрывавшиеся за намерениями вампира, он сделал бы всё, о чем попросил бы Дориан. Он сделал бы всё, чего хотел Дориан... что угодно, что бы это ни было.

Понимание этого приводило его в ужас.

А ещё оно вызывало такое интенсивное желание, что он издал надрывный стон, всё ещё впиваясь в шею женщины и ощущая, как жизнь начинает оставлять её.

Глава 13. Исчезновение

Я проснулась как от толчка — вся вспотевшая и хватаящая ртом воздух.

Меня схватили сильные руки, обвились вокруг меня и крепко прижали к мускулистой груди.

Мы оба были обнажены, но в кои-то веки не он генерировал большую часть этого жара.

Поначалу я выворачивалась из его хватки, инстинктивно пытаюсь освободиться. Затем, когда он продолжил окутывать меня своим светом, успокаивать без слов, держа меня уже легонько, поглаживая по животу и волосам, я вместо этого прильнула к нему, всё ещё дыша с трудом.

По моим щекам катились слёзы.

Поначалу я даже не осознавала, что это слёзы.

Я понятия не имела, что они означали.

— Ты кричала, — пробормотал он мне на ухо. — Ты кричала, Мири, — он поцеловал моё лицо, затем прижался щекой к моей щеке. — Почему ты кричала, милая?

Я лежала у него под боком, всё ещё стараясь перевести дыхание.

Я вкладывала намерение в каждый вдох и выдох, стараясь думать вопреки удушающему, напряжённому ощущению в груди.

Я старалась подумать, вспомнить, но мой разум совершенно опустел.

— Дурной сон? — спросил он.

— Не знаю, — я на мгновение прикусила язык, покачав головой. — Я не вижу. Я ничего не вижу, Блэк.

Я просто не могла.

Закрывая глаза и пытаюсь вспомнить, я ничего не видела.

Я видела там лишь тьму.

Обычно темнота перед мысленным взором меня не тревожила. Она мне нравилась.

С самого детства образы, ощущения, смыслы, присутствия и голоса извне наполняли мой разум. Эта тёмная спокойная тишина служила передышкой от всего этого. Это напоминало мне медитацию, то время, когда я могла приглушить все голоса извне и изнутри, заставить их всех умолкнуть, пусть и ненадолго.

По этой самой причине я посвятила годы изучению медитации.

По правде говоря, на протяжении многих лет лишь это сохраняло мне здравый рассудок.

Теперь это не так.

Теперь вместо неподвижности, вместо спокойствия эта темнота наполнила меня страхом.

Руки Блэка крепче обняли меня.

Теперь, когда я не сопротивлялась, он притянул меня ближе, прижал ко всей длине своего тела и подтолкнул меня обхватить его ноги бёдрами и ногами. Вопреки жару, исходившему от нас обоих, ощущать каждый дюйм его кожи стало облегчением. Впервые с тех пор, как мои глаза открылись, я сделала полноценный вздох, позволив лёгким наполниться до предела, а затем выдохнуть воздух.

— Ты не помнишь? — мягко спросил он.

Я покачала головой, вытирая лицо пальцами.

— Нет. Что я кричала?

— Это был просто крик, — сказал он. — Но охереть какой *громкий*. Я удивлён, что охрана не выломала дверь... или хотя бы не проверила, в порядке ли мы оба.

Воцарилось молчание.

В это время он массировал моё тело спереди, целовал плечо и шею. Я ощущала в нем беспокойство. Я чувствовала, как его мышцы напрягаются позади меня, словно какая-то его часть оставалась в режиме боевой готовности.

Я также ощущала в нём мысли — больше мыслей, чем он рассказывал мне.

— Куда ты ходила? — спросил он. — Ранее, Мири.

Я нахмурилась.

— Ходила?

— Ты выходила на улицу? Я не мог тебя найти.

Я нахмурилась ещё сильнее. Я старалась подумать, ответить на его вопрос, глядя через окно на освещённый горизонт города.

Нам с Блэком обоим нравилось оставлять шторы открытыми на ночь.

Мне нравилось иметь возможность смотреть на мир, особенно теперь, когда я жила так высоко. Мне нравилось, что меня будило солнце. Мне нравилось, что моим первым видом за день становилось небо, облака, пролетающие мимо птицы, отражения солнца и неба на верхушках города. Мне нравилось, что открывая глаза, я первым делом видела краешек солнца, поднимавшегося над горизонтом.

Здесь наверху нам не приходилось беспокоиться, что кто-то увидит нас через окно.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я мгновение спустя.

Я повернула голову, устроившись на постели так, чтобы видеть его лицо. Я подняла взгляд и посмотрела на него в тусклом свете из окна.

— Я никуда не ходила, — сказала я ему.

Его губы изогнулись в лёгкой усмешке.

Я не слышала в нём ни капли веселья, но он сохранял нарочито лёгкий тон голоса.

— Либо ты этой ночью уходила минимум на час, либо у меня совсем крыша поехала, — сказал он. — Ну, или мне приснился ужасно реалистичный сон.

Я перевернулась так, что теперь лежала лицом к нему. При этом я обняла его руками и ногами, крепче прижавшись к его груди и телу. Такое чувство, будто я не могла прильнуть к нему достаточно близко. Несмотря на то, как сильно я потела, несмотря на то, как ему, наверное, было жарко от меня, я раздражалась, что не могу прижаться к нему ещё ближе.

— Час? — переспросила я. — Никуда я не уходила на час, Квентин.

Как только я повернулась к нему, он поцеловал меня в шею, вкладывая свет в свой язык и губы.

Притягивая меня, он обернул меня ещё большим количеством света, окутал меня теми структурами, что находились под его ногами. Он притягивал меня ещё глубже в себя самого, должно быть, почувствовав моё раздражение и желание оказаться ещё ближе к нему. Обвив рукой мою талию, он сжал мою задницу ладонью, дёрнул к себе, и я ощутила, что он уже твёрд.

— Я проснулся, — сказал он, заставляя меня опять поднять на него взгляд. — Тебя не было. Я пошёл тебя искать, Мири. Тебя не было в пентхаусе. Я пошёл в кабинеты, но там не горел свет... там никого не было, — прижав меня её крепче, он закрыл глаза, и из

его света выплеснулась волна боли прямо перед тем, как он посмотрел на меня. — Я даже спустился в лобби. Я спросил у ребят из охраны, видели ли они, как ты уходишь. Они все посмотрели на меня так, будто я выжил из ума.

Я уставилась на него, окончательно проснувшись.

Я также ощущала недоумение, возбуждение... и озадаченность.

— Серьёзно? — переспросила я. — Я ничего этого не помню, Блэк.

— Ты не ответила, когда я попытался послать сигнал твоему свету, — сказал он. — Ты не взяла с собой телефон. Я пытался звонить, и телефон прозвонил здесь.

Повернувшись на бок, я отодвинулась от него ровно настолько, чтобы упереться локтем в постель и подпереть голову ладонью, глядя на Блэка, который лёг на спину. Несколько секунд я лишь смотрела на него, пока его слова откладывались в моём сознании.

Почему-то тот факт, что он настолько обеспокоился, что стал звонить мне, сделала всё это неизбежно реальным.

— Что? — спросила я. — Ты действительно искал меня? Целый час?

Он улыбнулся, кивнув.

Эта улыбка не коснулась его глаз.

Вместо этого я ощутила шепоток беспокойства, которое он пытался скрыть от меня. Теперь, заметив его и осознав его реальность, я могла ощущать лишь это беспокойство.

— Всё, что я сумел придумать — должно быть, ты пошла на крышу, — сказал он. — Я вернулся сюда, готовый позвонить своим ребятам из охраны и начать искать тебя по-настоящему... а ты тут свернулась в постельке, словно ничего и не случилось.

Он фыркнул, запустив пальцы в свои волосы.

— Я едва не разбудил тебя, — ворчливо добавил он. — Я испытывал ужасное искушение разбудить тебя и хорошенько отшлёпать за то, что перепугала меня до чёртиков.

Я невольно издала смешок.

И всё же я не могла перестать смотреть на него.

Я не могла перестать думать над его словами.

— Может, это ты ходил во сне? — предположила я мгновение спустя. — Может, я была здесь всё это время, Блэк.

Он вскинул бровь и тихо щёлкнул языком.

— Мы можем проверить записи камер безопасности, — сказал он.

Посмотрев на него, я осознала, что он наверняка уже это сделал.

— И что показывают записи?

— Ничего, — сказал он, чуть поджав губы. — Здесь у меня нет камер, но они есть в коридоре возле офисов. Камеры показывают, что ты не покидала пентхаус. Ты не входила в лифт. Ты не появлялась на лестницах, ведущих на крышу. Тебя не было в лобби.

— Может, я была в одном из шкафов? — предположила я, вскинув бровь.

Он слегка улыбнулся.

Я ощущала в этой улыбке резкость, хотя в то же время чувствовала, что Блэк изо всех своих чёртовых сил пытается принять мою шутку, позволить мне приободрить его. Но я буквально чувствовала его скептицизм. Он не считал, что я была в шкафу, и это говорило мне, что он досконально обыскал пентхаус. И он не думал, что я была на крыше.

Однако он ничего не сказал, так что я не знала, что именно он думал.

Я не знала, почему он в особенности упомянул крышу, или почему он посчитал вероятным, что я отправлюсь туда одна, когда камеры безопасности определённо запечатлели бы, как я поднимаюсь по лестницам.

Там у него имелась вертолётная площадка.

— Я завтра проверю систему, — сказал он наконец.

Я кивнула, всё ещё глядя на него и изучая его свет.

— Эм, прости? — протянула я, не зная, что ещё сказать. — Я правда ничего из этого не помню.

Он окинул меня взглядом, и в его золотых глазах отразились уличные огни города.

Я ощущала в нём беспокойство. Я чувствовала, как он старается отпустить это.

— Что ж, — сказал Блэк после небольшой паузы, фыркнув и обвив меня руками, крепко прижав к своей груди. — Очевидно, тебе недостаточно один раз за ночь напугать меня до полусмерти. Ты решила проделать это со мной снова через два часа... закричав во всё горло, словно кто-то убивает тебя прямо у меня под боком.

Посмотрев на него, я осознала, что вопреки тихому дразнящему тону Блэк не совсем шутил по поводу крика. Его это напугало. Струйки этой реакции всё ещё пробегали по его свету, заметно искря, хотя Блэк сознательно старался успокоиться. Его *aleimi* ощущался почти так, словно он перешёл в армейский режим, словно он готов был атаковать кого-нибудь голыми руками.

Прильнув обратно к нему, я улеглась на его грудь и живот и принялась гладить его по волосам.

— *Gaos*, Блэк, — пробормотала я. — Мне жаль. С тобой всё хорошо?

Он издал полусмешок.

— Всё ли *со мной* хорошо?

— Эм... ну да, — скользнув вверх по его телу и оседлав его колени, я пожала плечами, всё ещё поглаживая по лицу и волосам, а теперь её и вливая свой свет в него. — *Со мной-то* всё нормально. *Я-то* ничего не помню.

Он издал тихий смешок, словно ничего не мог с собой поделать.

Однако я всё ещё ощущала в нём напряжение.

На протяжении долгого времени он ничего не говорил, но я чувствовала в себе его свет. Я чувствовала, как он примеривается, пытаюсь решить, стоит ли ему сказать больше.

Я уже собиралась нарушить молчание и спросить его, когда он сам заговорил.

— Это из-за Ника, — сказал он. — Это из-за Ника, не так ли?

Я напряглась.

Я не чувствовала себя пойманной. Дело скорее в том, что имя Ника в тот самый момент сумело растревожить меня и напомнить. Та темнота немедленно обернулась вокруг моего света.

Я впервые осознала, что эта темнота, которую я ощущала, как-то связана с ним, с Ником.

Отчасти это была скорбь.

Однако я знала, что дело не только в этом.

— Что я могу сделать? — пробормотал Блэк, глядя меня по волосам, накрывая моё лицо ладонями, пока я нависала над ним. — Ты хочешь поговорить об этом? О том, кто или что, по-твоему, звонило маме Ника? Ты хочешь вернуться в Европу?

Я нахмурилась.

Мы уже несколько недель наблюдали за семьёй Ника.

Мы прослушивали линию в доме его родителей, а также их мобильные телефоны. Мы прослушивали телефон его сестры Нуми, а также телефон его сестры Майи в Сиэтле, и его младшей сестры Наоми в Лос-Анджелесе. Мы даже прослушивали линии нескольких его дядюшек и тётюшек, в основном тех, которые жили в районе Залива, и с которыми Ник был близок.

Блэк связался со своими контактами в Пентагоне в тот же первый день, когда мы выходили на пробежку и ели вафли. В итоге он вытащил всё возможное из телефона матери Ника и из телефона самого Ника, всё, что как-то связано с Ником или именем его семьи.

Тот один звонок Юми Танаке был единственным, что мы нашли после острова Мангаан.

Должно быть, я прочла стенограмму этого звонка уже раз сто.

Ещё больше раз я прослушивала аудиозапись.

Я читала и слушала каждое слово, ища голос Ника, особенности речи Ника, ища его чувство юмора, его свет, его присутствие, даже его злость. Я искала намёк на то, кем он себя называл; я искала намёк на то, кем он себя не называл. Я перематывала отдельные части разговора и слушала их раз за разом. Я искала его там, всюду, где только могла найти.

Вместо этого я нашла его тени. Я нашла ту тьму.

Я чувствовала его, но не могла принять решение, что это *был* он.

Я не могла преодолеть то ощущение скорби, злости, вины и просто неправильности.

Контакты Блэка отследили звонок до телефона-автомата в Париже.

На заднем фоне слышалось уличное движение — машины, пешеходы, звуки кафе под открытым небом, звуки музыки из клуба или витрины поблизости.

На фоне также слышался смех — достаточно близко, значит, он, скорее всего, был с кем-то. В записи, которую я переслушивала, особенно чётко слышался женский смех. Я слышала, как она говорила с кем-то, может, даже с ним.

Я приказала очистить запись.

Я слушала её снова, стараясь разобрать, что она ему говорила.

Единственное слово, которое я расслышала, было его именем.

Не Ник — она не звала его Ником.

Она назвала его Наоко.

«*Наоко...* — слышала я среди её смеха. — *Наоко... Наоко...*»

Блэк гладил меня по спине, массируя пальцами кожу.

Это вернуло меня обратно в комнату, где я голышом сидела на его коленях.

Вернувшись оттуда, куда отправился мой разум, я осознала, что так и не ответила на его вопрос. Я предположила, что к тому времени уже и не нужно.

— Ты любишь его, — мягко сказал Блэк.

Я вздрогнула, опустив на него взгляд.

Озадаченно нахмурившись, я сжала его волосы пальцами и легонько дёрнула.

— Конечно, я люблю его, — сказала я с лёгким укором. — Он мой самый давний друг, Блэк.

Он покачал головой, напряжённо поджав губы.

— Я не это имел в виду, Мириам.

Я уставилась на него.

Я моргнула, затем снова нахмурилась, пристально глядя на него в тусклом освещении.

— Блэк. Какого черта ты несёшь? После всего...

— После всего, — прорычал он с лёгким предостережением в голосе. — Мне стоило знать. Я знал с самого начала, что ты чувствуешь к Нику, Мири.

Я лишь сидела там, уставившись на него с откровенным неверием, а он фыркнул.

— Как думаешь, почему, чёрт подери, я видел в нём такую угрозу? — повернув голову, он посмотрел в окно. Его глаза прищурились, разглядывая освещённую структуру Бэй Бридж. — Мири, если бы я не появился в твоей жизни, ты бы наверняка в итоге вышла за Ника.

Ну это уж слишком.

Я с неверием фыркнула.

— Если бы ты не появился в моей жизни, я умерла, — язвительно усмехнулась я. — Или вышла бы замуж за Йена, мистера Серийный Убийца, — я помрачнела. — Пожалуй, и то, и другое. Он женился бы на мне, а *потом* убил. Или к этому времени я бы превратилась в цепного пёсика своего дядюшки после того, как Йен хер-знает-сколько-времени накачивал меня безумным религиозным дерьмом Чарльза.

Блэк медленно покачал головой.

Он не хотел ссориться со мной, я это чувствовала, но всё равно ощущала его несогласие.

— Ваши с Йеном отношения не продлились бы долго, — произнёс он будничным тоном. — Как бы там всё ни повернулось, вы бы с ним не остались вместе надолго. Когда твоё зрение открылось, ты бы увидела его таким, какой он есть, — он встретился со мной взглядом, и его глаза светились. — И Ника ты бы тоже увидела, Мири. Ты бы увидела его таким, какой он есть. Какая-то часть тебя всегда знала. Но думаю, вы двое в итоге нашли бы путь друг к другу.

Я уставилась на него.

Теперь я находилась на грани злости.

— Какого черта ты хочешь сказать, Блэк? — спросила я. — Что мама Ника права? Что мне стоило выйти за Ника, а не за тебя?

Поморщившись, он покачал головой. Волна боли выплеснулась из его света, а руки обняли мои бедра, поддёрнув меня ближе к Блэку.

— Нет, — произнёс он жёстким хриплым тоном. — Бл*дь, нет, Мири. Я не это говорю. Я просто хочу сказать... ты любишь его. Больше, чем сама себе признаёшься. Больше, чем вы оба когда-либо признавались друг другу. Я изо всех своих чёртовых сил стараюсь не видеть в этом угрозу для себя, но это не меняет того, что я в этом вижу. Я думаю, что его пропажа заставляет тебя посмотреть в лицо этой правде. Вот почему это так сильно по тебе ударило.

— А может быть, это так сильно ударило по мне, потому что он — мой *самый давний друг*, Блэк, — я заговорила громче, и мой тон граничил между яростью и неверием. — Может, это так сильно ударило по мне, потому что он был одним из моих лучших бл*дских друзей, Блэк, с которым я была близка с двадцати лет. Может, это потому что он бесчисленное количество раз *спасал мою бл*дскую жизнь*. Или потому что он и Энджел — самое близкое подобие семьи, которое осталось у меня после смерти сестры...

— Эй, — он крепче стиснул меня и легонько потряхнул. Вливая в меня импульсы жара, он обхватил рукой мою талию и спину и прижал к себе. — Эй... док. Это не обвинение. Я вовсе не говорю, что это плохо. Я пытаюсь помочь. Ты всё ещё не смотришь правде в глаза. Я пытаюсь помочь тебе увидеть это.

— Увидеть что? — рявкнула я. — Что я была тайно влюблена в Ника?

— Да, — раздражённо отозвался он. — Что у тебя остались неразрешённые чувства. У вас обоих.

Я покачала головой, всё ещё подавляя злость.

— Он по уши влюбился в Кико. На острове Мангаан он меньше всего думал обо мне. И так было на протяжении месяцев.

Блэк закатил глаза.

Я видела это даже во тьме комнаты.

— Вся эта история с Кико была дерьмом собачьим, док, — сказал он. — Он просто пытался справиться с тем, что мы с тобой вместе. Он пытался двигаться дальше. Чистой воды отвлечение. На сто процентов.

Я покачала головой.

Прежде чем я успела заговорить, Блэк продолжил, понизив голос до бормотания.

— Секс с Кико в последнее время постоянно служит отвлечением.

Я уставилась на него.

— В смысле?

Блэк поднял взгляд, нахмурившись.

— Ты спрашивала меня про Джема, — сказал он. — Ты спрашивала, почему я так злюсь на него. Что ж, Кико — одна из *моих* самых давних друзей, док... по крайней мере, из тех, что всё ещё живы. Джем неправильно подошёл к той ситуации с Кико. Я начинаю думать, что с его стороны это было бессознательно, так что я уже не так злюсь, но всё

равно ситуация дерьмовая. Я невольно немного сержусь на него, особенно учитывая то, как он положил всему конец.

— Кико? — озадаченно переспросила я. — Джем? Как это связано с...

— Скажем так, не только у тебя остались неразрешённые чувства к Нику, — прорычал Блэк, сердито глядя на меня.

Я уставилась на него.

Я честно понятия не имела, о чем он говорит.

Прокрутив в голове его последние слова, я нахмурилась ещё сильнее.

— Джем? — произнесла я с недоумением. — Джем и Ник?

Блэк фыркнул. Приподняв туловище на одной руке и ладони, он продолжал крепко держать меня за талию и прижимать к себе.

— Да, Джем, — увидев смятение на моём лице, он снова фыркнул. — Джем запал на Ника. И это не было мимолётной симпатией, — добавил Блэк ворчливо. — Это что-то со светом, и Джем пытался скрыть это ото всех нас... но особенно от Ника. По правде говоря, поверить не могу, что упустил это, но это просвистело мимо меня. Я так понимаю, ты тоже не заметила.

Он встретился со мной взглядом, и его подбородок напрягся. На мгновение подняв ладонь с постели, он показал вокруг своего уха жест видящих, обозначающий безумие.

— Он е*нутый на голову. Джем, — добавил он. — Что-то со Старой Земли. Кто-то разрушил его, разбил ему сердце... что-то такое.

Я кивнула, слегка нахмурившись.

Я об этом знала.

Джем мне рассказывал.

Блэк посмотрел на меня, насупившись.

— Ну конечно.

Выдохнув, я полностью села на его бедра.

— Блэк, он не сказал тебе, потому что в этом замешан твой кузен. На Старой Земле. Он был влюблён в твоего кузена... и его жену. В одного за другим, или, может быть, в обоих одновременно. Что-то такое. Но твой кузен определённо замешан. Это был весьма гадкий любовный треугольник, судя по тому, что он мне сказал.

Блэк вскинул брови.

Я ощутила в его свете проблеск удивления, затем более задумчивый шепоток, который содержал куда больше понимания.

Затем он как будто отбросил эту тему.

— Ну, что бы там ни было, это его похерило. Он начал испытывать чувства к Нику, и он бежал от этого со всех ног. Думаю, это перепугало его до полусмерти. Вместо этого он соблазнил Кико... может, отчасти из ревности, зная, что Ник на неё запал. Может, это совершенно бессознательно, как я и сказал. Возможно, это даже было способом подобраться ближе к Нику. Он должен был знать, что Ник натурал. Что бы там ни было, Кико это не устроило. Ника это тоже не порадовало, само собой... но Кико это решительно не устроило.

Фыркнув, он вновь опёрся на одну ладонь, и его голос превратился в тихое рычание.

— Честно говоря, я разозлился на них обоих... на Ника и Джема. Но в случае с Ником я действительно думаю, что он хотел создать нечто серьёзное с Кико. Это Кико видела всё насквозь. Она сказала мне — она знала, что Ник на самом деле в ней не заинтересован. Не по-настоящему. Она не сказала прямым текстом, *почему* она так думает, но я знал, что она имела в виду, и я с ней согласен. Если честно, я испытал облегчение, когда она сама почувствовала это и не пошла дальше.

Нахмурившись, он взглянул на меня.

— Кико не смогла сохранить такую ясность с Джемом. По многим причинам. Во-первых, он, бл*дь, видящий, а она раньше никогда не была с видящим. Людям не так-то

просто прочесть наш вид, а Джем — бывший член Адипана, мать его за ногу... и наверное, ему хорошо за триста лет. Кико не привыкла к световой составляющей в сексе. У людей от этого может возникать зависимость, совсем как у видящих... в плане секса он, наверное, взорвал её мир. Из-за этого она не могла ясно воспринимать его просто потому, что её ошеломлял его свет.

Почему-то, слыша настоящую злость в его голосе, я осознала, что моя злость наоборот стихает.

Я всё ещё хмурилась, но поймала себя на том, что обдумываю его слова.

Джем интересовался Ником?

Странно, но это казалось почти логичным.

В то время я этого вовсе не видела, конечно.

Я временами замечала, что Даледжем смотрит на Ника, но многие видящие так делали — просто смотрели на людей. Имею в виду, особенно видящие, которые недавно прибыли со Старой Земли. Когда дело касалось ассимиляции, им сложнее всего было подавить эту привычку. Видящие в целом имели склонность так пристально смотреть, что это пугало многих людей.

— Джем определённо хотел Ника, — фыркнул Блэк. — Поверь мне. Я нечаянно напоролся на его фантазию об этом... и это было откровенно. Во всех красках. Судя по тому, что я увидел, может быть, он даже откровенно зафиксировался на нем. Я действительно удивлён, что он ничего не предпринял вне зависимости от того, натурал Ник или нет. Увидев это, я забеспокоился, что у меня будут проблемы с ним... то есть, он мог использовать свой свет и всё равно заставить Ника переспать с ним.

Вздвогнув от некоторых нежеланных образов, я шлёпнула Блэка по груди.

— Ладно, — сказала я, поморщившись. — Я поняла.

Он посмотрел на меня, нахмутив лоб.

— Я не думаю, что тебе стоило выходить замуж за *Ника*, — прорычал он, и его злость вновь усилилась. — Господи Иисусе, Мири. Это озвучивание моих худших бл*дских страхов. Я просто думаю, ты чувствуешь, что *могло бы* быть, и в глубине души ощущаешь вину за это. Не только из-за Ника, но и потому, что ты знаешь — это могло бы сложиться в другом мире.

Крепче стиснув объятия, он дёрнул меня к себе и прижался своей эрекцией.

— В мире, где меня нет, док, — сказал он. — А в этом мире я есть.

Я издала невольный смешок, обнимая его за плечи.

— Я очень отчётливо это осознаю, — произнесла я.

— И лучше не забывай об этом, — прорычал он. — Лучше не забывай, что за тебя я сражался бы с ним насмерть, если бы до такого дошло. Мне нравится Ник. Очень даже нравился. В последнее время я действительно заботился об этом сукином сыне...

Ненадолго умолкнув, он стиснул зубы и посмотрел в окно.

Когда я крепче обняла его за шею, он перевёл взгляд на меня.

— Мне жаль, док, — грубовато сказал он. — Мне правда очень жаль Ника.

Подавляя комок в горле, я кивнула.

— Я знаю. Знаю, что ты сожалеешь.

Его рука крепче прижала меня к его туловищу.

Он поднял на меня почти виноватый взгляд. При этом из него выплеснулась боль, и он ещё крепче прижался ко мне.

— Я очень хочу трахаться, — сказал он. — Мне хотелось трахаться, когда я вернулся и нашёл тебя здесь. Ты ужасно меня напугала.

Крепче обвив его руками и ногами, я прижалась к его груди.

Я определённо заметила, что наша тяга к сексу ничуть не уменьшилась после Таиланда.

Очевидно, это не являлось частью «завершения связи».

Блэк фыркнул, явно услышав меня.

— А ты думала, что она ослабеет? — поинтересовался он.

Я пожала плечами.

— Я не знала. Но да... если бы меня попросили предположить, я бы подумала, что это немного успокоит нас обоих в этом отношении.

— Неа, — заявил он.

Он всё ещё казался отвлечённым, вопреки боли, которая теперь струилась в нашем свете. Он всё ещё смотрел в окно и хмурился, когда я подпихнула его.

— Что? — сказала я. — Ты хочешь меня о чём-то спросить. Что такое?

Он перевёл взгляд, и я увидела в выражении его лица тревогу.

Я впервые заметила, что теперь уже вижу его намного лучше. Небо за окном светлело. Обернувшись, я увидела, что над горизонтом сразу за Бэй Бридж виднеются розовые и золотые полосы.

— Я знаю, что ты и Ник... у вас была связь, — нерешительно произнёс он.

Почувствовав, что я отреагировала и напряглась в его руках, он опять легонько тряхнул меня и понизил голос до рычания.

— Бл*дь, Мири... я ничего такого не имею в виду. Не то, о чём ты подумала. Просто говорю... крик. Исчезновение посреди ночи. Та тьма, которую ты чувствуешь. Ты думаешь, что ты чувствуешь его? Ника?

Я задумалась над его словами.

Мои челюсти напряглись до боли, но я постаралась подумать, дать ему настоящий ответ. Повернувшись, я посмотрела на предрассветное небо Сан-Франциско. Я попыталась увязать всё то, что я чувствовала, эту яму ужаса в моём нутре при пробуждении, панику, темноту. Я пыталась уложить в голове крик, который услышал Блэк, и то, что Блэк сказал о моём исчезновении посреди ночи.

Всё ещё глядя невидящим взглядом на светлеющее небо, я помрачнела.

— Бл*дь, надеюсь, что нет, — сказала я наконец, повернувшись и посмотрев на него.

Всё ещё хмурясь и всматриваясь в его золотые глаза, я ощутила, как боль в моей груди и нутре усиливается.

— Я охереть как надеюсь, что ничто из моих ощущений не связано с Ником, Блэк. Я надеюсь, что он жив. Прежде всего, я надеюсь, что он жив... но не думаю, что я чувствовала именно это.

Блэк ответил таким же хмурым взглядом, его лицо напряглось от моих слов.

Он ничего не сказал.

Он даже не кивнул.

Он ничего не источал своим светом, не изменил выражения лица, но я как-то ощутила, что он вздрогнул от моих слов. Я чувствовала, что у него имеется своё мнение на этот счёт, где-то в закоулках его разума. К этому времени я даже имела неплохое представление о том, что это за мнение, хотя я и не позволяла себе слишком долго или слишком глубоко задумываться об этом.

Что бы там ни было, Блэк не готов поделиться этим со мной.

Скорее всего, он знал, что я не готова это услышать.

Я хотела не согласиться с ним.

Я хотела сказать ему, что он ошибается, что он может просто сказать мне, что угодно.

Я хотела сказать ему, что могу с этим справиться.

Проблема в том, что я практически уверена в его правоте.

Я практически уверена, что не могла справиться с этим, что бы там ни было.

Ни сейчас. Может, вообще никогда.

Глава 14. Новорождённый

Брик вошёл в спальные апартаменты без предупреждения.
Он не стучал.

Он не издал ни звука, просто вошёл, распахнув дверь и осмотрев первую комнату трёхкомнатных покоев в поисках движения. Это его право входить в любую комнату, квартиру и обитель здесь — в любое жилое пространство, принадлежащее одному из его людей, но он редко использовал это право, особенно со своими помощниками высоких рангов.

Однако это другой случай.

Прошло больше двух недель.

Он терпел это молчание больше двух недель.

Войдя в общее помещение покоев, он слегка нахмурился, мгновенно осознав, что помещение пустовало. Он взглянул на открытые шторы на залитом солнцем балконе и знал, что комната, скорее всего, пустовала как минимум с прошлой ночи.

Миновав гостиную с небольшой кухней, пребывавший в беспорядке кожаный диван с креслами и письменный стол в индустриальном стиле, на котором стоял открытый ноутбук, Брик взглянул на толстый ковёр и деревянный пол за его пределами.

Никаких тел.

Ну, хоть что-то.

С другой стороны, Дориан всегда был привередлив, и особенно в избавлении от своих жертв. Дориан сильнее большинства вампиров ненавидел запах мёртвых существ. Обычно он убирал останки спустя считанные минуты после убийства, особенно если он приносил их туда, где обычно работал и спал.

Брик толкнул дверь спальни, которая тоже не издала ни звука.

Он знал, что Дориан позаботился об этом, как только въехал в это пространство. Лишние звуки — это ещё одна вещь, которую его друг терпеть не мог; он смазывал и налаживал все петли на каждой двери в комнате, а также все ставни, окна, ящики. Он сделал бы всё в его силах, чтобы сделать их бесшумными — по крайней мере, для человеческого уха — чтобы сделать его присутствие здесь похожим на призрака.

Зайдя в более просторную комнату слева от основной двери, которая вела в общее здание, Брик почти без промедления вошёл в чрезмерно тёплое пространство. Он не остановился, пока не встал на толстый плюшевый ковёр, лежавший между камином и кроватью с балдахином.

На полу стояла железная клетка, как и говорил ему Дориан.

Сейчас внутри неё ничего не находилось.

Дверца слегка приоткрыта, клетка пустовала.

Брик чувал кровь, но на белом ковре, где он стоял, не было ни одной отметины, как и на паркетных полах. Огонь прогорел до угольков, но в комнате стоял удушающий зной. Здесь было так тепло, что это почти вызывало дискомфорт даже у него, а вампиры обычно постоянно мёрзли.

Здесь тоже никаких тел на полу.

Взгляд Брика упал на кровать.

Он знал, что именно здесь закончатся его поиски.

Он подозревал это сразу же, как только пришёл, но узнал это по-настоящему в то мгновение, когда вошёл в трёхкомнатную квартиру и почувствовал их обоих в просторной

комнате, отделённой от общего помещения. Он мог найти любого из своих детей, приложив немного усилий для поисков.

Почти полная тишина, приветствовавшая его, сообщила ему всё остальное.

И всё же он не спешил, рассматривая остальную часть вампирского жилища — возможно, для того, чтобы подготовить себя к тому, что обнаружат его глаза, когда он наконец посмотрит на двух его пропавших вампиров.

Он всё равно слегка поморщился, когда его взгляд остановился на них.

Дориан лежал там, растянувшись голышом, закрыв глаза и властно обхватив их новорождённого рукой и ногой.

Что касается самого Наоко, то судя по виду, он едва ли возражал против такого контакта. Напротив, он прильнул к высокому мужчине, обхватив ладонью обнимавшую его бледную руку Дориана.

Пока Брик смотрел, лицо Наоко заметно дрогнуло, глазные яблоки зашевелились под веками, грудь вздымалась от фантомных вздохов. Он поморщился, напрягся, на лице отразилась серия сложных и отчётливо различимых подергиваний и выражений — как у животного, которое охотится или дерётся во сне.

Когда Наоко издал низкий гортанный рык, лежавший позади него вампир крепче обхватил его руками и прижал к груди в сокрушительном объятии. Ногой он тоже покрепче обхватил его и вонзил клыки в его плечо, которое и так изобиловало отметинами — как и руки новорождённого, шея, спина, задница, бок, одна видимая нога.

Укус не был агрессивным.

По крайней мере, в этот раз.

Вместо этого вонзившиеся клыки успокоили Наоко, напомнили ему.

Они напомнили ему подчиняться.

Они напомнили ему, кто здесь главный.

Более того, они напомнили ему, что он в безопасности.

Здесь присутствовал более сильный вампир. Ничто не случится с ним под присмотром этого вампира. Не без разрешения этого вампира.

Они не спали.

Вампиры не спали.

Брик нахмурился, глядя на этих двоих и пытаясь решить, стоит ли выдёргивать их из этого состояния сейчас, или позвать кого-то из других на помощь. Он знал, в каком они находятся состоянии. Он узнавал это состояние, а также сопутствующие ему угрозы — что будет, если он неправильно попытается их разделить, или сделает это до того, как приведёт их в адекватное состояние, в котором они его узнают.

Они обожрались кровью друг друга.

Или, что куда более вероятно, подумал Брик с гримасой, Дориан обожрался кровью Наоко, кормя новорождённого людьми на протяжении всей ночи, чтобы не дать ему слишком ослабеть. Если дело обстоит так — а Брик в этом почти не сомневался — то сейчас Дориан полностью погрузился в разум и воспоминания новорождённого, изучая каждую деталь жизни, которую он сумел возродить в память Наоко.

Что бы там ни было на самом деле, они оба явно опьянели от связи.

Если они занимались этим всю ночь — а то и несколько ночей, а то и несколько недель, что казалось Брику более вероятным, учитывая молчание Дориана, длившееся с самой середины месяца — то к этому моменту они зашли настолько глубоко, что Брик мог бы палить из пистолета в комнате и ничуть их не потревожить.

Ну, хотя нет.

Это было бы правдой с любым вампиром, кроме Дориана; с Дорианом же более вероятен другой исход.

С Дорианом Брик, скорее всего, окажется втянутым в драку с вампиром, поскольку опьяневший от крови мужчина будет защищать свою игрушку для траха от того, кого он посчитает опасным вторженцем.

Раздражение Брика усилилось на несколько градусов.

Он ещё несколько секунд наблюдал за этими двумя, заметив безошибочно узнаваемое выражение удовлетворения на лице своего друга.

Брик знал, что Дориан до безумия влюблён в новорождённого.

Он знал, что это даже может быть настоящей причиной, по которой Дориан попросил разрешения *тренировать* Наоко. И неважно, что сам Дориан говорил себе о причинах такого предложения. Если увлечённость не зародилась тогда, то она определённо зародилась позднее, когда Наоко не только свирепо напал на него и попытался сбежать, но фактически перехитрил его.

Брик всё равно дал своё одобрение.

Он сделал это скорее из соображений логики и целесообразности, нежели из уважения к своим чувствам, которые в этом отношении были довольно смешанными. Более того, он нарочно проигнорировал свои личные чувства, какую бы боль это ни причиняло. Он старался сделать то, что лучше для Наоко, и лучше для его людей в целом.

Теперь он ловил себя на том, что почти сожалеет об этом.

Он предпочёл бы стать первым для Наоко.

Он фактически сказал Дориану об этом, хоть и дал ему разрешение сделать то, что он сделал.

Опять-таки, сейчас он мог дать рациональное объяснение такому решению.

Он знал, что Дориан прав. Дориан на самом деле был лучшим вариантом.

Люсия даже не рассматривалась. Найроби обошлась бы с ним слишком грубо. Наоко попросту не боялся самого Брика в достаточной мере.

Возможные последствия последнего факта тоже раздражали Брика.

Подсознательно или нет, но Наоко воспринимал как альфу их маленькой стаи именно Дориана, а не их законного короля — как бы он ни почитал на словах роль и титул Брика. Тот факт, что Брик обладал властью над Дорианом, скорее всего, мало что значил, поскольку такие вещи полностью подсознательны.

Конечно, Брик знал, что не всё так просто.

Дориан, похоже, считал, что Наоко воспринимал Брика как доброго милостивого отца, почти как своего человеческого отца. Очевидно, Наоко питал к своему человеческому отцу довольно нежные и тёплые чувства и в детстве, и во взрослом возрасте.

Что бы там ни было, Дориан явно был наилучшей кандидатурой, чтобы сломать Наоко, пока тот всё ещё нуждался в твёрдом обращении. Брик это видел ещё до того, как Дориан обрисовал свои мотивы кропотливыми и раздражающе логичными деталями.

И всё же Дориану не стоило так наслаждаться этим заданием, на которое он сам себя назначил. Он явно наслаждался и продолжал наслаждаться с таким энтузиазмом, что Брик ощущал всепоглощающее желание свернуть шею своему другу на этом самом месте.

И всё же явное согласие Наоко на все требования Дориана в сексе не говорило Брику ничего о том, были ли тренировки Дориана успешными для их молодняка — то есть, сумел ли он в некотором роде приструнить Наоко.

Глядя на этих двоих, Брик поймал себя на мысли, что Дориан наверняка скажет, будто сделал это — по крайней мере, в том отношении, которое имело значение.

Брик даже не был уверен, что станет с ним спорить.

После стольких дней делёжки крови со старшим вампиром Наоко приобрёл бы лучшее понимание разума вампира.

Это понимание сделает его более сговорчивым.

Разум Дориана был логичным. Через его кровь Наоко получил бы твёрдое и детальное понимание, почему необходимы их законы и правила, и почему эти законы сохраняли им жизнь, особенно сейчас.

Более того, даже стоя здесь, Брик видел в нём подчинение.

Дориан явно натренировал Наоко реагировать на его зубы и прикосновение — по крайней мере, в некоторой степени. Конечно, насколько это сделает Наоко послушным их словам — это совсем другой вопрос, особенно, когда выветрится новизна ощущений после того, как его оттрахал вампир, знающий, что он делает.

И всё же Брик неохотно отдавал своему другу должное.

Дориан явно сделал то, о чем говорил.

Более того, он справился с этим быстрее месячного срока, который отвёл ему Брик.

При этой мысли, а также при воспоминании, что привело его сюда, Брик снова нахмурился.

А ещё он принял решение.

— Вставай, — рявкнул Брик. — Немедленно!

Он шарахнул по паркетному полу своей тростью с головой Анубиса.

Наоко поморщился, глубже зарывшись в объятия Дориана.

Дориан крепче обнял его, выражение его лица напряглось и сделалось почти угрожающим, кончики клыков едва заметно показались между губ. Он всё ещё держал глаза закрытыми, но тихо и гортанно зарычал. Пока Брик наблюдал за ними, он ещё крепче стиснул Наоко, обернул новорождённого своим телом в явном желании защитить, а также в порыве собственничества, которое Брик не мог не заметить.

Как и подозревал Брик, Дориан сейчас, скорее всего, попытается убить любого, кто подойдёт к ним слишком близко — даже самого Брика, если только Брик не сумеет выдернуть его из этого одурманенного состояния, не приближаясь. Если Дориан всё ещё слишком глубоко находится в крови Наоко, то старший вампир наверняка атакует любого, кто хоть как-то *может* представлять угрозу, особенно для новорождённого в его руках.

Брик не намеревался подходить настолько близко.

Вместо этого он наклонился, подобрал с пола диванную подушку и швырнул в этих двоих, стукнув Дориана по голове.

— ВСТАВАЙ! — он повысил голос, вкладывая в свои слова элемент порабощения, заставляя их дрожать от его крови. Он снова ударил тростью по полу. — ДОРИАН! ЭТО ТВОЙ БЛ*ДСКИЙ КОРОЛЬ. Я ТРЕБУЮ ТВОЕГО ПРИСУТСТВИЯ. И ТВОЕГО ПОЛНОГО ВНИМАНИЯ. НЕМЕДЛЕННО.

В этот раз Брик увидел проблеск узнавания на лице его друга.

После тишины, показавшейся очень долгой, на бледном лице приоткрылся один глаз.

Когда это случилось, Брику оставалось лишь изумлённо таращиться.

Будь он человеком, он бы ахнул.

Посмотревшая на него радужка была прозрачной, цвета потрескавшегося хрусталя.

У Брика отвисла челюсть. Он продолжал таращиться, не веря собственным глазам. Пока он пялился, радужка Дориана медленно переполнилась кроваво-красным, приобретая знакомый ему оттенок.

И всё-таки тот беглый проблеск хрусталя в глазах Дориана искренне поразил его.

— Я понадобился тебе, мой король? — поинтересовался его правая рука, как всегда бесстрастным и непроницаемым тоном. — Я приношу свои извинения за то, что в последнее время не отчитывался.

Брик невольно усмехнулся.

И всё же эта притворная беспечность заставила его помедлить.

При других обстоятельствах, с другой игрушкой для траха в кровати Дориана, это заставило бы его рассмеяться. Сейчас же совершенная ровность его взгляда, безразличное выражение и низкий голос почти раздражали его. Но в первую очередь это заставило его насторожиться, пусть даже из-за откровенной прозрачности лжи.

— Ты собираешься напасть на меня, брат? — спросил он, вскинув бровь, когда Дориан медленно поднял голову. — Мне безопасно приближаться к этому маленькому секс-гнезду, которое ты свил для нашего новорождённого? Или мне оторвут конечность за

то, что я осмелился побеспокоить? Причём такую конечность, которая будет отрастать с мучительной болью?

Дориан взглянул на Наоко, который всё ещё не открывал глаз.

Черноволосый новорождённый всё так же уютно устроился, зарывшись в руки и тело Дориана, пальцами стискивая предплечье старшего вампира и обнажив зубы во сне, во власти которого он всё ещё пребывал. Дориан не шевельнулся, чтобы отпустить его. Напротив, он крепче прижал его к себе, словно пытаясь ещё глубже закутать в этот защищающий «пузырь».

— Ты в состоянии говорить со мной? — произнёс Брик чуть резче.

— Конечно, мой король.

— Я так понимаю, ты будешь делать это прямо здесь? — спросил Брик. — Голышом? Бесстыже обнимая мою кровь своими руками?

Дориан напрягся.

В этот раз Брик это увидел.

— Осторожнее, Дориан, — мягко выдохнул он.

Его заместитель немедленно расслабился, его выражение и мышцы быстро сменили состояние на глазах Брика. Брик ощутил, как его собственные клыки немного скрылись при виде виноватого взгляда в глазах другого вампира.

— Я знаю, ты по уши влюблён, любовь моя — произнёс Брик уже теплее и куда более сочувственным тоном. — Глядя на вас двоих, я испытываю нешуточную ревность... так что я понимаю твои чувства. Но не забывай своё место.

— Никогда, мой король.

Он сказал это с таким рвением, вкладывая в свои слова столько силы, что Брик расслабился по-настоящему.

И всё же он поймал себя на том, что критически оценивает другого вампира.

— Он будет в состоянии путешествовать? — спросил он. — Или тебе понадобится больше времени с ним?

Дориан поджал губы, но в этот раз задумчиво. Он посмотрел на Наоко, изучая его лицо, затем обратно на Брика.

— Когда ты думаешь предпринять эту поездку, мой король?

— Через три дня. Раньше, если он справится, — нахмурившись при мысли о том, что он только что увидел в новостях, он уставился невидящим взглядом в стену над кроватью. — Боюсь, наше время на исходе, Дориан. Чарльз явно начал действовать. Половина южных Штатов в настоящее время пылает кострами его человеческих бунтов. Они закрывают границы. Пора вступить в контакт с видящими в Сан-Франциско. Пора выдвинуть наше предложение Квентину, пока не стало слишком поздно.

Дориан кивнул в ответ на его слова.

И всё же, когда он посмотрел на Наоко, Брик увидел его противоречие, сомнение.

Более того, он увидел нечто, похожее на настоящее беспокойство.

Брик хмуро наблюдал за ним.

— Что? — спросил он наконец. — В чем дело? Он готов? Или нет?

Дориан посмотрел на Наоко, на его закрытые глаза, затем обратно на Брика.

— Он готов, — сказал он, похоже, будучи уверенным в своих словах. — Готов для того, что тебе нужно, полагаю. Но должен признаться, — виновато добавил вампир после небольшой паузы. — Став свидетелем его разума, боюсь, мы ошиблись в расчётах.

Брик нахмурился, уставившись на него.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Ошиблись в расчётах? В каком отношении?

Дориан продолжал смотреть на Наоко, наблюдая, как его красивое лицо дёргается и напрягается. Его длинное лицо и губы оставались неподвижными.

— С Наоко? — упорствовал Брик. — Или с Квентином Блэком?

Дориан поднял взгляд

Его кровавые радужки слегка светились.

— Нет, — сказал он. — Ну... возможно. Возможно, с самим Наоко. Теперь он больше понимает, но нам придётся присматривать за ним, когда мы будем там. У него больше чувств к Блэку, чем я ранее осознавал. Возможно, у него будут проблемы с тем, чтобы сдерживать эти чувства, когда мы будем там. Когда он будет с видящими вообще.

Брик нахмурился.

Для него это не новости.

— Я так и думал, — сказал он. — Он всё ещё новорождённый.

Он уставился на друга, озадачившись, когда тот не продолжил.

— Вот в каких расчётах мы ошиблись? — переспросил Брик, когда Дориан так и не заговорил. — У тебя дурное предчувствие относительно самого Наоко, брат мой?

Дориан медленно покачал головой.

Подняв взгляд от лица новорождённого, словно усилием воли отрываясь от того, что он чувствовал там, Дориан нахмурился, и черты его лица сделались нехарактерно выразительными.

— Нет, — мрачно сказал он. — Не с ним.

Он поднял взгляд, посмотрев в глаза Брику.

— Нет, — сказал он серьёзно. — Я имел в виду Мири. Я беспокоюсь, что мы могли ошибиться в расчётах относительно жены Квентина Блэка... Мириам Фокс.

Глава 15. Бурбон и бирьяни

— Эй... Мири. Могу я украсть тебя на минутку?

Я повернулась, посмотрев в сторону двери конференц-зала.

Я стояла возле плоскоэкранного телевизора в главном конференц-зале офисов Блэка, в окружении примерно пятнадцати молодых индейцев из Нью-Мехико.

Буквально в последние несколько минут к нам присоединилось несколько видящих и бывших военных Блэка — большинство из них принесло с собой пакетики еды, потому что дело клонилось к полудню. Теперь рядом со мной к столу прислонялась Кико, а недалеко от неё расположились Мика, Джем, Джакс, Ярли, Мэнни, Истон и Фрэнк, которые выдвинули стулья из-за высокотехнологичного конференц-стола.

Молодые индейцы, включая Мэджик и нескольких её друзей, среди которых были Пёс и Девин, уселись на полу. Только я стояла в полный рост — может, потому что я обещала себе скоро уйти и перестать смотреть новости.

Однако я почему-то так и не переставала.

На мониторе круглосуточный кабельный канал докладывал о бунтах в Техасе.

Теперь бунты подражателей начинались также во Флориде, Луизиане, Алабаме, Вирджинии, Чикаго и Филадельфии.

Оторвав взгляд от изображения двух вампиров, разрывавших горло солдатам в полном боевом снаряжении, которые палили из автоматических винтовок, я посмотрела в сторону знакомого голоса.

Блэк стоял на пороге конференц-зала.

Он был одет в свою обычную рабочую униформу из черных брюк, чёрной футболки и ботинок, а также его армейских часов. Я невольно заметила, что он также носил своё обручальное кольцо из комплекта, который он заказал у того ювелира в Нью-Йорке.

Если он и заметил, как я взглянула на его безымянный палец, то не выдал это лицом. Его выражение оставалось мрачным, он выглядел отрешённым. Заметив то небольшое, что я ощутила из его света, я перевела взгляд на монитор и поморщилась при виде видео, которое теперь проигрывалось за репортёром.

Оно показывало, как высокий рыжеволосый вампир впивается клыками в горло женщины, которой было от силы лет двадцать — наверное, одна из студенток. Согласно новостям, группы вампиров нацелились на несколько университетов Юга, в частности в Техасе и Луизиане. В нашей группе бродило немало приглушённых разговоров о том, что происходит на самом деле. Пока что я соглашалась с версией Кико и Ярли, что Чарльз по какой-то причине поручил своим людям организовать эти бунты.

Ярли считала, что Чарльз мог даже в особенности нацелиться на университеты. По её словам, он хотел получить контроль над высшими учебными заведениями — возможно, чтобы иметь отговорку и поместить их под зонтик федерального правительства, а значит, и его собственных людей.

Чарльз явно хотел лучше контролировать границы.

Ярли объяснила нам, как на Старой Земле на всех границах существовали пункты проверки расовой принадлежности. В её версии США они имелись даже на границе некоторых штатов.

Она подозревала, что Чарльз намеревался создать здесь нечто подобное, только для вампиров, а не для видящих. Она объяснила, что ему нужны университеты, чтобы направить человеческие ресурсы в исследования и технологии, необходимые ему для контроля над вампирским населением — и, скорее всего, над людским населением тоже.

Чем дольше она говорила, тем яснее я представляла себе суть мира, который создавал мой дядя, и тем яснее я понимала, что нам уже не удастся долго оставаться в стороне. А ещё это заставило меня задаться вопросом, какого черта будут делать вампиры, как только Чарльз начнёт по-настоящему зажимать тиски.

Не оставалось никаких сомнений, что бунты также призваны вызвать у людей ужас перед вампирами.

Я смотрела на лицо студентки колледжа, пока рыжеволосый вампир поедал её, и я осознала, что её родители могут увидеть эти кадры. Молодая женщина с остекленевшими глазами и запрокинутой головой выглядела так, будто находилась на грани смерти. Лицо вампира оставалось спокойным. На его лице сохранялось выражение бескрайнего удовольствия, пока он осушал её, одной рукой обхватив тело спереди и сжав грудь через толстовку.

Она не была женщиной, вне зависимости от своего возраста.

Она была девочкой.

Глядя, как из неё уходит жизнь, я невольно подумала о Зои, своей сестре. Она была примерно в том же возрасте, когда её убил вампир.

Я перевела взгляд на Блэка, всё ещё немного морщась.

— Конечно, — сказала я. — Без проблем.

Осознав, как долго я простояла тут, смотря новости с молодыми индейцами, у которых был повод находиться здесь, я ощутила проблеск вины. Я гадала, не возникла ли у меня зависимость от просмотра фильма ужасов, который мой дядя устраивал на мировой сцене, начиная с моей страны.

Что ещё важнее, я забросила свою работу.

Блэк несколько дней назад просил меня заняться файлами видящих-беженцев — работой, которую я откладывала с самого возвращения из Европы. В основном потому, что большую часть времени я копалась в новостных репортажах и полицейских отчётах, ища следы Ника.

Кико улыбнулась мне и вскинула бровь, пока я обходила её контейнер вакамэ⁴, риса и лосося на гриле, который она ела руками. Наверное, чтобы не пришлось тащить стул с другой стороны стола.

Однако Кико редко просто сидела на месте и расслаблялась.

Всякий раз, когда я её видела, она находилась в движении или собиралась за что-то приняться.

Блэк мотнул головой в сторону коридора, когда я вновь посмотрела на него, и я прибавила шагу, выйдя за дверь, которую он для меня придержал.

Он привёл меня в свой офис.

И вновь он придержал дверь, чтобы я прошла вперёд него, и своим светом подтолкнул к столу для совещаний в конце длинной комнаты. Я посмотрела на стену из матированного стекла и осознала, что бывала здесь не так уж часто.

— Ты уже поела? — спросил Блэк, закрывая дверь.

Я посмотрела на него и моргнула.

Затем задумалась над его вопросом.

— Йогурт считается? — неуверенно спросила я.

— В шесть утра, — он фыркнул. — Так что не считается, — он во второй раз показал на стулья вокруг стола для совещаний в углу его офиса. — Садись. Я закажу нам еду. Нам нужно поговорить.

Теперь уже слегка насторожившись, я проследовала за жестом его руки и по привычке заняла место в углу стола, где окно из матового становилось прозрачным и открывало вид на город. Я просто сидела там и смотрела в окно, лишь вполуха слушая, как он говорит по телефону с кем-то из своих людей, чтобы нам принесли еду.

Я не уделяла внимание тому, что он заказал; я была слишком занята тем, что смотрела на горизонт, потом на его лицо и руку с обручальным кольцом.

Я не смотрела на наши кольца с тех пор, как швырнула в него своё в Нью-Йорке.

Я просила его вернуть моё кольцо.

Теперь я гадала, почему он не отдал мне его.

Оба кольца, которые он сделал, были изумительными.

Я осознала, что теперь меня даже слегка потрясает то, насколько красиво его кольцо. Даже со своего места я видела резной органический узор выгравированной на чёрном золоте косатки с тремя звёздами, которые, по словам Блэка, являлись крашеными зелёными и золотыми бриллиантами, которые должны примерно вторить ореховому цвету моих глаз.

Дизайн походил на индейскую подвеску, которую я носила на шее, но был как будто более плавным, более похожим на стиль модерн. Мою подвеску изготовил мой дедушка, и она символизировала человека и видящего — брак моих родителей, но в то же время меня и мою сестру Зою.

Рисунок на кольце напоминал оригинал, но обладал своим стилем.

Я хотела получить обратно своё кольцо.

Усмехнувшись, Блэк повесил трубку и посмотрел на меня.

— Хочешь, значит? — сказал он, улыбаясь.

— Да, — я скрестила руки на груди. — Ты придерживаешь его по какой-то причине?

— И с чего бы мне так поступать? — невинно поинтересовался он.

— Ради выкупа? — спросила я. — Поморочить мне голову? Может, тебе нужно побольше денег на очередной вертолёт? Или на новый мотоцикл?

Он улыбнулся, мягко щёлкнув языком, и притворно задумался над моими словами.

— А что, хороший вопрос, вообще-то, — сказал он, прислонившись к своему столу.

⁴ Ундария перистая, или вакамэ, или миёк — вид бурых водорослей из рода ундарий. Имеет сладковатый привкус и обычно используется при приготовлении супов и салатов

Я нахмурилась.

— *Какой* вопрос?

— Что мне с этого? — он вскинул бровь, скрестил руки на груди и прислонился задницей к краю стола. — В конце концов, ты один раз вернула его мне. Вообще-то, даже *швырнула* его в меня. Я решил, что мне нужно что-то выиграть из этой сделки, если уж я собираюсь его вернуть.

— Как насчёт секса... со мной хоть когда-нибудь?

Он фыркнул.

— Да ты сама продержишься неделю. А то и меньше.

Я нахмурилась.

Он не ошибался.

Но серьёзно ли он? Он действительно хотел что-то взамен кольца?

— Что за подлую схему с шантажом за обручальное кольцо ты придумал? — спросила я. — Хочешь вымогать бесконечное обещание массажа спины? Ещё больше марафонов в три утра и поедания вафлей? — я фыркнула при виде улыбки, в которой расплылось его лицо. — Или ты просто надеешься заставить меня сделать наконец-то те психологические экспертизы и оценки навыков новых видящих?

— Нет, — сказал он, щёлкнув языком. Он расставил ноги, всё ещё прислоняясь к столу. — Всё это я и так собираюсь получить.

В этот раз я издала искренний смешок.

— Вот как?

Он улыбнулся, но не ответил.

Будь проклята эта улыбка.

— Чего ты хочешь? — спросила я, слегка насторожившись.

Всё ещё улыбаясь, он перенёс свой вес со стола. Он уже направлялся к двери, когда кто-то постучал. Я проследила за ним взглядом. Я даже не почувствовала человека по ту сторону двери, но с другой стороны, Блэк большую часть времени создавал вокруг меня какую-то гравитацию.

Сосредоточившись на нём, я то и дело упускала что-нибудь.

Теперь я знала, что это один из охранников снизу.

Он не стал заходить.

Вместо этого Блэк с порога забрал у него два пакета, а парень, который их принёс, закрыл дверь. Блэк принёс пакеты к маленькому столу для совещаний.

— Как тебе вообще *удалось* так быстро достать еду? — спросила я.

— Да её внизу целая куча, — сказал Блэк. — Я поручил им собрать для нас еду на вынос из буфета на третьем этаже. Мы кормим целую деревню, помнишь? Большая часть этих видящих всё ещё не приносит денег.

Выразительно выгнув бровь, он добавил:

— Я пока что не могу сам нанять их. Я не знаю, какую зарплату платить им, док, или куда их распределить, потому что я понятия не имею, на что они способны...

— Да, да, — сказала я, выдыхая. — Оценки навыков. Усекла. Намёк понят.

Однако я слегка покраснела.

Он прав.

Я не принимала во внимание тот факт, что из-за меня он теряет деньги.

— Я приступлю сразу после этого, — сказала я ему. — Обещаю. Чтоб мне провалиться на этом месте.

Он усмехнулся, склонившись над одним пакетом, и развернул верхушку. Как только он её открыл, запах тёплого чеснока и специй заполнил воздух в его офисе. Он начал доставать прозрачные контейнеры с крышками, расставляя их на поверхности стола между мной и ним.

Все они были разного цвета, но выглядели жидковатыми.

— Индийская кухня, — сказал Блэк. — Надеюсь, тебя устроит. Я подумал, что ей будет легче делиться.

Мой нахмуренный лоб тут же расслабился.

— Идеально.

Он вытащил корзинку, закрытую матерчатым полотенцем, и поставил её в центре красочных контейнеров. Корзинка оказалась полной хлеба наан⁵, намазанного маслом. В другой корзинке обнаружился чесночный наан, запах которого я, видимо, учуяла, когда Блэк только открыл пакет. Во втором пакете, который вручил ему охранник, Блэк нашёл две бутылки воды, два пива и немного лимонно-имбирного чая.

Он открыл пивные бутылки и плюхнулся на стол напротив меня.

— Так что? — спросила я, открывая тёмно-оранжевый контейнер, оказавшийся ближе всего ко мне. — Ты скажешь мне, что ты хочешь за кольцо? Или нет?

— Как насчёт свадебной церемонии, док? — мягко поинтересовался он.

Я застыла, перестав отдира́ть крышку с контейнера, в котором, судя по запаху и виду, находилась овощная корма⁶, и подняла взгляд.

— Свадебная... церемония? — я моргнула, изумлённо уставившись на него. — Зачем?

Блэк не отводил от меня взгляда. Я смотрела, как он осторожно пожимает плечами и поднимает подбородок, чтобы сделать большой глоток пива.

— Пиар, — сказал он, опустив бутылку. Увидев непонимающий взгляд в моих глазах, он пояснил: — Публичное освещение. Я хочу сделать его публичным. Наш брак. И это поможет сгладить некоторые последствия того, что случилось после смерти полковника.

Я издала смешок, содержащий в себе лёгкое неверие.

— Ты хочешь пожениться в качестве пиар-затеи? — спросила я. — Ради реабилитации твоего образа после убийства одного из своих самых давних друзей?

Его подбородок слегка напрягся, но Блэк лишь пожал плечами.

— Когда ты вот так это преподносишь...

— Я делаю тебя похожим на социопата? — спросила я, вскинув бровь.

Вспомнив, кто изначально считал Блэка социопатом, а то и откровенным психопатом, я сглотнула, утратив часть веселья.

Блэк, похоже, уловил перемену в моём настроении. Наклонившись на стол, он смотрел мне в глаза, всё ещё держа в руке пивную бутылку.

— Я *хочу* сделать это, — он понизил голос. — Может, пиар-дерьмо — это всего лишь отговорка. Может, я *хочу* сделать это и потому ищу доказательства, почему это хорошая идея. Чтобы не выбесить тебя публичным, в высшей степени избалованным, гипервластным и помешанным на контроле злоупотреблением своим богатством и способностью привлекать внимание СМИ.

Я невольно улыбнулась, мягко щёлкнув языком.

— Не щелкай так, — пробормотал он. — От этого мне хочется трахаться.

Я окинула взглядом его офис, бросив на него невинный взгляд.

— Разве ты не для этого привёл меня сюда? Напичкать меня индийской едой, шантажом принудить к браку, а потом заняться сексом на твоём столе, обдавая друг друга чесночным дыханием?

В этот раз уже он подавил смешок.

Откинувшись назад, он отпил несколько глотков пива.

Однако пока он сидел там, веселье постепенно ушло из его глаз.

⁵ Наан — пшеничная лепёшка, блюдо индийской национальной кухни. Основу лепёшки составляет пресное пшеничное тесто.

⁶ Корма (коурма) — это обычно тушеное мясо с йогуртом и специями. Для приготовления необходимы йогурт или какой-либо другой молочный крем, ореховая или семечковая паста, а также кокосовое молоко. Постоянной составляющей этого блюда является также приправа карри.

Выражение его лица сделалось плоским, затем вернулось к тому мрачному отрешённому виду, который я заметила на его лице, когда он стоял на пороге конференц-зала.

— Нет, — сказал он. — Хотелось бы мне, чтобы всё было так. Хотелось бы мне, чтобы нам нужно было обсудить только это... но нет.

Пришла моя очередь хмуриться.

— Тогда что?

Подняв взгляд, он поколебался почти с нервозностью в глазах, глядя на меня. Я видела, как его взгляд пробегается по мне, по моим конечностям, словно он почти боялся меня.

— Блэк, — нетерпеливо произнесла я. — Ради всего святого, просто скажи мне, что...

— Брик звонил.

Всё моё тело застыло.

Я ничего не говорила. Я сидела там, как камень, стискивая кусок наана в пальцах, наполовину склонившись над контейнером овощной кормы. Я не шевелилась, я просто ждала, когда он продолжит.

— Он хочет встретиться, — сказал Блэк. — Он едет сюда. В Сан-Франциско.

В моей груди вспыхнул жар.

Это случилось так быстро и интенсивно, что у меня закружилась голова.

— Ник? — мой голос прозвучал гортанно. Он прозвучал хрипло, холодно. — Ты спросил у него про *Ника*, Блэк?

— Конечно, бл*дь, я спросил у него про Ника, — произнёс Блэк слегка раздражённо, но в то же время с беспокойством. — Иисусе, Мири. Да это первое, что слетело с моего языка...

— И что он сказал?

Подбородок Блэка напрягся.

На мгновение он отвёл взгляд, затем сделал вдох и посмотрел мне в глаза.

— Он сказал, что Ник мёртв.

По мне ударила боль. Она ударила так интенсивно, что я даже не могла осознать, что это такое, пока у меня не перехватило дыхание. Боль ударила прежде, чем мой разум осмыслил его слова, прежде чем я осознала что-либо логичным или сознательным путём.

Не думаю, что я сдвинулась с места.

Когда мои глаза вновь сфокусировались, Блэк наблюдал за мной с беспокойством в глазах. Он сжимал мою ладонь, лежавшую на столе — ту же ладонь, что держала кусок наана.

— Эй, — мягко сказал он. — Эй... милая.

Я осторожно высвободила ладонь из его пальцев.

— Просто скажи мне, — я прочистила горло и вытерла глаза — я и не осознавала, что по щекам текут беззвучные слёзы. Мой голос звучал омертвевшим. — Бл*дь, просто скажи мне всё остальное, Блэк.

Он продолжал наблюдать за мной с беспокойством в золотых глазах.

Когда я не посмотрела ему в глаза, он слегка откинулся назад и сделал ещё один большой глоток пива. Он наблюдал за мной, когда я потянулась через стол, схватила вторую бутылку пива и открутила крышку, хоть и знала, что он заказал её для себя.

— Сейчас.

Он забрал у меня бутылку пива прежде, чем я успела поднести её к губам.

Поставив её обратно на стол, он поднялся на ноги.

Подойдя к столу и за него, он открыл шкафчик, находившийся вне пределов моей видимости, частично встроенный в стенной блок, который занимал большую часть пространства за его столом. Мгновение спустя он грациозно поднялся на ноги, держа в руках два квадратных стакана и бутылку бурбона.

Он принёс всё это к столу и поставил стаканы.

Открутив крышку с бутылки бурбона, он налил мне для начала несколько пальцев и подвинул стакан в мою сторону стола. Пока я водила пальцем по краю стакана, он налил немного себе.

— Просто скажи мне, Блэк, — произнесла я.

Он закончил разливать бурбон и поставил бутылку, не потрудившись закрыть крышку.

Опустившись на своё кожаное кресло, он сделал несколько глотков бурбона. Я наблюдала, как он откидывается на спинку, доликает себе ещё из бутылки и продолжает ровным голосом, близким к армейскому докладу.

— Брик утверждает, что Ник умер по дороге из Таиланда в Европу. На самолёте, — Блэк отпил ещё глоток, немного подержал бурбон во рту, затем проглотил. — Он не углублялся в то, как именно это произошло. Он не ответил мне, когда я спросил, зачем они вообще повезли его в Европу. Он сказал, что объяснит всё, когда увидит нас.

— И когда же это, бл*дь, будет?

— В субботу, — тут же ответил Блэк. — Через три дня.

Я почувствовала, как мой подбородок напрягся ещё сильнее.

Уставившись в стакан с янтарной жидкостью, я подняла его почти без раздумий и опустошила.

Слегка ахнув, я поставила стакан и жестом попросила Блэка наполнить его ещё раз.

Он не колебался.

Наклонив бутылку над моим стаканом, он наполнил его — в этот раз налив побольше.

— Что ещё? — спросила я. — Почему он сейчас выходит из укрытия?

Блэк поставил бутылку, слегка пожав плечами. Скрестив руки на груди, он откинулся на спинку кожаного кресла и нахмурился.

— Что ещё? — спросил он. — Чарльз. Он беспокоится о том, что делает Чарльз. Он хочет обсудить какой-то союз.

На мгновение я лишь уставилась на него.

Затем, не сумев ничего с собой поделать, я издала полный неверия смешок, стиснув в руке стакан бурбона. Тяжело было не разбить стекло в кулаке. В этот раз я прямо посмотрела на Блэка, и мой голос зазвучал холодно.

— Он убивает моего лучшего друга, ничего не говорит нам на протяжении месяцев... а теперь он хочет поговорить о проклятом *союзе*? Что он вообще думает выторговать на данном этапе? И почему он решил, что мы не выследим его бл*дский клан убийц вместе с Чарльзом? — фыркнув, я отпила бурбона. — Черт. Да я принесу свой личный огнемёт.

Блэк всматривался в моё лицо, сохраняя непроницаемое выражение.

— Он думает, что эти бунты предшествуют военному перевороту, — сказал он.

Я моргнула.

Слова Блэка не рассеяли мою злость, но немного перенаправили её, заставив меня подумать о Брикe иначе, а также поразмышлять над его возможными мотивами.

А ещё это заставило меня подумать о Чарльзе, о том, что мы с Блэком знали о происходящем на южной границе.

— Если он хотел союза с нами, ему не стоило убивать одного из моих лучших друзей, бл*дь, — рявкнула я. — Ты ему это сказал?

— Я сказал ему, что если у него нет чертовски убедительной истории о том, что случилось с Ником... причём такой, которая оправдывала бы его вид, такой, в которую мы поверим... то он не покинет это здание живым, — спокойно сказал Блэк. Он встретился со мной взглядом, и его золотые глаза напоминали залитое солнцем стекло. — Он сказал, что всё равно приедет.

Я нахмурилась.

Когда молчание затянулось, я залпом допила второй стакан бурбона. Жидкость оставила обжигающий след ото рта вниз по горлу, до самой груди и живота. Однако это не помогло.

Я честно не могла сказать, что алкоголь по-настоящему действовал на меня.

Поставив пустой стакан, я постаралась подумать. Чем больше я обдумывала слова Блэка, пытаюсь понять их связь с Бриком и тем, что он мог задумать, тем сильнее я стискивала зубы.

— Что ты думаешь? — спросила я. — С чего бы ему рисковать, заявляясь сюда при таких условиях?

Чётко очерченные губы Блэка поджались, принимая деликатное, сложное выражение, больше всего напоминавшее хмурую гримасу.

В этот раз я не стала просить его налить бурбон. Я потянулась через стол и сама схватила бутылку за горлышко. Я налила себе несколько пальцев бурбона, затем занесла бутылку над его стаканом, предлагая добавку.

Он отмахнулся от меня и потянулся к своему пиву.

Он смотрел, как я приканчиваю свою третью двойную порцию, и слегка нахмурил лоб от беспокойства.

Однако когда он ответил на мой вопрос, его голос звучал ровно, исключительно деловито.

— Подозреваю, что Брик едет сюда, потому что считает, что то, что он скажет или предложит... убедит нас сотрудничать с тем, чего он хочет, — сказал он. — Подозреваю, что Брик не говорил нам о Нике, потому что ранее у него не было рычага давления. Теперь он думает, что может что-то нам предложить. От чего, по его мнению, нам будет сложно отказаться.

Всё ещё слегка хмурясь, он уставился на стены из матового стекла, на самом деле не видя их.

Поджав губы, он сделал неопределённый жест одной рукой.

— Что бы там ни было, он думает, что этого будет достаточно. Не только чтобы удержать меня от его убийства. Достаточно, чтобы заставить нас сотрудничать с ним.

— *Заставит* нас? — я поставила пустой стакан и поморщилась. — Это охереть как самоуверенно, ты так не думаешь? Или он действительно не представляет, сколько у нас теперь видящих? Он планирует привести бл*дскую армию на встречу с нами?

Губы Блэка изогнулись в сухой улыбке.

Я не видела в ней ни капли юмора.

— Убедительность — действительно не самая сильная сторона Брика, — сказал он. — Не в подобных вещах. Так что да, что бы он там ни вёз с собой, он думает, что это убедит нас сотрудничать с ним. Он не стал бы рисковать и делать ставку на убеждение, или моё благодушие... или даже на мою практичность. Не в таком отношении.

Нахмурившись, Блэк отпил пива, задумчиво поджал губы и откинулся на спинку офисного кресла, заставив его издать тихий скрип.

— Я действительно думаю, что Брик верит, будто на кону стоит будущее всей его расы, Мириам, — серьёзно добавил он. — Брик воспринимает Чарльза как угрозу всему виду. Он думает, что Чарльз — геноцидный маньяк.

— Разве он ошибается? — фыркнула я.

Блэк повернулся, бесстрастно взглянув на меня.

— Нет, — сказал он. — Он не ошибается. Чарльз истребит их всех до последнего при первой же возможности. Я не осознавал, как много этого менталитета я видел в Париже, пока находился там, но теперь я осознаю это, когда пересматриваю те воспоминания. Чарльз десятилетиями активно внушал своим последователям идею о превосходстве видящих. Теперь у него есть численность. И он вооружает людей.

Помедлив, он прямым текстом добавил:

— Я согласен с Бриком. Чарльз готовится предпринять настоящие действия. Он не станет ждать. Он не *может* ждать. Ему нужно новое правительство в действии, чтобы он мог начать по-настоящему уничтожать вампиров, пока Брик и его люди не выстроили оборону.

Отпив ещё один глоток пива, он добавил:

— У Чарльза мало времени, но момент выбран удачно. Вампирские кланы пребывают в хаосе после смерти Константина. Федералы взяли Брика под арест вскоре после того, как он унаследовал власть, и это тоже не помогло. Я относительно уверен, что Брик всё ещё укрепляет власть после случившегося. На самом деле, тот факт, что он вообще сумел удержать трон — настоящее свидетельство умелости этого ублюдка.

— И Дориана, — холодно напомнила я. — Это ещё и свидетельство заслуг Дориана.

Блэк кивнул, признавая мои слова взмахом пальцев.

— Определённо, — сказал он.

Отпив глоток пива, он откинулся назад, чтобы сбросить пустую бутылку в мусорное ведро. Вернувшись к столу, он помедлил, чтобы разорвать кусок наана на две части, затем зачерпнуть им щедрую порцию чего-то вроде дал махани⁷. Я смотрела, как он откусывает большой кусок и энергично прожёвывает. Проглотив, он зачерпнул ещё больше дал.

Прожевав вторую порцию, он пожал плечами.

— Чарльз знает, что Брик в процессе сплочения своих людей, — добавил он.

Он подвинул к себе поближе контейнер с бирьяни⁸, покосился на алу гоби⁹, затем всё-таки принялся за бирьяни.

— Теперь, когда Брик выбрался из тюрьмы, я думаю, что именно этому он уделяет большую часть своего времени, — добавил Блэк. — ...Встречается с главами кланов, организует их в военные отряды, выстраивает стратегию, как не дать Чарльзу завладеть Соединёнными Штатами по-настоящему. Логично, что он сейчас возвращается сюда и хочет поговорить с нами. Уже ходят слухи о закрытии границ... и введении пунктов расовой проверки. Если Брик хочет предпринять что-то здесь, он должен делать это быстро.

Бросив на меня мрачный взгляд, Блэк добавил:

— И мы тоже, док. Брик это тоже знает.

Откусив хлеба с бирьяни, он зачерпнул немного алу гоби, пока жевал.

Я чувствовала его разум и тёплый свет в своём свете, когда он подтолкнул меня покушать.

— Пожалуйста, милая, — пробормотал он, наблюдая за моим лицом.

Сглотнув, я ощутила, как напряглись мои челюсти.

Однако я заставила себя кивнуть.

Он прав. Пить на пустой желудок — не самый многообещающий способ начать день. Меньшее, что я могла сделать — это покушать.

Взяв кусок наана, который я выпустила из рук в какой-то момент и оставила на салфетке, я макнула его в ближайший контейнер, не обращая внимания, что там было.

Это оказался палак панир¹⁰.

⁷ Дал махани — традиционное индийское блюдо из бобовых, которое очень популярно во многих семьях и является частью повседневного рациона

⁸ Бирьяни, или бирияни — второе блюдо из риса и специй с добавлением мяса, рыбы, яиц или овощей. Специи и соусы, необходимые для приготовления бирьяни, могут включать в себя: топлёное масло, кумин, гвоздику, кардамон, корицу, лавровый лист, кориандр, шафран, мятные травы, имбирь, лук, чеснок.

⁹ Алу гоби — вегетарианское блюдо с индийского субконтинента, приготовленное из картофеля, цветной капусты и индийских специй.

¹⁰ Палак панир — это вегетарианское блюдо индийского субконтинента, состоящее из панира в густой пасте, приготовленной из пюре из шпината и приправленной имбирем, чесноком, гарам масала и другими специями. Палак панир можно назвать зеленым паниром

Я прожевала, не чувствуя вкуса и всё ещё наблюдая за Блэком.

Он немного расслабился, увидев, что я ем.

Помедлив, чтобы достать из второго бумажного пакета две миски и ложки, он наполнил одну миску жасминовым рисом и положил сверху курицу в масле, затем протянул миску мне без лишних слов. Я взяла её, поставила перед собой и наблюдала, как он готовит себе вторую порцию. Взяв вилку, я принялась разминать курицу в миске и ощутила, как Блэк расслабляется ещё больше, упирается локтями в стол и продолжает жевать наан с бирьяни.

Но я всё ещё чувствовала, как он наблюдает за мной, хмуря лоб от беспокойства.

— Чарльз захочет действовать до того, как Брик закончит объединять кланы, — произнёс он после очередной паузы. — Он хочет, чтобы они пребывали в хаосе и беспорядке, насколько это возможно. Так что когда это случится, это будет быстро. Подозреваю, что бунты — это Чарльз закладывает фундамент для истории, которую намеревается скормить человеческим СМИ. Он хочет, чтобы человеческое население достаточно испугалось и согласилось с любым безумным дерьмом, которое он затеет потом.

— Например? — спросила я, проглотив немного курицы с рисом. — Как думаешь, что он приготовил дальше?

Блэк посмотрел мне в глаза.

— Подозреваю, что он довольно скоро объявит официальную войну вампирам. Возможно, сформулирует её через все эти доктрины «чистоты», которые он проталкивал за бунтами. Я бы ожидал от него ограничения гражданских прав и, скорее всего, закрытия границ, чтобы разобраться с заражением. Он уже намекает в этом направлении.

Проглотив немного курицы в масле и риса, я кивнула.

— Что насчёт нас? — спросила я. — Мы хотим быть здесь, когда это случится? Внутри Соединённых Штатов, имею в виду?

Блэк поколебался. Я видела, как он наблюдает за тем, как я ем. Похоже, он наблюдал своими золотыми глазами за всеми моими действиями, включая мои руки, пальцы и выражение лица.

— Думаю, нам стоит остаться, — сказал он наконец. — Что ты думаешь, док?

Потянувшись через стол, я опять схватила бутылку бурбона и налила себе несколько пальцев, но меньше, чем в прошлый раз.

И вновь я молча предложила наполнить стакан Блэка.

Он отмахнулся, поднял бутылку пива, стоявшую возле его локтя, и откинулся на спинку стула. Он наблюдал, как я приканчиваю четвёртый стакан янтарной жидкости, и сделал несколько глотков пива.

Он не поддевал меня снова, но я чувствовала, что он ждёт моего ответа на свой вопрос.

— Я тоже думаю, что нам стоит остаться, — сказала я, поставив квадратный стакан обратно на стол. — Не думаю, что нам стоит просто вручить страну Чарльзу. Он на этом не остановится. Нам нужно найти способ хотя бы замедлить то, что он делает. Так, чтобы мы оба не очутились в военной тюрьме... и чтобы все видящие-беженцы и твои человеческие сотрудники не оказались в каком-нибудь лагере «переобучения».

Блэк фыркнул, кивнув в знак согласия.

Он продолжал хмуриться, но я чувствовала его облегчение от того, что я с ним согласна. И всё же поначалу он ничего не говорил вслух.

Несколько минут мы оба просто ели.

Свет Блэка окутывал меня, особенно те нижние плотные структуры. Такое чувство, будто он почти утягивал меня глубже в землю, одновременно утягивая глубже в ту часть себя. Когда я закрыла глаза, мой мир накренился. Я знала, что отчасти виноват бурбон. Отчасти — Блэк и тот интенсивный жар, который жил под его ногами.

Как и в Таиланде, я всё ещё видела его как лаву и звезды.

Я видела его как тёмный океан, манящий меня, укачивающий на своих волнах.

— Ты так прекрасна.

Я подняла взгляд, опешив от осознания, что услышала эти слова вслух.

Я уставилась на лицо Блэка, увидела, как его золотые глаза наблюдают за мной — возможно, такие мягкие, какими я никогда их не видела. Моргнув, я осознала, что закрыла глаза, позволяя себе погрузиться в его свет. В то же мгновение я осознала, что по моим щекам катились слёзы.

Я грубо вытерла их тыльной стороной ладони, затерявшись где-то между злостью на себя и смущением.

Я знала, что Ник мёртв. Я знала.

Я не могла настолько уйти с головой в отрицание.

— Я бы хотел, чтобы ты пошла со мной, — мягко сказал Блэк, потянувшись к моей руке. — На встречу с Бриком, — он поколебался. — Но я бы предпочёл, чтобы ты его не убивала, док. По крайней мере, пока мы его не выслушаем. Подозреваю, что он всё ещё может нам понадобиться.

Мои челюсти напряглись.

Поначалу я не отвечала, даже кивком.

— Ты можешь это сделать? — спросил он так же мягко. — Ты можешь находиться в одной комнате с ним, док? Поверь мне, я полностью пойму, если ты на это неспособна. Если ты не хочешь быть там, я справлюсь без тебя... или, может быть, мы сможем сделать это удалённо, чтобы ты говорила со мной через наушник или стояла по ту сторону одностороннего стекла. Тебе не нужно сидеть за одним столом с этим сукиным сыном. Никто из нас не ожидает от тебя такого, Мири. Никто из нас. И уж точно не я.

В этот раз я кивнула.

Я ощутила, как тугой узел в моей груди немного ослаб, но боль в нутре и горле, казалось, лишь усилилась.

Я знала, что никакое количество бурбона не смоет эту боль.

В любом случае, мне нужно перестать пить.

Я сказала Блэку, что займусь нормальной работой во второй половине дня.

Я гадала, не выпила ли я слишком много, чтобы суметь сдержать это обещание.

Где-то в процессе раздумий над тем, что бурбон не влияет на меня, а также двумя или шестью порциями, что я выпила, я миновала порог трезвости, состояния слегка навеселе, и теперь находилась на грани откровенного опьянения.

Я практически уверена, что еда пока что не особо меня отрезвляла. Может, если я немного вздремну и выпью кофе, то сумею собраться. Мне не нужно работать в обычные рабочие часы. Я могла работать вечером.

Я могла встать рано на следующий день.

— Сегодня ты не будешь работать, — мрачно сказал Блэк. — И завтра ты тоже не будешь работать, док. Я пока что передам оценку Ярли.

Нахмурившись, я начала качать головой.

Блэк поднял ладонь.

— Чем бы ты занялась, док? — спросил он. — Если бы сегодня у тебя не было дел. Чем бы ты занялась? Куда бы ты пошла?

Всё ещё хмурясь, я постаралась подумать над его вопросом.

Мой разум вернулся мыслями к океану, сёрфингу с Ником.

Тошнота в моей груди усилилась.

Я подумала о последнем разе, когда мы туда выбирались. Когда я умудрилась долбануть себя по голове доской для сёрфинга, взятой напрокат, а Ник ржал так сильно, что подавился.

Мой желудок сделал такой быстрый кульбит, что я вообще не получила никакого предупреждения.

К счастью, Блэк, должно быть, увидел это на моём лице.

— Воу, воу... док...

Он подсунул мне под нос мусорную корзину как раз тогда, когда мой желудок отчаянно содрогнулся. Он очутился по мою сторону стола прежде, чем я успела осознать происходящее.

Затем я уже вцепилась в край стола одной рукой, а Блэк придерживал мне волосы, пока я блевала в мусорную корзину возле своего стула.

Это продолжалось как будто целую вечность.

Я выблевала всю курицу с рисом. Я выблевала несколько кусков наана с палак паниром и овощной кормой. Я выблевала каждую каплю бурбона, которую мой организм ещё не впитал в кровоток. Наверное, я выблевала даже часть утреннего йогурта и кофе, которым я его запила.

В итоге во мне ничего не осталось.

Ещё некоторое время я всё равно содрогалась в рвотных позывах, пока на глазах не выступили слёзы. Моё горло и живот жгло от болезненных, поразительно сильных спазмов.

Блэк стоял возле меня на коленях вопреки тому, как ужасно, должно быть, от меня воняло.

Он гладил меня по пояснице, обернув своим светом, и бормотал мне на ухо, целуя в шею и лицо между спазмами.

Когда всё закончилось, он протянул мне бутылку воды. Половину я вылакала на одном дыхании. Я чувствовала, что Блэк обеспокоенно наблюдает за мной, наверное, опасаясь, что её я тоже выплюю.

Однако нет.

Из минусов — я совершенно протрезвела.

А ещё я чувствовала себя так, будто меня сбил грузовик.

— Да уж, сегодня тебе больше никакого алкоголя, — пробормотал Блэк.

Он забрал у меня пустую бутылку, как только я допила воду, поставил её возле индийской еды, на которую мне теперь даже смотреть трудно было, не говоря уж о запахе после того, что со мной сделал мой желудок. Почему-то я всё-таки посмотрела на расставленные контейнеры и поморщилась.

Я всё ещё смотрела на них, когда Блэк взял меня за обе ладони.

Он ласково потянул меня, побуждая встать на ноги.

— Давай, док, — пробормотал он, обнимая меня за талию и ведя к двери. — Мы уведём тебя отсюда.

Я не спрашивала, что он имел в виду.

Я не спрашивала, куда он меня вёл.

Я просто следовала за ласковой тягой его ладоней и руки.

По правде говоря, мне всё равно, куда мы шли. Я просто хотела убраться отсюда нахер. Я хотела бежать, бежать, и никогда не переставать бежать, пока это чувство меня не покинет.

Глава 16. Санта-Круз

— Нам нужно сказать Энджел.

Я выпалила это, уставившись невидящим взглядом в горизонт и легонько покачиваясь на волнах, болтая ногами в холодной солёной воде. Вопреки силе моих слов,

рябь волн бесшумно перекачивалась подо мной, успокаивая, систематично смывая моё желание сопротивляться его тяге.

Блэк повернулся. Он голой рукой стер солёную воду с лица и потряхнул волосами, покачиваясь на доске рядом со мной, одетый в чёрный гидрокостюм с небесно-голубыми полосками на руках и ногах.

Он на мгновение сжал доску, изменяя позу.

— Скажем, — ответил он. — Можем позвонить ей сегодня вечером, если хочешь.

Я нахмурилась.

Так мы не собирались отправляться домой.

Я догадывалась, но до сих пор он не говорил об этом.

— Я кое-что приготовил нам здесь, — объяснил он, может, почувствовав мои мысли. — Я подумал, что ночь вдалеке от всего этого пойдёт на пользу. Можем поехать обратно, если тебе так хочется, — добавил он.

Мои губы поджались.

Однако я не сказала ему, что хочу поехать домой.

Мысль о возвращении вызвала резкую, сдавившую горло волну тошноты, которая граничила с депрессией. Мысль о том, чтобы остаться здесь, тоже угнетала меня, но как будто меньше. Как и всегда в последнее время, Блэк, похоже, лучше представлял, что мне нужно, даже если я думала, что не хочу этого.

По правде говоря, не знаю, как он уговорил меня прийти сюда с ним.

Я не знаю, как он вытащил меня в воду.

Не знаю, как он уговорил меня надеть гидрокостюм после того, как он закинул в багажник МакЛарена маленькую сумку с одеждой для нас обоих и повёз по побережью к Санта-Круз, где Ник впервые пытался научить меня сёрфингу. Я не знала, откуда ему известно, в какую именно зону для сёрфинга нужно меня отвезти.

Я попыталась вспомнить, не всплывало ли это во время нашей связи в Таиланде...

Но это тоже вызвало у меня тошноту.

Не связь.

Скорее, воспоминание о том, что происходило с Ником, пока мы связывались.

Я не знала, какого хера я здесь делала.

Я не знала, какого хера я делала в этой воде, на одном из любимых мест Ника для сёрфинга.

— Ты чтить память, — сказал Блэк. — Мы оба чтим его память.

Когда я не ответила, он поймал меня за руку, подтянул меня вместе с доской к себе. Как только я оказалась достаточно близко, он поцеловал меня в губы, обнял одной рукой и прижал к своей груди.

Его язык был горячим, солёным; он заполнял меня его светом.

Боль ударила меня в грудь.

Я хотела его, но в данный момент могла лишь чувствовать себя из-за этого последним куском дерьма.

— Я люблю тебя, — грубовато сказал он, поднимая голову. — Позволь мне помочь тебе, док. Просто позволь мне помочь тебе с этим. Даже если сейчас ты не видишь в этом смысла.

Я кивнула, борясь с комом в горле.

Чем дольше он держал меня, чем дольше окутывал этим жаром и густотой, тем сильнее та боль возвращалась в центр моей груди.

Я знала, что он прав. Находиться здесь лучше.

Меня вновь поразило, что он уже позвонил вперёд и заказал нам номер, наверняка в какой-нибудь навороченной гостинице типа «ночлег и завтрак» на Первом шоссе — где-нибудь, где наверняка будет красиво и тихо. По какой-то причине от осознания этой мысли на мои глаза навернулись слёзы. Я знала, что он прав, но дело не только в этом. Я

никогда не позволяла никому вот так обо мне заботиться, с самого моего детства. Самое близкое к этому было после Бангкока, когда Ник...

Я отсекла эту мысль.

Покачав головой, чтобы отбросить видение, я стиснула зубы.

Блэк прав.

Уехать на несколько дней — правильное решение, особенно учитывая приезд Брика сюда, особенно учитывая, что Брик собирается занять место в моём городе, в моей голове, наверняка в сопровождении этого ходячего трупа Дориана.

Я знала, что Блэк прав.

Но сейчас ничто не казалось правильным.

К тому же, Блэк выбрал не самую нейтральную территорию.

Подумав о последнем разе, когда я здесь бывала, я издала тихий всхлип, ощутив, как боль в груди внезапно усилилась. Я стиснула гидрокостюм спереди, и прилив света Блэка усилился, привлекая меня глубже в него.

Я видела крылья. Эти крылья обернулись вокруг меня, ярко-зелёные, фиолетовые и синие перед моими закрытыми глазами, и моё сердце ёкнуло в груди.

Мы никогда не говорили о том, что произошло в тех пещерах.

У нас никогда не было времени поговорить об этом всем. Я помнила весь тот свет внутри мрачного драконьего храма на острове Мангаан. Я помнила те крылья, которые раскрылись за спиной Блэка, как звучал его голос — как его голос *ощущался* в моём свете.

— Ничто из этого сейчас не имеет значения, док, — мягко сказал он, окутывая меня тем жарким густым светом, обнимая меня этими крыльями. — Теперь это и твой свет тоже. Положись на него. Положись на меня.

Я пыталась осознать его слова.

Я пыталась сообразить, что он мне говорит.

Но я как будто не могла уложить в голове совершенно ничего. Ни тот факт, что Ник мёртв. Ни тот факт, что я никогда больше его не увижу, и наверное, не увижу даже его тела. Ни то, что мой муж на моих глазах сделал в Таиланде. Ни то, что я ощущала от него, пока мы связывались на том пляже. Ни тот факт, что Корек, тот странный голос, который я слышала в свете своего мужа, который теперь объявил себя частью нас обоих, умолк с тех самых пор, как мы покинули тот остров.

Я не могла поверить, что Ника действительно больше нет.

Я всё ещё ждала, что увижу его здесь.

Я искала его в лице каждого сёрфера с похожим телосложением, тёмными волосами, широкими плечами, со всем, что напоминало мне Ника — даже жестами или манерами. Я продолжала ждать, что он позвонит, что я увижу его раздражённые ворчливые сообщения на своём телефоне. Я ловила себя на мысли, что надо рассказать ему про то, что мы приезжали сюда, побывали на его любимом местечке для сёрфинга возле маяка.

Я не жила без Ника больше десяти лет.

Он был чем-то вроде моей совести. Может, моим ангелом-хранителем.

Я заговорила прежде, чем осознала своё намерение.

— Он был рядом, — сказала я, глядя на волны. — После Таиланда. Когда ты уехал. Он был рядом со мной, Блэк.

Воцарилось молчание.

Я почувствовала, как мои слова повисли в воздухе.

Затем я ощутила, как по Блэку ударил сильный укол боли, от которого он прикрыл глаза.

Я вздрогнула, почувствовав это через меня.

Я сказала это не для того, чтобы ранить его. Я не намеревалась его ранить... я не хотела его ранить. Однако сказав это и обдумав свои слова, я осознала, насколько они жестоки. Я не хотела быть жестокой, но именно такой я себя выставила.

— Прости, — сказала я, всё ещё стискивая свой гидрокостюм на груди. Протянув ладонь, я сжала и Блэка тоже, поймав его за руку, но не глядя на него.

— Не извиняйся, док, — он говорил грустно. Я слышала в его голосе настоящую печаль, и боль в моей груди усилилась. — Не проси прощения за это. Это правда.

Я кивнула, хоть по моему лицу покатались слёзы.

Я уставилась на свои ноги, всё ещё держась за Блэка одной рукой, а другой — за свой гидрокостюм. Я смотрела, как морская вода лижет моё бедро.

— Он заставил меня поговорить с кем-нибудь, — сказала я после небольшой паузы. — Тогда он ещё не знал про видящих. Но он замечал... всякое. Он заставил меня поговорить с ним, признаться в случившемся. Затем он заставил меня записаться на приём. К тому психологу, к которому я ходила некоторое время.

— Я помню, док.

Прикусив губу так сильно, что ощутила укол боли, я добавила:

— Он заявлялся ко мне на порог. Каждую долбаную ночь, — я издала сдавленный горький смешок. — Даже после того, как я наорала на него. Даже после того, как я сказала ему перестать приходить, оставить меня в покое, он всё равно заявлялся. Даже после того, что случилось между нами, он приводил Энджел... но не переставал приходить. Он никогда не оставлял меня одну.

Блэк гладил меня по волосам, ничего не говоря.

Я знала, что он тоже понимал это.

Он знал, что я имела в виду, включая те части, которые я опустила и не озвучила вслух.

То, что случилось между нами — это ночь, когда я поцеловала Ника.

Той ночью я буквально накинулась на Ника — в основном, чтобы отплатить Блэку за его отъезд.

Я была пьяна. Мы оба напились так, что едва не переспали друг с другом.

Но каким-то образом, даже будучи такой пьяной, я частично осознавала, что я делаю. Мне хватило проблесков рассудка и ясности, чтобы остановить процесс, пока мы не дошли до конца.

К тому времени мы оба оказались полуголыми. Я сидела на коленях Ника, положив руку на его член, а другую ладонь запустив под его рубашку. Мы оба тяжело дышали. Мы оба возбуждились, покраснелись, совершенно растерялись. Ник был уже твёрд. Он начал раздевать меня по-настоящему, когда я резко положила всему конец.

Я в достаточной мере чувствовала его разум и свет, чтобы понимать, что он испытывал смешанные чувства по поводу того, что я всё остановила. Учитывая, где мы находились и к чему всё шло. И всё же вскоре после этого он буквально сбежал оттуда, выдумав какую-то отговорку про работу завтра утром.

После этого я чувствовала себя последним куском дерьма.

В основном не из-за Блэка — во всяком случае, не тогда.

Я чувствовала себя виноватой, потому что поступила так с Ником.

Я чувствовала, будто использовала его.

Бл*дь, да я действительно *использовала* его.

Это сбило с толку меня, это сбило с толку Ника, который, похоже, после этого несколько месяцев боролся с чувствами ко мне. Если верить Блэку, то это его смятение из-за меня длилось намного дольше тех нескольких месяцев.

Но и об этом я тоже не могла думать.

Блэк потёрся носом о моё лицо, поцеловал в шею, затем в щеку.

*«Я люблю тебя, док. Я люблю тебя очень сильно, — боль облаком выплеснулась из его света, и он сжал мои волосы в одной руке. — Он тоже любил тебя... и ты любила его. Не наказывай себя. Не кори себя за каждый раз, когда ты поступила с ним неправильно. Все мы совершаем ошибки. А с нашими любимыми людьми, бл*дь, мы допускаем худшие ошибки».*

Я издала сдавленный звук, вызвавший боль в груди.

Это нельзя назвать смешком, даже невесёлым.

Я не знаю, что это, чёрт подери, такое было.

«Прости себя, док, — мягко послал Блэк, глядя меня по мокрым волосам. — Прости себя. Ты знаешь, что он простил бы тебя. Он любил тебя, док... он любил тебя...»

Я попыталась почувствовать это. Я попыталась в это поверить.

Однако я не могла.

Я просто не могла, чёрт подери.

На ужин Блэк отвёз нас в сам город Санта-Круз.

Мы припарковались возле набережной и пошли к пирсу, держась за руки, пока не дошли до самого конца, где располагалось несколько ресторанов, подававших морепродукты.

Должно быть, я поела.

Я ела. Помню, что ела.

Я помню, что Блэк заказал мне что-то после того, как я десять минут тарасилась в меню, не видя и не понимая ничего написанного. Я помню, как он подталкивал меня есть хлеб, затем заставлял съесть лосося на гриле и тыквенное пюре, которое он заказал для меня.

Я помню, как спрашивала его про Чарльза и бунты.

Поначалу он не хотел обсуждать это.

Но я знала, что он будет поддерживать связь с теми, кто остался в Сан-Франциско. Он как минимум будет периодически получать отчёты от Кико. Он должен это делать, и я его не винила. Он не мог позволить себе не делать этого, когда через три дня приедет Брик.

— Не беспокойся об этом, док, — сказал он, целуя мои пальцы.

Но я покачала головой, глядя мимо него на ночное небо над накатывавшими волнами океана.

— Я просто не могу не думать ни о чем, Блэк, — сказала я. — Молчание сейчас просто оглушает, бл*дь. Мне хочется вылезти из собственной шкуры.

Он крепче сжал мои пальцы.

Я ощутила в нём противоречие, пока он ощупывал мой свет.

Я знала, что он осторожничал со мной. Я буквально чувствовала, как его мозг просчитывает лучший способ помочь мне. Насколько сильно надавить. Когда надавить. На что надавить. Когда отвлечь меня. Когда позволить мне погрузиться в это, даже если я явно страдала.

Какая-то часть меня ценила это.

В основном я ощущала себя каким-то научным экспериментом.

В итоге он немного поговорил со мной.

Он сказал, что бунты распространяются — пока что в основном по городским районам Востока. Обнаружение вампиров и их атаки участились. Он сказал, что Кико и Декс оба почти уверены, что эти атаки теперь в большей степени легализованы. Кико сказала, что их агенты, отслеживавшие проявления жестокости на месте, подозревают, что люди Чарльза намеренно атакуют вампирские скопления и вынуждают их защищаться.

Я слушала, как он описывает реакции в новостных программах.

Я слушала, как он повторяет, что говорили репортёры.

Я слушала, как он пересказывает выступления официальных представителей правительств.

Он ел пасту с морепродуктами и пил вино, описывая обсуждения на крупнейших медиа-каналах, где выступали политические обозреватели, свидетели и жертвы, учёные, политические эксперты и адвокаты. Пересказывал споры о том, были ли эти создания настоящими или какой-то фальшивкой, даже обсуждения психологической и военной атаки чужеродного существа.

Блэк ожидал, что Чарльз продолжит накалять атмосферу.

Я знала, что он прав.

Я гадала, когда Чарльз пошлёт кого-то навестить и нас тоже.

— Ага, — сказал Блэк, услышав меня. Положив ладони друг на друга, он всматривался в моё лицо при свете свечей. — Я тоже задавался этим вопросом.

Прежде чем мы успели обсудить это в деталях, четверо ребят студенческого возраста подошли к нашему столику и попросили у Блэка автограф.

Он пошёл им навстречу, отпустил несколько шуточек и улыбочек, но я чувствовала, как он своим светом подталкивает их уйти, так что они не задержались надолго.

После этого мы вышли на пляж и набережную.

Затем он отвёл меня в торговый центр Санта-Круз, затем в кофейню, куда я в последний раз ходила с Ником. Это было одно из его любимых мест, в основном из-за их кофе, за которым он приходил утром после сёрфинга на рассвете, но я бывала здесь с ним и ночами, после сессий на воде ранним вечером.

Обычно мы не брали кофе по вечерам, но они подавали крафтовое пиво и делали лимонный пирог, к которому Ник питал слабость, а также изумительный горячий шоколад.

Блэк сказал мне занять место под открытым небом, затем пошёл делать заказ без меня.

Не раздумывая, я в итоге уселась практически на то же самое место, которое занимала, когда бывала здесь с Ником — на нижней террасе прямо в углу, где открывается лучший вид на сам магазин, а также на две улицы, на пересечении которых он находился. Это был старый викторианский дом, который кто-то переделал в просторную кофейню, совершенно очаровательно выглядящую в вечернем освещении.

Блэк вернулся через несколько минут.

Он нёс поднос с двумя порциями горячего шоколада и двумя кусками лимонного пирога. Он подошёл прямо к столику, который я заняла, и поставил поднос на покорёжившееся от морской соли дерево.

— Бл*дь, откуда ты знал? — спросила я, уставившись на поднос.

Блэк пожал плечами.

Я не могла решить, то ли я радовалась, что он это сделал, то ли хотела ему врезать.

— Можешь врезать мне потом, — сказал Блэк, усмехаясь и занимая место напротив меня. — Сегодня у нас будет возможность уединиться. Когда доберёмся туда, можешь бить меня сколько захочешь.

Взяв вилку, он принялся за ближайший кусок лимонного пирога.

Попробовав кусочек, он усмехнулся и вскинул бровь, глядя на меня через стол.

— У Ника был хороший вкус, — фыркнул он. — Надо было сводить его к Кэлу.

Я уставилась на него, растерявшись между раздражением и ощущением кома в груди.

В итоге я просто схватила горячий шоколад и отпила глоток.

Он оказался таким же хорошим, как я помнила.

А ещё я съела до крошки этот проклятый лимонный пирог.

После этого мы ещё немного походили по торговому центру, но я уже вымоталась. В итоге Блэк отвёл нас обратно к МакЛарену, и мы поехали дальше вдоль побережья, миновав ещё несколько миль по Первому шоссе.

Однако я ошибалась.

Он не снял нам номер в навороченной гостинице типа «ночлег и завтрак».

Он арендовал для нас пляжный домик.

Он не шутил по поводу уединения.

Дом располагался на краю песчаного утёса с видом на океан, а перед ним имелся небольшой участок частного пляжа внизу. Подъездная дорожка была длинной, соседей не было; с одной стороны находилось скопление камней возле воды, с другой — продолжение утёса.

Припарковав МакЛарен на подъездной дорожке, Блэк нашёл ключи от входной двери в искусственном камне возле пальмового дерева — видимо, кто-то оставил их для нас.

Внутри гостиная и балкон напоминали съёмочную площадку для какого-то фильма.

Изящная современная мебель располагалась в гостиной возле отдельно стоящего камина, который делил комнату на две части. Длинное окно занимало всю ту стену дома, которая выходила на океан и немного V-образно выгибалась к побережью. По другую сторону раздвижных стеклянных дверей находилась огромная терраса. Она огибала весь дом. Я видела там мебель, костровую яму, плавательный бассейн и джакузи.

Кто-то уже развёл для нас камин в доме.

Снаружи в джакузи горело освещение, и я видела пузырьки, указывавшие на то, что джакузи уже включили и, наверное, разогрели для нас.

— Ага, — сказал Блэк, скидывая с плеч кожаную куртку и швыряя её на диван. Он сверкнул меня быстрой улыбкой. — Мы определённо туда отправимся.

Мы уже приняли душ в публичных душевых на пляже, затем накинули уличную одежду для ужина и прогулки по центру Санта-Круз.

Но я всё ещё немножко чесалась от соли и песка. Отчасти это могло быть после ресторана на пирсе и последующей прогулке по набережной, но я знала, что в этом виноват и сёрфинг. А ещё мне было холодно, потому что в декабре в Санта-Круз ещё холоднее, чем в Сан-Франциско. Я ещё не могла уснуть из-за того, насколько я пребывала на взводе.

Уставившись на джакузи, я не могла придумать ни единой причины, чтобы не идти туда.

Я чувствовала, как Блэк притягивает меня, уговаривает расслабиться, перестать сопротивляться всему, перестать искать причины бороться со всем.

Я хотела довериться ему. Я хотела расслабиться.

Однако я не была уверена, что готова расслабиться.

Я боялась того, что могло случиться, если я расслаблюсь.

Он не ждал, когда я приму решение.

Схватив меня за руку, Блэк подтянул меня к себе, затем стащил с меня куртку, швырнув к своей куртке на диване. Он подвёл меня к раздвижным стеклянным дверям, отпёр их, раздвинул и вывел меня наружу.

Он раздел меня возле джакузи, затем подтолкнул меня залезть туда.

Я не спорила с ним, как не спорила, когда он усадил меня в машину в Сан-Франциско, или когда он одел меня в гидрокостюм и усадил на доску в любимом месте Ника для сёрфинга, или когда он повёл меня на ужин, или когда притащил в любимую кофейню Ника и всучил любимый перекус Ника после сёрфинга.

Я погрузилась в горячую бурлящую воду и опустила тело на скамейку джакузи. Положив голову на деревянную террасу с края, я посмотрела на звёзды, видневшиеся в огромных количествах и напоминавшие мне о Таиланде, хотя созвездия были другими.

Вокруг меня поднимался пар, и я закрыла глаза, стараясь дышать и расслабиться.

Я не замечала, что Блэк не присоединился ко мне, пока он не оказался рядом.

Он забрался в джакузи возле меня, и я открыла глаза. Сделав это, я увидела, что он зажжёт свечи и расставил их возле всего противоположного края джакузи. Он зажжёт свечи на террасном столике и на лавочках вокруг меня.

Когда я удивлённо посмотрела на него и всё, что он сделал, он протянул мне напиток. Затем я уставилась на то, что он мне дал. Как и прежде, это оказался не алкогольный напиток, а взбитый чай матча, который я любила, и Блэк это знал.

Я потягивала чай, глядя, как он смотрит на меня.

Он держал бутылку пива, но сделал лишь один глоток, не отводя от меня взгляда.

Боль накрыла меня, не только от выражения в его глазах, но просто от всего... всего, что он сделал в этот день. Всего, что он сделал в Европе, и с тех пор, как мы вернулись в Сан-Франциско. Всего, что он сделал с тех пор, как мы узнали, что Ник пропал.

А что сделала я? Сознательно или нет, но я неделями вымещала на Блэке то, что случилось с Ником. Практически с тех самых пор, как узнала об его пропаже.

На некотором уровне я винила во всем связь.

Я винила нас с Блэком за то, что случилось с Ником.

«Я знаю, док, — пробормотал он в моём сознании. — Всё хорошо».

Я покачала головой. *«Ничего не хорошо. Я знаю, что ты прав. Я знаю, ты прав в том, что мы не могли отправиться за Ником сами».*

Его губы поджались, затем он запустил пальцы в свои черные волосы.

Щёлкнув языком, он отпил большой глоток пива.

Поставив бутылку на террасу за моей головой, он продолжал хмуриться.

— Я тоже виню себя, — сказал он, заговорив вслух. — Но может быть, не по тем же причинам, что ты, док. Я позволил себе забыть о том, кто такой Брик. Я позволил себе забыть о том, на что он способен. Я пригласил его туда. Бл*дь, я *пригласил* его туда. Я доверил этому ублюдку-социопату наших друзей.

Золотые глаза Блэка потемнели, когда он подумал над своими словами.

Я ощутила вспышку того чёрного непостижимого света из структур под ним. Я ощутила рябь силы, которая пробежалась по мне, когда та часть его напряглась — достаточно сильно, чтобы у меня на мгновение перехватило дыхание. Я вспомнила его голос, эхом прокатившийся по пещере прямо перед тем, как он задул сердце горы.

Я почти забыла.

Я почти забыла про ту силу.

Если Блэк и заметил, что он сделал, то не отреагировал внешне.

— Брик использовал слабость, — произнёс он всё так же жёстко, заглушая тихое жужжание джакузи, и теперь в его голосе звучала плотная, наполненная светом мощь. — Когда я позвонил ему в том состоянии, я предоставил ему возможность.

— То есть, ты думаешь, что он сделал это, — сказала я. — Ты думаешь, он определённо убил Ника.

Мой разум включился в работу — может, от прилива силы и света Блэка через мой *aleimi*, а может, от его слов. Какой бы ни была причина, теперь я полностью сосредоточилась на Блэке, изучая его золотые глаза. Я осознала, что выхожу из той сокрушительной скорби в достаточной мере, чтобы действительно *думать* — может, впервые после отъезда из Таиланда.

Что-то в гневе Блэка, ярости и мощи этого чувства, вывело меня из транса.

— Ты думаешь, Брик умышленно убил Ника, — сказала я.

— Я, бл*дь, совершенно точно не думаю, что это была случайность, — прорычал Блэк, и этот гнев вырывался из него волнами. — Я не имею ни малейшего *бл*дского представления*, что он собирается скормить нам в субботу, док. Ни малейшего. Но каждый мой инстинкт говорит мне, что это спланировано... что Брик нацелился на Ника.

И самое дерьмовое, я это *видел*. Я видел, что он чрезмерно интересовался Ником даже в Луизиане. Я замечал, как этот мудака паясничает на него. Много раз.

Я почувствовала, как мои челюсти напряглись.

Я этого не видела.

Я слишком ушла в собственное дерьмо, чтобы замечать такое.

Блэк бросил на меня суровый взгляд.

— У тебя меньше причин остерегаться Брика, док. У меня нет ни единого бл*дского оправдания. Я знал, кто он такой. Бл*дь, я *знал*, не в теории, а на своей шкуре. Что он делал со мной в той тюрьме... что он готов был сделать с тобой в Нью-Йорке. Я знал, и позволил себе отвлечься на Чарльза, на желание завершить связь с тобой, на этих видящих, пришедших через портал... на всё, кроме того, чему я должен был уделить внимание. Надо было позволить Чарльзу убить его и Дориана в Вашингтоне. Я их отпустил. Я *отпустил их*, бл*дь.

Глядя мимо меня в сторону океана, он закинул руки за голову и прислонился к краю террасы.

Я смотрела, как он качает головой и зло щелкает языком перед тем, как добавить:

— Честно? В то время я просто думал, что Брик хочет трахнуть его. Ника. Я решил, что он его привлекает, что он хочет его укусить и трахнуть. Такой это был взгляд.

— Вот что, по-твоему, произошло? — всё ещё пристально всматриваясь в лицо Блэка, я почувствовала, что тоже стискиваю зубы. — Ты думаешь, Брик хотел Ника, поэтому похитил его, а потом всё зашло слишком далеко? Он потерял контроль или ещё что-то?

Блэк бросил на меня тяжёлый взгляд.

— Я думаю, это очень даже возможно, бл*дь.

— Ты думаешь, Брик рискнул бы союзом с тобой из-за такого? Чтобы перепихнуться?

Губы Блэка изогнулись в одной из его деликатных хмурых гримас.

Его взгляд ушёл куда-то внутрь, и он медленно покачал головой.

— Вот эту часть я не могу понять, — признался он, всё ещё хмурясь. — Может быть, что-то незапланированное пошло псу под хвост... но если честно, это всё равно кажется мне странным, даже на таком уровне. Брик временами может вести себя как безумец, но он не безумен. Он ужасно практичен. Он не стал бы рисковать своими людьми ради собственного члена. И без разницы, насколько сильно он запал. Он просто не сделал бы этого.

Он посмотрел на меня, и его золотые глаза искрились гневом.

Я ощутила там осмотрительность, почти насторожённость.

Что бы ни скрывалось за этой насторожённостью, Блэк не озвучил это вслух. Я буквально чувствовала, как он это сдерживает, хотя я не могла понять, о чём он думает или о чём беспокоится говорить вслух.

Что бы там ни было, он не хотел говорить это именно мне. По крайней мере, пока.

— Ты думаешь, здесь кроется нечто большее, — сказала я. — Ты думаешь, что он хотел Ника не только для секса, — я нахмурилась, задумавшись над этим. — Ты думаешь, Ник предпочёл умереть, но не дать ему этого? Ты думаешь, он отказал ему в чём-то?

Блэк помрачнел ещё сильнее.

— Он теперь вампир? — спросила я жёстким голосом. — Брик обратил его?

— Мы уже знаем, что это невозможно, Мири.

— Но мы не *знаем* этого. Ты сказал, что у них есть другие способы. Способы помимо яда...

— Я же тебе говорил, — твёрдо перебил Блэк. — Во всех файлах мы не нашли ни единого случая, когда человека, не подходящего по генетическому профилю, обратили бы в вампира. А это тысячи случаев, Мири. В данный момент — почти десятки тысяч...

— Но это же не *все*, — сказала я. — Это не *все* случаи, Блэк. Всё равно может быть...

— Он привезёт тело, Мири.

Я остановилась, уставившись на него.

— Когда он придет, он привезёт с собой Ника, — Блэк выдохнул, испуская столь интенсивный импульс злобы, что я бы вздрогнула, если бы была в состоянии. — Честно, я не собирался тебе говорить. Я знаю, насколько это нереально. Попытаться и затащить его в комнату, где наши люди могли бы провести настоящее вскрытие... но я беспокоился, Мири.

Он виновато посмотрел мне в глаза.

Его свет и выражение лица содержали столько скорби, что я тяжело сглотнула.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел ранить тебя больше необходимого. Я не знал, что бы ты сделала, — его подбородок напрягся. — Но я хочу знать бл*дскую правду. Я хочу знать, что именно с ним случилось. Так что я сказал Брику привезти тело и держать его на льду, чтобы мы смогли провести настоящее вскрытие. Я сказал ему не упоминать тело Ника в твоём присутствии, если он тебя увидит.

Ощувив, как моё сердце остановилось в груди, поначалу я могла лишь смотреть на Блэка, глядя, как он наблюдает за мной. Его глаза слегка светились, и я ощущала в нём скорбь, а также злость на Брика, чувство вины и беспомощность, потому что ему вообще пришлось сообщить мне это.

Заговорив в следующий раз, он понизил голос.

— Я сказал ему, что нам нужны доказательства, — грубо сказал Блэк. — Я сказал ему, что нам нужен какой-то способ подтвердить ту брехню, которую он собирается нам впарить. Он заверил, что «и не ожидал меньшего» от нас обоих, особенно от тебя. Он сказал, что знал — тебе понадобятся доказательства, потому что ты «учёный».

В голосе Блэка зазвучала горечь.

— Тогда-то он и сказал мне, что оно всё ещё у него. Тело Ника. Он сказал, что привезёт его «невредимым», чтобы мы могли «подобающим образом его оплакать».

Блэк посмотрел мне в глаза, стиснув зубы.

— Мудак хранил его. Он хранил Ника при себе всё это время.

Я уставилась на него, ощущая, как та притупившаяся боль превращается в свежую рану в моей груди.

Не думаю, что когда-либо в жизни ощущала так много ненависти.

Я думала, что ненавидела Брика раньше. Но нет. Не ненавидела.

Но вот теперь ненавидела.

Если Блэк и ощутил перемену во мне, он не отреагировал.

Взяв своё пиво, он запрокинул голову и сделал очередной большой глоток, а затем посмотрел на звезды, стиснув зубы и выдыхая пар в космос.

Той ночью это я разбудила Блэка.

Выбравшись из джакузи, мы оба приняли душ.

После этого мы даже немного целовались.

Я начала это, потянув его к кровати, когда он был обнажённым и всё ещё мокрым после душа, и вот мы оба уже лежали на огромном белом покрывале в главной спальне, переплетаясь светами. Даже тогда я притягивала его, дёргала, уговаривала, открывала свой свет, пока этот жар и интенсивность под ногами Блэка не окутали меня густым защищающим облаком, достаточно осязаемым, чтобы затруднить моё дыхание.

И всё же Блэк оставался осторожным со мной. Когда я скользнула ниже по его телу, чтобы отсосать ему, он вместо этого предложил сделать мне массаж спины.

А массаж спины он делал просто обалденно.

Он шутил, что это потому, что его воспитывали в Таиланде.

Как бы там ни было, мне сложно отказать ему, когда он предлагал мне массаж.

Этой ночью я уснула где-то на середине сеанса. Подозреваю, что сказалось всё то время на воде, плюс рвота в офисе Сан-Франциско и просто эмоциональное утомление за весь день и вечер в целом.

Однако я проспала всего несколько часов.

Когда я проснулась, Блэк лежал рядом со мной на спине, голый.

Ему что-то снилось.

По нашему обыкновению он открыл шторы в комнате. По той же причине я видела его почти как при дневном свете. Линии и изгибы его тела казались синими и черными, купались в свете почти полной луны, сиявшей по ту сторону стекла, но я могла различить каждое очертание, каждую жилу, каждую мышцу.

Он набрал немного того веса, что мы оба сбросили в Таиланде.

Конечно, будучи верным самому себе, Блэк набрал в основном мышечную массу. Его грудь выглядела намного шире, чем в последний раз в бунгало, хотя он всё ещё не был таким крупным, каким я помнила его в момент нашей первой встречи.

Последние несколько лет оказались для него тяжёлыми.

Я знала, что всё это началось примерно тогда, когда он встретил меня.

Он дышал медленно, тяжело, его лицо напряглось. На моих глазах он издал тихий звук, нахмурил лоб, и его живой свет внезапно обвился вокруг меня, резко вспыхнув почти физическими цветными искрами, пока я смотрела на него глазами и светом. Я видела те тёмные, похожие на пламя цвета, извивавшиеся в структурах под его ногами.

Я чувствовала, как его свет хочет сильнее соединиться с моим.

Его пальцы на моих глазах хватали воздух, руки распластались по бокам, и что-то в выражении его лица вызвало прилив боли — такой сильный, какой я не позволяла себе ощутить уже неделями. Когда я посмотрела на него ещё несколько минут, эта боль сделалась такой интенсивной, что я заскрежетала зубами. Скользнув под покрывало, которым он меня накрыл, я подвинулась поближе к нему, крепче закуталась в пушистое белое одеяло и уселась рядом, глядя на него.

От него у меня всё ещё перехватывало дыхание.

Как же он охерительно красив.

Я честно могла сказать, что никогда в жизни не видела такого красивого мужчины, пока не встретила его.

Он казался мне почти нереальным, особенно сейчас, когда он спал вот так, или я не могла видеть *его* через его глаза, не могла слышать его в его голосе.

Теперь, когда он являлся привлекательной оболочкой, лишённой собственного присутствия, для меня всё воспринималось противоположным образом. Словно его присутствие каким-то образом затмевало его физическое тело и делало внешность менее важной.

Его внешность становилась бонусом к тому, чем он являлся на самом деле.

Я начала гладить его кожу — поначалу легонько.

Я водила пальцами по мышцам, ласкала его очертания, изучая его бока, ребра, руки, бедра, лодыжки. Я смотрела, как его свет и кожа реагирует на мои прикосновения, возбуждалась при виде того, как это проскальзывает в его сон, одновременно успокаивая и заставляя его мышцы напрягаться под моими ладонями. Я видела, как он тяжело сглатывает, как лицо принимает напряжённое выражение. Я едва начала, а он уже ёрзал под моими ладонями, слегка подёргивался, приподнимался навстречу моим пальцам.

Когда я не остановилась, его кожа сделалась горячей.

Чем дольше я касалась его, тем горячее он становился, и вот я уже слегка вспотела просто от того, что находилась так близко к нему. Боль выплеснулась из него облаком, заставив меня на мгновение вцепиться в него. Моя голова почти закружилась. Я сильнее открыла свой свет, и он издал низкий стон.

Он всё ещё не открывал глаза.

Я не ощутила пробуждения, но после этого было такое чувство, будто под его кожей разгорелось настоящее пекло.

Когда через несколько минут я скользнула ближе, позволив одеялу упасть, перекинула ногу через его талию и оседлала его, Блэк резко дёрнулся.

Он наполовину сел, рефлекторно схватив меня за бедра.

Он открыл глаза, задышал тяжело и увидел, что я сижу голая, а белое покрывало свалилось на мои бедра и спину. Несколько секунд он смотрел на меня в лунном свете, пока его грудь поднималась и опускалась медленными тяжёлыми вдохами.

Затем он издал низкий стон.

Он дёрнул меня выше по своим ногам так, что я почти уселась на его член, который был уже таким твёрдым, что я слегка всхлипнула и прижалась к нему.

Затем я посмотрела ему в лицо, стиснув его волосы в ладони.

— Знаю, — прошептала я. — Я опять помогаю тебе во сне. Нехорошо-то как.

Его пальцы резко сжались на моих бёдрах.

Он закрыл глаза на несколько секунд. Я видела, как он стиснул челюсти, как напряглись мышцы его рук, отчего все жилы выделились, заставив меня залюбоваться.

— Трахни меня, — сказал он.

Его голос звучал более низко, гортанно в той манере, которая всё ещё сводила меня с ума, даже после всего того времени в Таиланде. Если уж на то пошло, то теперь это ещё сильнее влияло на меня, воздействуя на ту часть меня, что связана с ним.

Блэк говорил, что желание ничуть не ослабнет, когда мы будем вот так вместе.

Я чувствовала, насколько это правдиво.

Почему-то меня это не успокоило. Если уж на то пошло, это вызывало у меня...

Ну, не совсем нервозность. Нервозность — не то слово.

Это почти пугало меня. Я чувствовала Блэка как второй пульс, вторую пару лёгких, вторую кожу. Я чувствовала ту тьму под его ногами, я видела те же звезды — и он прав. Теперь это ощущалось как я сама.

Или не я — но как нечто принадлежащее мне.

Теперь это ощущалось *моим*.

Наверное, я бы заметила это ранее, но я избегала чувствовать что-либо с тех самых пор, как он впервые сказал мне про Ника. Я не осознавала, насколько сильно я закрылась не только от него, но и от всех. Я закрылась от Энджел, а она наверняка нуждалась во мне. Она не стала бы просить, когда я сама с трудом справлялась, но она нуждалась в том, чтобы я прошла через это с ней.

Ей даже не довелось искать Ника в Европе, как мне. Она не могла сказать себе, что сделала всё в её силах, чтобы найти его.

С тех самых пор, как я услышала про Ника, я закрыла часть своего света.

Теперь, когда она открылась, я чувствовала себя почти как в Таиланде.

Я чувствовала, как часть меня дрейфует в те обширные пространства света Блэка, выходя из-под контроля. Я чувствовала, как это меняет что-то в моём свете, искра структурами над моей головой, которые всё ещё казались мне такими чужеродными, такими новыми, что я с трудом считала их своими. Я видела там пространство, но это было безмолвное пространство, неподвижность задержанного дыхания.

— Мири... я чувствую это. Я тоже это чувствую...

Когда я закрыла глаза и замерла на мгновение, его голос зазвучал грубее.

— Мири. *Gaos*. Ты хочешь меня? Прямо сейчас, имею в виду. Скажи мне, пока я не сделал того, о чем пожалею.

Открыв глаза, я посмотрела на него.

Его радужки слабо светились, бледным, золотым как у тигра оттенком. Его пальцы впивались в мои бедра, резче дёргали меня к нему, и его свет затопил мой, заставив меня всхлипнуть.

— Как они это делают, — сказала я, всё ещё задыхаясь. — Как твои глаза это делают. Как они так светятся...?

Его пальцы запутались в моих волосах.

Он грубо дёрнул меня к себе и крепко поцеловал в губы. Его свет заполонил меня, когда Блэк открылся ещё сильнее, и я застонала ему в рот, открывая свой свет в ответ. Его боль полыхнула, затем его свет сделался ещё жарче, ещё интенсивнее, окутывая меня почти как физическая сила.

Такое чувство, будто он трахал меня своим светом... будто он уже меня трахал.

— *Gaos*, Мири.

Блэк прижался ко мне лбом, обвивая ещё большим количеством света и заставляя меня ахнуть. Когда он открылся ещё сильнее, затопил меня ещё большим количеством света, я издала низкий звук, просто не сумев сдержаться.

Он поцеловал меня в губы, всё ещё говоря тем тихим голосом.

— *Gaos*... твои глаза тоже светятся. Бл*дь, это сводит меня с ума. Они светились большую часть того времени, что мы были на острове Мангаан. Они начали светиться сразу после того, как я привязал тебя в первый раз. Помнишь? Когда мы придумали эти дурацкие стоп-слова... когда я слетел с катушек и надел на тебя тот ошейник.

Я подняла голову, озадаченно посмотрев на него.

Я помнила стоп-слова.

Я помнила ошейник и то, как он утратил контроль.

Я также помнила, как он использовал на мне ремень с такой умелостью, что едва не довёл до оргазма безо всякой дополнительной стимуляции. Это было просто невероятно.

Я раньше немного занималась таким, особенно с парнем, который был у меня вскоре после ухода из армии — он интересовался играми с бондажом... но ничто из того, что я делала с Джеком, и близко не сравнится с тем, что сделал со мной Блэк. Блэк знал, как использовать боль с такой искусностью, что это сводило меня с ума. Он доводил меня до предела, а потом бросал, затем снова накручивал до потери рассудка и опять оставлял ни с чем.

К тому времени, когда он наконец-то оттрахал меня, я, кажется, совсем отключилась.

Когда я хмуро уставилась на него, Блэк схватил меня за запястье.

— Вот — мягко сказал он, поцеловав меня в ладошку. — Смотри, Мири. Смотри.

Он поднёс мою ладонь к моему лицу, прямо к глазам.

Слабый свет осветил линии моей ладони зелёным и золотым светом. Я уставилась на свою руку. Моргнула, затем уставилась снова, подвигая ладонь то ближе, то дальше от этого слабого света. Я закрыла один глаз и увидела, как свет на той половине моей ладони временно затухает.

Блэк расхохотался в голос, наблюдая за мной.

Когда он заговорил, его голос прозвучал низко, ещё более хрипло, чем раньше.

— Боги. Ты сейчас охереть как сводишь меня с ума. Ты будешь трахать меня или нет? Потому что я не знаю, как долго продержусь, — боль рябью пронеслась по его свету. — После того, о чём ты только что думала, мне теперь ещё и хочется выпороть тебя ремнём.

Боль заструилась по мне, вынуждая закрыть глаза.

— Это действительно было настолько хорошо? — промурлыкал он, запустив пальцы в мои волосы, свешивавшиеся почти до его тела. — Может, мне надо поработать над техникой. Почитать книжки. Признаюсь, до того нашего с тобой раза я давненько не играл в этой песочнице.

Ревность прострелила меня, совсем как на острове Мангаан.

Время от времени напоминание о том, кем он был и что делал до встречи со мной, се ещё ударили по моему свету и сердцу почти животным образом.

Он тоже это чувствовал.

Его боль усилилась в разы, и я невольно издала тихий хрип.

Я уставилась на него, испытывая искушение хорошенько врезать ему.

— Тебя возбуждает моя паранойя? — фыркнула я. — Ну спасибо, Квентин.

Он вскинул бровь, и его очерченных губ коснулась лёгкая улыбка.

— Возбуждает ли меня, что у моей жены бывают отчаянно собственнические мысли в мой адрес? Хммм. Дай-ка подумать...

Когда я шлёпнула его по груди, Блэк усмехнулся, всё ещё водя пальцами по моим длинным волосам.

Он подался вперёд, целуя меня в губы и чувственно привлекая своим светом.

— ...Определённо, док, — промурлыкал он. — Меня определённо это возбуждает. И боюсь, что удары по мне тоже не помогают делу.

Я тихо всхлипнула, когда он прижался ко мне своим членом и чувственно задвигался, отчего моя боль мгновенно усилилась. Всё ещё сжимая мои волосы одной ладонью, он другой рукой пристроил себя подо мной, не отрывая от меня взгляда. Когда я подалась бёдрами навстречу, он закрыл глаза и весь покрылся потом.

Я нарочито медленно опустила на него, наблюдая, как напрягается его лицо. Опираясь всем весом на его бедра, я удержала Блэка, когда он попытался войти глубже, и его свет раздражённо вспыхнул.

Когда через несколько минут мы вошли в ритм медленных, сильных толчков, я ощутила, как моя боль усиливается. Я сильнее открыла свой свет, и он издал стон, впиваясь пальцами в мои бедра.

Должна признать, потеряться в его свете было так чертовски приятно.

Я отпустила всё остальное.

Я вытолкнула из головы все образы, которые хотели подняться: Ник, мой дядя Чарльз, Брик, тело Ника, приезд Брика в Сан-Франциско, распространявшиеся по стране бунты, вампиры, убивающие студентов, всё случившееся в пещере на острове Мангаан...

Я ощутила, как Блэк теряет контроль.

Я чувствовала, как он подавляет агрессию, желание контролировать то, что мы делаем, желание перевернуть меня на спину. Я сильнее открыла свой свет, стараясь подстроиться под то, что я ощущала от него. Я окутала его ещё сильнее, ощущая те структуры в своём свете, находившиеся высоко над моей головой, обернула его ещё сильнее, каким-то образом контролируя и сдерживая их...

Пока они не вышли из-под контроля.

Я ощутила, как сдержанность так резко и внезапно покинула Блэка, что я даже не смогла отреагировать, когда он задёргался подо мной, стискивая меня ладонями. Он крепко держал меня, врезаясь в меня снизу, сжимая мои бедра, насаживая меня глубже. Когда я позволила ему и ещё сильнее открыла свой свет, его свет откровенно полыхнул, едва не ослепив меня.

Как и в той пещере, я честно не могла сказать, физический это был свет или нет.

Затем я их увидела.

Я действительно увидела их своими глазами.

Вокруг него расправились крылья и крепко обхватили меня.

Я издала шокированный и возбуждённый вопль, когда они стиснули мою спину. Блэк ещё крепче обхватил меня этими крыльями, и боль выплеснулась из него прямо перед тем, как... *нечто*... нечто, что мой разум превратил в хвост... проникло в меня сзади.

Я издала очередной ошеломлённый вопль, заёрзав на нем.

Теперь его глаза закрылись, подбородок напрягся. Я ощутила, как его боль усиливается, пока какая-то часть его наблюдает за мной и оценивает мою реакцию. Его

свет открылся ещё сильнее. Я смотрела, как смягчается его лицо, ощущала, как этот его странный тёмный свет словно поглощает меня. Я смотрела в эту бездну и полностью сдалась, поддаваясь тому, что я ощущала там.

Возможно, я звала его по имени, но если честно, не знаю.

Однако я знаю, что в какой-то момент утратила хватку на его ногах и свете. Я осознала, что сижу на нём, прижимая ноги к его бёдрам, когда та жёсткая часть его члена удлинилась.

Его руки стиснули мою талию, удерживая на месте.

Вскоре после этого я потеряла голову.

Уверена, что и Блэк тоже утратил контроль окончательно.

Глава 17. Мираж

Всё между нами вновь ощущалось иначе.

Мы не говорили про крылья, про светящиеся глаза, про то, что он сделал со мной своим светом. Мы вообще мало говорили той ночью.

На следующее утро я почти его стеснялась.

Мы вновь пошли плавать на досках для сёрфинга, в этот раз — под утёсами пляжного домика, который он арендовал.

Поначалу я удивилась, когда Блэк меня разбудил. Не могли же мы запихать снаряжение для сёрфинга в МакЛарен. Я гадала, нет ли в доме досок и гидрокостюмов, которые мы могли использовать, или же Блэк собирался пойти туда голышом и просто дрейфовать на ледяных волнах зимнего Тихого океана.

Накануне на парковке возле утёсов маяка нас ждал парень, которого туда заранее послали люди Блэка. Его небольшой грузовичок был забит гидрокостюмами и досками для сёрфинга. Когда мы вышли из воды, мы вернули ему снаряжение, поскольку всё, кроме гидрокостюмов, не влезло бы в МакЛарен, особенно с опущенным верхом.

Когда на следующее утро я бросила на Блэка озадаченный взгляд, он объяснил, что тот же парень всё почистил и оставил в пляжном домике, пока мы ужинали. А ещё он забрал ключи и спрятал их там, где мы их нашли.

Блэк, как обычно, позаботился обо всём ещё до того, как я задала вопрос.

В этот раз мы вышли рано, до рассвета.

Лишь несколько других сёрферов делили с нами эту часть океана. Они держались в стороне, но казались вполне дружелюбными вопреки репутации сёрферов Санта-Круз, которые якобы враждебно относились к чужакам.

Выходить в океан так рано утром было зловеще.

Затем, когда солнце поднялось над утёсами, вокруг стало так красиво, вода заискрилась от розового и золотого света солнца, пока мы покачивались на накатывающих волнах. Я впервые видела утёс и пляжный домик при свете дня, и меня поразило, насколько всё здесь казалось идеальным — большие панорамные окна над массивными каменными скалами, клочок небольшого пляжа с гладким золотым песком, который был приличного размера даже во время высокого прилива.

Морские котики подплывали и с интересом смотрели на нас. Пеликаны и чайки летали над нашими головами, пока кулики сновали туда-сюда по берегу.

Если не считать звуков прибоя и чаек, вокруг было на удивление тихо.

Может, всё дело в тишине или в прошлой ночи, или просто в утомлении от того, что за последние двадцать четыре часа я оказалась совершенной выжатой. Но я поймала себя на том, что по-настоящему расслабляюсь в океане и Блэке. Впервые после Таиланда я почти ощутила умиротворение.

Тем утром волны были лучше, чем накануне.

Мы провели там несколько часов, ловя волну за волной, наперегонки устремляясь к берегу, смеясь, когда одного из нас смывало — обычно это оказывалась я.

Полдень уже почти наступил, когда Блэк спросил, хочу ли я вернуться.

Поднявшись по каменным ступеням к дому, мы оставили костюмы и доски в гараже, ополоснулись в наружном душе и пошли обратно к террасе. Там кто-то уже оставил нам завтрак: яйца бенедикт с лососем, миски с черникой и клубникой, френч-пресс с кофе, тосты, гречневые блинчики с маслом и настоящим кленовым сиропом — вот последнее, наверное, принесли специально для Блэка, потому что он первым делом накинется на них.

Я даже не видела, когда он позвонил и организовал это.

Зная его, он организовал всё накануне ночью, а может, в четыре утра перед тем, как разбудил меня и потащил на сёрфинг.

В любом случае, мы лениво ели на балконе с видом на воду... затем провели ещё час или около того, ещё ленивее трахаясь в джакузи... а потом ещё раз потрахались в гигантском душе в главной спальне прежде, чем надеть нормальную одежду.

К пяти вечера, когда мы были готовы отправиться в путь, я почти искренне не хотела уезжать.

Я спросила у Блэка, можем ли мы арендовать домик ещё раз, может быть, даже на следующих выходных, чтобы устроить себе разгрузку после общения с Бриком и его приспешниками на протяжении трёх дней.

Он рассмеялся, затем протянул мне ключ. Он сообщил мне, что уже купил этот домик, и мы можем приезжать сюда, когда нам, чёрт подери, вздумается — и что я могу приезжать сюда, когда мне, чёрт подери, вздумается, как с ним, так и без него.

По дороге обратно по Первому шоссе мы говорили намного больше, чем по дороге сюда.

Теперь я едва помнила дорогу сюда. Такое чувство, будто я всё то время находилась под водой, может, даже в шоке... то есть, в настоящем шоке, словно какая-то часть меня просто отключилась.

Но всю дорогу обратно мы разговаривали.

Однако мы не говорили о Нике, или Чарльзе, или бунтах.

Мы не говорили о бл*дских вампирах.

Я прижалась к Блэку в МакЛарене с откидным верхом, и мы обсуждали возможные места для проведения свадьбы... и еду... и какой большой и сумасшедший праздник мы хотели затеять... и хотели ли мы пригласить некоторых представителей прессы или просто позволить им явиться... и сколько друзей мы позовём... и будем ли мы включать какие-то традиции видящих.

Блэк развлекал меня, рассказывая о некоторых традициях, включая ту, по которой все гости нашей свадьбы фактически должны были употребить ЛСД.

Единственный раз, когда всплыли Чарльз или Ник — это когда я размышляла, стоит ли мне приглашать семью Ника... и когда Блэк спросил, насколько вероятно, что дядя Чарльз испортит нам свадьбу и/или приём.

Солнце садилось слева от нас, пока мы петляли по побережью.

Когда мы наконец добрались обратно на Калифорния-стрит, было уже темно.

Я выбралась из МакЛарена и обхватила руками своё туловище, задрожав. Блэк заметил это и полез в багажник, доставая моё пальто. Он поднял его так, чтобы я смогла одну за другой просунуть руки в рукава. Он всё ещё говорил, рассказывал мне о мелочах, которые он добавил к нашей системе безопасности и организации команды.

Я слушала, с некоторым облегчением заметив, что в этот раз, когда мы вышли из машины, нас не ждали никакие люди и пресса.

Мы уже собирались войти в здание, когда Блэк подтолкнул меня.

— Эй, как насчёт прогуляться в Норд Бич сегодня? На ужин? — он игриво пихнул меня, окутав своим светом и притянув к себе. — Мы могли бы поймать Кэла на слове, он ведь обещал нам обалденный ужин. Обождёмся до тошноты, закажем какую-нибудь возмутительно изумительную тарелку итальянских десертов и съедим их все до единого, а потом вернёмся домой и потрахуемся как кролики, чтобы сжечь калории.

Когда я рассмеялась и закатила глаза, он снова поддел меня, обняв рукой за талию и крепко прижав к себе.

— Не волнуйся, — он усмехнулся. — Завтра утром я разбужу тебя рано-рано, чтобы мы смогли отправиться на пробежку.

Весело фыркнув, я повернулась к нему и улыбнулась сжатыми губами.

— Только через мой труп.

— Не пойдём к Кэлу, значит? — он источал разочарование. — Тогда что насчёт пристани? Мне не хочется сегодня ужинать здесь. А я умираю с голода.

— Я пойду к Кэлу, — весело сказала я, но в моём голосе звучало лёгкое предостережение. — Но только если ты пообещаешь в этот раз не угрожать убить его. И не вести себя как ненормальный, если я обниму его. И не начинать распинаться о том, что мы женаты, если я просто буду с ним вежлива...

Блэк фыркнул, когда я умолкла на полуслове.

Я не слышала, что он сказал в ответ.

Несколько секунд я вообще ничего не слышала.

Я уставилась на фигуру, стоявшую на тротуаре с противоположной стороны улицы.

Он, кем бы он ни был, стоял примерно в тридцати ярдах от нас. Достаточно далеко от машины, поэтому не знаю, как я вообще его заметила. Он стоял под разбитым фонарём, перед витриной, которая уже потухла на ночь.

Он наблюдал за нами.

Я уставилась на него в ответ.

При этом я ощутила, как у меня перехватило дыхание. В моём мозгу не было ни единой связной мысли, ни одного линейного заключения. Вместо этого моя реакция оказалась животной, первобытной. Боль расцвела в моём солнечном сплетении, и я застыла, замечая его фигуру, пытаюсь различить его лицо в темноте.

Мое ночное зрение теперь сделалось другим. Ближе к ночному зрению Блэка. Достаточно близко, чтобы я сумела различить лицо мужчины даже в темноте.

Это был Ник.

Это был *Ник*, мать его.

Ник стоял там, я различала его лицо и силуэт в тени.

Я уставилась на него. Мое дыхание перехватило, голова поплыла.

И всё же я не переставала смотреть на него, пытаюсь подтвердить или опровергнуть то, что я знала. Мои глаза сканировали каждый его дюйм, запоминая каждую деталь внешности.

Его волосы отросли длиннее, чем я помнила. Они спадали дорогой небрежной стрижкой с одной стороны его лба, делая лицо более узким, а скулы — более высокими.

Даже в темноте он словно выглядел... моложе.

Вместо сорокалетнего Ника, которого я помнила, он выглядел так, словно ему было без малого тридцать. Максимум немного за тридцать.

Даже не считая разницы в возрасте, он выглядел... иначе.

Он всегда был привлекательным мужчиной, и не только потому, что держал своё тело в идеальной форме всё то время, что я его знала. Женщины всегда вились за ним, и

не только потому, что он был таким хорошим парнем. Я лично видела, как женщины подходили к нему в поисках просто секса, вообще не зная его как человека.

Помимо красивой наружности он, пожалуй, всегда был *привлекательным*.

Как и Блэк, он просто источал вибрации, которые нравились многим женщинам.

Но не как сейчас.

Теперь он выглядел эфемерным, словно он слишком красив, чтобы быть реальным.

Он выглядел, как художественно обработанный образ или постер фильма.

Он не улыбался.

Он смотрел на меня, его тело и лицо оставались совершенно неподвижными, губы и глаза не шевелились. Он был одет в дорогую кожаную куртку, черные брюки, классические туфли. Глядя на него, я осознала, что он одет почти как Блэк. Он одет так, будто у него есть деньги.

Я никогда не видела Ника в такой одежде. Я никогда не видела его в такой дорогой одежде или в вещах, которые сидели на нём так хорошо, словно были пошиты на заказ.

Не знаю, как долго я стояла и смотрела на него.

Не знаю, как долго я не дышала.

В итоге я услышала биение своего сердца и крови в ушах, от чего перед глазами всё становилось красным. Разумная часть моего сознания сообщила мне, что я вот-вот грохнусь в обморок.

Затем сильные руки стиснули меня и дёрнули моё сознание обратно.

Паника заплесала вокруг меня хаотичными импульсами, окутала мой свет, утянула меня обратно в моё тело. Я хрипло и сдавленно вздохнула, и зрение вернулось ко мне. Я привалилась к крупному жёсткому телу.

Блэк обхватил меня руками, крепко прижав к груди.

Как только я смогла слышать сквозь громкий звон в ушах, я услышала его панический, откровенно испуганный голос.

— Мири! МИРИ! Да ответь же мне, чёрт бы тебя драл! Что такое? Что не так?

Я моргнула, стараясь сфокусировать взгляд.

Я крепче прильнула к Блэку, сжала его руки ладонями, вцепилась в него как в опору — может, просто чтобы оставаться там, оставаться полностью в своём теле.

Мои глаза искали фигуру, стоявшую на той стороне улицы.

Он пропал.

Я лихорадочно осмотрела тротуар, пытаюсь увидеть, куда он пошёл, различить его лицо среди других людей, ища одежду, которую я запомнила, чёрные волосы, высокие скулы, мускулистое тело.

Я искала его в каждом лице, которое попадалось мне на глаза. Я искала его глазами, я искала его своим живым светом, отчаянно пытаюсь уловить его проблеск в фонарях, которые тянулись вверх и вниз по улице, чтобы суметь отбросить то, что говорил мне мой разум.

Я опоздала.

Кем бы он ни был, кем бы он ни был, он исчез.

Глава 18. Послание

Меня каким-то образом окружила охрана, которая теперь торопливо загоняла меня внутрь здания на Калифорния-стрит.

Они как будто появились из ниоткуда.

Я стояла там, дыша, сдавленная объятиями Блэка, когда они окружили меня и повели по участку тротуара, отделявшему нас от стеклянных дверей. Я смотрела, как один из них забрал у Блэка ключи от МакЛарена, тут же побежал к водительскому месту и забрался внутрь, чтобы завести двигатель.

Бело-чёрная машина отъехала от обочины ещё до того, как мы преодолели половину пути до дверей в здание на Калифорния-стрит.

Они проводили нас до самого лифта.

Затем один из них — Хавьер, осознала я, остановив взгляд на его лице — вскинул бровь, задавая Блэку безмолвный вопрос.

— С нами всё хорошо, — прорычал Блэк. — Вы получили описание?

Хавьер кивнул.

— Всё есть, босс. Не беспокойтесь. Они уже приступили.

— Найдите, кто бы это, *бл*дь*, ни был. Я хочу, чтобы вы позвонили мне в ту же секунду, когда установите личность. Сначала сфотографируйте и пришлите на мой телефон, чтобы Мири могла взглянуть... а затем тащите его сюда. Постарайтесь сделать это по закону, если получится, но если нет, всё равно тащите. Плевать мне, если для этого вам понадобится вырубить ублюдка. Если он существует, то я хочу, чтобы через час он был в этом здании.

Хавьер отрывисто отдал ему честь.

— Понял.

Блэк один раз кивнул, стиснув зубы.

Наклонившись, он крепко прижал меня к своему боку и ткнул в кнопку ПХ, обозначавшую этаж пентхауса.

Я моргнула.

Не успела я открыть глаза обратно, как двери лифта уже закрывались.

Только тогда я осознала, что Блэк ни на секунду не выпускал меня, пока мы там стояли. Он крепко обнимал меня одной рукой, тесно прижимая к своей груди и боку. Он дышал тяжелее обычного, и я чувствовала адреналин, курсировавший по его венам, ускорявший его сердце, напрягавший его мышцы.

Первые несколько этажей мы ничего не говорили.

— Какого черта это было, док? — спросил он.

Я прикусила язык так сильно, что сама вздрогнула.

— Это был не *Ник*, Мири, — прорычал он сурово. — Мог ли это быть кто-то, одетый как он?

Подумав над этим, я медленно покачала головой, но не в знак отрицания.

— Дело не в одежде, — сказала я мгновение спустя. Я нахмурилась, мой голос прозвучал причудливо отрешённым. — Нет. Одежда была совершенно не такой...

— Я видел, — прорычал Блэк. — Я нырнул в твою голову и *посмотрел*, Мири.

Может, почувствовав что-то от меня — смятение, проблеск удивления, даже напряжения — Блэк посмотрел на моё лицо и нахмурился. Он продолжал смотреть на меня, ещё крепче обхватив рукой, глубже проникнув в меня своим светом.

— Бл*дь, ты не отвечала мне, док, — грубо произнёс он. — Прости, что я так в тебя проник, но я запаниковал. Я посмотрел, что ты увидела, как тебе показалось, получил все детали, затем передал их охране. Я тоже искал его. Я смотрел *именно туда*, куда смотрела ты, но там ничего не было. Не знаю, убежал ли этот кто-то, когда я тебя схватил, или когда показалась команда охраны... или ещё раньше. К тому времени ты начала отключаться. Конечно, если кто-то внедрил образ, то всё это спорно...

— Внедрил образ? — повернувшись, я озадаченно уставилась на него. — Что это значит?

— Видящий, — прорычал он. — Разведчики с первоклассными навыками могут делать такое, док. Они могут заставить тебя видеть вещи, которых нет, — выдохнув, но

всё ещё тяжело дыша, он добавил: — Обычно я бы сказал, что никто не смог бы проникнуть сквозь твои щиты — или мои — так, чтобы я не почувствовал. Но мы были снаружи, а на твоего дядю теперь работает целая новая команда разведчиков. Не говоря уж о других преимуществах.

В ответ на мой непонимающий взгляд Блэк понизил голос до гортанного, ворчливого рыка.

— Конструкция, док. Помнишь? Твой дядя воздвиг конструкцию над большей частью страны. Высока вероятность, что теперь его люди постоянно смотрят за нами.

Всё ещё хмурясь, он уставился невидящим взглядом на двери лифта.

— Из-за одной лишь конструкции он теперь имеет немалый контроль над Барьерным пространством по всей стране. А ещё у него около сотни видящих, а то и в три раза больше, которые занимаются только тем, что поддерживают эту херовину. Он мог убедительно внедрить этот образ в твой разум, заставить тебя поверить, что ты действительно это видишь. Черт, да учитывая, сколько видящих прошли через те двери между измерениями, у него наверняка имеются настоящие таланты в этой области. Те, кто специализируются на таких Барьерных фокусах. А ещё у него есть Рейвен. Джем говорит, что она умеет проворачивать такое.

Я уставилась на него, всё ещё хмурясь.

Я постаралась подумать над его словами.

При этом я нахмурила лоб.

— С чего бы Чарльзу показывать мне Ника? — спросила я.

— Понятия не имею, — прорычал Блэк. — Чтобы настроить нас против вампиров? Чтобы попытаться завербовать нас в своё долбанутое движение? Вызвать у нас паранойю? Я могу придумать массу причин. С чего бы, бл*дь, кому-то звонить Юми Танаке? Потому что кто-то морочит тебе голову, док. Или морочит мне голову... или нам обоим.

Крепче прижав меня к себе, он опустил взгляд.

— Если там действительно кто-то стоял, док, мы его найдём... и мои люди притащат его сюда, и мы с ним поболтаем.

Его голос сделался тише, превратился в яростное бормотание.

— Если этот кто-то действительно существует, то у меня с ним будет *особый* разговор. У нас с этим куском дерьма, кем бы он ни был, будет хороший такой, долгий, неторопливый, полный угроз разговор... и я точно узнаю, какого чёрта здесь происходит, и кто его нанял.

Блэк умолк, когда лифт замедлился, доехав до вершины здания.

Всё ещё держа меня за талию, он вывел меня из лифта перед собой, как только двери открылись с мелодичным сигналом.

Я осознала, что обвожу взглядом отделанное стеклом лобби пентхаусного этажа и странно нервничаю из-за тишины.

Но всё выглядело совершенно по-прежнему.

Высокие окна по обе стороны от фойе лифта и высокие стеклянные потолки не показывали ничего, кроме облачного ночного неба. Прямо передо мной находилась полированная медная дверь главного офиса «Охраны и Расследований Блэка». Эта дверь с длинной вертикальной цилиндрической ручкой, похожей на толстую медную трубку, была закрыта. Как и в первый раз, когда я её увидела, сочетание стекла с клиновидной формой напоминало мне нос корабля.

Однако теперь стеклянные стены по обе стороны оставались темными.

Офисы, похоже, пустовали.

Я не ощущала там движения.

Пока мы проходили мимо, я взглянула на логотип компании с орлом, выгравированный на прозрачных стеклянных панелях стен, которые уходили под углом в обе стороны от двери. Стекло образовывало почти пирамидальную форму с медной дверью на одном конце и диагональными коридорами по бокам.

Всё выглядело прежним.

Ничто не бросалось в глаза.

И всё же волосы на моих руках встали дыбом, пока я стояла, склонив голову и прислушиваясь.

Я осознала, что Блэк рядом со мной делает то же самое.

— Ты что-нибудь чувствуешь, док? — пробормотал он.

После слишком долгой паузы я медленно покачала головой.

— Нет, — хмуро ответила я. — Я ничего не чувствую, — я поколебалась. — Но такое чувство, будто я должна что-то чувствовать. Такое чувство, будто что-то должно быть не так.

Блэк не потрудился расспросить меня, что я имела в виду.

Вместо этого он стоял, склонив голову, и тоже слушал.

После очередной долгой паузы он ласково поддел меня своим светом.

— Идём, — грубовато сказал он. — Наверное, все собрались в одном из конференц-залов.

Я кивнула, но поймала себя на том, что всё равно прислушиваюсь к тишине. Я понятия не имела, что я пыталась услышать. Я не знала, то ли я ощущала страх, то ли крен в моём свете был вызван остаточными переживаниями из-за того, что я увидела под перегоревшим фонарём.

Это чувство не казалось достаточно конкретным, чтобы назвать его страхом.

Скорее я ощущала какой-то потаённый гул, словно не могла различить мелодию, которая так и ускользала от меня.

— Я тоже это чувствую, док, — пробормотал Блэк.

Когда я взглянула на него, он лишь нахмурился.

Крепче сжав меня рукой, которая до этого немного расслабилась на моей талии, он провёл меня мимо стеклянных стен «Охраны и Расследований Блэка» в сторону его пентхауса, который находился в конце левого коридора и занимал больше половины этажа.

В отличие от первого раза, когда я сюда забрела, теперь я знала, что офисы компании Блэка занимали не просто часть этого этажа, хотя приёмная находилась на этом уровне.

Блок его офисов занимал полностью три этажа под нами.

На этом этаже находилась лишь приёмная, большая часть IT-департамента и офис Блэка, а также огромный конференц-зал и комната с оборудованием, которая располагалась прямо под лестницей, ведущей на вертолётную площадку на крыше. Мой офис теперь тоже располагался на этом этаже. А часть IT-департамента переехала этажом ниже.

Я слышала, как недавно Блэк бормотал о том, чтобы расшириться ещё на два этажа вниз теперь, когда мы принимали приток новых видящих. Он спросил моего мнения по поводу создания в компании «департамента разведчиков», который занял бы отдельный этаж, хотя и не носил бы такого явного названия.

Он подумывал попросить Ярли и/или Джема возглавить этот отдел — возможно, вместе.

В отличие от других отделов, которые докладывались Дексу или Кико, отдел разведчиков докладывался бы напрямую Блэку.

Я гадал, не поручил ли Блэк уже кому-то из этих самых видящих скоординироваться с Хавьером и его командой для поисков того, кого я видела на улице — при условии, что я вообще кого-то видела. Я всё ещё даже теперь не могла уложить в голове вероятность, что возможно, я никого и не видела.

В то же время мне казалось всё менее и менее вероятным, что я действительно видела Ника.

Однако этот образ выжегся в моём мозгу.

Я гадала, могла ли это действительно быть галлюцинация. Если так, я знала, что мой разум не заметил бы никакого отличия от реальности. Если Блэк прав, и за этим стоял Чарльз, то я бы понятия не имела, что с моим разумом вообще что-то сделали.

Я гадала, пойдём ли мы всё равно в ресторан Кэла.

— Нет, — пробормотал Блэк, взглянув на меня. — Сегодня никакого Норд Бича, док. Прости. Мы пойдём завтра, ладно?

Я прикусила губу, но не ответила.

Завтра здесь будет Брик.

Наше хорошее настроение после Санта-Круз явно выветрилось в рекордные сроки.

Теперь мы подходили к входной двери в нашу квартиру, и я что-то слышала. Я действительно что-то слышала, в отличие от той фантомной мелодии, которая беспокоила меня ранее.

Когда мы подошли ближе, Блэк напрягся, явно тоже услышав это.

— Ты оставила что-нибудь включённым, док? — спросил он. — Телевизор? Стереосистему?

Я нахмурилась, подумала, затем покачала головой.

— Нет.

— Ты уверена? — отпустив меня, он жестом показал мне шагнуть в коридор, на противоположную сторону от того, куда открывалась дверь. Он завёл руку за свою спину и под куртку. — Пройдись по своим воспоминаниям, док. Убедись.

Я сделала это и медленно покачала головой.

— Я уверена. Это была не я.

Наблюдая, как он вытаскивает пистолет из кобуры, должно быть, располагавшейся на пояснице, я ощутила прилив адреналина, и не только потому, что не догадывалась о наличии у него оружия. Я смотрела, как Блэк проверяет магазин, затем предохранитель, и всё это время не сдвигалась с места.

Я гадала, имел ли он при себе оружие всё то время, что мы были в Санта-Круз.

Он фыркнул, взглянув на меня.

— Конечно, бл*дь, имел, док. Пока мы катались на досках у маяка, за нами наблюдала целая команда... и охрана следила за домом всю ночь и следующий день, пока мы не уехали. Включая то время, когда мы трахались в джакузи. Учитывая всё происходящее, я скоро и в душ начну ходить с оружием.

Я лишь кивнула.

Я мало что могла сказать в ответ на это.

Однако мы приблизились к двери пентхауса, и теперь я слышала музыку даже сквозь толстую обшитую металлом панель. Кто бы ни оставил её включённой, он выкрутил звук на максимум. Будь это обычная квартира, звук наполнил бы коридор.

— Что насчёт Лизбет? — спросила я, когда мы подошли к двери. — Или команды уборщиков?

— Тогда это будет первый раз, — сказал Блэк, поджимая губы и бросая на меня взгляд. — Первый за десять с лишним лет, док.

Я не ответила.

Теперь мы находились достаточно близко, чтобы я узнала песню.

Она звучала почти как...

— Monster Mash¹¹, — пробормотал Блэк.

Я нахмурилась. Он прав.

Это та хэллоуинская песня.

Взгляд его золотых глаз метнулся ко мне.

¹¹ Monster Mash — композиция, которую впервые исполнил Bobby "Boris" Pickett в 1962 году. Рекомендуем послушать, чтобы проникнуться атмосферой, или как минимум посмотреть перевод песни (он есть на amalgama-lab.com)

Выражение его лица ожесточилось настолько, что он сделался почти сам на себя не похож.

— Оставайся здесь, Мириам, — он жестом показал мне держаться за дверь. — Не заходи. Пока я не скажу тебе, что всё чисто. Я серьёзно, бл*дь.

Я хмуро посмотрела на него, качая головой.

— Позвони кому-нибудь, Блэк. Сейчас же.

Его ладонь уже лежала на дверной ручке. Он помедлил ровно настолько, чтобы полезть в куртку, вытащить телефон и протянуть мне.

— Позвони ты, — сказал он. — Позвони Кико. Скажи ей прислать команду.

Я взяла телефон, собираясь поспорить с ним, но он распахнул дверь прежде, чем я успела заговорить. Звук ворвался в коридор так громко, что он почти оглушал. Я никогда не слышала, чтобы колонки Блэка ревели так громко, даже в тот раз, когда у нас тут было небольшое сборище, и кто-то (наверное, Ник или Энджел) напился настолько, чтобы громко врубить музыку для танцев.

Я смотрела, как Блэк исчезает в дверном проёме, подняв пистолет.

Ощувив рябь боли и страха в своём свете, от чего мой пульс подскочил, пока я смотрела, как Блэк скрывается из вида, я подумала последовать за ним, затем решила сначала позвонить его команде. Я ввела его пароль, разблокировала телефон, затем немедленно открыла контакты и нажала на номер Кико.

Она не брала трубку.

Затем я нажала на контакт Декса.

Он тоже не ответил.

Адреналин прострелил мой позвоночник, заставив мышцы напрячься.

Это не просто нетипично. Это буквально неслыханно.

Стиснув зубы, я нажала на контакт Хавьера.

Он ответил после первого гудка.

— Хавьер, — сказала я прежде, чем он успел заговорить. — Возвращайтесь сюда. Немедленно. Что-то происходит в пентхаусе. Возможно проникновение, — я помедлила, прикусив щеку изнутри. — Декс и Кико не отвечают.

Хавьеру не нужно было слышать ничего больше.

— В пути, — его голос сделался по-военному чётким. — Блэк вошёл туда?

— Да. Он сейчас в пентхаусе. Только что вошёл. Один. С пистолетом. Я снаружи в коридоре.

— Понял. Мы в пути. Оставайтесь на месте, миссис Блэк. Я пройду по списку и попытаюсь прислать к вам и Блэку на подмогу кого-нибудь, кто сейчас поближе.

Я повесила трубку, уставившись на дверь.

Блэк оставил её чуточку приоткрытой. Музыка заполняла коридор, но даже притворённая вот так дверь значительно приглушала звук. Я, наверное, добрых полминуты смотрела на дверную ручку, затем стиснула челюсти.

Схватив ручку одной рукой, я дёрнула дверь и распахнула её до конца.

Я вздрогнула от громкости стерео-системы, как только вошла внутрь, но это меня не остановило. Я прошла в фойе, слегка присев и держась у стены, чтобы я не оказалась сразу же видна из гостиной.

Я не видела Блэка.

Я не видела и не слышала ничего чужеродного — только та бодренькая хэллоуинская песенка да вид из огромных панорамных окон на центр города и Бэй Бридж. Всё ещё держась пониже возле стены, я прошла дальше.

Я гадала, почему Блэк не выключил музыку.

Кто бы её ни включил, он поставил песню на повтор.

Манерный голос, напоминавший Франкенштейна, нарастал и стихал, от чего моя голова кружилась как на карусели. На фоне подпевал хор, и это было так громко, что их пение напоминало крики. От этого я чувствовала себя дезориентированной, даже слегка

опьяневшей — может, потому что я обычно слышала эту песню только на хэллоуинских вечеринках, где к концу вечера все были вдрабадан, а может, это просто такая мелодия.

В любом случае, сейчас у меня было такое ощущение, будто я шла по аттракциону с кривыми зеркалами — и не в хорошем смысле.

— Блэк! — я прокричала его имя, выпалив его совершенно импульсивно.

Никто не ответил.

По правде говоря, сомневаюсь, что он меня услышал.

Он мог не услышать меня, даже если стоял бы рядом со мной, хотя он почувствовал бы крик своим светом, если бы находился поблизости. Осмелившись пройти дальше, я остановилась у шкафа, бросив сумочку на столик и сбросив своё длинное пальто, которому я позволила упасть на пол.

Как только мои руки высвободились, я открыла ящик в том же столе.

Заглянув внутрь, я не увидела пистолета, который обычно держал там Блэк. Нахмурившись, я пошарила в содержимом ящика, пока не нашла нож для вскрытия конвертов. Я схватила его, решив, что это лучше, чем ничего, хоть и заскрежетала зубами.

Сжимая серебряный нож сбоку от себя, я прошла в конец коридора.

Добравшись туда, я тут же остановилась как вкопанная.

Передо мной показались стены по другую сторону гостиной. Справа от меня, в сторону кухни, всё выглядело так, как я помнила.

Вид слева заставил меня замереть на месте.

Я уставилась на разгромленный настенный телевизор и подтёки... бл*дь... я поднесла руку ко рту и носу, ту же руку, что стискивала серебряный нож для вскрытия писем. Не знаю, как я не заметила этого ранее.

Кровь. Тут пахло кровью.

Огромным количеством крови, бл*дь.

Запах заполнил мой нос и рот — тошнотворный, удушающий, медный запах.

Мой желудок совершил кульбит такой силы, что я с трудом сдержала рвоту.

Всё ещё подавляя прилив желчи, я пошла дальше, дыша тяжелее и стискивая нож для писем, всё ещё прикрывая рот и нос другой рукой.

Я миновала коридор, ведущий в спальню, когда увидела его.

Блэк опустился на колени у одного из диванов в гостиной.

Я застыла, уставившись на него и на то, над чем он склонился.

Там лежало тело.

Голое, распластанное тело на белом кожаном диване Блэка.

Это была женщина.

Шагнув ближе и отчасти запаниковав, я споткнулась, затем удержала равновесие, опускаясь по ступеням на уровень гостиной. Блэк не отрывал взгляда от женщины на диване, пока я спускалась к нему. Он стоял коленями на залитом кровью ковре, всё ещё держа в руке пистолет. Его лицо исказилось и побледнело. Он выглядел так, словно пребывал в полном шоке.

Я вздрогнула при виде отметин, покрывавших те части тела женщины, что я видела. Следы укусов, синяки и царапины покрывали, казалось, каждый дюйм её бледной кожи.

Я видела, как Блэк осторожным, робким движением пальцев проверяет её пульс.

К тому времени я подошла достаточно близко к ним обоим, чтобы увидеть её лицо.

Это была Кико.

Милостивый Боже... это была Кико.

Судя по крови, покрывавшей её шею и грудь, похоже, ей разорвали горло.

— Иисус бл*дский Христос... — шумно выдохнула я.

Я опустила нож для писем и просто стояла там, застыв в шоке.

Блэк не мог услышать меня, но, должно быть, почувствовал.

Он посмотрел на меня, встретившись со мной взглядом. Я никогда прежде не видела на его лице такого выражения. Беспомощность, паника, шок, парализующее горе выделялось там, делая его кожу как никогда бледной. Даже теперь я видела под этим шоком ярость — неконтролируемую, жестокую, беспомощную *ярость* — но никогда прежде я не видела Блэка таким совершенно растерянным или таким напуганным.

Прежде чем я сумела полностью осознать это выражение или то, что оно означало, его мысленный голос раздался в моём сознании.

Этот голос тоже меня тревожил. Полностью лишённый эмоций, он не отражал ничего из того, что я видела в его глазах или свете.

Этот голос был таким мёртвым, таким пустым, что у меня остановилось сердце.

*«Я проверил остальную часть квартиры, — послал он. — Думаю, они ушли. Но будь осторожна, бл*дь, Мири, — он кивнул в сторону маленького столика в китайском стиле, стоявшего в противоположной части фойе. — Там есть пистолет. Возьми его. Сейчас же».*

Я кивнула, дёрнув подбородком вверх-вниз как марионетка.

Я то ли пошла, то ли побежала к шкафчику, убрала нож для писем в карман и рывком выдвинула ящик. Там в виниловой кобуре лежала девятимиллиметровая беретта АРХ. Я схватила её, затем повернулась к Блэку и пошла в его сторону, на ходу проверяя магазин.

Подойдя к самому краю, где на белом ковре начиналась кровь, я смотрела, как он осторожно, почти ласково убирает волосы с лица Кико. Я чувствовала, как усиливается его ярость, а вместе с ней и боль, от которой у меня едва не подкосились колени.

Я боялась спрашивать. Я боялась спрашивать у него...

«Она не мертва, — послал он. — Ублюдок изнасиловал её, заставил её отсосать ему, затем осушил почти до смерти... но она не мертва. Пока что нет».

Он посмотрел на меня, и теперь его глаза сделались такими же пустыми, как и его голос.

«Я прочёл её. Она без сознания, но я прочёл её. Оттуда и знаю. Он стёр или размыл её воспоминания о том, кто он такой, но позволил ей помнить детали того, что он с ней сделал».

Я кивнула, сдерживая слёзы.

Я пока не могла полностью осознать, что это Кико.

Теперь она даже не выглядела как женщина, которую я знала. Конечно, я понимала, что этим дело не ограничилось. Просто от нескольких слов Блэка уже пробуждались мои воспоминания, с которыми я не могла справиться, особенно в отношении своей подруги.

В отличие от моего собственного пост-травматического дерьма, боль, злость и беспомощность, исходившие от Блэка, ударили по мне почти с физической силой. Всё это так плотно заполонило мой свет, что я едва могла думать, едва могла осмыслить что-то ещё.

Всё ещё держа пистолет, я приподняла его стволом вверх, оставив на предохранителе, и подошла к Блэку. Я не подходила слишком близко. Я чувствовала, как Блэк пытается решить, стоит ли рискнуть и поднять её, попытаться принести поближе к парамедикам, которых он уже вызвал по стационарному телефону, о наличии которого у нас я даже не догадывалась. Теперь, подойдя ближе к ним обоим, я видела, что её грудь слегка поднималась и опускалась — Блэк прав.

Она жива.

Музыка всё ещё ревела во всем пентхаусе.

Теперь я едва её замечала.

Я поймала себя на том, что смотрю на пол, замечаю кровавые следы ног на белом ковре. Я нахмурилась, глядя на всё это, на брызги на ковре и стенах. Крови слишком

много. Я увидела ещё больше крови на окнах, задержалась взглядом на разбитом предмете тайского искусства.

Мой взгляд вновь остановился на оригинале картины, которую Блэк купил для меня в Нью-Йорке.

Кто-то поработал над ней ножом, изрезав холст на полосы.

Мой взгляд поднялся выше, к разбитому телевизору, подтёкам крови, которые я первыми заметила в той части стены.

Тогда-то я и увидела это.

Они не просто разрисовали наши стены хаотичными кляксами крови.

Там красовалась надпись.

Кто-то оставил послание полуметровыми буквами из крови.

Я не знала, была ли это кровь Кико.

Мне всё ещё казалось, что крови слишком много, что должны быть другие тела помимо неё. Пока эта мысль дёргала мой разум, учащая дыхание, я уставилась на слова, читая их раз за разом, но не понимая.

Буквы сообщали короткое, простое послание.

«Блэку с любовью».

Глава 19. Госпиталь

Он спал, когда я вошла в больничную палату Кико.

Развалившись на стуле, который он подтащил к её кровати, Блэк на моих глазах заворочался, и его голова свесилась набок на спинке стула. Я смотрела, как он пытается устроиться на продавленном сиденье, и его профиль сильно контрастирует с оранжевой тканью.

Он был на целый фут выше роста, на который рассчитан такой стул.

А ещё он подтащил стул так близко к кровати, что его колени бились о металлический корпус койки. Его небритость уже начинала превращаться в бородку, и он всё ещё носил ту же одежду, которую надел перед отъездом из Санта-Круз.

Я смотрела, как он спит, и сохраняла свой свет неподвижным.

Я взглянула на завтрак, который держала обеими руками и нахмурилась. Я принесла ему еду из закусочной с бейглами¹² в лобби, а также кофе из гурманской кофейни возле местечка с бейглами. После недолгой паузы я поставила белые бумажные пакетики с бутербродными бейглами на столик возле двери, напротив места, где сидел Блэк.

Рядом я поставила картонный держатель с нашими стаканами кофе.

Я не хотела будить его. Он выглядел измождённым.

В то же время я гадала, как сильно будет болеть его шея, если я позволю ему долго проспать в такой позе. Ему нужна кровать, чёрт подери. Однако я знала, насколько маловероятно, что он действительно пойдёт и поспит в кровати, даже если я его разбужу.

Вздохнув, я решила оставить его как есть.

Схватив пакеты с бейглами и поднос с двумя стаканами кофе, я медленно попятилась из палаты. Я потянулась рукой за себя, нащупывая дверь, и услышала, что

¹² Бейгл — фактически бублик, разрезанный пополам и начинённый начинкой как бутерброд. Довольно популярный вид завтрака/ланча в Америке и других странах.

Блэк заворочался, поудобнее уставляя своё тело на тканевой обивке стула. Когда он не открыл глаза, я развернулась и взялась за металлическую L-образную ручку.

Я только-только дёрнула её, открывая дверь, когда до меня донёлся его сонный голос.

— Эй, — позвал он. — Ты крадёшь мой завтрак, док?

Я повернулась, ощутив прилив вины, но не из-за его завтрака.

Я смотрела, как Блэк потягивается, разминая тело, которое явно затекло от сна на неудобном стуле. Глядя, как я наблюдаю за ним, он слегка улыбнулся, почти усмехнулся.

— Я вижу, что ты задумала, — сказал он. — Притворяешься, будто принесла мне еду, чтобы потом сбежать и съесть всё самой.

— Тебе надо поспать, — мой голос звучал так же тихо, почти шёпотом, но содержал в себе искренний укор, а не его шутивное отчитывание. — Тебе нужно пойти домой и поспать, Блэк. Пусть кто-нибудь из нас пока побудет на посту. Доктора говорят, что она хорошо восстанавливается, её давление стабилизировалось. С ней ничего не случится, если ты поспишь несколько часов.

Чётко очерченные губы Блэка поджались в слегка хмуром выражении.

— Остальные тоже здесь, — добавила я прежде, чем он успел возразить. — Они дальше по коридору, обосновались в комнате ожидания. Декс, Джем, Ярли, Мика, Мэнни. Кико не будет одна, Блэк. Ни на минуту. И у нас охрана у двери.

Блэк пожал плечами. Однако он не ответил мне по-настоящему.

Он также не поднялся со стула.

— Ты собираешься отдать мне кофе, который ты принесла, док? — спросил он вместо этого, подняв руки, потянувшись во второй раз и вздрогнув от боли в затёкших мышцах. — И прекрати так смотреть на меня, — добавил он. — У тебя нет поводов винить себя. Ты меня не разбудила. Меня разбудил запах этого проклятого бейгла с яйцом и беконом.

— Какая разница? — раздражённо поинтересовалась я.

— Разница в том, что мой желудок умнее меня. Сейчас еда мне нужнее, чем сон.

Уставившись на него, я нахмурилась.

Я подумывала поспорить с тем, что его желудок «умнее», когда дело касалось потребности его тела во сне. Ещё я подумывала настоять на том, что ему нужна настоящая кровать, задавалась вопросом, ляжет ли он спать в гостиничной кровати, если я сниму ему номер в четырёхзвёздочном отеле возле больницы.

Увидев непоколебимое выражение его лица, я выдохнула в знак капитуляции.

И всё же я щёлкнула языком, пока несла к нему два пакета еды и два стакана кофе, картонный поднос с которыми я удерживала на руке. Как только я подошла достаточно близко, Блэк потянулся ко мне за поцелуем.

Он притягивал меня своим светом, целуя, и я осознала, что по-настоящему сдаюсь, чувствуя в нём тревогу и утомление, но в то же время облегчение из-за того, что я здесь. Я всё ещё смотрела на него, когда Блэк забрал у меня всю еду и поставил на столик поближе к кровати Кико.

Как только наши руки оказались свободны, он быстро притянул меня к себе на колени и поцеловал по-настоящему. Я ласкала его лицо, шею и плечи, вливая в него свет через прикосновения, делая это совершенно инстинктивно и ощущая, как его свет соединяется с моим. Когда я прильнула к его груди, Блэк ощущался натурально оголодавшим по ласке и выражению привязанности, но через несколько минут он отпустил меня и подтолкнул своим разумом остаться, посидеть с ним немножко, пока он ест.

Я соскользнула с его колен, когда он наклонился к столу, чтобы схватить еду.

Осмотревшись по сторонам, я подтащила второй стул, стоявший у окна, а Блэк тем временем достал стаканы кофе из картонного держателя, поставил на стол, затем открыл больший из двух белых бумажных пакетов на коленях.

— *Gaos*, — пробормотал он, засунув нос в белый бумажный пакет. — Ты даже заказала бейгл с моим любимым сыром. Я мог бы заново жениться на тебе, док.

Я фыркнула, плюхнувшись на стул рядом с ним.

Я забрала у него стакан кофе со своим именем, когда Блэк протянул его мне.

— Я думала, ты и так собираешься сделать это, — заметила я, вскинув бровь.

Блэк слегка улыбнулся, затем наклонился и потянулся за ещё одним поцелуем, стиснув мои волосы в руке и используя язык. Я во второй раз потерялась в его свете, вдыхая его, чувствуя, как он сливается со мной. Я оторвалась, чтобы глотнуть воздуха только тогда, когда он сам отпустил мои губы.

На мгновение Блэк прижался лбом к моему лбу, затем поцеловал меня в щеку.

Вопреки его попыткам юморить, я почувствовала в нем измождение, как только он открыл свой свет, и вместе с этим из него выплеснулся жаркий прилив благодарности за то, что я здесь.

Когда Блэк оторвался от меня и выпустил мои волосы, я ощутила в нем неохоту.

— Как все остальные? — ворчливо спросил он, делая глоток своего кофе.

Его ладонь тяжело покоилась на моём бедре, и я осознала, что отдаю ему больше света, легонько вливая его через пальцы Блэка, вверх по его руке, надеясь, что это поможет от усталости. Я не хотела, чтобы он заметил, но он всё равно обратил внимание.

Он послал мне очередной импульс благодарности, наклонился и ещё раз поцеловал, в этот раз в шею сбоку, приласкав кожу языком.

Когда Блэк выпрямился и поправил пакет с едой на коленях, я увидела, что его взгляд вернулся к Кико, которая лежала на больничной койке с закрытыми глазами.

Выдохнув, я постаралась ответить на его вопрос.

— С ними всё хорошо, — сказала я, глотнув своего кофе.

Я помедлила ровно настолько, чтобы немного посмаковать напиток. Кофейня в лобби оказалась на удивление приличной. Я взяла себе мокко, решив, что экстра-доза сахара и кофеина мне не повредит. Ощувив на языке вкус шоколада, я порадовалась своему решению.

— Большинство из них укусили только один раз, — продолжила я после паузы. — Они были оловянными, когда Хавьер нашёл их в конференц-зале, но никто не пострадал всерьёз. Он сказал, что перепугался до усрачки, увидев их лежащими на полу и диванах. Он сказал, что они действительно выглядели мёртвыми. Но как только он подошёл достаточно близко и увидел, что они дышат, он понял, что они спят, а не мертвы.

Бросив на Блэка мрачный взгляд, я добавила:

— Хавьер говорит, что кто бы это ни был, он укусил Декса первым, затем заставил его приказывать всем собратиться в конференц-зале. Затем он укусил каждого из них, когда они пришли — скорее, чтобы утихомирить их, нежели чтобы напиться.

Слегка поморщившись, я добавила:

— Единственным исключением стал Декс... о чём ты уже знаешь. И Кико, конечно же. Декс потерял столько крови, что его пришлось везти сюда на скорой, но теперь он в порядке. Это он позвонил Кико и сказал ей подняться в твою квартиру. Он не помнит, что именно сказал ей, но Джем прочёл его, и он говорил, что Декс сказал ей, будто мы с тобой вернулись из Санта-Круз раньше планируемого, и ты хотел обсудить с ней что-то, касающееся встречи с Бриком. С Кико, то есть.

Лицо Блэка менялось на моих глазах, делаясь суровым как камень.

Он не отводил взгляда от Кико.

— Дексу тоже сделали переливание, — добавила я. — Он потерял как минимум несколько литров, но похоже, что вампир выкачал из него только дополнительную кровь, чтобы разрисовать стены. Криминалисты говорят, что надпись в гостиной, а также всё, что на картинах и отпечатки рук на стене в нашей спальне — это в основном кровь Декса, — взглянув на Кико, я поморщилась. — Кто бы это ни был, он явно выпил Кико.

Остальные практически послужили бутафорией. И конечно, нужно было убрать их с дороги, чтобы никто не поднял тревогу.

— Что насчёт видящих? — холодно спросил Блэк. — Где были они?

— На тренировках, — тут же ответила я. — В здании на Мишн-бульвар. В здании на Калифорния-стрит не было ни единого видящего, так что кто бы это ни сделал, он наверняка наблюдал за нами. Ковбои и Энджел тоже там не было... как и Мэнни. Все они втроём пошли с видящими в здание на Мишн.

Блэк молча кивнул. Он ещё крепче сжал челюсти.

Несколько секунд он ничего не говорил.

Казалось, он совершенно забыл про пакет с едой, остывавшей на его коленях.

Когда он наконец заговорил, его голос прозвучал низко.

— А следы укусов? — спросил он. — Есть новости о том, сколько их было?

Я выдохнула, щёлкнув языком. Изучая его профиль, я подавила прилив боли, которая хотела нахлынуть при виде выражения на его лице.

— Они думают, что только один, — сказала я. — Мэнни говорит, что несколько криминалистов измеряют следы укусов на всех людях, которых покусали...

— Ага. Я знаю, — Блэк повернулся ко мне, на мгновение вскинув бровь. — Я отдал этот приказ. Они сюда тоже приходили. Я хотел, чтобы они осмотрели Кико. Они взяли образцы слюны, измерили и сфотографировали все следы укусов и царапины. Я приказал им забрать у госпиталя результаты осмотра Кико на предмет изнасилования и анализы. Ты не знаешь, они занялись этим? Я сказал им привести Мику или Ярли... или одного из других видящих. Я подумал, что если госпиталь будет чинить проблемы...

— Всё хорошо, Блэк. Они получили всё, о чем ты просил.

Он отпил ещё один глоток кофе, и золотые глаза посуровели ещё сильнее.

— Тогда я не буду спрашивать, проделали ли они работу до конца, — бесстрастно сказал он. — Я знаю, что они всё сделали. Они бы всю ночь не спали ради этого, — помедлив, он взглянул на меня и добавил: — Они уже получили результаты всех тестов?

Я кивнула, осторожно наблюдая за ним.

— Отчёт, который я выслушала, включает всю информацию по Кико, включая тесты ДНК вампира, или как их там называют, слюну и сперму, а также укусы вампиров на остальных. Они считают, что это был один и тот же вампир.

Чем дольше я смотрела, тем сильнее Блэк стискивал зубы.

Он посмотрел на Кико, наблюдая, как она дышит через кислородную трубку на лице.

Ещё несколько секунд ни один из нас не говорил ни слова.

Я осознавала, что вливаю в Блэка ещё больше тепла и света, особенно в его грудь и сердце. Я чувствовала, что он старается поддаться мне и расслабиться, но в то же время ощущала, что ему это не очень удаётся.

Наблюдая, как дышит Кико, я понимала.

Я понимала лучше, чем мне хотелось бы.

Скорее всего, для неё это лишь начало. Отчасти я чертовски надеялась, что она мало что запомнит из случившегося, но я задавалась вопросом, будет ли это для неё хуже или лучше. Просыпаться с криком посреди ночи и не знать, почему — тоже не лучший способ справиться с травмой.

— Им пришлось заменить больше половины её крови, — сказал Блэк, всё ещё глядя на лицо своей подруги. — Если бы мы нашли её хоть на десять минут позже... если бы мы пошли ужинать к Кэлу, не поднимаясь вверх... она бы умерла. Мы бы нашли её лежащей в луже собственной крови на том бл*дском диване, и она была бы мертва. Они сказали мне, что ей чертовски повезло, что мы нашли её именно в тот момент.

Вспомнив, почему мы не попали к Кэлу, вспомнив фигуру, которую я заметила стоящей напротив здания на Калифорния-стрит, я ничего не сказала.

Было ли это предупреждение от Ника?

Какое-то предостережение? Призрак?

На самом деле я не верила в такие вещи, как бы забавно это ни звучало, учитывая все те особенности видящих, с которыми я столкнулась за последние несколько лет, не говоря уж о существовании вампиров. Блэк говорил мне, что настоящие предсказатели, которых его люди называли «провидцами», были крайней редкостью в мире видящих. На Старой Земле с ними обращались как с шаманами или святыми мудрецами, поскольку этот дар был таким необычным. А ещё, судя по всему, он делал их немного чокнутыми.

Большинству видящих удавалось лишь время от времени улавливать проблески будущего, и то это было крайне ненадёжно, потому что положение вещей менялось так быстро.

Когда я спросила Блэка, почему так, он лишь пожал плечами и сказал «свобода воли».

Люди имели контроль над собственными судьбами, особенно в краткосрочной перспективе. Более того, свобода воли одной личности могла произвести эффект бабочки, взаимодействуя со свободой воли бесчисленного множества других личностей, чьи жизни оказались затронуты.

Лишь особенные видящие могли видеть хронологию событий поверх слоя свободы воли.

Такие видящие, или провидцы, видели путь «волны жизни» в целом, как выразился Блэк, имея в виду течения или исторические схемы, связанные с целыми видами. Некоторые события разворачивались не днями, месяцами или годами, а целыми столетиями.

Даже тысячелетиями.

Он сказал, что никогда не встречал настоящего провидца, ни на Старой Земле, ни здесь.

Издав усталый вздох, Блэк убрал ладонь с моего бедра ровно настолько, чтобы во второй раз открыть пакетик на коленях и вытащить бейгл с начинкой, который я ему принесла. Вытащив его из пакета и положив на колени бейгл в обёртке, он протянул мне мой бейгл, который был намного меньше и не так плотно был набит разной начинкой.

Мы сидели и ели, оба наблюдая, как Кико дышит и спит.

Тишину не нарушал никакой звук, кроме шороха бумаги, нашего жевания и проглатывания.

Блэк не врал о своём голоде.

Я вновь осознала, что прошлым вечером мы так и не выбрались поужинать.

И всё же, вопреки тому, что сейчас было без малого десять утра, я поражаюсь тому, как быстро Блэк уминал еду. Такое чувство, будто прошли считанные секунды до того, как он смял обёртку и бросил её в пустой пакетик.

К тому времени я съела лишь треть бейгла с копчёным лососем, который купила себе.

Откинувшись на спинку стула, пока я продолжала есть, Блэк потянулся, в третий раз выгнув спину, пытаясь размять затёкшие мышцы спины и плеч. Он только-только схватил кофе со столика, когда в куртке зазвонил его телефон.

Я смотрела, как он вытаскивает устройство, и смогла лишь уставиться на экран, когда увидела имя звонившего.

Я наклонилась посмотреть.

Это было одно слово, одно имя.

БРИК.

Бросив на меня холодный убийственный взгляд, от которого у меня что-то сжалось в груди, Блэк плавно поднялся на ноги и нажал кнопку, чтобы ответить на звонок.

Он не ждал, когда на другом конце линии заговорят.

— Ты бл*дский труп, — сказал он.

Он говорил тише шёпота, голос звучал холодно, яростно.

— Ты меня слышал, ублюдок? Ты бл*дский *труп*. Ты и твои кровососущие социопатичные *ушлёпки*, которых ты зовёшь своими людьми. Остаток дня я намерен посвятить общению с Чарльзом и узнаванию, как *именно* я могу помочь выследить каждого из вас, мерзких бездушных кусков дерьма. Я хочу лично зажечь спичку после того, как он польёт бензином все ваши...

Кто-то, видимо, его перебил.

Блэк внезапно повысил голос.

— Да до крысиной задницы мне, *что* там случилось! — прорывав он, явно забыв о необходимости вести себя тихо ради Кико. — Тебе повезло, что я не явился к тебе на порог со скребком из бритвенных лезвий и чёртовым *огнемётом*! Это *твои* люди, Брик! Ты несёшь за это ответственность!

Послушав что-то, что говорил собеседник, он покачал головой.

Всё ещё слушая, Блэк резко щёлкнул языком, издав хриплый смешок.

В нем не было ни капли юмора.

— Да ты, бл*дь, издеваешься надо мной. Тебе, бл*дь, хватает наглости просить меня о таком после того, что я обнаружил у себя дома прошлой ночью... — помедлив, чтобы послушать, но уже короче, он прорывал: — Да мне *насрать*, Брик. Отдай мне этого вампира, иначе никакого разговора *не будет*. Единственная встреча, которая у нас будет, начнётся с того, что я вырву сердце этого ушлепка из его груди...

И вновь он остановился, заскрежетав зубами.

— Даже не начинай, — прорывал он. — Даже *не начинай*, бл*дь. Хочешь поговорить о Пентагоне, Брик? О том, что я сделал с тобой? Давай сначала поговорим о той *тюрьме*, ладно? Давай начнём *оттуда*, раз уж мы собрались начинать эту бл*дскую игру...

И вновь он умолк, слушая.

Забыв про бейгл, я уставилась на него, наблюдая, как он расхаживает туда-сюда в изножье кровати Кико.

Я видела, как эмоции прокатываются по его свету как электрические разряды.

Меня тревожила интенсивность этих извивающихся, похожих на пламя волн.

Под ним в структурах его света кружили тёмные фигуры, делая комнату ещё темнее, словно солнце заслонило туча. Рука Блэка на моих глазах сжалась в кулак, пока он слушал собеседника.

— Ладно, — сказал он после очередной паузы.

Его голос оставался холодным, убийственным.

— Ладно, — повторил он. — Мы будем там. И я не желаю слышать никакого дерьма о количестве людей или охране. Если его там не будет, не жди, что встреча закончится хорошо. Для тебя или кого бы то ни было ещё. И если это попытка заманить меня в ловушку, обдурить или навредить хоть единому волоску на головах моих людей, то возможно, тебе стоит пересмотреть свои планы прямо сейчас... *дружнице*.

Я смотрела, как он нажимает кнопку завершения вызова и засовывает телефон обратно в карман куртки.

К тому времени его слова отложились в сознании, и я в шоке уставилась на него.

— Ты всё ещё собираешься встретиться с ним? — в неверии переспросила я.

Повернувшись, Блэк хмуро посмотрел мне в глаза.

Тот убийственный взгляд никуда не делся.

— Да, — грубо сказал он, взглянув на свои наручные часы. — Мне нужно отдать указания. Ты можешь проследить, чтобы с ней кто-нибудь остался? Постоянно? Это необязательно должна быть ты.

Всматриваясь в его лицо, я медленно кивнула.

— Конечно.

Выражение его лица смягчилось, но незначительно.

— Спасибо, — как только он отвернулся от меня, его лицо вновь посуровело.

Ощутив импульсы, исходившие из его света, я осознала, что понимаю.

Дело уже не в сделке с Бриком.

Дело в убийстве вампира, который сделал это с его другом. Дело в убийстве Брика, если нечто подобное случилось с Ником Танака.

Я гадала, знал ли это Брик даже после того, что сказал ему Блэк.

Поскольку он явно согласился привести с собой на встречу вампира, который сделал это с Кико, наверное, он это знал.

И всё это приводило меня к вопросу, почему Брик вообще согласился с нами встретиться.

— Он сказал, кто это сделал? — спросила я, когда молчание затянулось.

Блэк бросил на меня взгляд, полный ярости и неверия.

Ничто из этого не адресовалось мне.

— Нет, — прорычал он. — Не сказал. Он *ни хера* не объяснил. Он сказал, что один из его новобранцев сбежал, и сейчас его «дисциплинируют» — очевидно, этим занимается Дориан.

Блэк сделал неопределённый жест, стиснув зубы, словно он был слишком зол, чтобы говорить.

Наконец, заговорив, он резко повысил голос.

— Его оправдание — «молодость» этого вампира. Типа... какого хера это вообще значит? Молодость? Молодость *в каком смысле*? Типа подросток? Ребёнок? Зачем, бл*дь, Брику тащить с собой чёртова *ребёнка* в такую поездку?

Покачивая головой, он зло щёлкнул языком — я никогда не слышала, чтобы он делал это так громко.

— Это не сходится со следами укусов, изнасилованием, образами, которые я получил от Кико — ни с чем не сходится. В этом вообще нет смысла, бл*дь.

Умолкнув, он взглянул на Кико, лежащую на больничной койке.

Он вздрогнул, затем понизил голос.

— Брик утверждает, что он не стал бы везти его с собой, если бы знал, что тот сотворит такое. Он сказал, что у этого вампира есть «проблемы», о которых он не догадывался.

Я уставилась на него.

В этот раз моё лицо исказилось неверием.

— Что это значит? — переспросила я. — Проблемы? Какие ещё проблемы, бл*дь?

Блэк фыркнул, его выражение лица не дрогнуло.

— В данный момент мне плевать, док, — сказал он, и его голос оставался таким же холодным и непроницаемым, как его взгляд. — Как по мне, это означает, что у этого вампира будет очень короткая жизнь, бл*дь. А ещё это значит, что шансы Брика покинуть этот город живым существенно понизились.

Посмотрев на него, я ничего не ответила.

Однако я невольно беспокоилась.

Я также невольно ловила себя на мысли, что всё окажется не так просто.

Глава 20. Склад

Блэк не хотел, чтобы я шла с ними.

Я понимала, почему. Я особенно понимала это после случившегося с Кико. Я понимала это после случившегося с Ником, после всего этого.

Я также знала, что беспокойство Блэка отчасти вызвано угрозами Брика в мой адрес в Нью-Йорке, когда вампирский король решительно вознамерился превратить меня в вампира. Мы с Блэком не обсуждали это в отдельности, но я чувствовала, что это всё ещё крутится у него в голове.

Однако теперь всё изменилось.

Ни за что на свете, чёрт подери, я не останусь в стороне.

Ни за что на свете, чёрт подери, я не упущу возможность собственными ушами услышать от Брика объяснение того, что случилось с Ником. Мне никогда не будет достаточно услышать или увидеть это через чей-то разум или свет, даже через Блэка. Я никогда не поверю, что на меня не повлияло восприятие другого человека. Даже если бы я верила, что получаю точное изложение, слово в слово, впечатление во впечатление, мысль в мысль... этого не будет достаточно.

Даже вида тела Ника не будет достаточно.

Мне нужно самолично увидеть и услышать это всё.

Мне нужно услышать каждое бл*дское слово, которое слетит с губ Брика.

Энджел была настроена точно так же.

Как и Ковбой, и Декс.

Я подозревала, что мотивы Ковбоя больше вызваны заботой об Энджел, нежели о Нике как таковом, а Декс злится скорее из-за Кико, но в конечном счёте, они оба довольно тесно общались с Ником. И всё же Кико кардинально изменила ситуацию, и не только для Блэка и Декса. Всё это стало ещё очевиднее, когда Блэк начал собирать команду и раздавать поручения для встречи с вампирами тем вечером.

Блэк пригласил практически каждого видящего с опытом разведчика, который имелся в нашем распоряжении. Он сделал эту миссию совершенно добровольной.

Тем не менее, ни один из них не ответил ему отказом.

Судя по выражениям их лиц, пока они стояли с нами в лобби здания на Калифорния-стрит и ждали, когда транспорт приедет и отвезёт нас на место встречи, они пошли бы с нами даже без просьбы Блэка.

Джем в особенности выглядел откровенно опасным.

Я никогда не видела его в полностью военном режиме. Различие относилось не только к полному боевому снаряжению, и даже не к винтовке М-4, ремень которой перекрещивал его грудь и спину — я видела его снаряжённым для операций и в Таиланде, и в Вашингтоне.

Это нечто другое, нечто иное в самом его свете.

И всё же я не уверена, что видела, чтобы он носил при себе так много оружия.

Окинув его взглядом, я осознала, что у него на бёдрах имелось два пистолета, ещё два — по бокам в плечевых кобурах, ещё один — на лодыжке, а также один в кобуре на поясице. Я насчитала шесть метательных ножей в нарукавниках на предплечьях, вдобавок к двум мечам-катанам за спиной, которые походили на мечи с ножами, которые носили Блэк и Ковбой.

Свои длинные волосы Джем убрал от лица, собрав сначала в хвостик на макушке, затем в хвост на затылке, отчего он стал больше походить на европейца и в то же время напоминать неестественно красивого Чингиз-хана.

Я видела, как несколько женщин из команды Блэка пялятся на него, словно ничего не могли с собой поделать.

Если Джем и заметил, то я не видела этого на его лице и не чувствовала в его свете.

Он стоял прямо возле меня. Я невольно ощущала готовность защищать — он окутывал меня этим чувством, душа мой свет. Между ним и Блэком я чувствовала себя так, будто меня окружают полтора метра света со всех сторон, даже под ногами.

— Эй, — сказала я, легонько толкнув его. — Расслабься. Мне не нужен телохранитель.

Джем бросил на меня бесстрастный взгляд, не улыбнувшись.

— Ну, тебе не повезло, — прямо сказал он. — У тебя есть телохранитель. Если у тебя с этим какие-то проблемы, поговори со своим мужем.

Я посмотрела на Блэка.

Он почувствовал мой взгляд, но едва пожал плечами.

— Ты его слышала, — сказал Блэк, на мгновение сверкнув золотыми глазами. — Не повезло.

Он взглянул на Ковбоя и Энджел, затем перевёл взгляд обратно на меня.

— Любой, на кого Брик нацеливался прежде... или на кого Брик может нацелиться в связи с их отношениями со мной... или с тобой... все эти люди получают прикрытие. Ты не можешь думать, будто это не распространяется на тебя, потому ты, бл*дь, просто образцовый представитель обеих категорий, Мири.

— А это распространяется на тебя? — парировала я.

— Да, — сказала Ярли, встав по другую сторону от Блэка.

Она обеими руками сжимала винтовку М-4, которая выглядела ещё более модифицированной чем та, которую носил при себе Джем. Возле неё стоял Холо, вооружённый такой же модифицированной штурмовой винтовкой НК433. Я никогда не видела этих двоих с такими воинственными выражениями лиц.

Джакс, стоявший по другую сторону от Холо, выглядел точно так же, и не менее взбешённым.

Посмотрев на этих троих, я внезапно с большей ясностью осознала, что в своём родном мире они сражались в затяжной войне.

Осознав, что как минимум двое, а то и трое из них прямо прикрывают Блэка, я кивнула и отступила со своим светом.

— Справедливо, — пробормотала я.

Блэк вскинул бровь, но не улынулся.

Все видящие и люди, снарядившиеся для этого, теперь стояли вокруг Блэка неровным полукругом. Все они выжидающе смотрели на него с мрачными выражениями лиц, но видящие стояли настолько нечеловечески неподвижно, с такими лишёнными выражения лицами, что я невольно пробежалась по ним, замечая, как крепко они закрылись щитами.

«Так это разведчики», — подумала я.

— Разведчики с военным опытом, — сказал Джем рядом со мной. — И пожалуйста, закрывай свой свет щитами, сестра. Мне говорили, что эти вампиры ранее уже переманивали видящих работать на них. Мы не можем рассчитывать, что не столкнёмся сейчас с такими видящими.

Взглянув на него, я нахмурилась от осознания, насколько он прав.

К этому времени они легко могли обзавестись ещё одним Эфраимом. Когда на этой версии Земли очутилось столько видящих, они могли легко найти одного отбившегося от стаи, ещё до того, как видящий узнал о существовании вампиров на этой версии Земли и сумел составить представление о рисках.

Услышав меня через свой свет, Джем проверил оружие, и его лицо исказилось в хмурой гримасе.

— Мы не можем позволить себе, чтобы кто-то из этих мудаков узнал о нас хоть что-то ещё, — пробормотал он. — Они и так уже знают слишком много, бл*дь.

Я кивнула, соглашаясь с ним.

Я собрала свой свет. Сосредоточившись на структурах, которые я использовала для щитов, я начала систематически закрывать свой *aleimi*, скрывая его из виду, проверяя огрехи на каждой стадии процесса, чтобы удостовериться, что не пропустила никакую часть своего разума или света.

Через несколько секунд мир показался далёким.

Он в то же время казался более ясным, как и мой разум.

«Держи линию открытой для меня, док, — пробормотал Блэк. — Всё время».

Я послала ему импульс, принимающий его слова, и почувствовала структуру, которую он подсветил над нашими головами — она связывала нас двоих.

Во второй и в третий раз проверив, что я ничего не упустила, я посмотрела на Джема.

— Лучше? — спросила я.

Старший видящий нахмурился, посмотрев на меня. Я увидела, как его светло-зелёные радужки слегка расфокусировались, а глаза прищурились, пока он методически сканировал мой свет. Я ни черта не почувствовала, но судя по тому, что я знала о Джеме, я могла рассчитывать, что он будет дотошен.

Через несколько секунд его взгляд сфокусировался обратно.

На его лице промелькнуло лёгкое удивление.

— Да, — сказал он, отвечая одной из тех изящных хмурых гримас видящих. — Намного лучше, чем я ожидал, сестра, если говорить честно. И не только потому, что ты воспитывалась на планете почти без видящих, — он хмуро посмотрел в сторону Блэка. — Это он тебя научил?

— Нет, — сказал Блэк, обернувшись через плечо на Джема. — Я её не учил.

Я бросила на Блэка слегка лукавый взгляд, но он уже вернулся к тихому разговору с Ярли и Дексом, похоже, ни на секунду не сбившись.

Джем фыркнул ему в спину и посмотрел на меня.

— Это правда? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Полуправда, так что нет... не совсем. Он определённо научил меня делать это более осознанно. И как делать это более систематично. И как проверять, что я ничего не упустила. Но думаю, он отчасти прав.

Взглянув на спину Блэка, я посмотрела обратно на Джема и понизила голос.

— Мой отец научил меня. Он начал, когда я была ещё ребёнком.

Джем вскинул брови.

Однако никак это не прокомментировал.

Услышав тихий визг тормозов с улицы снаружи здания, я посмотрела через одностороннюю стеклянную стену. Колонна бронированных внедорожников сворачивала на обочину, все они были с тонированными окнами.

Мне не нужно было видеть свинцово-серую эмблему орла на дверцах, чтобы знать, что они приехали за нами.

Наблюдая, как все они останавливаются, не гася двигатели, я бросила на Джема мрачный взгляд.

— Что ж, пора, — сказала я.

Брик согласился встретиться с нами не в здании на Калифорния-стрит, как он изначально предложил, а на другой территории Блэка, чего сам Блэк практически потребовал.

Блэк не хотел, чтобы Брик приближался к нашему штабу или нашему дому.

Едва ли я могла винить его за это.

В то же время я не уверена, почему Брик согласился на требования Блэка.

Не знаю, почему вампир вообще согласился встречаться на территории Блэка, не говоря уж о том, что он позволил Блэку выбрать место. Блэк ведь не скрывал своего настроя по телефону.

Вся эта ситуация с моей точки зрения казалась огромным риском для Брика, какой бы рычаг против нас у него не имелся. Мне оставалось лишь думать, что Брик, должно быть, чертовски решительно настроен убедить нас в чистоте своих намерений, раз добровольно идёт на риск, ведь Блэк мог подстроить западню и просто перерезать всех его людей.

Или же он планировал сделать то же самое с нами.

Какими бы ни были его мотивы, Брик согласился встретиться с нами на одном из складов Блэка в черте города. Старый склад располагался в Мишн-дистрикте.

Блэк купил его в 1980-х, когда Мишн пребывал в упадке. Весь район практически игнорировался застройщиками, и недвижимость там продавалась по нелепо низким ценам, особенно по нынешним меркам Сан-Франциско. То, что сегодня обошлось бы в восьмизначную сумму, Блэк в те годы купил максимум за пятизначную сумму.

С тех пор район облагородился.

И это ещё мягко сказано.

Теперь это огромное кирпичное здание с затемнёнными и зарешеченными окнами и толстыми стальными дверьми, являющееся объектом культурного наследия и занимающее целый квартал, стояло посреди городских кварталов с модными барами и ресторанами, не говоря уж о ночных клубах, картинных галереях, дорогих и роскошных квартирах-лофтах, бутик-отелях, частных и дизайнерских магазинах вина, импортной еды, местных дизайнеров одежды и украшений, сигар и антиквариата.

По той же причине странно было смотреть, как колонна бронированных внедорожников паркуется у массивной раздвижной металлической двери прямо посреди оживлённой части Валенсия-стрит. Ещё страннее было смотреть, как из этих внедорожников выезжает маленькая армия и выходит на тротуар прямо перед модными ресторанами и барами.

Изначально мы привлекли немало взглядов, но через считанные секунды большинство зевак отвели глаза. Посмотрев на вооружённых видящих, которые теперь окружали меня и Блэка, я осознала, что разведчики уже занимаются контролем толпы.

Я знала это наверняка, когда заметила, как лица людей неподалёку за считанные секунды меняют выражение с удивления на полное безразличие. Те, что явно узнали Блэка, опустели ещё быстрее, и их лица стали напоминать манекены. Они резко остановились, замерли неподвижно и стояли на тротуаре, не моргая.

Все те, кто приближался к нашему местоположению, либо быстро прошли мимо, если они уже находились близко к стальным дверям, или остановились за добрых двадцать ярдов до входа на склад. Большинство просто стояло там, как и те, кто заметил Блэка — словно они ждали, когда светофор переключится на зелёный. Другие же полностью развернулись и бесцельно побрели в противоположном направлении.

От большинства из них я улавливала шёпот страха.

Блэк как-то раз сказал мне, что люди на этой версии Земли на каком-то уровне понимают, когда на их сознание давят. Он сказал, что это вызывает у них подсознательный страх, заставляет их бояться любого видящего, который поколдовал над их разумом.

Даже если не считать этого, даже если игнорировать страх толпы, которая держалась в стороне от нас, мощь группы разведчиков нервировала меня.

Отбросив дурные предчувствия, я взглянула в сторону склада Блэка.

Путь между внедорожниками и стальными дверями теперь оказался полностью свободен.

Кирпично-железное здание оказалось выше, чем я помнила — минимум десять этажей и весьма внушительный фасад. Я помнила, что Блэк рассказывал мне, как его

использовали в качестве оружейной для армии Соединённых Штатов — отчасти поэтому он купил его так дёшево.

В целом это место показалось мне странно уместным для встречи, которая вот-вот произойдёт.

Я уже могла представить, что вампиры живут в подобном месте.

Я знала, что Блэк выбрал это место отчасти потому, что постройку уже защищала *«мощная военная конструкция»*, как выразился Джем. Однако я подозревала, что это больше связано с Чарльзом, нежели с Бриком, потому что конструкции против вампиров практически бесполезны.

Блэк определённо не хотел, чтобы Чарльз подумал, будто они с Бриком ведут переговоры.

По крайней мере, Блэк не хотел, чтобы Чарльз подслушивал то, что будет сказано.

Я подозревала, что были и другие причины, связанные с функциями конструкции, в которой будут работать видящие, с преимуществами, которые нам это даст, хоть и вампиры имели относительный иммунитет к большинству навыков видящих. Но тут я могла лишь гадать, потому что вся эта работа разведчиков всё ещё была для меня в новинку.

Блэк поддел меня светом.

— Нам нужно убраться с улицы, — грубовато сказал он.

Я кивнула, взглянув в его сторону.

— Я готова.

— Держись возле меня, док. Всё время, — он бросил на меня мрачный взгляд. — За нами наблюдают беспилотники, в том числе и внутри здания, но если только я не прикажу Хавьеру взорвать к чертям всё здание, они будут слишком медленными. Поэтому мы полагаемся на мечи на передовой линии. В основном на видящих.

Я кивнула во второй раз, показывая, что понимаю.

Удержав мой взгляд ещё на секунду, Блэк жестом показал Хавьеру и Дексу открыть раздвижные двери на склад.

Как только они сделали это, мы с Блэком прошли в открывшийся проём.

Видящие и люди побежали вокруг нас, держа нас более-менее окружёнными, как только мы покинули укрытие внедорожников.

Думаю, мы пробыли на улице всего несколько секунд, но я чувствовала, как свет Блэка набирает обороты в той нервирующей манере, которую я помнила с острова Мангаан. Я гадала, заметили ли другие видящие вокруг нас, или же эти структуры Блэка всё ещё оставались для них относительно невидимыми.

Сам Блэк так считал — в смысле, что они невидимы.

Он утверждал, что это одно из преимуществ иметь много развитых структур под ногами, а не над головой, где большинство видящих обучено их искать. Очевидно, нужно обладать некоторым осознанием и навыками в своих нижних структурах, чтобы видеть скрытые нижние структуры других видящих.

Ну, или типа того.

По правде говоря, мне тоже нужно было намного больше тренировки в том, о чём, чёрт подери, говорил Блэк.

Суть в том, что, по словам Блэка, большинство видящих не обладали должными навыками, чтобы просто посмотреть, что он имел в своём свете, и они не умели это искать.

Взглянув на Джема, пока мы входили на склад, я задалась вопросом, справедливо ли это для всех видящих.

Выбросив всё это из головы, я сосредоточилась на том, зачем мы здесь. Даже с такими блуждающими мыслями я чувствовала, что какая-то часть меня предельно ясно сосредоточена.

Как только встреча стала реальностью, как только я осознала, что буду находиться в одном помещении с Бриком и его вампирскими приспешниками, что я буду находиться в одном помещении с вампиром, который напал на Кико, что Брик принесёт с собой тело Ника, все мои нестабильные эмоции померкли.

Я впала в состояние, которое было мне знакомо, но я уже очень долгое время не пребывала в нем.

Пока мы не оказались на складе, пока не вошли по выкрашенному чёрной краской проходу в помещение, где будет проходить сама встреча, я и не осознавала, что это ментальное состояние я выработала в зонах боевых действий.

В последний раз я чувствовала себя так в Афганистане.

Это ментальное состояние мне помог выработать Ник — и советами, когда я была ещё «зелёной», а он имел намного больше опыта, и просто через наблюдение за его действиями.

Гипер-практичный, полностью сосредоточенный на работе сержант Ник Танака поддерживал наблюдение за периферией, но при этом не позволял ничему отвлечь его внимание от текущей задачи. Я научилась этому от него, сознательно копировала этот навык. Ещё при нашей первой встрече что-то подсказало мне, что перенимание поведения Ника на фронте, возможно, станет единственным, что сохранит мне жизнь.

За годы это состояние немного изменилось во мне теперь, когда я понимала свой живой свет. Я знала, как иначе закрываться щитами, как фокусировать сознание, как обращаться к более агрессивным частям своих навыков видящей, как направлять эту силу наружу — но фундамент этого ментального состояния всё равно происходил от Ника.

Однако мысли о Нике сейчас мне не помогут.

Я последовала за Блэком и Ярли по второму узкому коридору между очередными стенами, выкрашенными чёрной краской.

Я чувствовала, как Джем следует за нами, хотя и не слышала его движений.

Я отказалась от автоматической винтовки, которыми вооружилось большинство видящих и людей вокруг меня.

Вместо этого мои ладони лежали на рукоятках двух пистолетов SVI Tiki в набедренных кобурах.

Блэк лично передал мне эти пистолеты и сказал использовать их в качестве основного оружия, потому что во время тренировок ранее он заметил, что из них я стреляю наиболее метко. Ещё он пробормотал что-то о необходимости купить мне «настоящие пистолеты», предположительно имея в виду что-то, что будет принадлежать лично мне, а не поставяться из его общей оружейной.

Ещё два пистолета скрывались в наплечных кобурах под моим пальто.

Они уже имелись при мне, когда Блэк протянул мне Tiki с кобурами. Это были пистолеты Desert Eagle, которые дополнялись маленьким Baby Eagle в кобуре на лодыжке.

Я не имела при себе мечей, как Блэк и Джем, хотя у меня имелся длинный нож в ножнах на поясице под пальто. Я решила, что должна опираться на свои сильные стороны. В последние шесть месяцев или около того я намного больше стреляла по мишеням из пистолетов, чем пользовалась другими видами оружия.

Если на то пошло, я могла прикрывать остальных, замедляя атакующих вампиров настолько, чтобы видящие и люди с мечами могли их устранить.

Такая двухэтапная работа в прошлом хорошо срабатывала в нашей команде.

Однако в том же приглушенном разговоре про пистолеты Блэк сообщил мне, что «немедленно» начнёт муштровать меня уроками обращения с мечами, так что возможно, это последний раз, когда я шла без двойных ножен, которыми вооружилась основная часть его старшей команды.

Энджел теперь тоже вооружилась парой мечей.

Как и Ярли, и Мика.

Обычно Кико тоже была бы здесь со своими мечами.

Обычно это она стояла бы возле Блэка, исполняя роль его телохранителя.

Мы вошли в складское хранилище высотой в два этажа, и я выбросила эту мысль из головы. Тот, кто приехал сюда наперёд нас, уже выставил длинный деревянный стол и потрёпанные кожаные стулья.

Блэк щёлкнул пальцами Дексу и показал серию жестов руками, объясняя, где он хотел расположить всех. Очевидно, Блэк не верил, что вампиры ещё не взяли склад под наблюдение. А ещё он, скорее всего, не доверял, что у Брика нет шпиона в нашей группе. Наверное, именно поэтому он не назначал окончательных позиций для членов команды до самого последнего момента.

Зная Брика, он послал как минимум нескольких вампиров вперёд, хотя бы проверить, нет ли признаков засады. Один или несколько из них, скорее всего, находились в здании.

— Они здесь, — сказала Мика, коснувшись наушника и посмотрев на Блэка. — Хавьер говорит, что они только что припарковались перед зданием. Беспилотники насчитали приблизительно шестнадцать. Все, похоже, вампиры.

Блэк ответил одним кивком.

Он посмотрел на меня.

Не услышав от него ни слова и даже тяги в своём свете, я подошла к месту во главе стола, где стоял Блэк. Он сел, я заняла место справа от него. Мэнни сел по другую сторону. Энджел, Ковбой, Люс и Истон сели по одну сторону стола со мной. Туз, Фрэнк и ещё два человека из команды Блэка в Сан-Франциско сели по другую сторону от Мэнни.

Позади нас стоял строй видящих. Все они были вооружены автоматическими винтовками, большинство имело при себе мечи.

Ни один из них не сел.

Джем стоял позади меня, рядом с ним — Ярли, Холо, Джакс и Мика.

Киесса, новенькая видящая со зловещими чёрно-белыми глазами, стояла по другую сторону от Мики, её смуглое лицо превратилось в непроницаемую маску. По другую сторону от Киессы стояло ещё восемь разведчиков с автоматическими винтовками, с которыми я пока не была знакома.

Декс стоял с видящими.

Как и Надя, и несколько других людей, занимавших высокие посты в организационной структуре Блэка. Блэк не позволил прийти сюда Мэджик и другим молодым индейцам. Я стала свидетельницей их возмущений, но в данном случае была полностью на стороне Блэка.

Это не место для подростков, как бы хорошо они ни управлялись с оружием.

Знаю, лицемерно с моей стороны говорить такое, учитывая, в каком молодом возрасте я впервые отправилась на войну, но на самом деле мне плевать.

Возможно, я соврала о своём возрасте, чтобы попасть в армию, но в Афганистане мне не нужно было сражаться с вампирами.

Хавьер удерживал здание на Калифорния-стрит и отслеживал записи камер на беспилотниках. Он также присматривал за беженцами, индейцами и безопасностью здания, не говоря уж о том, что следил, чтобы у Кико была компания, а за дверью её палаты постоянно стояла охрана.

Я осознала, что какая-то часть меня всё ещё искала Кико... и Ника.

Нахмурившись, я закончила сканировать коридоры над нами, а также группу, стоявшую позади нас, и перевела взгляд на пустовавшую часть стола и чёрный коридор за ней.

Никто из нас не произносил ни слова.

Через несколько минут я услышала в коридоре звуки.

Не совсем шаги.

Не совсем шорох одежды.

Скорее, шепчущее эхо движений, словно призраки вызывали смещение воздуха в узком коридоре между высокими стенами. Смещение воздуха было таким мягким, таким неуловимым, что я ставила под сомнение собственный свет и слух, который, казалось, улавливал лёгкую рябь, пока вампиры направлялись к нам в конструкции здания.

Я сомневалась, что услышала бы или почувствовала бы что-нибудь при нормальных условиях.

Однако то были не нормальные условия.

Не только каждая часть меня пребывала в полной боевой готовности, напрягаясь перед их появлением, но и те, что находились за столом — и люди, и видящие — сидели неестественно неподвижно. Свет людей был таким же мертвенно неподвижным — вероятно, благодаря помощи конструкции и строя разведчиков, которые стояли за нашими стульями.

«Вот, — Блэк полез в карман и протянул мне что-то. Посмотрев на его ладонь, я осознала, что там лежал наушник. — *Надень это, док. Он уже настроен на нужную частоту*».

Я без вопросов взяла наушник и вставила маленький кусочек зелёного металла в ухо.

Сделав это, я взглянула на ухо Блэка и увидела, что он уже носит такой же.

Как только я вставила наушник на место, в моём ухе раздался голос.

Я осознала, что это тот видящий, который напоминал мне персонажа аниме, Зайрей.

— Сейчас они должны подходить к вам, *lao ban*, — сказал он.

Я повернулась в сторону коридора и едва заметно вздрогнула, когда появилось лицо первого вампира. Бледное скуластое лицо посмотрело в обе стороны, его глаза забегали туда-сюда, окидывая пространство взглядом как рептилия — а может быть, хищная птица.

Как и видящие, вампиры были прекрасны.

Как и видящие, некоторые были красивее остальных, но все они стояли пугающе высоко на шкале физической красоты.

Однако мой свет и разум иначе воспринимал эту красоту у вампиров, нежели у видящих. Красота вампиров слишком напоминала мне камуфляж, едва маскировала смерть, сигнал о которой они передавали более примитивной части моего мозга, отвечавшей за реакцию «беги или дерись». Смотреть в глаза вампира — это всё равно что смотреть в глаза акулы.

Видящие временами тоже напоминали мне животных, даже хищных, но вампиры выглядели чужеродными в той манере, от которой по моему позвоночнику выстреливал страх и адреналин.

Полагаю, они ощущались естественными врагами.

Тогда как видящие... ну, они ощущались более схожими со мной.

Тот первый мужчина-вампир сдвинулся бесшумно, отойдя от прохода одним плавным танцевальным шагом. Я моргнула и вынуждена была повернуть голову, чтобы проследить за ним.

Затем появилось второе лицо.

Я смотрела, как женщина-вампир отделяется от мужчины и проходит в другую часть пространства с высокими потолками. Они оба выглядели настороженными вопреки бесстрастным выражениям лиц. В отличие от нашего армейского снаряжения они были одеты в дорогую гражданскую одежду, словно только что вышли из бара или клуба на Валенсия-стрит и нечаянно забрели в это здание.

Мужчина был одет в чёрный костюм современного кроя, дополненный белой рубашкой и галстуком. Женщина носила длинное зелёное платье с разрезами до бёдер по бокам.

Контраст на мгновение сбил меня с толку, но это логично.

Им не нужно оружие.

Они и есть оружие.

Я наблюдала, как внутрь заходит ещё больше вампиров, действуя точно так же, как первые.

Брик вошёл где-то в гуще этого потока бесшумных быстро движущихся тел и конечностей.

Как только мой взгляд остановился на его лице и на безмолвном каменном лице Дориана, который шёл позади него, я осознала, что не могу отвести от них взгляд.

Брик единственный из всех улыбался.

Его волосы отросли длиннее, чем я помнила.

Они свешивались ниже плеч, но он собрал их в полухвостик, чтобы не лезли в глаза — почти так же, как Джем убрал свои волосы. На Брикe эта причёска ассоциировалась скорее с эльфами, нежели с азиатами. А может, он походил на какого-то гибрида эльфа и пирата. Его тёмные волосы и бледная кожа заставляла его хрустальные глаза ещё сильнее выделяться над темными губами, полным ртом и мощным подбородком.

Я помнила, что он тоже красив — хотя я вечно умудрялась забывать этот факт, пока он не оказывался прямо передо мной. Вероятно, потому что это наименее важный факт о нём.

Дориан стоял позади него почти как призрак вампирского короля.

Как я и помнила, он носил лёгкую бородку, бело-светлые волосы коротко подстрижены с боков и сзади, спереди же спадали чуть длиннее. Его наружность всё ещё казалась мне сбивающей с толку, противоречивой. Черты лица Дориана воплощали благородство Старого Света, словно ему самое место в какой-то ужасной сказке, тогда как его одежда идеально вписывалась в современный стиль Сан-Франциско.

Мой разум превращал его в сказочного короля, но в то же время я заметила, что он мог бы сойти за молодого техно-магната с его идеально скроенными синими брюками с металлическим отблеском, которые дополнял чёрный пиджак до бёдер, тёмно-красная рубашка и дорогие туфли.

Вся одежда выглядела по-настоящему дорогой.

Он мог только что сойти с подиума в Нью-Йорке или Милане.

Я смотрела, как он тенью следует за Бриком, чья одежда больше отдавала готической атмосферой Сан-Франциско, нежели технической. Король вампиров одевался больше в соответствии со стереотипом — трость с головой Анубиса, чёрный бархатный пиджак с тёмно-зелёной рубашкой, тёмно-красные брюки и опять-таки дорогие с виду туфли из чёрной кожи.

Я смотрела, как Брик небрежно подходит к креслу с противоположной стороны стола от Блэка, и тень улыбки всё ещё играет на его губах.

Он сел с грацией, которая выглядела чужеродной и скорее рептильной, нежели свойственной млекопитающему. Положив одну руку и ладонь на поверхность из необработанного дерева, он посмотрел Блэку в глаза и вскинул одну тёмную бровь. Я наблюдала, как он переводит взгляд с лица Блэка на моё, затем на ряд видящих позади нас.

Его бровь взлетела ещё выше.

— Ты недоволен мной, Квентин.

Я уставилась на него, затем на Блэка.

Если Брик напоминал рептилию, то Блэк выглядел скорее как хищный кот.

Хладнокровный хищник встретился взглядом с теплокровным, и я буквально ощутила, как Брик отреагировал на жар, исходивший от мужчины-видящего, который сидел рядом со мной.

Взгляд Блэка действительно казался животным в такой манере, от которой у меня сжимались кулаки.

Он смотрел на Брика как лев, оценивающий угрозу, которая вторглась на его территорию. Блэк ни на секунду не отрывал взгляда от лица Брика, хотя я чувствовала в его свете чёткое осознание местонахождения каждого вампира. Как и видящие, они не заходили дальше своей половины стола и образовали позади Брика защищающую арку.

Лишь два вампира сидели возле него.

Одним из них был Дориан.

Другой была женщина, которую я не узнала, но она смотрела на меня так, будто она знала меня и Блэка.

Я гадала, не была ли она в Нью-Йорке.

Быстро оценив её, чтобы запомнить лицо, я перевела взгляд на Брика, зеркально вторя взгляду Блэка.

Когда Брик больше ничего не сказал, Блэк положил ладони на стол быстрым, но выразительным движением, затем перевернул одну руку ладонью вверх.

— Ну? — сказал он. — Ты знаешь мои условия этой встречи. Я выразился предельно, бл*дь, ясно.

Брик слегка нахмурился, взглянув на Дориана.

— Да, — сказал он, переводя взгляд стекловидных глаз на Блэка. Впервые выражение его лица полностью лишилось веселья. — Я помню. Я лишь прошу потерпеть, друг. Немного самоконтроля. Чтобы мы смогли обсудить это как цивилизованные создания...

— Где тело Ника? — холодно перебил Блэк. — Мои люди говорят мне, что оно ещё не доставлено в мою лабораторию. Так что ты уже нарушил наше соглашение в части сроков. А значит, у тебя есть примерно две минуты, чтобы выполнить второе условие этой встречи, иначе переговорная часть вечера официально закончена...

— Умоляю тебя, друг мой! — Брик повысил голос, подняв бледную ладонь в зеркальном жесте. — Пожалуйста, Квентин. Успокойся. Я ещё не выполнил оба оговорённых условия потому, что хотел сначала оценить твоё ментальное состояние собственными глазами. Я бы предпочёл, чтобы эта встреча прошла мирно. Как обещание и предвестие союза, а не гадкое начало трагично непрактичной и обоюдно-разрушительной воны между нами двоими...

Декс позади меня фыркнул с неверием и неприкрытой злостью.

Я не повернулась, чтобы посмотреть, но ощутила, как рябь схожего настроения пробежалась по видящим, стоявшим с ним в тыльной части комнаты.

Я слышала, как на фоне раздалось бормотание голосов в моём наушнике.

Однако мой разум не мог полностью сосредоточиться на них, пока Блэк и Брик всё ещё спорили.

— Квентин, — произнёс Брик с предостережением в голосе, всё так же держа ладонь поднятой. — Я прошу тебя не реагировать слишком резко на появление этого молодого вампира. Я прошу тебя сначала дождаться наших объяснений, пока не случилось нечто трагичное, и ты не потерял того, кто тебе на самом деле дорог...

— Где он, бл*дь, Брик? — прорычал Блэк. — Который из этих кусков дерьма сделал это? И зачем? Зачем *Кико*, мать твою? Что с тобой не так, если ты привозишь на такую встречу кого-то с психическими проблемами?

И вновь раздался голоса на фоне.

Я не могла разобрать большую часть того, что они говорили; они общались на прекси, языке видящих, а не на английском. После острова Мангаан я брала уроки и пыталась выучить этот язык, но я всё ещё была далека от понимания, когда на нем говорили так быстро.

В результате я различила лишь несколько слов.

— Стоять! — услышала я. — Не стрелять!

Затем ещё больше слов, которые я не понимала.

Блэк рядом со мной застыл.

Я повернулась, собираясь спросить его через нашу связь о том, что происходит снаружи, но я ощутила, как свет Блэка окружает пустая стена. Он бросил на меня напряжённый взгляд.

Слова короля вампиров раздалась в тишине, пока я смотрела на своего мужа.

— ...Сейчас он зайдёт, — говорил Брик. — Он не вооружён. Его уже отчитали за его прегрешения. Неоднократно. Более того, — добавил Брик с чуть более явным предостережением. — Если вы попытаетесь отыгаться за его поступки на мне, исход будет трагичным для всех вас. Я говорю это совершенно искренне, друг. Безо всякого лукавства.

Я повернулась, уставившись на Брика.

По правде говоря, я не могла осмыслить ни черта из того, что он говорил.

Голос вампира сделался смертельно серьёзным. Пожалуй, я никогда не слышала его настолько лишённым юмора.

— Пожалуйста, — сказал он. — Я молю тебя, друг. Сохраняй терпение, пока мы не сумеем обсудить это как взрослые люди. Подожди объяснения и не делай ничего сгоряча.

Я нахмурилась, всё ещё стараясь осознать его слова. Однако прежде чем мне удалось это сделать, и прежде чем я успела что-то сказать, мой взгляд привлекло движение в конце коридора, выкрашенного чёрной краской.

Там появилась фигура, материализовавшаяся из темноты.

Она двигалась так бесшумно и грациозно, что я могла лишь смотреть на неё, пока эта фигура зеркально вторила движениям других вампиров, а взгляд хрустальных глаз метался туда-сюда, осматривая остальное помещение.

Затем, в какой-то момент я резко втянула воздух.

Но не выдохнула обратно.

Я просто смотрела на это существо, пока оно оценивало расположение в комнате. Мое сердце гулко колотилось, пока черноволосый вампир подходил к Дориану с другой стороны, скользил как змея, двигаясь в такой размеренной хищной манере, что я могла лишь смотреть, не мигая и отвесив челюсть.

Это не могло быть реальным. Это не могло быть реальным.

Бл*дь, это *вообще никак* не могло быть реальным.

Рядом со мной я услышала сдавленный звук, вырвавшийся из горла Энджел.

Я не посмотрела на неё, но вампир напрягся и повернулся, посмотрев на неё.

Затем он увидел меня и застыл.

Эти прозрачные хрустальные глаза посмотрели в мои глаза.

Это была единственная часть его лица, которая полностью и необратимо изменилась по сравнению с тем, каким он был раньше. Но даже в этих радужках потрескавшегося стекла я каким-то образом видела моего друга. Я смотрела, как вокруг чёрного зрачка расцветает кровавый цветок, пока он смотрел на меня.

Я видела, как его полные губы изогнулись в лёгкой улыбке, и ощутила тошноту.

Затем позади меня раздался другой голос, такой злой и громкий в этом молчании, что я подпрыгнула.

Это был Джем. Он не обращался ни к кому из вампиров.

Он обращался к Блэку.

— Ты сказал, что *это невозможно*, бл*дь! — прорычал он так громко, что я содрогнулась. — Ты сказал, что они не могут, бл*дь, *передать* это ему... что он, бл*дь, не совместим с их ДНК. Ты сказал, что это *невозможно*, бл*дь. Ты так *сказал*, мать твою!

Блэк не обернулся к Джем.

До тех пор я этого не замечала, но он не отрывал взгляда от Ника. Даже теперь я не поворачивалась, чтобы посмотреть на Блэка, но я чувствовала, что он смотрит на Ника совсем как я, как Энджел, и, наверное, как каждый видящий и человек на нашей половине комнаты.

Я также ощущала, как Блэк осознает меня и то, что я могу сделать.

На протяжении нескольких долгих секунд никто из нас не говорил ни слова.

Ник продолжал пристально смотреть на меня.

Его взгляд ненадолго метнулся к Джему, когда тот закричал, затем вернулся к Блэку, затем обратно ко мне. Я смотрела, как он всматривается в моё лицо, изучая каждую деталь его выражения.

Теперь, глядя на него в ответ, я не видела ничего знакомого в его глазах или чертах лица.

Он выглядел настолько иным. Он выглядел совершенно другим, чёрт подери.

Поначалу я не могла справиться с тем, насколько иначе он выглядел.

Я не могла справиться с тем, насколько он выглядел по-прежнему.

Это напоминало странный эффект «зловещей долины»¹³, потому что он выглядел одновременно слишком и недостаточно похоже на моего друга, мужчину, которого я знала и любила больше десяти лет.

Как и тень, которую я видела на противоположной стороне улицы прошлой ночью, он выглядел лет на двадцать моложе Ника, которого я в последний раз видела на острове Мангаан. Эта явная разница в возрасте сделалась ещё заметнее теперь, когда я могла отчётливо его рассмотреть. Всё в его теле и чертах лица казалось слегка изменившимся или странно приумноженным. Его скулы казались более высокими, глаза — крупнее, губы — полнее, волосы — чернее, плечи и грудь — мускулистее и шире, ладони, пальцы и ноги — длиннее.

Шрам на шее от шрапнели, который я помнила, исчез.

Видимые части его обнажённой кожи, включая лицо, были такими бледными и безупречными, что казались фарфоровыми. Он выглядел как творение какого-то художника, который лишь примерно соблюдал сходство с фотографией настоящего Ника.

Всеобщий транс не нарушался, пока Дориан не протянул руку и не схватил Ника за запястье.

Посмотрев в лицо Ника, вампир с бело-светлыми волосами потянул его деликатно, но настойчиво. Когда Ник-вампир посмотрел вниз, оторвав от меня взгляд этих хрустальных глаз, Дориан бросил на него откровенно предостерегающий взгляд.

Только тогда я осознала, что они оставили свободное место.

Что бы Ник ни увидел на лице Дориана, он посчитал это убедительным.

Не сказав ни слова, головокружительно красивый вампир с японской внешностью и лицом почти что моего лучшего друга сел на свободное место.

Как только он сделал это, Блэк впервые после появления Ника в комнате посмотрел на короля вампиров. На протяжении нескольких долгих секунд он лишь смотрел на него с неподвижным выражением лица.

Затем он нарушил это молчание, заговорив.

Его голос был таким холодным, таким переполненным яростью, что я повернулась и уставилась на него.

— С какого, бл*дь, перепуга ты решил, что выйдешь с этого склада живым? — спросил Блэк.

В молчании, воцарившемся после его слов, Блэк обвёл взглядом собравшихся за столом, и его лицо оставалось твёрдым как стекло. Даже с этой яростью, откровенной ненавистью, которая жила в его свете, я также ощущала там искреннее недоумение — и в его голосе, и в его свете.

— Я действительно не понимаю, — сказал Блэк после той паузы. — Почему ты не понимаешь, что за это мы убьём вас всех до последнего? Ты так сильно хочешь, чтобы Чарльз истребил вас, что ты подталкиваешь меня помочь ему с вашим уничтожением? У тебя действительно настолько крыша съехала?

¹³ Эффект «зловещей долины» — гипотеза, по которой робот или другой объект, выглядящий или действующий примерно как человек (но не точно так, как настоящий), вызывает неприязнь и отвращение у людей-наблюдателей.

И вновь Брик поднял ладонь.

В этот раз он повысил голос по-настоящему.

Он также изменил свой тон каким-то образом.

Его слова отражались в пространстве с высокими потолками, вынуждая меня посмотреть на него, вынуждая меня сосредоточиться на его лице и услышать сквозь сами его слова.

Будь он видящим, я бы сказала, что он наполнил свой голос светом.

А так я вынуждена была предположить, что это какой-то вампирский эквивалент словесного тумака.

— Если ты убьёшь меня, Наоко умрёт, — сказал Брик, и это странное звучание отразилось эхом в коридорах. — Теперь он мой. Он буквально и *напрямую* связан со мной — с моей кровью. Он принадлежит мне так, как никакое человеческое дитя не принадлежит своему отцу. Так он был сотворён, так что это его качество необратимо. С ним ничего нельзя поделать.

Брик обвёл взглядом хрустальных глаз лица всех видящих и людей в комнате, дольше всего остановившись на Джеме, Энджел, и наконец, на нас с Блэком.

— Вы не можете убить меня, не убив его, — повторил он, и та сила всё ещё переполняла его голос. Та же сила делала его слова мелодичными, заставляла звуки дрожью отдаваться в моём свете, пока я стискивала ладони под столом. — Друзья, вы слышите меня? Если любой из вас убьёт меня, вы *положите конец* Наоко Танаке. Я могу объяснить это всё, и объясню с готовностью. Я могу рассказать, как это работает, и почему я принял такое радикальное решение, но для этого нужно, чтобы вы меня *выслушали*...

Он вложил в свои слова ещё больше давления, помедлил, а затем добавил:

— ...до того, как вы позволите эмоциям взять над вами верх. До того, как вы совершите нечто излишне торопливое, о чем мы все пожалеем, *вы должны послушать*.

После его слов воцарилось молчание.

В это время я могла лишь смотреть на Ника.

Я смотрела, как он изучает меня с другого края комнаты, как его хрустальные глаза открыто оценивают меня, и в них безмолвно расцветает тот кровавый оттенок. Где-то посреди всего этого я осознала, что он всё ещё не сказал ни единого слова.

Меня охватила какая-то беспомощная ярость, когда это молчание затянулось.

Брик знал нас лучше, чем я думала.

Кем бы ни был Ник теперь, я не могла позволить Блэку убить его.

Я не могла позволить кому бы то ни было убить его — только не тогда, когда я видела в его глазах и лице столько прежнего Ника. Я не могла позволить им убить его, пока я не поняла, кем он, бл*дь, стал.

Я просто не могла.

Я посмотрела на Блэка в то же мгновение, когда он посмотрел на меня.

Встретившись со мной взглядом, он нахмурился.

Я чувствовала, как он улавливает из моего света то, что я только что осознала — то, что Брик явно понимал во мне лучше меня самой. Возможно, Брик понимал это во всех людях и видящих — включая Блэка, Энджел, Декса и Ковбоя, и всех остальных, кто дорожил Ником. Я чувствовала, как при взгляде на меня в Блэке нарастает гнев, беспомощность, но я знала, что ничто из этого не адресовалось мне.

Я также ощущала его понимание.

Я чувствовала, как он думает о том, что если бы рядом с Дорианом сидела Кико, или Декс... или я.

Я чувствовала, как он в первую очередь представляет там меня.

От этой мысли по его свету прокатилась рябь боли, и он перевёл полный ненависти взгляд на Брика.

Ещё несколько долгих минут никто не говорил ни слова.

Теперь я чувствовала, что все взгляды и свет по нашу сторону стола сосредоточились на Блэке, на том, что он сделает. Я вместе с остальными всматривалась в его лицо, чувствуя, как напрягаются мои мышцы от осознания, что возможно, мне действительно придётся сражаться с кем-то из них, чтобы сохранить жизнь Нику.

Прежде чем я успела углубиться в эту мысль, Блэк потянулся ко мне. Он взял мою ладонь, лежавшую на столе, и грубо стиснул её в своей руке.

Наградив меня тяжёлым взглядом, он один раз качнув головой.

«Нет, Мири. Нет».

Я посмотрела ему в глаза, и он во второй раз качнул головой.

«Никогда, док».

Он повернулся лицом к Брику.

— Говори, — сказал он. Его голос прозвучал бесстрастным, холодным как лёд. — Расскажи нам всё, что нам нужно знать об этом твоём новорождённом. И делай это аккуратно, Брик, — добавил Блэк ещё холоднее. — Делай это очень, *очень* аккуратно, бл*дь, иначе я не могу обещать, что сумею их контролировать. Любого из них. Включая мою жену.

Он помедлил, не моргая, затем добавил.

— ...Особенно мою жену.

Обернувшись через плечо, он бросил многозначительный взгляд на строй вооружённых видящих, а также на Декса и других членов человеческой команды.

Затем, всё ещё сжимая мою ладонь, он посмотрел на меня.

Я смотрела лишь на Брика.

Король вампиров проследил за пристальным взглядом Блэка, посмотрел на моё лицо, взглянул мне в глаза.

Я видела, как он настороженно оценивает меня, изучая нечто увиденное, затем переводит взгляд на Дориана. Тот ответил на его хмурый взгляд изящной хмурой гримасой. Я чувствовала, что они в каком-то роде переговариваются, но не слышала и не видела в них этого обмена.

Затем Брик перевёл взгляд на Блэка.

В отличие от усмешки, которую я обычно видела на лице короля вампиров, особенно когда он обращался к моему мужу, выражение лица Брика сделалось ещё более серьёзным и совершенно неподвижным.

Оно таким и оставалось, когда он начал говорить.

Глава 21. Семья

— Наоко сообщил мне, что вы в курсе стандартных средств, которыми можно сделать вампира, — начал Брик, и теперь в его голосе сильнее звучала луизианская тягучесть.

— ...Он говорит мне, что вы определили схемы, биологические связи между людьми и нами. Хотя он и говорил мне, что эта информация не выходила за пределы лидерской верхушки, но судя по вспышке вашего друга...

Брик лениво показал в сторону Джема.

— ...Далее я буду исходить из предположения, что данный факт изменился с тех пор, как Наоко перестал быть частью команды.

Вампир обвёл взглядом стол, словно оценивая нас.

Его глаза оставались совершенно неподвижными, пока он продолжал голосом, в котором всё ещё звучала та полная присутствия мелодия.

— Наоко говорит мне, что ваши учёные знают наши группы крови и то, как они взаимодействуют с ДНК конкретных людей. Он говорит нам, что вы знаете, как эти связи определяют, каких людей мы можем легко обратить в вампиров, а каких — нет.

Не дожидаясь ответа, он посмотрел на меня.

— Это правда. Всё правда. Обычно это единственный способ, которым мы можем размножить наш вид.

Он посмотрел на Ника, наградив его откровенно ласковым взглядом, отчего мне захотелось заскрежетать зубами.

Прежде чем я успела отвернуться от них обоих, взгляд хрустальных глаз Брика вернулся к Блэку.

— Причина тому проста. Мы ценим собственные жизни, — глаза вампира оставались серьёзными, почти мрачными, пока он наблюдал за нашей стороной стола. — Новорождённые нестабильны. Они взрывоопасны. Многие из них умирают. Многие совершают самоубийство. Многие просто не могут контролировать себя, и их приходится устранять ради безопасности нашего сообщества в целом. Они часто не уважают и не понимают необходимость анонимности всей расы. Некоторые из них обращаются против своих создателей или вампирского рода в целом.

Помедлив, Брик показал на Ника, словно подкрепляя свои слова.

— Они совершают необдуманные поступки, — добавил он, на мгновение показав клыки и посмотрев на лицо Ника. Там проступила своеобразная раздражённая нежность, словно родителю приходится извиняться за ребёнка-хулигана. — Например, врут и манипулируют своими создателями, чтобы выбраться из-под их наблюдения на несколько часов. Например, намеренно идут против приказов и нападают на дражайших друзей, с которыми их создатели хотели бы заключить союз...

Умолкнув ненадолго, Брик покачал головой.

Взгляд его хрустальных глаз вернулся к Блэку.

— Я сожалею об этом, Квентин... поистине сожалею, — с нажимом сказал он. — Как я и говорил тебе по телефону, Наоко всё ещё страдает от некоторых проблем, вызванных его новым состоянием. Дориан делает всё возможное, чтобы обучить и успокоить его. Однако Наоко довольно упрям. А ещё он довольно умён и часто находит самые неожиданные способы сбежать от нас.

Увидев его ласковый взгляд, адресованный Нику, я ещё крепче стиснула зубы.

Чем дольше он говорил, тем сильнее я продолжала скрежетать зубами.

— ...В любом случае, — добавил Брик, бросив на меня лёгкий взгляд. — Я веду к тому, что вампиры нечасто по доброй воле связывают свои жизни с такими нестабильными существами. Вампиры должны достигнуть определённого возраста, чтобы их яд достаточно вызрел, и они смогли делать маленьких вампиров. Поэтому те, кто способен сделать нового вампира, обычно прожили довольно долго, они счастливы и довольны тем, кто они есть.

Брик впервые позволил себе лёгкую улыбку.

— ...По той же причине большинство вампиров в таком возрасте не желают рисковать собственными жизнями для создания новорождённого, который вполне может привести к их смерти через считанные месяцы, а то и дни или даже часы. Таким образом, если для этого не существует *весомой причины*, мой вид обычно создаёт новых вампиров через генетическую совместимость нашего яда. В данном случае, если новорождённый сделает что-то колоссально глупое...

Подняв ладони в своеобразном беспомощном жесте, он посмотрел на меня.

— ...вампир-создатель не умирает в результате этой глупости. Молодой вампир просто прекращает своё новое существование... и колесо времени продолжает вращаться.

Брик посмотрел на наши лица — то ли чтобы оценить степень нашего понимания, то ли чтобы увидеть реакцию на свои слова, то ли и то, и другое.

— То, что я сделал, создавая Наоко, в высшей степени редко, — добавил Брик. — *В высшей степени* редко. По правде говоря, такое не делается почти никогда, особенно в наши дни, когда есть столько способов нечаянно убить себя. Особенно когда среди нас теперь бродят видящие.

Он остановился на лице Джема, затем посмотрел на Блэка.

— Таким образом, я ничуть не удивлён, что ни в твоей научной лаборатории Пентагона... — опять проблеск клыков. — ...ни в твоей собственной команде медиков, Квентин, никто никогда не сталкивался с таким случаем.

Брик откинулся на спинку своего стула.

— Наоко уникален, — просто сказал он. — Поистине, я не удивился бы, если бы узнал, что он — один из очень маленькой горстки ныне живущих вампиров, которые созданы таким путём. Обычно такое существовало только в наши ранние годы, и то в основном по двум причинам. Любовь...

Он взглянул на меня, вскинув тёмную бровь.

— ...или чтобы положить конец или завладеть отдельной человеческой родословной. Такое обычно случалось с человеческими монархами или каким-то политически или культурно значимым кланом. Это также делалось как часть общей расовой стратегии.

Взглянув на наши лица, Брик продолжил тем своим серьёзным тоном, и из выражения его лица ушёл любой намёк на юмор.

— Когда мы только родились, — сказал он, взглянув на Ника с хмурым видом. — Боюсь, мы немного социопатичны. Полагаю, таков корректный современный термин. Социопаты. Психопаты. Лишённые совести, наделённые сильными антисоциальными тенденциями ко всем, кроме нас самих. Мы ведём себя как личности, которых в разговорной речи называют «серийными убийцами».

Повернувшись, он бросил на меня мрачный взгляд.

— Такова стадия нашего развития. Лично я считаю, что это в некотором роде обусловлено эволюцией, поскольку позволяет преодолеть любую изначальную брезгливость из-за нашего нового состояния... в частности, наших новых потребностей в питании. Нам даётся период времени... иногда недели, обычно месяцы, иногда годы... когда никакой эмоциональный аспект наших перемен не искажает физической адаптации к новому биологическому виду.

Слегка растягивая слова луизианским акцентом, Брик вскинул бровь, глядя на меня.

Улыбка не касалась его губ.

— Конечно, это весьма удручает тех, кто знал новорождённого как человека, — признал он. — Новорождённый действительно кажется совершенно другой личностью... лишённой сопереживания, эмоциональной привязанности понимания и, ну, *человечности*. А их близкие привыкли видеть в них эти черты прежде. Вполне нормально думать, что в ходе трансформации стёрлись все следы того, кем они когда-то были, все черты их прежней личности. Многим проще считать эту личность погибшей.

Взгляд Брика вновь упал на меня.

После паузы он вновь наполнил голос этой внушающей мелодией, деликатно припечатывая каждым словом.

— Эта. Фаза. Проходит, — сказал он, удерживая мой взгляд. — Это всего лишь этап в жизни полностью трансформировавшегося вампира. Этап, который позволяет им оставаться в живых, кормиться и держаться подальше от острых предметов, которые возможно захочется использовать на себе, если однажды ночью они слишком расстроятся из-за перемены жизненных обстоятельств и диеты.

Брик перевёл взгляд с меня на Блэка.

— Ты, Квентин, изменил моё мнение о видящих, — просто сказал он. — Знаю, ты думаешь, что я лишь играю с тобой, называя другом, заключая кратковременные союзы лишь для того, чтобы предать твоё доверие... но в моем дразнении есть и доля правды. Я действительно желаю, чтобы мы стали друзьями. Кроме того, моя перемена отношения к этой теме проявилась лишь со временем, что частично объясняет мои колебания настроения, когда дело касалось возможного долгосрочного союза с тобой.

Нахмурившись, он откинулся на спинку стула, оценивая Блэка взглядом.

— До встречи с тобой и твоей очаровательной женой, признаюсь, мои цели в отношении присутствия твоего вида в моём мире были предельно просты. По правде, была лишь одна цель. Была лишь одна стратегия. Я намеревался уничтожить вас и всех ваших потомков. Окончательно и бесповоротно.

Он сделал слегка извиняющийся жест одной ладонью.

— Видишь ли, я действительно считал эту Землю *моей*, Квентин. Я воспринимал ваш вид как инопланетян и чужаков. Более того, мне говорили, что вы каким-то образом умудрились испоганить свой мир и хотели украсть немалую часть моего мира. Таким образом, поскольку вы родом не отсюда, вы не имели врождённого права жить или существовать здесь. Если вы представляли угрозу (а именно так и было с моей точки зрения) вы вообще утрачивали все права. Как и с любым вторгающимся опасным видом, я считал себя совершенно вправе защищаться. Более того, я считал, что средство защиты меня и моих людей крайне просто. Истребление.

Его губы изогнулись в деликатной хмурой гримасе, немного показав белые клыки.

— Чарльз — не лучший посол вашего вида, Квентин, — произнёс он чуть холоднее. — Теперь я вижу, что моё мнение о вашей расе выстраивалось во многом на предубеждениях, которые исходили из предположений о характере вашей расы... а большую часть этих предположений я выстроил, наблюдая за Чарльзом.

Хрустальные глаза Брика метнулись вверх от стола.

— Теперь я считаю, что ошибался во многих этих предположениях, — сказал он, на мгновение показав открытые ладони, затем снова переплёл пальцы. — Я полагаю, что наши виды могут мирно делить эту планету, Квентин. Но чтобы это случилось, вам нужно *понимать* нас, равно как и я чувствую, что начинаю постепенно понимать вас.

Я ощутила, как рядом со мной волна ярости выплёскивается из света Блэка.

Я не посмотрела на него, но чувствовала, как мой свет глубже вплетается в него и оборачивается вокруг.

Честно, не знаю, пыталась ли я успокоить его, или же сделала это потому, что резонировала с чувствами в его свете.

Как и Блэк, я прослеживала, к чему подводил нас король вампиров.

Я уже понимала, почему он решил сделать такое с моим другом, и одной лишь нечеловеческой расчётливости этого решения оказалось достаточно, чтобы вызвать желание на месте вырвать сердце из его груди.

Однако я не сдвинулась с места, ничего не сказала, и после небольшой паузы Брик продолжил.

— Знаешь ли ты, что некоторые из моих людей считают, будто мы в некотором роде родственники... видящие и вампиры? Что мы биологическая пермутация¹⁴ одного и того же космического импульса? Некоторые в моём роду считают, что этот импульс лишь немного исказился в разных измерениях и проявился в наших мирах немного по-разному.

Брик помедлил, взглянув на меня, затем на Блэка.

Его хрустальные глаза сохраняли серьёзное выражение, когда он добавил:

— В последнее время я вижу больше этого сходства. Признаюсь, теперь, когда я осознанно ищу эти общие черты, а не причины ненавидеть другую расу, я постоянно вижу эти сходства. По разговорам с Наоко я понимаю, что он тоже видит их. Теперь я поистине

¹⁴ Пермутация — (от лат. *permutare* менять) смена, перестановка, изменение в последовательности определённого количества данных элементов.

считаю, что у нас больше общего, чем признают обе наши расы. Полагаю, что друг с другом мы делим больше общих черт, чем с людьми... как бы ни было больно слышать это вам, мистер и миссис Блэк.

Его губы вновь мрачно поджались, когда он взглянул на меня.

— Знаю, вы считаете, что мои люди лишены чувств... но уверяю вас, на самом деле — полная противоположность. Как и ваши люди, вампиры чувствуют всё намного глубже людей, намного интенсивнее людей. По той же причине наши эмоции требуют больше зрелости и самоконтроля, чем подвластно человеку... особенно учитывая необходимость скрывать нашу истинную природу. Как и ваши люди, наши долгосрочные моногамные пары тоже крайне редки, но в высшей степени эмоциональны и взрывоопасны в сравнении с людскими парами.

Помедлив, он сделал примирительный жест одной рукой.

— Я принимаю во внимание, что вы не желаете выслушивать эти наблюдения от меня при таких обстоятельствах... особенно после вчерашнего, Квентин. Но это правда. Фаза новорождённого — это аномалия, как я и сказал. Как только Наоко вырастет, он будет больше похож на прежнего себя, и вы сумеете увидеть это своими глазами лишь в том случае, если дадите ему этот шанс.

Вампир просканировал наши лица с настороженным выражением.

В итоге он перевёл взгляд на Блэка, и его стекловидные глаза смотрели совершенно серьёзно.

— Мы бы с успехом познали истинную природу друг друга, — предостерёг он. — Мы ещё можем мирно делить эту планету... и научиться жить с состраданием к людям, с которыми мы делим этот мир.

Молчание по нашу сторону стола сгустилось.

По правде говоря, я бы удивилась, если бы у кого-то из нас нашёлся ответ на такое.

Всё, что приходило мне на ум — это матерные слова.

А ещё всеобъемлющее желание опять увидеть шею вампира, пронзённую мечом Блэка.

Не знаю, увидел ли Брик это на наших лицах или нет.

Когда никто из нас ему не ответил, он продолжил говорить тем же осторожным голосом. Его слова звучали нарочито спокойными, тщательно подобранными.

— Наоко ещё не начал по-настоящему переходить в следующую фазу его трансформации, — сказал он, взглянув на Ника. — Отчасти потому, что он борется с этой переменой... что опять-таки, совершенно нормально, это можно понять, и не из-за чего переживать. Если он подобен большинству молодых вампиров, то он наверняка напуган. Накатывающие на него чувства сильны... намного сильнее всего, что он когда-либо испытывал до сих пор.

Вновь взглянув на Ника, король вампиров деликатно нахмурился.

— В результате естественно, что эти чувства пугают, — продолжил он. — Более того, Наоко весьма умен, как я уже сказал, а значит, можно сделать некоторые поблажки его психическому состоянию. Зачастую самые умные из нашего вида проходят через самые сильные мучения в начале. Опять-таки, полагаю, это естественно. В мире людей наиболее образованные также обречены страдать больше... полагаю, это правдиво и для видящих. Наоко осознает глубину эмоций, с которыми он столкнётся, и поэтому ему хватает ума блокировать эти эмоции различными путями, используя сложные ментальные стратегии. Может пройти ещё несколько месяцев прежде, чем он полностью войдёт в стадию эмоциональных воспоминаний.

Лёгкая улыбка коснулась губ вампира.

Моя ненависть умножилась в разы, когда я осознала, что эта улыбка вызвана гордостью.

— Я начинаю узнавать, что Наоко уникален в некоторых отношениях, — добавил вампир, и та гордая улыбка всё ещё дразнила его губы. — Назвать его умным — это приуменьшение, правда. Теперь я осознаю, что он почти гений.

Брик адресовал эту крайне гордую улыбку Нику.

— По этой причине нам довольно сложно его контролировать, — добавил король вампиров. — Серьёзно, масштабы его ума и изобретательности немного шокировали нас всех. Я знал, что он был неглупым человеком, но я и понятия не имел, насколько он умён, пока не обратил его в вампира. Честно говоря, я понимаю, что нам повезло иметь его среди нас.

Эта гордость просочилась в голос Брика, когда он добавил с менее скромной улыбкой.

— Вы знаете, что он едва не *убил* Дориана во время своей первой недели тренировок? Вы хоть представляете себе, насколько это *экстраординарно*?

Брик издал тихий смешок, взглянув на Дориана, который ответил на этот взгляд своей улыбкой и слегка вскинутой бровью.

Ник ни разу не отрывал взгляда от нашего края стола.

В отличие от этих двоих, на его губах ни разу не отразилось улыбки.

— К счастью, — продолжал Брик с той луизианской тягучестью. — Наш Дориан немного мазохист. А ещё его непросто запугать. Он упорно продолжал свои попытки обучить Наоко и начал добиваться некоторого успеха, как только осознал степень его ума и начал обращаться с ним как с равным. И всё же... Поистине изумительно, как он был близок к тому, чтобы сбежать от нас, даже когда вся моя семья *активно* наблюдала за ним.

Весело покачав головой, Брик взглянул на Ника, затем снова на нас.

— Он расставил ловушки для нас. Физические ловушки, которые действительно сработали. Одна из них подвесила Дориана под потолком в наших частных апартаментах в Париже.

Брик усмехнулся, словно ничего не мог с собой поделать.

— ...Позднее, — добавил он. — Когда мы решили, что более-менее приструнили его, он прибегнул к более деликатным стратегиям, чтобы контролировать нас. Однажды он даже сумел обратить в некотором роде принудительную тренировку против Дориана, манипулировал им, разыграл настоящий психологический гамбит, чтобы *опять* сбежать от нас. Он весьма проницателен в психологическом плане... и в высшей степени умеет адаптироваться, вдобавок к его стратегическим и пространственным навыкам.

Улыбнувшись Нику в знак открытой привязанности, Брик добавил:

— ...А ещё, боюсь, он буквально вьёт верёвки из меня и Дориана.

Брик разжал руки и поднял ладони в преувеличенном беспомощном жесте, словно говоря «*Ну что тут поделаешь?*»

Его веселье испарилось, когда он повернулся к Блэку.

— Я знаю, что это не оправдание, Квентин.

Голос вампира изменился, возвращаясь к тому насыщенному присутствием тону, становясь глубже, серьёзнее — таким серьёзным, какого я ещё никогда от него не слышала.

— Я ни в коем разе не оправдываю случившееся вчера, — продолжил Брик. — Я приношу свои искренние извинения и принимаю на себя полную ответственность за то, что случилось с вашей подругой. Узнав об этом, я пришёл в ужас... в откровенный ужас. Я также испытал облегчение, узнав, что он хотя бы никого не *убил*. Вы не представляете, насколько это необычно для вампира его возраста. Хотя это и малое утешение, знаю, но это всё равно стало облегчением для всех нас.

Очередное молчание повисло над группой собравшихся.

В это время Брик смотрел на всех нас, включая ряд видящих, которые стояли за мной.

Я осознала, что пристально смотрю на Ника и не могу отвести взгляд.

Когда никто ничего не сказал, заговорила я — ещё не успев осознать, что хочу открыть рот.

— Он сделал это с Кико, — сказала я.

Я почувствовала, как каждый взгляд в комнате метнулся ко мне.

Я смотрела лишь на Ника.

— ...Он изнасиловал Кико, — сказала я. — Он написал на стене то послание Блэку. Кровью Декса. После того, как едва не убил Кико. Это сделал *Ник*.

Я подождала мгновение, чтобы Ник посмотрел на меня.

После намеренной паузы он всё же перевёл взгляд. Его лицо выражало безразличие, хрустальные глаза сделались плоскими, всматриваясь в мои.

— Зачем? — спросила я, в этот раз обращаясь к нему. — Зачем тебе делать такое, Ник? Объясни мне, как ты можешь сохранять в себе хоть *крупницу* знакомого мне Ника, и в то же время изнасиловать ту, которую ты когда-то считал другом? Объясни мне, как ты мог едва не убить её, а затем оставить это бл*дское *послание* на стене для меня и Блэка?

Молчание затянулось.

Ник не отворачивался от меня. Он даже не моргнул.

В те же несколько секунд я осознала, что не вижу, как он дышит.

Я собиралась заговорить вновь, когда позади меня раздался голос Джема.

— Ты говоришь, что он изменится? — спросил видящий.

В его голосе звучал такой сильный акцент, какого я никогда от него не слышала.

Я повернулась и посмотрела на него через плечо.

Джем не смотрел на меня, но я видела, как напрягся его подбородок, пока он смотрел на Брика. Его зелено-фиалковые глаза отражали свет от промышленных потолочных ламп.

— Ник, — пояснил Джем, когда вампир поднял взгляд, сосредоточившись вместо меня на Джеме. — Наоко, как ты его называешь. К этому сводится вся твоя длинная лекция, *на*? Что он станет больше похож на себя, как только восстановит свои «эмоциональные воспоминания», или как ты их там называешь? И что как только это случится, у нас будет основание для настоящего союза?

Брик посмотрел на него.

Судя по слегка поджавшимся губам, он явно расслышал эмоцию в голосе видящего. Он впился в него пронизывающим взглядом, затем эти стеклянные глаза переключились на Ника.

— Этот питает к тебе довольно нежные чувства, Наоко, — заметил он, слегка нахмурившись. — Ты забыл упомянуть его.

— Потому что я не думал, что он знает, кто я вообще бл*дь такой, — сказал Ник.

Голос Ника заставил меня буквально подпрыгнуть.

Затем моё сердце бешено заколотилось.

Его голос звучал так знакомо, что мою грудь пронзило болью. И всё же я слышала в его словах намёк на ту мелодичность.

Он продолжил совершенно скучающим тоном.

— ...Не считая того, что он трахал человечку, которую я хотел трахать, и привлекал взгляды каждой женщины в нашем лагере, я ничего о нём не знал. Он один из тех, кто вошёл в дверь в Нью-Мехико. Он их лидер... был лидером, пока не примкнул к Блэку.

— Ну, он тебя знает, — сказал Брик, всё ещё всматриваясь в лицо Джема. Он казался ошеломлённым этим наблюдением и адресовал следующие слова Джему. — У нас возникнет проблема, друг? Или ты сумеешь контролировать себя, пока мы тут не закончим?

Нахмурившись, я во второй раз посмотрела на Джема.

В этот раз я увидела то, что видел Брик.

Джем задышал тяжелее, из его света исходила густая холодная ярость. В этот раз он не просто выглядел воинственным; он выглядел так, будто готов убивать голыми руками.

Блэк тоже явно почувствовал это.

Взглянув на Джема, он показал на него несколькими взмахами пальцев. Я почувствовала, что он также послал что-то своим светом.

Что бы там ни было, он не сопровождал это словами.

Джем посмотрел на него.

Его зелёные глаза полыхали жаром, но он действительно смотрел на Блэка и, похоже, что-то увидел — какое-то родство или понимание.

Что бы там ни было, это заставило его сдать назад.

По крайней мере, временно.

Брик продолжал настороженно оценивать Джема, хотя адресовал свои слова Нику.

— Ты определённо более популярен в этих кругах, чем говорил нам, дражайший.

Ник не ответил. Выражение его лица даже не изменилось.

От него исходило ощущение мысленного пожатия плечами.

Брик посмотрел на меня, затем на Блэка, и выражение его лица оставалось настороженным.

— Я приношу извинения за эмоциональную травму, которую всё это, несомненно, наносит тебе и твоим людям... особенно твоей жене, — сказал вампир таким же настороженным тоном. — Но мне нужно было, так сказать, поженить наши лагеря. Это показалось мне самым эффективным способом... а возможно, и самым безопасным способом для меня.

Я взглянула на Блэка.

Теперь он пристально смотрел только на Брика.

Его лицо ничего не выражало. Я чувствовала его через структуру связи, которую мы делили, но ни капли этого не показывалось на его лице или в глазах.

— Ты знал, что я этого хотел, — добавил Брик, переводя взгляд между мной и Блэком. — Изначально я готовил это для твоей жены, как тебе известно. Я действительно думал, что так будет лучше для обоих миров, для нас обоих. Я знаю, как ты любишь, когда один из нашего вида забирает твою кровь, Квентин. Я поистине надеялся и верил, что если у твоей жены будет эта способность... эта дополнительная возможность доставить тебе удовольствие... то это станет дополнением к вашему браку. К вашей сексуальной жизни, как минимум. К тому же, разве есть лучший способ понять наш вид, чем брак с одним из нас?

Лицо Блэка не дрогнуло.

И всё же я чувствовала завиток жара под моими ногами, от которого становилось сложно держать лицо. Это так сильно напоминало мне об острове Мангаан, что я не могла перестать коситься на Блэка.

— ...Однако я обратил внимание, — осторожно продолжил Брик, теперь наблюдая в равной мере за мной и за Блэком. — Что обращение Мириам сопряжено с некоторыми рисками. Не столько из-за её смешанной крови. Я уже почти уверен, что её кровь совместима с превращением в одного из нас. Нет, проблема крылась в её браке с *тобой*, Квентин.

На мгновение переменив позу на стуле, он оценил наши лица, затем продолжил тем же осторожным тоном.

— Из-за природы того, как связываются ваши люди, я не мог предсказать, как Мириам... или ты сам, Квентин... отреагируете на такое радикальное изменение в физической природе одного из вас. Мне сказали, что связь и без того делает вас крайне восприимчивыми к любым изменениям друг в друге, и внесение ещё большей нестабильности в эту смесь может привести к серьёзным последствиям. Не только для Мириам, но и для тебя, Квентин. И для меня, поскольку я изменил бы её так, как изменил

Наоко, что сделало бы мою жизнь зависимой от жизни Мири. Возможно, это связало бы жизни всех нас троих.

Слегка нахмурившись, он добавил:

— Меня и ранее предупреждали о подобном представители вашего вида. Эфраим, в частности, очень настаивал, что если Мири станет одной из нас, то это должно случиться до завершения связи между вами. Похоже, он считал, что я играю с огнём, экспериментируя с подобными вещами даже тогда, Квентин... но он сказал, что пробовать такое с полностью завершённой связью равносильно самоубийству.

Склонив голову, Брик взглянул на меня, затем на Блэка.

— Честно говоря, Эфраиму эта идея была ненавистна вне зависимости от времени реализации. Теперь, лучше понимая ваш вид, я склоняюсь к такой точке зрения. Связь священна для ваших людей. Я уважаю это чувство. Поистине. Я не стал бы и помышлять о подобном, если бы не существовало столь отчаянной необходимости связать наших людей до того, как Чарльз полностью завербует тебя в свои расистские помешательства.

Нарочито помедлив, Брик добавил:

— После Нью-Йорка, и после того, как Дориан вытащил меня из той адовой дыры в Вирджинии, я предполагал, что нашим видам уже поздно заключать союз, Квентин. Я предполагал, что к тому времени армия дяди Чарльза полностью промыла тебе мозги.

Губы Брика подёргивались в улыбке.

Это была не саркастическая улыбка. Она показалась мне вполне искренней.

— Представь себе моё удивление, когда ты, Квентин, появился на то болото в Луизиане, ища меня. Поначалу я совершенно растерялся и не знал, как реагировать. Я также не мог заставить себя надеяться, что означает эта твоя перемена настроения. Затем, когда ты позволил мне и Дориану уйти невредимыми из той засады в Вашингтоне, и даже запросил нашей помощи на том острове с чокнутыми людьми, я знал, что боги преисподней непременно посылают мне знак.

Я почувствовала, как тот жар всё жарче распалается вокруг Блэка.

Я также ощущала его сокрушительное чувство вины, когда он осознал слова Брика.

И всё же выражение его лица не дрогнуло.

— Однако я никогда не забуду предостережение Эфраима, — задумчиво сказал Брик. Он легонько постукивал пальцами по столу. — Я помню, что он говорил про вас двоих. Я помню, как он объяснял мне, что использование одного из связанной пары для создания кровной связи с нашими людьми может окончиться феерическим провалом... не говоря уж о трагедии, за которую я никогда себя не прощу. Так что я стал искать другой способ.

Посмотрев на лица по нашу сторону стола, он выразительно пожал плечами.

— Я решил, что будет лучше, если я буду избегать тех, кто совместим с моей вампирской кровью, хотя у меня есть возможность создавать *любых* своих детей через кровную связь, если я пожелаю. Однако что более важно, я хотел того, кто станет активом... и для моих людей, и для ваших.

Помедлив, он вновь сделал один из тех извиняющихся жестов.

— В итоге выбор оказался очевиден. По крайней мере, для меня.

Взгляд Брика метнулся к Нику, голос оставался задумчивым.

— Признаю, я сделался равнодушен к Наоко, как только заметил его. Как только я увидел, насколько тёплые чувства к нему питает твоя жена... и ты сам, Квентин, вопреки явной ревности к его отношениям с Мириам... я знал, что это должен быть он. Чем больше я наблюдал за ним и замечал его личные черты, навыки, ум, тем сильнее я убеждался, что он станет отличным прибавлением к моей семье. По правде говоря, я остался вполне доволен.

Осторожно взглянув на меня, затем на Блэка, он добавил:

— Я по-прежнему вполне доволен. Я считаю невероятной честью иметь Наоко в своей крови. Что бы вы ни думали о нас, мы не желаем ему ни малейшего вреда. Совсем

напротив. Мы все его очень любим. *Все.* Вне зависимости от кровной связи, которую я с ним делю, мы будем защищать его ценой наших жизней. Без колебаний.

Голос Брика зазвучал жёстче.

— Мне важно, чтобы ты это понимал, Квентин. Наоко — теперь семья... для нас обоих. Поверь мне, когда я говорю, что для вампиров это значит не меньше, чем для видящих. Теперь он часть меня, и всегда ею останется. Надеюсь, со временем вы всё это поймёте. Как минимум, я надеюсь, что вы начнёте уважать то, какую власть надо мной это имеет.

Молчание сгустилось.

Когда ни один из нас его не нарушил, Брик продолжил чуть более лёгким тоном.

— И да, — сказал он, переводя взгляд своих прозрачных, похожих на потрескавшееся стекло глаз на Джема. — Отвечая на твой вопрос, друг, он будет со временем становиться всё более и более похожим на себя. Его эмоции уже возвращаются небольшими проблесками воспоминаний, то тут, то там. Пока что он может избегать их и подавлять, но вскоре это станет невозможным. Как только это случится, вы можете поистине удивиться тому, как много вашего Ника Танаки осталось... даже в теле вампира.

И вновь он помедлил, слушая наше молчание.

Однако в этот раз он, похоже, не спешил его нарушать.

К сожалению, никто из нас, видимо, тоже не знал, как нарушить это молчание.

Глава 22. Плохие воспоминания

«Какого поступка ты хочешь от меня?»

Блэк повернулся, посмотрев на меня и хмуро поджав красиво очерченные губы. Я ощущала его смятение, пока он всматривался в мои глаза, и осознала, что он искренне не знал, как на это реагировать или как вести себя дальше после всего, что сказал Брик.

Он не знал, что делать.

«Мири. — Он протянул руку под столом, сжал моё бедро и принялся его массировать. — Мири... какого поступка ты хочешь от меня? Я сделаю всё, что ты захочешь. Всё, что ты считаешь правильным».

Чувствуя, как сердце грохочет в моей груди, я закусила губу.

Ещё не осознав своё намерение, я посмотрела на другую сторону стола.

Мои глаза по собственному желанию нашли Ника.

Он тоже наблюдал за мной.

На протяжении долгого мгновения я могла лишь смотреть на него.

Затем Ник заговорил, и его слова вылетали сквозь низкий, кажущийся невольным смех.

— Иисус бл*дский Христос, — сказал он, глядя на всех нас. — Мне надо было умереть годы назад. Вы посмотрите на себя.

Его хрустальные глаза встретились с моими.

Я смотрела, как юмор испаряется из их ясных глубин, и алый завиток проступает вокруг чёрного зрачка.

— Все эти грустные лица, — сказал он, всё ещё глядя на меня. — Вся эта притворная скорбь. Забавно. Кажется, ты ничуть не возражала против моей смерти, когда оставила меня умирать в той бл*дской пещере на острове, Мири. И когда послала вампиров «помочь» нам на том дереве.

Изображая пальцами кавычки в воздухе, он с жёсткой улыбкой посмотрел за меня.

Я проследила за его взглядом и осознала, что он смотрит на Джема.

Темноволосый видящий шагнул вперёд. Не отрывая взгляда от Ника, он подошёл к столу и встал прямо за мной.

Я почувствовала, как его ладонь легонько опустилась на спинку моего стула.

Я ощущала желание защитить, выходявшее из его света.

— А ты ужасно легко прощаешь, Джем, — сказал Ник с лёгкой насмешкой в голосе. — Но полагаю, ты же видящий... может, для тебя логично, что непрекращающийся марафон траха Блэка с доком — это важнее спасения наших задниц.

— Ты помнишь пещеру? — спросил Джем.

Ник фыркнул.

— Конечно.

— Хорошо. Тогда ты помнишь, как пытался помочь мне там? Даже после того, как я поступил с тобой, ты пытался мне помочь. Ты даже предлагал, чтобы они избивали тебя вместо меня. Ты помнишь? Ты злился на меня, но ничего не мог с собой поделаться и всё равно пытался мне помочь.

Я уставилась на Джема, моргнув.

Он ничего из этого нам не рассказывал.

— Только ты это делал, — жёстче добавил Джем. — Больше никто не пытался мне помочь. Только ты. Ты думаешь, будто я не знаю, будто меня слишком сильно накачали наркотиками... будто я был настолько не в себе, что не знал, что ты сделал. Но я знал. Я слышал всё, что ты говорил там. Я чувствовал твою боль.

Ник уставился на него.

На кратчайшее мгновение я видела, как сомнение окрасило эти стеклянные глаза, коснулось уголков его полных губ.

Затем Ник нахмурился, заставив себя отвести взгляд от высокого видящего.

Он уставился вдоль стола, качая темноволосой головой.

— Я помню, как из тебя выбивали дерьмо, — сказал он, поднимая взгляд к Джему. — Может, я был немного чувствительнее остальных...

— Чушь собачья, — прорычал Джем.

Ник нахмурился ещё сильнее. Он, похоже, хотел продолжить и снова заговорить, но Дориан положил ладонь на его руку.

Когда Ник всё равно открыл рот, светловолосый вампир заговорил.

— Нет, — просто сказал он.

Ник повернулся, сердито посмотрев на него.

И всё же после небольшой паузы он закрыл рот.

Повернувшись, Ник хмуро посмотрел на всех по нашу сторону стола. Он прикусил губу, взглянув на Дориана, затем всё равно пробормотал следующие слова, словно совершенно не мог молчать.

— Лицемерие просто невероятное, бл*дь, — прорычал он. — Все эти нелепые крокодиловы слёзы. Хор сентиментального завывания. Как будто кому-то из них было дело, когда...

Дориан крепче сжал его руку.

Ник повернулся, во второй раз наградив его сердитым взглядом.

— Отъе*ись, — прорычал он. — Я сидел здесь и позволял выставять себя вашей новой игрушкой целый бл*дский час. Я *позволил* вам, потому что понимаю необходимость этого. Но не путайте это с владением. Я не ваш чёртов питомец...

Дориан протянул руку и схватил Ника за волосы.

Двигаясь стремительно, слишком быстро, чтобы я проследила глазами, он дёрнул голову Ника в сторону и куснул клыками его горло сбоку, чуть выше места, где начиналось плечо. Выражение лица Ника мгновенно изменилось, сделавшись не таким

ожесточённым. Он сжал предплечье высокого вампира, затем тут же повернулся к нему и поцеловал в губы.

Я смотрела, как они целуются на протяжении, казалось, бесконечного периода времени.

Какой-то части меня было больно смотреть.

Я чувствовала, как это влияет на меня на некотором уровне.

Я не углублялась в эти ощущения, пока поцелуй длился. Не думаю, что в те несколько минут мой мозг издавал что-нибудь, кроме статического шума.

Когда Дориан наконец отстранился, глаза обоих вампиров выглядели остекленевшими.

Затем раздался голос Блэка.

Он прозвучал громким, наполненным светом и настолько злым, что заставил меня подпрыгнуть.

— Нам нужно поговорить об этом, — сказал Блэк.

Я повернулась, посмотрев на него. Я чувствовала, что он задышал тяжелее, тот тёмный свет кружил и искрил под его ногами, под моими ногами. Его кожа разгорячилась, пока он смотрел на вампиров, расположившихся напротив него. Он посмотрел на Ника и Дориана, затем сосредоточил весь свой свет и разум на Брике.

Лишь от вида выражения его лица и ощущения его света я тоже задышала тяжелее.

— Нам нужно время, чтобы всё обсудить, — сказал Блэк, и в его голосе содержалось ещё больше этого дополнительного нажима. — Когда вы не будете сидеть перед нами. Когда вы не будете всё «объяснять». Когда вас вообще не будет поблизости. Тебе нужно уйти, Брик. Тебе нужно убраться отсюда *нахер* и забрать с собой своего нового вампира и всех твоих проклятых приспешников. Тебе нужно исчезнуть, пока я не скажу, что могу вновь с тобой говорить.

Я отвела взгляд от Блэка, посмотрев на короля вампиров.

Я вновь увидела в глазах вампира ту насторожённость, а также понимание, когда он посмотрел на лица в нашей половине комнаты.

В мгновение ока он принял решение.

— Конечно, — сказал он, тут же поднявшись.

Он посмотрел на Дориана и Ника, и эти двое встали вслед за ним.

Я смотрела, как Брик поправляет свой пиджак, застёгивает нижнюю пуговицу и подбирает трость с Анубисом, затем взглянула на остальных вампиров, стоявших полукругом вокруг их лидера. Я не видела и не слышала, чтобы они говорили или обменивались какими-то жестами, но похоже, они в то же мгновение поняли, что он намеревался сделать.

Я смотрела, как они начинают выходить из помещения более-менее в той же манере, в какой вошли.

Однако в этот раз Ник шёл между Дорианом и Бриком вместе с двумя другими вампирами перед ним и позади него.

Я невольно ощущала в этом окружении защиту.

Мы все просто оставались на прежнем месте, стоя и сидя, пока вампиры исчезали в тёмном проёме, который вёл к стальным дверям и обратно на оживлённую улицу Мишн-дистрикта. Не думаю, что кто-то из нас пошевелился — мы только дышали и взглядами следили за плавными движениями вампиров.

Через считанные секунды они полностью исчезли.

Похоже, прошло ещё несколько секунд, прежде чем все мы перестали смотреть на тот тёмный проем или другую сторону стола, где они сидели.

Прошло ещё некоторое время, и только тогда один из нас нарушил молчание.

— Проклятье, — пробормотал Ковбой, откидываясь на спинку стула.

Я посмотрела на него, затем на Энджел, которая, как я только теперь осознала, плакала, вытирала глазами пальцами и пыталась взять под контроль выражение лица. Ковбой держал её свободную руку на своих коленях, сжимая пальцы и ладонь.

Затем я взглянула на Джема, который всё ещё выглядел разъярённым, настолько переполненным гневом, что он не позволял себе говорить или сдвигаться с места, где он всё ещё стискивал спинку моего стула.

Наконец, я посмотрела на Блэка.

Он выглядел таким же потрясённым, как Энджел, и почти таким же злым, как Джем.

Я смотрела, как он вытирает глаза боковой стороной ладони, пальцами другой рукой всё ещё сжимая моё бедро. Его губы исказились в злой, переполненной скорбью гримасе.

Я гадала, почему же я сама не плачу.

Я гадала, почему Энджел и Блэк могут плакать, а я не могу.

Я всё ещё смотрела на Блэка, сжимая его руку на своём бедре, когда в моём наушнике раздались голоса.

Прежде чем я успела различить отдельные слова или хотя бы определить, кто говорил, я услышала кое-что. Звук эхом отдавался в наушнике из зелёного металла в моём ухе. Такой знакомый, что я потянулась к пистолету ещё до того, как в голове сформировалась сознательная мысль.

Выстрелы.

Я поднялась на ноги одновременно с Блэком.

Все мы полубегом направлялись по коридору, выкрашенному чёрной краской, к выходу из здания, пока Блэк прикоснулся к наушнику и громко заговорил.

— Хавьер. Говори со мной.

Я коснулась своего уха, пытаюсь осознать, что я слышала на другом конце линии. Что бы там ни происходило, это не в здании на Калифорния-стрит.

Я слышала уличное движение, крики и вопли гражданских.

Это снаружи данного здания, на Валенсия-стрит.

Раздался голос Хавьера.

— Кто-то открыл огонь... опознали как минимум тридцать разных стрелков, и это только сейчас.

— Стреляют по вам? — спросил Блэк.

Мы уже почти выбрались в переднюю часть складского помещения.

Хавьер на мгновение отключился, затем его голос раздался ещё громче.

— Нет. По вампирам. Повторяю... цель — вампиры, не наши люди.

Мой разум немедленно метнулся к Нику.

Я взглянула на Джема, который шагал возле меня. Он нахмурился, встретившись со мной взглядом.

«Ты туда не выйдешь, — прорывал он в моем сознании. — Забудь об этом».

Блэк бросил на него жёсткий, явно раздражённый взгляд. Взяв меня за руку, он привлёк меня ближе, и я зашагала быстрее, чтобы поспевать за его широкими шагами. Отбросив слова Джема, я сосредоточилась на людях в наушнике, когда заговорил Блэк.

— Открыть ответный огонь, — прорывал он. — Защищайте Ника, если можете, — его голос сделался ниже, грубее. — Вы уверены, что это не наши? Кто-нибудь, кто

услышал, что здесь происходило? Большинство из вас слушало встречу в живом времени, верно?

— Да, — подтвердил Хавьер. — Но ответ отрицательный, это не наши люди. Все наши отчитались.

— Ты уверен?

— Это подтверждено, сэр. Да, — последовала короткая пауза. — Это люди Счастливики. Мы только что получили визуальное подтверждение по двум из них. Их узнала система распознавания лиц, — голос Хавьера сделался мрачным. — Я тоже их узнаю, босс.

— Пришли мне. Немедленно.

Не отпуская моей руки, Блэк вытащил телефон из куртки, заворачивая за очередной угол в коридоре. Теперь прямо перед нами находилась стальная дверь. Два видящих из новой команды разведчиков стояли по обе стороны от неё, их глаза причудливого цвета слегка сверкнули в свете настенных ламп, когда они повернулись к нам.

— Снаружи всё ещё стреляют? — спросил Блэк.

— Нет, сэр, — тут же сказал первый видящий, поклонившись в их манере.

— Теперь они обратили их в бегство, сэр, — добавил второй, стискивая похожую на палку ручку двери. — Вампиров, имею в виду... они все бегут, сэр. Большинство стрелков передвигаются по крышам. Перестрелка сместилась на несколько кварталов отсюда.

— Тогда чего вы ждёте? — зарычал на них Блэк. — Открывайте.

Сказав это, он провёл пальцем по экрану, не замедляя шагов в сторону двери. Я видела, как он зашёл в зашифрованный мессенджер для компании, где его уже ждали две фотографии. Он ткнул в первую, чтобы открыть изображение.

Затем он остановился как вкопанный.

Я озадаченно остановилась вместе с ним, дёрнувшись вперёд и назад от того, как резко Блэк прекратил движение. Я недоуменно огляделась по сторонам, пока он смотрел на первую фотографию, которую Хавьер прислал на его телефон. Он даже не взглянул, когда перед нами открылась стальная дверь, впустив оранжевый свет фонарей и звуки стихающей перестрелки.

Увидев, как побледнел Блэк, я сжала его руку.

«Что? — я стиснула его ещё крепче. — Кто там?»

Блэк повернулся и посмотрел на меня так, словно не знал, как мне ответить, и стоит ли это делать. Затем его подбородок напрягся — прямо перед тем, как он, похоже, принял решение.

Не сказав ни слова, он протянул мне телефон. Забрав у него устройство и всё ещё настороженно глядя ему в лицо, я провела пальцем по экрану, чтобы снова открыть изображение.

Сделав это, я смогла сдержаться и прерывисто втянула воздух.

Свет Блэка обвился вокруг меня, такой плотный и жаркий, что я с трудом могла отделить себя от него, думать сквозь жар и интенсивность его присутствия.

Вопреки этому я не поднимала взгляда от его телефона.

Я не отрывалась от изображения мужчины на экране.

Я отупело смотрела на знакомое лицо, всматриваясь в пару глаз, которую никогда уже не ожидала увидеть. Я уже почти убедила себя, что они больше не существовали в одном мире со мной. Свет на крыше, где он присел, освещал каждый дюйм его лица, не оставляя ничего в тени вопреки тому, что за этими дверьми наступила ночь. В неподвижном изображении, заснятом беспилотником, его голова была повернута к камере. Он не смотрел прямо в камеру, но повернулся достаточно, чтобы не оставалось никаких сомнений в его личности.

Это он. Это не мог быть кто-то другой.

Его волосы были короче, чем мне помнилось.

Кто-то сбрил их, и теперь они были длиной меньше дюйма.

Вопреки декабрьской погоде он был одет в чёрную майку, две винтовки болтались на его груди и спине. На левом бицепсе виднелась невероятно детально прорисованная татуировка меча и солнца, которую я помнила. Ещё больше татуировок покрывали видимые части его спины, не скрытые майкой, поднимаясь до самой шеи. Я знала, что они занимали большую часть его спины от шеи до бёдер.

На бицепсе другой его руки, которая напряглась, сжимая вторую винтовку, свернулся дракон.

Я то и дело возвращала взгляд к этим фиалковым глазам.

Они выглядели в точности так, как мне помнилось.

Я помнила, какой шок пережила, когда впервые увидела эти глаза и его самого в той грязной подвальной квартире в Бангкоке. Я помнила, как подумала, что он нереален, что он больше походил на бледную статую, нежели на живое существо. Я помню, как думала, что он напоминал какое-то мифическое существо и слишком красив, чтобы быть настоящим.

Я помню, как думала, что он походил на вампира.

— Солоник, — выдохнула я.

Мое дыхание перехватило в груди.

Это вернуло меня в прошлое. Не только в бангкокский подвал, где он привязал меня и насиловал целыми днями, где он называл меня своей девушкой и разодрал каждую часть моего света, чтобы я не могла от него заслониться, но и в раннюю версию меня, в Мириам, которой я была до всего случившегося. Та Мириам была психологом-криминалистом.

Она едва знала Блэка, не имела настоящей семьи кроме Ника, всегда чувствовала, будто она сама по себе, как бы сильно она ни любила своих друзей.

Но было ли это правдой тогда?

Я помню, как даже тогда кричала и звала Блэка в темноте.

Я помню, что он был семьёй, к которой я побежала в худший момент своей жизни.

Тогда всё между мной и Блэком изменилось.

Теперь я задавалась вопросом, не было ли это отчасти делом рук Солоника.

После того, что сделал Солоник, я не могла заслониться и от Блэка тоже. Насколько я знала, мы с Блэком изначально связались потому, что впервые с момента нашей встречи я не сумела держать его на расстоянии вытянутой руки. Я не могла закрыться от него, используя трюки со щитами, которым научил меня отец. Я не смогла оттеснить его за эти стены, с помощью которых после смерти своей сестры я всех держала на расстоянии, даже Ника и Энджел... даже Йена вопреки нашей помолвке.

Как только мои стены рухнули, Блэк проник в мой свет, совсем как Солоник.

Разница в том, что мой свет *хотел* присутствия Блэка.

Я помнила, как Солоник разрывал те щиты, делая это с небрежной деловой эффективностью, от которой насилие казалось ещё хуже. Я помнила, как разодрал меня, он накрыл своим светом, выстраивая во мне структуры, чтобы он мог отслеживать и читать меня, заявить на меня права таким образом, о возможности которого я и не догадывалась...

«Мири. Мири... дорогая. Эй».

Я подняла взгляд.

Блэк стоял там, сжимая мою руку.

Я встретила взглядом с его обеспокоенными золотистыми глазами, когда он протянул другую ладонь и погладил меня тыльной стороной пальцев, убрав волосы с лица. Его свет так крепко свернулся вокруг меня, что я едва могла отличить его от своего собственного.

Аккуратно потянувшись к другой моей руке, он ласково забрал телефон из моих пальцев.

«*Мири, дорогая*, — его свет и разум успокаивали меня, притягивая и нежно глядя мой *aleimī*, втягивая глубже в себя. — *Мири, я хочу, чтобы ты осталась здесь. Пожалуйста. Просто подожди здесь, ладно, милая? Я оставлю тебя с Джемом*».

Закусив губу, я покачала головой, так крепко стиснув зубы, что это причинило боль.

— Нет, — сказала я.

Мой голос напоминал рычание.

Блэк привлёк меня ближе.

— Мири, пожалуйста, — пробормотал он. — Пожалуйста. Выслушай меня. Мне нужно, чтобы ты осталась внутри.

— НЕТ! — мои руки сжались в кулаки. — Бл*дь, ты не *оставишь* меня, Блэк. Ты меня не оставишь! Не тогда, когда *он* здесь! Ни за что, бл*дь!

Блэк моргнул, уставившись на него.

Затем какая-то часть его словно тоже вернулась туда, в те ранние дни в Таиланде. Я видела, как он понимает. Более чем понимает. В его глазах вспыхнул жар, и Блэк потянулся ко мне, прижимая ещё ближе.

При этом он медленно кивнул, и выражение его лица прояснилось.

— Ладно, — он крепче сжал мою руку. — Ладно, Мири.

Я почувствовала, как что-то в моей груди расслабилось.

Затем прямо рядом со мной раздался другой голос.

— *Не* ладно, — прорычал Джем.

Его злой голос заставил меня подпрыгнуть, затем мы с Блэком оба повернулись. Мы уставились на него, и я ощутила, как между мной и ним поднимается своеобразная стена солидарности.

Джем сверлил сердитым взглядом лишь меня.

— *Не* ладно, Мириам! Не ладно, когда там Ник... когда он в каком-то состоянии новый-вампи-убийца, и у него явно проблемы с тобой... и твоим мужем... и сексом. Только не тогда, когда тебя преследует какой-то зафиксировавшийся видящий, который уже, бл*дь, *изнасиловал* тебя, если я правильно прочёл вас, — он помедлил, чтобы наградить Блэка суровым взглядом, затем добавил: — Зафиксировавшийся видящий, который ощущается на фактический ранг одиннадцать, черт подери... если не выше.

— Ранг 11? — пробормотал Джакс по другую сторону от меня, перехватив винтовку и взглянув на Киессу, стоявшую рядом. — *Gaos d'jurekil'a...* ты уверен, брат?

— Как минимум 11, брат, — ответил Джем, бросив на молодого видящего жёсткий взгляд. — Он, может, и не Балидор, но точно не хуже бл*дского Дитрини.

— *Gaos*, — пробормотал Холо, бросив на меня и Блэка нервный взгляд. — И он заинтересован в доке? Конкретно в ней?

Джем сверлил Блэка гневным взглядом, и я чувствовала, что Блэк тоже реагирует на слова зеленоглазого видящего.

Блэк отреагировал не совсем так, как Джакс и Холо — предположительно потому, что они знали, кто такие «Балидор» и «Дитрини», тогда как Блэк не имел ни малейшего понятия. И всё же я чувствовала, что обозначение «ранг 11» ударило по нему достаточно сильно, чтобы он поколебался и подумал над словами Джема. Я также чувствовала, как Блэк складывает это с тем, что случилось в Бангкоке — с тем, что в то время озадачило его.

Он определённо задавался вопросами, как Солонику удалось сделать некоторые вещи.

Он даже гадал, не помогал ли кто Солонику.

Бледно-зелёные глаза Джема теперь остановились на мне.

— Ни за что, *бл*дь*, Мириам, — прорычал он.

Когда я нахмурилась, он, похоже, увидел что-то на моём лице. Что бы он там ни увидел, это заставило его поколебаться. Он понизил голос и заговорил более серьёзно.

— Слушай, — сказал он. — Я прошу прощения за то, что прочёл тебя только что, сестра. Я извиняюсь. Я не намеревался вот так нарушать твою приватность, но ты буквально телеграфируешь о травме. Слишком громко, чтобы я смог это проигнорировать... и твой муж тоже не нормально на это реагирует. Для меня очевидно, что в твоём свете всё ещё остались шрамы от того, что сделал с тобой этот Солоник, и это влияет на вас обоих. То, что он здесь, возглавляет команду, которая охотится на Ника... это не может быть совпадением.

Он громко щёлкнул языком, явно недовольный комбинацией факторов.

— Пожалуйста, Мири, — сказал он. — Блэк тебя послушает. Скажи ему отступить. Я не могу в здравом уме позволить тебе... и тем более вам *обоим*... подвергнуть себя риску и отправиться туда сейчас. Позвольте нам отвезти вас обратно на Калифорния-стрит. Остальные могут разобраться с тем, что происходит на улицах.

Я просто уставилась на него, скорее опешив, нежели испугавшись.

Я серьёзно понятия не имела, почему он решил, что у него есть право голоса.

А ещё я понятия не имела, почему он пытается использовать меня, чтобы управлять Блэком.

Не успела я заговорить, как Блэк втиснулся прямо между мной и Джемом, выпрямившись в полный рост. Посмотрев на них двоих, я невольно видела столкновение двух волков — золотые глаза встретились с зелёными, оба источали жёсткий свет.

Ещё я невольно заметила, что теперь Блэк действительно выглядел выше, чем при нашей первой встрече.

Он действительно выглядел *выше*. Он выглядел так, будто мог прибавить несколько дюймов в росте.

Теперь он был ростом почти с Джема.

— Бл*дь, даже не думай заходить через мою жену, — сказал Блэк, и его золотые глаза посуровели. — Ты меня слышал? *Не заходи, бл*дь, через мою жену*. Держись подальше от разума моей жены, бл*дь. Подальше от её света. Насрать мне, что она *телеграфирует*, брат.

— Что-то надвигается, Блэк, — прорычал Джем. Он сделал небольшой шаг вперёд, пригвоздив его взглядом. — Не притворяйся, что ты этого не чувствуешь! Я не знаю, что за этим стоит или кто. То ли это вампиры, то ли те проклятые Миферы, но вы с Мири прямо в центре этого, бл*дь!

— И не мы одни страдаем от травм! — прорычал Блэк, делая шаг вперёд и отвечая на агрессивную позу Джема. — Я — не мой чёртов кузен. А Мири — не жена моего кузена. Тебе надо сдать назад, бл*дь... немедленно. Иначе я попрошу далеко не так вежливо, чёрт подери.

Джем моргнул, его глаза выражали явное изумление.

Он перевёл взгляд с Блэка на меня, затем нахмурился и посмотрел обратно на Блэка.

— Поверь мне, — зло пробормотал он. — Я знаю, что ты не он.

— Дерьмо собачье! — прорычал Блэк. — Более того, ты ревнуешь Мири. И мы оба знаем, почему. Тебе нужно немедленно сдать назад. Я твой *босс*, черт подери. Прими это или убирайся нахер.

Лицо Джема ожесточилось.

Он собирался заговорить, но прежде чем он успел открыть рот, где-то под ногами Блэка полыхнул жар. Я ощутила, как волна чёрного огня поднимается в его *aleimi* подобно жидкому дыму. Она достигла его ладоней, его сердца, его горла... затем его глаз, на мгновение воспламенив то бледное золото в его пятнистых кошачьих радужках.

Джем резко отпрянул.

Я видела, как высокий видящий побелел, уставившись в глаза Блэка так, словно увидел привидение.

Сделав шаг назад, он продолжал смотреть на него, смотреть в его глаза, тяжело дыша. Он посмотрел на меня, от шока широко раскрыв зелено-фиолетовые глаза, затем перевёл взгляд опять на Блэка.

— *Gaos di 'lalente*... что ты такое, чёрт подери?

Я осознала, что подступаю ближе к Блэку.

Мгновение спустя я втиснулась между ними, совсем как Блэк встал между мной и Джемом. Сделав это, я обвила рукой талию Блэка, скорее инстинктивно, нежели обдуманно, и прижалась к нему. В то же мгновение я ощутила, как те структуры под ногами Блэка вплетаются в меня, глубже вовлекают меня в то наполненное звёздами, бурлящее пространство. Я ощущала облегчение Блэка, но в то же время от его порыва властности и желания защитить у меня перехватило дыхание.

Я не отводила взгляда от Джема.

— Джем, — сурово обратилась я к старшему видящему. — Блэк прав. Ладно? Он прав. Ты расстроен из-за Ника. Все мы расстроены. Это также провоцирует в тебе некоторые вещи. Как и история с Солоником. Но нам нужно, чтобы ты сосредоточился на текущем моменте. На нахождении *здесь*. А не на том, что случилось в другом мире. Ты можешь это сделать?

Я выждала мгновение, всматриваясь в его лицо.

Когда он промолчал, я продолжила тем же тоном.

— Если ты не можешь, то всё нормально, — сказала я. — Правда. Мы с Блэком оба поймём. Но ты должен быть честен, чтобы Блэк мог решить, куда тебя назначить.

Подбородок Джема напрягся.

Я чувствовала, что мои слова достучались до него, но он всё ещё не отрывался от глаз Блэка, всё ещё всматривался в его радужки так, будто ожидал, что они взорвутся пламенем. Когда он не отвёл взгляда и никак не отреагировал на мои слова, я потянулась к его руке. Я легонько прикоснулась к нему пальцами.

Я делала это скорее для того, чтобы другой видящий посмотрел на меня, но бывший разведчик Адипана резко подпрыгнул. Задышав тяжелее, он посмотрел на меня.

— Джем? — позвала я. — С тобой всё будет хорошо? Прямо сейчас, имею в виду.

Джем тупо уставился на меня, словно не мог осмыслить мои слова.

Затем он посмотрел по сторонам, где стояли мы трое.

Я впервые осознала, что не только Джем пристально уставился на нас. Каждый видящий и человек, сопровождавший нас на том складе, теперь стоял в фойе здания и наблюдал за нами с Блэком. Я также видела, что не только Джем всматривался в глаза Блэка. Холо, Джакс, Мика и Ярли таращились сильнее всего, но вообще все видящие в фойе смотрели на Блэка так, будто увидели привидение.

Однако никто из них не выглядел таким бледным и встревоженным, как Джем.

Нахмурившись, я взглянула на Блэка.

Он пожал плечами и слегка закатил глаза.

В чем бы ни была их проблема, он явно считал, что они реагируют слишком остро.

Я собиралась спросить у него, что нам теперь делать, надо ли нам отослать Джема вместе с остальными в здание на Калифорния-стрит, и надо ли нам послать команду за Ником или Солоником, или самим отправиться туда...

Когда снаружи раздались крики.

Они рябью прокатились по моему свету.

Вместе со звуками по мне ударили эмоции, хоть я и стояла внутри здания Блэка с его отдельной военной конструкцией — хоть я и так глубоко окутана светом Блэка. Я ощущала панику и страх, распространявшиеся по улице жидкой волной, ударяющие по одному человеку за другим, словно какое-то цунами света заполняло коридоры между домами.

Я почти задавалась вопросом, не был ли этот импульс послан самой конструкцией.

— Да, — сказал Блэк.

Я взглянула на него и увидела, что они с Джемом смотрят через распахнутую стальную дверь.

Через их света и отражения в их глазах я смотрела, как люди бегут по улице, крича. Я слышала звук бьющегося стекла и рёв вспыхнувшего пламени, и в их глазах отразился огонь.

Повернувшись к двери, я посмотрела наружу, увидев, как группа людей в красных масках швыряет коктейли Молотова в открытую дверь бара на другой стороне улицы. Я увидела, как ещё одна из горящих бутылок врезалась в окно бутика по соседству.

Теперь крики перемежались воплями, приказами.

Я также слышала скандирование.

Чем дольше я слушала, тем громче становилось скандирование, напоминая ритмичный бой барабанов.

Я уже слышала это скандирование прежде, только по телевизору.

— *Зло внутри! Зло извне!*

— *Мы несём Свет, когда кладём конец Тьме!*

— *Зло внутри! Зло извне!*

— *Мы несём Свет, когда кладём конец Тьме!*

Это были речёвки Движения за Чистоту.

Я с неверием смотрела через открытую дверь, наблюдая, как снаружи горят здания и машины. Пламя поднималось всё выше по мере того, как ещё больше подожжённых бутылок врезалось в ветровые стекла и витрины магазинов, поджигая одежду и вешалки.

Прежде чем я успела повернуться к Блэку и заговорить, ночное небо осветилось серией сотрясающих взрывов.

Они были такими мощными, что земля под моими ногами задрожала. Я вцепилась в Блэка, и его объятия вокруг меня сжались ещё крепче.

Это были не выстрелы. Даже множество выстрелов с относительно близкого расстояния не могло заставить землю дрожать вот так.

Это были бомбы.

Бунты моего дяди пришли в Сан-Франциско.

Глава 23. Бунт

— Что теперь? — наполовину прокричала я.

Я показала на ряд внедорожников перед нами, половина из которых теперь горела.

Машины были бронированными, но я видела, как толпа хлынула вокруг них, раскачивая автомобили руками и скандируя. Мужчина в красной бандане и маске на нижней половине лица приблизился к главной машине с длинным ломом и принялся ожесточёнными ударами колотить по капоту.

Я ощутила от Блэка рябь раздражения, когда водитель выбралась с переднего сидения, оттолкнув дверью толпу, чтобы прицелиться из пистолета в мужчину, размахивавшего ломиком.

— Прекрати! — приказала она. — Немедленно.

Повернувшись, парень широко улыбнулся ей под маской. Я слышала, что она ещё что-то крикнула ему, но в этот раз её слова заглушила толпа.

Затем парень швырнул в неё ломик.

Я видела, как водитель выругалась, пригнувшись.

Услышав её голос, я осознала, что это Мишель. Я едва узнала её с волосами, стянутыми в тугий узел, а также в полном боевом облачении — обычно я видела её в дорожных брючных костюмах.

Лом врезался в окно с водительской стороны, и на ударопрочном стекле образовалось несколько линий и трещин.

Дорога теперь от края до края заполнилась людьми.

Парень с ломом растворился обратно в этой толпе.

Я просто переходила эту толпу вброд вместе с Блэком, Джемом, Микой, Ковбоем, Энджел, Истоном и Фрэнком. Холо и Джакс следовали за нами, всё ещё занимая боковые позиции возле Блэка, а Мэнни и Ярли шагали сразу же за ними. Мы с Блэком оба были окружены разведчиками, вооружёнными автоматическими винтовками, но я всё равно чувствовала себя уязвимой.

Джем ни на секунду не отходил от меня.

Он вновь выглядел полностью сосредоточенным, вернулся в армейский режим.

Я слышала в своём наушнике перекрикивавшиеся голоса, большинство из них всё ещё отслеживало вампиров. Посмотрев вперёд, я увидела ещё одну группу протестующих в чёрных и красных масках, которые колотили наши машины в ряду внедорожников, в основном бейсбольными битами и металлическими палками.

Я хмуро посмотрела на Блэка.

Он ответил мне таким же хмурым взглядом, затем коснулся наушника.

— Выбирайтесь отсюда нахер, — услышала я его слова, адресованные водителям. — Мы не можем пробраться этим путём. На этой проклятой улице слишком много людей... а видящие мало что могут сделать в этой конструкции. Забирайте всё, что вам нужно, и присоединяйтесь к нам здесь. Мы выйдем вместе.

Его голос опустился до рычания.

— ...Но не стесняйтесь по дороге дать в морду нескольким мудакам.

— Вы хотите, чтобы мы бросили машины? — услышала я голос Рубена по коммуникатору.

— Бросьте бл*дские машины, — прорычал Блэк. — На такой случай и существует страховка.

— Поняла, босс, — услышала я ответ Мишель.

Я знала, что Блэк прав. Когда видящие не могли надавить на людей и заставить их отступить, наши варианты были сильно ограничены — разве что открыть огонь по толпе. А конструкция над нами теперь сжалась над всем этим районом города.

Я чувствовала, как она давит на меня даже под щитом Блэка.

Я чувствовала, как она ищет вход в мой свет, в мой разум. Я чувствовала, как она пытается затащить меня глубже в хаос вокруг нас, дёргает за ниточки в моих воспоминаниях, в моём сердце, пытается заставить меня запаниковать, вспылить. Деликатность этого действия пугала. Я ощущала частоты света, которые пытались срезонировать с моими переживаниями на войне, с теми временами, когда я ощущала себя загнанной в ловушку или разъярённой.

Я чувствовала, как конструкция побуждает меня присоединиться к протестующим, поддаться насилию, хаосу, присоединиться к скандированию и разрушению.

Нам нужно просто выбираться отсюда к чёртовой матери.

Будем надеяться, что оружие, имевшееся у нас при себе, убедит большинство людей дать нам дорогу.

«Теперь это влияет на тебя сильнее, — пробормотал Блэк в моём сознании, поднимая винтовку и бросая на меня мрачный взгляд. — Не позволяй этому добраться до тебя. С тобой всё хорошо».

Я кивнула, сглотнув.

Я знала, что он имеет в виду.

И всё же напоминание о Солонике в данный момент ничуть меня не успокоило.

Напоминание о Нике тоже не оказалось супер-помогающим.

«За ним всё ещё наблюдают? — послала я, подняв взгляд. — За Солоником? Он ведь возглавляет команду, преследующую Ника, верно?»

Блэк бросил на меня жёсткий взгляд, затем покосился на Джема и покачал головой.

«Нет, — послал он. — Беспилотники ищут их, но они сбили два аппарата. Очевидно, конструкция твоего дяди настроена отыскивать их».

Ощувив что-то от меня — вероятно, тошноту, поднявшуюся в моём нутре и груди и вызвавшую головокружение — Блэк сжал мою руку свободной ладонью.

«Мири. Это не Бангкок, — он наклонился поближе, поцеловал в щёку, потёрся носом. — Теперь с нами другие видящие. Мы не одни. С нами всё в порядке. Хорошо? Хера с два я позволю Солонику подойти к тебе хоть сколько-нибудь близко».

Я кивнула, осознавая другие света, слушающие этот разговор, особенно осознавая Джема, Джакса, Мику и Холо, потому что они притиснулись к нам в тесном пространстве.

Однако я не могла заставить себя переживать по поводу того, как я выглядела в их глазах. Мне даже в голову не приходило ощущать смущение. Их беспокойство и тревога душили меня, окружая моё тело и свет электрическими импульсами и разрядами их света, но я не могла решить, что чувствую по этому поводу.

*«Как только что-то изменится, я сообщу тебе в ту же секунду, ладно? — послал Блэк. — В то же самое бл*дское мгновение, когда я что-то узнаю, ты тоже это узнаешь, док. В данный момент мы должны предполагать, что он всё ещё двигается прочь отсюда. Он возглавляет команду, отслеживающую Брика, и когда мы видели их в последний раз, они находились в десяти кварталах от места, где мы сейчас... направлялись в сторону СоМа¹⁵».*

Мысль о том, что Солоник отслеживает Ника, вновь заставила моё сердце забиться чаще.

«Они убили кого-то из вампиров?» — послала я.

«Нет, насколько нам известно, — взглянув на меня и ощутив изменение в моём свете, он добавил: — Когда мы в последний раз получали картинку, Ник был в порядке, Мири. Как и Брик... и Дориан».

Я кивнула, но не могла заставить себя расслабиться.

Стиснув пистолет, который достала из кобуры, я опустила его стволом к земле и смотрела, как водители девяти внедорожников проталкиваются через толпу, чтобы добраться до них. Все они несли при себе рюкзаки, и я осознала, что они забрали дополнительное оружие и боеприпасы из машин и теперь несли их за своими спинами.

— Куда теперь, босс? — спросила Люс, наполовину крича из-за шума толпы и протискиваясь сквозь тела, чтобы добраться до нас.

Мишель следовала прямо за ней, неся за плечами рюкзак и винтовку. Как только они добрались до нас, по другую сторону внедорожников раздался крик, а также беспорядочные выстрелы. Мы все рефлекторно пригнулись, а Блэк нахмурился, сканируя толпу вокруг нас и подняв оружие. Я увидела, как его глаза метнулись к складу, почти почувствовала, как он пытается решить, не стоит ли нам укрыться там, пока худшая часть беспорядков стихнет или двинется дальше.

Посмотрев через плечо, я проследила за его взглядом до здания, которое мы только что покинули.

Декс, Мигель и несколько других из команды Блэка уже заперли его на плоский металлический засов. Я всё ещё смотрела в том направлении, когда мимо пробежала очередная группа агитаторов за Чистоту в чёрных и красных масках.

¹⁵ СоМа (SOMA) – сокращение от South of Market (Саут-оф-Маркет) – название одного из районов в Сан-Франциско.

Один из них на бегу бросил коктейль Молотова в стальную дверь и громко заулюлюкал.

Стекло разбилось, горящая жидкость разметалась по металлу как паутина, и Блэк бросил на меня раздражённый взгляд прямо перед тем, как хмуро посмотреть на своих сотрудников. И вновь я буквально ощущала ход его мысли.

Но к тому времени я тоже начала думать.

— Давайте убираться отсюда нахер, — прорычал он. — Джем, я хочу, чтобы ты прикрыл Мири и...

Я уже качала головой.

— Нет! — я схватила Блэка за руку и посмотрела ему в глаза, когда он опустил взгляд. — Нет, Блэк. Мы не можем оставить Ника Солонику. Не можем.

Блэк стиснул зубы, и я услышала, как Джем раздражённо щёлкнул языком.

Я не отрывала взгляда от Блэка.

Нахмурившись, Блэк наклонился, опустив губы к самому моему уху.

— Мири, Джем прав. Я не могу подпустить тебя к Солонику. Только не в том случае, если у него такой высокий ранг, как говорит Джем. Только не тогда, когда мы не знаем, зафиксирован ли он на тебе всё ещё или нет... и может ли он всё ещё связаться с твоим светом после той травмы и предыдущей связи, или через какую-то структуру, которую он оставил в твоём свете, а я упустил. Мы не можем рисковать, чтобы он вытворил какой-нибудь безумный фокус... с нами обоими.

— Не говоря уж о том, что он может находиться здесь с целью забрать одного из вас или обоих, — сказал Джем, наградив меня суровым взглядом и перекрикивая толпу. — Или эти беспорядки — всего лишь прикрытие для его команды, чтобы сделать именно это.

Хмуро посмотрев на Джема, затем проигнорировав его, я полностью сосредоточилась на своём муже.

— Он убьёт его, Блэк, — сказала я. — Он убьёт Ника.

Блэк нахмурился.

Я продолжила прежде, чем он успел что-то сказать.

— ...Ты знаешь, что он это сделает. Чарльз ни за что на свете не позволит Брику иметь такой рычаг давления на нас. Просто ни за что на свете. Ты знаешь, что я права.

На протяжении долгого момента Блэк лишь смотрел на меня.

Его золотые глаза отражали пламя коктейля Молотова, горевшего на стальной двери, но я видела его внутреннюю борьбу, которая лишь усиливалась, пока он обдумывал мои слова.

Затем он раздражённо выдохнул.

— Проклятье, — выругался он, и это раздражение отразилось в его голосе. — Ладно. Пошли.

— Ты можешь связаться с ним по номеру, который я тебе дал? — спросил Блэк, повышая голос, когда в переулке неподалёку опять поднялись крики. — По офисному тоже попробуй. По тому, который он дал Лизбет.

Я знала, о ком идёт речь.

Он пытался связаться с Бриком.

Я знала, что если ему удастся связаться с ним по телефону, он попытается вытащить Брика и остальную часть его руководящей команды вместе с нами.

Я пока не готова была думать о том, куда мы их потом денем. Мысль о том, чтобы разместить около двадцати вампиров в здании на Калифорния-стрит — после случившегося с Кико — это больше, чем мой разум мог осмыслить в данный момент.

Когда Кико узнает, что я уговорила Блэка поступить так, чтобы защитить того же вампира, который изнасиловал и едва не убил её, этот разговор тоже едва ли пройдёт гладко.

«Просто не думай, что я буду объяснять всё это ей, док, — пробормотал Блэк. — Это была твоя идея. Я не подставляюсь под пулю¹⁶ за это... буквально или образно».

На это у меня тоже не было хорошего ответа.

Возможно, потому что я знала — он прав.

Блэк вёл нас V-образным строем, быстрой трусцой направляя по центру Валенсия-стрит и петляя между сборищ людей.

Большая часть толпы, всё ещё остававшейся в этой части улицы, похоже, либо убегала от сирен, слышавшихся впереди, либо кучковалась и бродила группами.

Не знаю, почему столько много человек оставалось на улицах.

Мы уже сдались от попыток говорить им отправляться по домам. Большинство из них всё равно игнорировало нас.

Не знаю, были ли они под гипнозом конструкции, в шоке, пытались взять себя в руки или же просто пытались сообразить, какого черта происходит. Я видела много гражданских, просто сидевших на тротуаре — лица, тела и головы некоторых из них были покрыты кровью. Мы пробежали мимо женщины в коротком белом платье, плакавшей в окружении друзей, которые в основном просто стояли там, разговаривали и пили из фляжек.

Кровь покрывала её блестящее платье спереди, стекала по рукам и ногам.

Я вздрогнула, глядя на её рыдания, пока мы пробегали мимо. Я радовалась, что с ней друзья, которые утешали её, обнимали, пока она сидела на обочине, но я задавалась вопросом, почему, чёрт подери, они не отвели её домой — а ещё лучше в больницу.

Я не прочла её, чтобы узнать детали случившегося. Возможно, я бы и не сумела сделать это из-за конструкции, но даже не попыталась.

Мы уже видели кое-что по дороге сюда.

Блэк самолично оттащил двух мужчин в чёрно-красных масках от девушки перед одним из клубов на Валенсия.

Ковбой и Энджел разогнали другую группу, которая тащила двух девушек в переулок от основной дороги. Я видела, как Декс, Люс, Джакс и Холо разогнали группу Пуристов, которые пинками избивали нескольких бездомных, сидевших на обочине перед тавернией.

Они нацеливались не только на молодых женщин и бездомных.

Я также видела несколько хорошо одетых мужчин, которых, похоже, избивали бутылками или камнями. Скорее всего, это сделали «солдаты Чистоты», как их называли в новостях.

— Им явно нравится избивать женщин, — пробормотал Ковбой, словно услышав мои мысли.

Я бросила на него мрачный взгляд, но он смотрел не на меня.

Он пристально уставился на двух молодых женщин с окровавленными головами и избитыми лицами в группе молодых людей, одетых явно для клуба. Как и многие увиденные нами, они все сбились в кучу. Однако они двигались, медленно уходя с этого места.

— Особенно женщин в коротких платьях, — пробормотала Энджел рядом со мной.

¹⁶ Подставиться под пулю — это англоязычное выражение, аналог нашего «сделать кого-то крайним», «свалить всю вину», «сделать козлом отпущения» и др.

— Чего вообще хотят эти мудаки-Пуристы? — сказал Декс, переводя на нас взгляд со своего места по другую сторону от Блэка. — Помимо избиения людей, которые им не нравятся?

Энджел фыркнула, покосившись на него.

— Разве этого недостаточно? — сказала она. — Разве не этого хотят все фанатики? Чтобы все, кто на них не похож, сгорели в аду?

— Да, но зачем нацеливаться на других *людей*? — спросил Джакс. — Я думал, это всё против вампиров. Разве не поэтому Чарльз проталкивает это движение за Чистоту? Чтобы заставить людей убивать вампиров?

— Да. Это часть дела, — Ковбой кивнул в сторону Блэка. — Однако, по словам вашего *lao ban*, всё сводится скорее к контролю, — он показал на небо, сделав неопределённый жест, но не сбавляя шага. — Блэк говорит, что эти штуки-конструкции работают лучше, если существует объединяющая идеология. Которая держит всех в узде. Чем строже идеология, тем лучше.

Ковбой взглянул на меня.

— Это правда, не так ли, док?

Я пожала плечами, взглянув на Джакса, затем на Ковбоя.

— Пожалуй, я знаю не больше вашего, — призналась я, повыше перехватив винтовку, которую я теперь несла на плече, следуя вместе со всеми. — И, наверное, намного меньше Джакса, когда дело касается конструкций. Но судя по тому, что я читала о Пуристах, они — апокалиптическая группа. Они думают, что мир сгорит, если он не будет «очищен».

— Похоже на тех *dugra-te di aros* Миферов, — пробормотал Джакс.

— Как именно очищен? — спросила Люс, подбежав поближе, чтобы послушать.

— Обычным путём, — сказала Энджел, закатив глаза. — Никаких наркотиков. Никакого алкоголя. Все матери-одиночки должны взяться за ум и «найти мужей», — она фыркнула ещё громче. — Мужчины должны работать в «благочестивом окружении» и воспитывать детей, которые «чисты». Женщин, которые нарушают закон, видимо, можно продавать в рабство...

— Рабство? — Люс уставилась на неё. — Какого хера? Это какая-то библейская штука?

Я покачала головой.

— Не совсем. По словам Блэка, это собрано из нескольких религий. Он считает, что Чарльз нарочно придерживается размытых религиозных аспектов, чтобы идеологию можно было применить к разным системам верований.

Я обменялась гримасами с Энджел.

— ...Удобно для Чарльза, — кисло добавила я. — Значит, он может адаптировать это к любой культуре на планете, не внося в конструкцию фундаментальных изменений. Каждая религия может объявить эту доктрину своей. Так что здесь, в Соединённых Штатах, многие люди думают, что это основано на Библии. Но Блэк говорил мне, что Чарльз уже экспериментирует с другим вариантом на Ближнем Востоке, и местные думают, что это исходит прямоком из Корана.

Пожав плечами, я добавила:

— Блэк думает, что эти различия постепенно сотрутся при условии, что Чарльз добьётся успеха. Все будут следовать одним и тем же базовым верованиям, и неважно, во что они верили ранее. На деле же многие атеисты тоже следуют за Пуристами. Сейчас, имею в виду.

— Атеисты? — Люс нахмурилась. — Но почему?

— Ты хочешь сказать, помимо возможности насилловать и/или покупать женщину, которая, по их мнению, «ведёт себя нечисто»? — переспросила Энджел, зло фыркнув. — И избивать бездомных людей? И получать награду за то, что ведёшь себя как говнюк? Ну, я даже не знаю, что здесь привлекает.

Поморщившись, я посмотрела на Люс и увидела, как молодая женщина побледнела от слов Энджел.

— Энджел не ошибается, — сказала я, видя, как Люс переводит взгляд на меня. — В первую очередь это привлекает таких типов. Но насколько я могу сказать, идеология Пуристов основана преимущественно на страхе. Она обещает исправить все те вещи, которые пугают людей.

Выдохнув, я добавила:

— То есть, она обещает конец света, но утверждает, что все мы можем спастись, если они сейчас очистят мир от различного «разврата». Большинство людей не делают это сами, конечно же. Не думаю, что даже с конструкцией им хватит на это смелости. Но они могут позволить правительству и этим солдатам Чистоты сделать это за них. Если Чарльз сумеет использовать конструкцию, чтобы убедить людей в необходимости этих вещей, и что это их спасёт, они смирятся с этим. Они не будут давать отпор. Подозреваю, что именно на это ставит Чарльз.

Энджел взглянула на меня, затем добавила, обращаясь к Люс.

— Док права, — сказала она. — Эти засранцы-солдаты — всего лишь первая волна пешек. Все остальные просто заруют головы в песок и будут смотреть в другую сторону. Или орать на правительство, чтобы то любой ценой положило конец беспорядкам.

Люс покачала головой, хмуро посмотрев на нас обоим.

— Люди ни за что такое не потерпят, — сказала она. — Рабство? Убийство любого, кто не следует их извращённым правилам? Ни за что. Не бывать этому, только не в наше время, не в наши дни. Не в средневековье же живём.

Энджел лишь пожала плечами, не ответив.

Однако я ощущала её цинизм и невольно соглашалась.

По словам Блэка, Чарльз уже работает над контролем интернета. Однако я не хотела углубляться во всё это с Люс.

Не сейчас. Сейчас определённо не время.

Джакс ничего не сказал, но я чувствовала, что это на каком-то уровне резонирует с ним.

Я также чувствовала, что это не позитивный резонанс, в чем бы он ни заключался.

— Слушайте, — сказала я, перебивая то, куда готов был отправиться свет окружающих. — По одной проблеме за раз. Чарльз пока что не одержал верх. Может, на его стороне и много видящих, и он совершает большие шаги, но он пока что не установил абсолютный контроль. И ему не удастся контролировать всех. Мой дядя всегда недооценивал людей. Он всегда считал, что ими проще манипулировать, чем на самом деле.

Я стиснула зубы, затем всё равно озвучила это.

— ...И слишком рано списывать вампиров со счетов, — добавила я. — Их намного больше, чем вы, наверное, осознаете. Они ещё не начали сражаться с Чарльзом. И мы тоже ещё не начали.

Взглянув на банду Пуристов в красно-чёрной одежде, бегущих по другой стороне Валенсия-стрит, я нахмурилась.

— Хотя врать не буду, — пробормотала я. — Это дерьмо тревожит.

— И как же во всё это вписываются вампиры? — спросил Декс, хмуро глядя на меня и Энджел. — В отношении Пуристов, имею в виду. Чем они их считают? Потому что я видел много противоречивых репортажей. Они просто считают их *супер*-нечистыми? Демонами? Источниками развращающего влияния? Каким-то глубинным заговором? Чем?

— Подозреваю, что некой комбинацией всего этого, — сказала я, выдыхая пар и продолжая бежать рядом с Блэком.

Взглянув на него, я по глазам поняла, что он с кем-то говорит — может, в Барьере. В любом случае, он нас не слушал.

Снова вздохнув, я перевела взгляд на Декса.

— Судя по тому, что я читала, некоторые Пуристы считают, что люди действительно превращаются в вампиров, если позволяют себе в достаточной мере распуститьсь. Похоже, они верят, что нас всех ждёт такая судьба, если мы не «очистим» себя.

Энджел фыркнула.

— И да, Декстер, некоторые также считают, что какое-то теневое движение чёрных оккультистов создало их внутри правительства, — она закатила глаза. — Я тут недавно читала эти теории заговора Пуристов. Некоторые из них реально поехавшие.

— Я читала, что некоторые Пуристы считают вампиров *настоящими* демонами, — сказала Люс, бежавшая по другую сторону от Джакса. — То есть, вызванными из преисподней, самыми настоящими *демонами*. Типа кто-то провёл кучу чёрных ритуалов и вытащил их из ада. Если верить той статье, которую я читала, то крыло движения считает, что «развращённые» среди нас боготворят вампиров и позволяют им пить нашу кровь. По сути, они винят развращённых людей за то, что вампиры вообще появились среди нас.

— К их числу относимся и мы, верно? — спросил Декс, вскинув бровь.

— В данный момент, — фыркнула Энджел, — к их числу относятся практически все, кто не вступил в их культ.

Сирены взвыли ближе — может, всего в нескольких улицах отсюда — и это заставило меня переключить внимание перед собой. Всего в двух кварталах от нас я видела копов в экипировке для борьбы с уличными беспорядками. Они заходили на Валенсия-стрит. Двое из них вооружились гранатомётами М-32 калибра 40 мм, и я видела, как один прицелился в толпу и выстрелил чем-то вроде капсулы со слезоточивым газом в кучу людей, которые швырялись камнями и бутылками.

Толпа, кидавшая предметы, вся носила чёрные и красные маски.

Я слышала, как скандирование смешалось с криками, когда первая капсула ударилась о тротуар и выпустила облако тёмно-красного газа.

Осознав, что Блэк всё ещё в Барьере, я поддела его своим светом и послала ему образ протестующих на улицах, подталкивая его свернуть направо на следующей развилке. Нам нужно надеяться, что Мишн и Вэн Несс всё ещё открыты.

По последним данным и группа Брика, и Солоник направлялись на север.

Пока мы не получили новой информации, мы могли лишь делать то же самое.

Блэк, Джем и я несколько раз пытались использовать Барьер, чтобы определить, на каких улицах больше всего Пуристов, какие улицы копы перекрыли кордонами, на каких улицах видели вампиров, но это практически невозможно из-за помех конструкции.

Пока что мы летели вслепую.

Блэк бросил на меня беглый взгляд, послал подтверждение и изменил направление, по диагонали устремляясь туда, куда я ему показала. Жестами руки он отдал указания нашему строю, чтобы все за нами увидели перемену маршрута.

Я взглянула на Энджел, которая с мрачным видом бежала возле меня, и на Ковбоя, который трусил по другую сторону от неё с винтовкой и двумя мечами, слегка подпрыгивающими за его спиной. Я невольно подумала о том, как хорошо, что той ночью воздух был прохладным.

Мы все довольно сильно нагрузились.

Наверное, стоило отослать больше снаряжения с той группой, которая вернулась в здание на Калифорния-стрит.

Мэнни возглавлял эту группу. Он забрал с собой Фрэнка, Истона и Лекса, а также Ярли и Мику, которые должны послужить подкреплением Хавьеру в здании штаба, раз мы забрали с собой большую часть разведчиков.

Я знала, что Блэк всё равно хотел дополнительно защитить свой штаб.

Меньше всего нам нужно было, чтобы Солоник или вампиры зашли к нам с боков и/или попытались добраться до того здания наперёд нас.

— Попробуй другой, — прорычал Блэк, снова заговорив с кем-то, кто общался с ним через наушник — скорее всего, Хавьер или Ярли.

Он ускорил темп настолько, что даже мне было тяжело поспевать за его длинными ногами.

— ...И пошли сюда больше беспилотников. Попробуй получить визуальную картинку, — добавил он. — Но не подходи слишком близко. Чарльз определённо обладает возможностью как-то чувствовать электронику в воздухе через конструкцию. Или же он творит какие-то фокусы со спутниками, определяя наши беспилотники через GPS. В любом случае, я не собираюсь потерять все свои военные беспилотники за одну ночь. Пока не поймёшь, как он это делает, держись на расстоянии.

По другому каналу я слушала, как видящие координируют работу через Джема и Ярли.

За их терминологией сложнее было уследить, но суть я поняла.

Они пытались взломать конструкцию, чтобы найти команду Солоника.

Если они всё ещё живы, то Брик и его вампиры, скорее всего, будут недалеко от того места, где охотятся видящие Солоника.

— Ладно, — прорычал Блэк. — Соедини его.

Последовала пауза, затем Блэк взглянул на меня и хмуро скривил губы.

— Ладно, — сказал он. — Тогда соедини его с ней. Мудак должен понимать, что я тоже буду слушать. Можешь сказать ему об этом, если хочешь.

Я бросила на Блэка озадаченный взгляд, но он лишь послал мне новую частоту своим светом.

Я коснулась своего наушника и озвучила перемену канала, надеясь, что тот сам переключится. Я всё ещё не очень привыкла к машинам видящих из зелёного металла; я не совсем понимала, как они работали.

Разум Блэка вновь поддел меня, так что я во второй раз обратилась к машине.

— Принять вызов, — сказала я. Затем подождала, пока канал откроется. — Да? — произнесла я. — Кто это?

— Мириам, — в голосе на другом конце линии немедленно отразилось облегчение. — Мири. Тебе нужно сказать Блэку, чтобы он отступил. Позвольте нам разобраться с этим.

Я нахмурилась, бросив на Блэка испепеляющий взгляд.

Он пожал плечами. *«А чего ты от меня хотела? Чтобы я сбросил его звонок?»*

— Предупредить заранее не помешало бы, — пробурчала я едва слышно.

«Попробуй узнать, где Солоник, — невозмутимо послал Блэк. — Вряд ли он тебе хоть что-нибудь расскажет. Но выведай всё, что только сможешь. Ты единственная, с кем он может поговорить».

Я во второй раз наградила его неодобрительным взглядом.

— Мири? — позвал Чарльз. — Ты всё ещё там? Мириам?

— Я здесь, дядя Чарльз, — рыкнула я.

К тому времени мы бежали по Двадцатой. Я вновь слышала вдалеке сирены, и не только с перекрытых улиц, которые мы только что оставили позади. Ближе рядом и впереди нас я слышала, как наши видящие пересвистываются и обмениваются жестами рук, отличавшимися от тех, которые обычно использовала человеческая команда Блэка.

Сосредоточившись на телефонной линии в своём ухе, я снова нахмурилась.

— Чего ты хочешь, дядя Чарльз?

— Я сказал тебе, чего я хочу. Не вмешивайтесь в эту стычку, Мириам. Это не только опасно, но и к тому же вы мешаете вещам, которых вы не понимаете...

— Нет, — стиснув зубы, я покачала головой и заговорила холодно. — Нет, дядя Чарльз. Тебе нужно отозвать Солоника. Более того, тебе нужно убрать его нахер из моего города. Немедленно. И своих засранцев Пуристов можешь забрать вместе с ним.

Джем возле меня фыркнул.

Проигнорировав его вместе с другими ушами и светами, которые теперь прислушивались ко мне, я вместо этого адресовала эту злость брату моего отца.

— Какого черта ты вообще делаешь здесь? — спросила я. — Знаю, мне уже не стоит удивляться *никаким* твоим поступкам, но это слишком даже для тебя...

— Ты знала, что это придёт к тебе на порог, Мириам, — перебил Чарльз резким и откровенно раздражённым голосом. — Ты никак не могла пребывать в неведении. Эти волнения теперь распространяются по всей стране. Вампиров вытащили из тени. Ты знала, что люди не лучшим образомотреагируют на обнаружение чужеродной паразитирующей расы, которая *кормилась* от них с незапамятных времён...

— Да ну тебя нахер, — рявкнула я. — Как будто это не ты создаёшь девяносто девять процентов этих «повсеместных волнений». Ты за какую дуру меня держишь?

— Всё началось именно так, да, — заявил он совершенно не виноватым тоном. — Я ничего не скрываю, Мириам. Я *говорил* тебе, что сделаю это. Я говорил тебе, что вампиров разоблачат и вытащат из их кровавых гнёздышек. Я говорил тебе, что буду поначалу направлять это разоблачение, хотя бы чтобы не допустить гибели наших людей. Не притворяйся, будто тебя это удивляет...

— Меня ничего из этого не удивляет...

— Так ИДИ ДОМОЙ, Мириам, — рявкнул Чарльз. — Я дал тебе и твоему мужу *все шансы* быть частью этого. Вы отказались. Вы не можете получить два горошка на ложку...

— Сенсационные новости, *Счастличик*... мы на тебя не работаем. Ты не можешь решать, как и когда мы в это вмешиваемся. Это одно из маленьких преимуществ того, что мы послали тебя нахер с твоими так называемыми «предложениями работы»...

Я почувствовала, как Джакс и Киесса подбадривают меня, смеясь.

Мой голос зазвучал лишь жёстче.

— ... И вот что удивительно, угрозы в мой адрес не вызывают у меня желания работать на тебя. И это не склоняет Блэка...

— *Угрозы* в твой адрес? Когда это я *угрожал* тебе, Мириам?

— Солоник? — рявкнула я, продолжая бежать между Блэком и Энджел, и уловив полный ярости взгляд Энджел, когда та посмотрела в мою сторону. — Что это бл*дь за послание такое — отправить моего *насильника* в мой город? Объясни мне, как я должна воспринимать *это* не как угрозу?

Ощувив, как Чарльз вздрогнул вместе с несколькими людьми и видящими, бегущими вокруг меня, я прикусила губу.

— ...Какую, черт подери, игру ты ведёшь, посылая сюда этого психопата? Тебе в первый раз не хватило, что меня похитили и изнасиловали? Тебе нужно было послать его за мной во второй раз? Или ты надеешься, что в этот раз он меня убьёт...

— Мириам. Дорогая, послушай...

— Нет. *Ты* слушай, — рявкнула я. — Убери этого мудака из моего города. Немедленно! Я не стану просить тебя во второй раз, дядя Чарльз. Тот факт, что ты вновь подпустил это животное ко мне после случившегося, говорит мне всё, что мне нужно знать о твоих «планах» здесь.

Мой голос опустился до злобного бормотания.

— ...Я честно не могу поверить, что ты вообще выпустил его из клетки. Особенно теперь, когда здесь присутствуют несколько тысяч женщин-видящих, которых он может похищать и насиловать.

Воцарилось натянутое молчание.

Когда мой дядя заговорил, его голос звучал значительно холоднее.

— Чтобы охотиться на животное, нужно другое животное, Мириам, — сказал он. — Ты как никто другой должна это понимать.

— Должна ли? — огрызнулась я. — И кто же другое животное в этом сценарии, дядя Чарльз? Брик? Ник? Я? Или ты говоришь о моём *муже*?

Очередная волна злости выплеснулась из света моего дяди.

— Ты должна признать, что мои варианты ограничены, Мириам. Ты отказалась примкнуть ко мне. Твой муж не только отказался мне помогать, но и активно работает против меня. В результате теперь мне приходится планировать сражение не только против Брика и остальных его животных... теперь мне нужно беспокоиться ещё и о том, что можешь сделать ты и твой проклятый *муж*. Мне нужно беспокоиться о видящих, которых он завербовал в свою команду. Это в значительной степени ограничивает мои варианты, племянница.

Помедлив на мгновение, он добавил:

— Если бы твой муж работал *со мной*, а не против меня, тогда тот видящий, который сейчас прикрывает тебя щитами... Даледжем, ведь так? ... тоже помогал бы мне. Мне не пришлось бы прибегать к грубому инструменту вроде Солоника...

Я издала лишённый юмора смешок.

— Да ты, бл*дь, издеваешься...

— ...А так, — сказал Чарльз, повышая голос. — Ты и твой муж упрямо *мешаете* мне на каждом повороте, заключаете сделки с *вампирами*, не даёте мне защитить вас от извращённых попыток Брика приобрести рычаг давления на вас. Ты оставляешь мне мало выбора, племянница. Я должен идти с огнём против огня, хотя бы для защиты моей миссии...

Я фыркнула.

— Твоей бл*дской *миссии*, — презрение просочилось в мой голос. — Ты ожидаешь от меня сочувствия? Сочувствия к твоим попыткам поработить каждого человека и видящего на планете?

— Если тебе есть дело до твоей *расы*, то да, — рявкнул Чарльз. — *Gaos*, Мириам. Ты действительно не понимаешь, да? И твой муж, похоже, тоже... хотя он пережил куда более худшие вещи от рук этих созданий, чем ты. Они могут нас *разрушить*, Мириам. Раса вампиров может разрушить нашу расу... они *разрушат* нас, если мы не уничтожим их первыми. Это неизбежно. Это лишь вопрос времени.

— Дерьмо собачье... — зло начала я.

Мой дядя меня перебил.

— ...Я говорю не только о наших телах. Я говорю не только об их готовности забрать нашу кровь. Я говорю даже не об их эффективности в уничтожении других живых существ. Я говорю об их *яде*, Мириам.

Щёлкнув языком, он понизил голос и заговорил более хрипло.

— Похоже, ты действительно не понимаешь, что значит этот яд. Похоже, ты действительно не понимаешь *угрозу*, которую он представляет для нашего вида. С их ядом они обладают потенциалом поработить весь наш вид. Как такая умная женщина этого не понимает? Мы не можем бороться с их ядом, Мири. Мы даже более уязвимы перед ним, чем люди. Я не знаю *ни одного видящего*, который был бы сильнее эффекта их яда... включая твоего мужа.

Его голос превратился в хриплое рычание.

— Наш *единственный вариант* — убить их. Разве ты не понимаешь? Если мы этого не сделаем, то лишь вопрос времени, когда они сделают нас всех своими рабами. Это включает *тебя*, Мириам. Это включает Блэка... и Даледжема... и всех видящих, которые стоят с тобой этой ночью. Я не позволю, чтобы весь мой вид вновь превратили в рабов, Мири... только в этот раз поработят и разум, и тела. Я ЭТОГО НЕ ДОПУЩУ. Ты меня слышала, племянница?

Я нахмурилась, глядя, как группа Пуристов в красных масках колотит монтировками по входной двери гастронома в европейском стиле. Один из них швырнул бутылку в проходившую мимо женщину и попал ей по голове, от чего та споткнулась и упала на одно колено.

Все они расхохотались как гиены.

Голос моего дяди зазвучал ещё громче.

— Ты не можешь усидеть на двух стульях, Мириам. Или присоединяйся к сражению, или убирайся к чёрту с моей дороги. Если не хочешь видеть Солоника в своём городе, не создавай для меня необходимости посылать его туда. Прекрати настраивать против *меня* своих видящих и своего мужа, и в Солонике больше не будет необходимости! Примкни к битве, которая действительно *важна* для наших людей, или убирайся нах*й домой!

Я заскрежетала зубами.

Несколько секунд я даже не могла подобрать слов.

Как и с Бриком ранее на встрече, создавалось такое чувство, будто мы с моим дядей говорим на совершенно разных языках.

Я понимала, что он говорил про яд.

Я понимала, почему это так сильно его пугало.

Я помнила Эфраима. Я помнила, каким становился Блэк, когда его кусали.

Я видела эту опасность, сценарий, который обрисовывал мой дядя.

Но порабощение всей человеческой расы лишь для истребления вида, который тебя так пугает — это настолько неприемлемый и непропорциональный ответ, что я даже не знала, как сократить эту пропасть непонимания. Так, чтобы не оскорбить и не биться головой о стену.

В ответ на моё молчание Чарльз вздохнул и щёлкнул языком, а Блэк в этот самый момент поддел меня светом, привлекая внимание к очередной группе людей, которые неслись по улице в нашу сторону. Они бежали почти строем, как полувоенный отряд в чёрных и красных масках.

Вместо коктейлей Молотова и монтировок эта группа вооружилась автоматическими винтовками.

Они обошли нас стороной, но все мы смотрели на них, а они смотрели на нас, пока пробежали мимо. Я всё ещё не могла прочесть их через конструкцию, но они бежали к протестующим, которых мы только что оставили позади — к тем, которые столкнулись с копами на перекрёстке Валенсия-стрит и Восемнадцатой.

Мой дядя заговорил, привлекая моё внимание к себе.

— Мириам, — произнёс он смирившимся тоном. — Ты и твой муж не можете просто «отказаться» от мира, который мы строим. Вы не можете просто *избегать* большинства ваших людей, вашего наследия, как бы быстро и далеко вы ни убежали.

Я раздражённо фыркнула.

— Может, ты не обратил внимания, дядя Чарльз. У нас Блэком в последние дни масса возможностей пообщаться с нашим «наследием»...

Джем рядом со мной издал сдавленный смешок.

Я взглянула на него, и он улыбнулся, подпихнув меня локтем.

Широко улыбнувшись в ответ, я тоже пихнула его локтем и заговорила в наушник, обращаясь к дяде.

— ...А ещё они помнят наше так называемое наследие немного иначе, чем ты, дядя Чарльз. Они помнят видящих вроде тебя со Старой Земли и не желают иметь *ничего общего* с тобой и твоим неадекватным религиозным дерьмом, или твоими мечтами о каком-то кровавом Армагеддоне. Судя по их словам, из-за таких, как ты, мир и оказался разрушен.

Прежде чем он успел возразить, я заговорила резче.

— ...Отзови Солоника, — сказала я. — Позволь нам с Блэком разобраться с Бриком. Если ты действительно хочешь, чтобы мы тебе доверяли, держись от этого подальше.

Мой дядя резко щёлкнул языком.

Я буквально видела, как он качает головой.

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, Мириам.

— Ты хотел сказать, что не станешь этого делать.

— Я хотел сказать, что *не могу*, — резче повторил Чарльз. — Я не могу допустить, чтобы эти существа имели над тобой такую власть. Ты и твой муж слишком важны. Какими бы молодыми и *раздражающе наивными* вы ни были, вы просто имеете слишком большое значение... и не только для меня. Я не могу позволить вам принимать идиотские решения, которые повлияют на всех нас, если вы основываетесь исключительно на сентиментальных чувствах к человеку, который уже *мёртв*, а ты не можешь этого принять, Мириам.

В этот раз его слова отдались во мне как удар в грудь.

Ник. Он говорил о Нике.

Мой дядя продолжил холодным тоном.

— Ты вообще представляешь, сколько людей твой «друг» Ник Танака убил, пока он и его вампирская семья были в Европе? Ты представляешь, скольких он убил только в Париже? Он и этот вампир-прихвостень Брика, Дориан, целый месяц убивали в среднем шестерых за ночь. Говоришь, ты заботаешься о людях? Они убивали *детей*, Мириам. Они убивали целые семьи...

Позади нас раздались выстрелы.

Все в нашей группе вздрогнули, включая меня.

Мы повернулись, ища источник выстрелов, но не прекращая быстрого бега по улице в противоположном направлении

— Мири! — жёстко произнёс Чарльз. — Ты меня слушаешь?

— Скольких *ты сам* убил за последние несколько месяцев, дядя Чарльз? — рывкнула я в ответ. — Скольких ты убиваешь в моем городе прямо сейчас?

— Это не то же самое! Ты *знаешь*, что это не то же самое. Я стремлюсь к *миру*, Мириам. Миру и безопасности для людей *и* видящих в этом мире. Я пытаюсь не дать вампирам уничтожить *обе* наши расы. Если ты не видишь разницы между тем, что делаю я, и беспорядочными убийствами, совершенными *серийными убийцами-социопатами*, то я не уверен, что могу помочь тебе, племянница...

Когда я покачала головой, стараясь вытолкнуть его из мыслей, голос Чарльза зазвучал громче, почти криком, который я никак не могла не услышать даже поверх выстрелов на фоне.

— Ты прекрасно, черт подери, знаешь, что твоё место *здесь*, со мной! И твоему мужу тоже место здесь, как бы он ни хотел играть в это ребяческое восстание вместе с тобой. Не думай, что я позволю вам обоим поставить под угрозу нашу единственную надежду на выживание в этом мире. И всё из-за сентиментальных чувств к человеку, защиту которого вы поручили *вампирам*. Тебе некого винить за это, кроме себя самой, Мириам! Это *твоя* вина! Ник Танака — на твоей...

Связь оборвалась.

Это случилось так быстро, что я моргнула.

Затем постучала по наушнику, гадая, сделала ли это я сама.

Я взглянула на Блэка, а тот пожал плечами с совершенно бессовестным видом.

«Ты только что бросил трубку?» — послала я.

«Он чертовски меня раздражал», — послал Блэк.

Я ничего не смогла с собой поделать и расхохоталась в голос.

— Он нам не поможет, — сказал Блэк, в этот раз заговорив вслух, перекрикивая звуки выстрелов, которые, похоже, опять сделались громче. — Но я начинаю беспокоиться, что Солоник здесь не только из-за Ника.

Джем, бежавший рядом со мной, перевёл взгляд.

Когда я посмотрела ему в глаза, видящий кивнул, так же мрачно поджимая губы, как и Блэк.

— Я согласен, — сказал он. — Чарльз очень заиклен на Блэке в особенности. Отчасти потому, что видит в нём угрозу... скорее всего, по тем самым причинам, которые он озвучил. Потому что твой муж привлекает к себе видящих, бегущих из лагеря Чарльза.

— ... Однако это не всё, — закончил Джем, пробормотав себе под нос.

— В смысле? — мрачно спросила я.

Джем нахмурил лоб.

Он посмотрел мимо меня на Блэка, пристально уставившись ему в глаза.

— Есть у меня несколько теорий, — выдохнул он едва слышно.

Я проследила за его взглядом до Блэка, но Блэк лишь нахмурился.

«Мелодраматическое дерьмо», — пробормотал он в моём сознании.

Мысленный голос Джема раздался рядом с ним.

«Мелодраматическое? Серьёзно? Вот какую позицию ты занимаешь?»

Когда Блэк лишь закатил глаза, мысленный голос Джема зазвучал ещё громче.

«Ты сказал ей? Твоя жена имеет представление, что ты вообще такое, брат?»

Или точнее будет сказать, «кузен?»

Когда Блэк лишь щёлкнул языком, Джем ещё громче щёлкнул в ответ.

«Мне ведь ранее не привиделось, нет? Твои глаза светятся. Или ты притворишься, что этого не случилось?» — сверля Блэка сердитым взглядом, он рявкнул: — *Она понятия не имеет, что это значит, так?»*

Когда я бросила на Блэка озадаченный взгляд, он сердито посмотрел на Джема с неприкрытым предостережением в глазах.

Джем лишь помрачнел.

«Она представляет, какотреагирует Чарльз, если увидит то, что я увидел сегодня? И тем более, какотреагируют его фанатичные религиозные последователи? Ты чуть не наградил Джакса сердечным приступом. Ты должен рассказать хотя бы своей команде...»

— Нет, не должен, — в этот раз Блэк прорычал слова вслух и бросил на Джема взгляд, полный открытой угрозы. — Ни хера я не должен им рассказывать... «кузен». И тебе тоже. Ты всё равно ошибаешься.

Я нахмурилась, переводя взгляд между ними.

Я открыла рот, чтобы заговорить, но Блэк послал мне жёсткий импульс света, и в этот раз в его глазах стояло другое предостережение. Я почувствовала, что он имел в виду, но это не прояснило моего смятения. Когда я нахмурилась ещё сильнее, не скрывая озадаченности, он ответил едва уловимым качанием головы.

Мы поговорим об этом позже.

Я уловила его посыл. Оба его посыла.

Я захлопнула рот.

Не думая о причинах, я также опустошила свой разум.

Понятия не имею, что происходило между ними двоими, или о чем Джем говорил в отношении Чарльза и светящихся радужек Блэка, но Блэк явно не хотел, чтобы Джем знал, что мои глаза тоже светятся. Я чувствовала в этом желание защитить, и не только в отношении Джема, так что меня это не слишком беспокоило. Но я решительно намерена получить объяснение, как только мы окажемся наедине.

Раздражённо выдохнув, Блэк сосредоточился на остальной группе.

Он ускорил темп бега, хмуро посмотрев на всех нас.

— Кто-нибудь, найдите мне этих чёртовых вампиров, — рявкнул он. — Немедленно. Иначе я попробую пустить вам кровь, вдруг мы так сумеем выманить их...

— Сэр!

Блэк повернул голову.

Как и остальные члены группы. Я впервые осознала, что не только Джем пристально смотрел на меня и Блэка во время этой перепалки.

Заговорила Киесса. Она посмотрела Блэку в глаза, чёрные радужки с белым ободком сверкнули, выражение лица было мрачным, но удовлетворённым.

— Мы их нашли, — сказала она.

Глава 24. Расовая война

Мне стоило знать, что Брик не приедет в Сан-Франциско всего с четырнадцатью вампирами, которых он привёл в оружейную. Ну, или около того.

Мне нужно было это понимать.

Это стало очевидным теперь, когда я задумалась об этом хоть на секунду.

И всё же у меня отвисла челюсть, когда мы ворвались на Шестнадцатую стрит, следуя за Дексом, Киессой и Эй-Джеем, которые возглавили группу, как только мы услышали впереди выстрелы и крики.

Такое чувство, будто половина присутствовавших на улице была вампирами.

Я в шоке смотрела, как двое из них прыгнули на группу людей в чёрных и красных масках. Стиснув оружие, люди принялись бешено палить, но промазали мимо них обоих.

Застыв, я смотрела, как рыжеволосая женщина впивается клыками в горло мужчины спереди. Он издал крик, как животное, попавшее в капкан, когда второй вампир, мужчина с длинными золотыми волосами, укусил второго парня за запястье руки, которой тот держал пистолет. Это заставило человека закричать ещё громче, он рванулся назад, пытаясь сбросить вампира.

Я смотрела, как люди вокруг бросаются врассыпную, слишком потрясённые, чтобы стрелять из своего оружия.

Через считанные секунды оба вампира укусили ещё троих людей.

Я повернулась, стиснув винтовку и глядя на улицу в обе стороны.

Мы попали сюда благодаря команде разведчиков, которые наконец сумели в достаточной мере взломать конструкцию моего дяди и подслушать то, как переговаривались в Барьере видящие команды Солоника.

Они находились намного ближе, чем мы ожидали.

Мы настигли их примерно на перекрёстке Шестнадцатой и Мишн.

Тут уже развернулся полноценный бунт.

Мы ворвались на Шестнадцатую как раз тогда, когда раздалось ещё больше криков.

Нас немедленно окружила, затянула воронка людей, которая пыталась убраться с главного перекрёстка. По обе стороны от нас раздавались выстрелы, громкие даже поверх панических криков и звона бьющегося стекла, который я слышала от зданий неподалёку. Следом раздались выстрелы автоматов, за которыми последовали ещё более громкие крики.

Вынужденно замедлив темп, наша группа почти полностью остановилась, пока мы смотрели на настоящий хаос в квартале перед нами.

Мужчины в чёрном снаряжении для разгона массовых беспорядков на моих глазах стреляли капсулами со слезоточивым газом, а также палили боевыми патронами по толпе кричащих людей, застрявших в середине Мишн-стрит. Лишь треть из них носила красные и чёрные маски Пуристов.

А значит, копы стреляли по безоружным гражданским.

Я видела, как некоторые из этих гражданских падали на тротуар, крича, зажимая огнестрельные раны на ногах и туловище.

В копов летели бутылки, некоторые из них горели.

«Мири, вот... надень это».

Я оторвала глаза от толпы и посмотрела на Блэка, который стоял рядом со мной. Он протянул мне защитный противогаз и вытащил второй из своего рюкзака.

Нахмурившись, я отодвинула винтовку, чтобы высвободить руки и ладони, затем быстро надела противогаз. Мне понадобилось несколько минут, чтобы правильно расположить фильтр на рту и носу, а также поправить очки на глазах. От этого стало сложнее видеть, даже с инфракрасными очками, но увидев приближавшиеся облака газа, я проверила края противогаза, удостоверившись, что они плотно прилегают.

Раньше я уже получала отравление газом; не самый весёлый опыт в жизни.

Я посмотрела вокруг и увидела, что Ковбой, Энджел, Декс и остальные тоже надевают противогазы.

Я пригнулась, когда в нашу сторону полетели камни и кирпичи. Некоторые из них, похоже, метили в нас, возможно, потому что мы были одеты как копы или военные, особенно с противогазами.

И всё же у нас не было полицейских щитов или гранатомётов со слезоточивым газом, как и логотипов полиции Сан-Франциско, так что большая часть толпы нас игнорировала.

«Что теперь?» — спросила я у Блэка.

Он бросил на меня мрачный взгляд. *«Ты знаешь, зачем мы здесь, док. Ищи вампиров, которых мы знаем, — его мысленный голос понизился до рычания. — Желательно вампиров, которые не сожрут нас нахер прежде, чем мы сможем передать послание Брику...»*

Слева от нас раздались выстрелы, перебив Блэка, и я повернулась, пригнувшись.

Копы целились из автоматов в разбитые окна витрин. Я не видела, по кому они стреляли, но заметила размытые силуэты, исчезающие в ближайшем переулке.

Один метнулся на моих глазах.

Я и моргнуть не успела, как он утащил одного из копов в переулок за собой.

Слева и перед нами плотный строй полиции разгона беспорядков продолжал маршировать вперёд с дубинками и плексигласовыми щитами, направляясь на север вверх по Мишн. Теперь они образовывали круг, защищали свой строй людей в униформе спереди и сзади.

На моих глазах в их щиты врезалось ещё больше бутылок и камней.

Некоторые из этих бутылок горели.

Некоторые разбились от удара по плексигласовому стеклу, распространив жидкое пламя по изогнутым щитам и поджигая руки офицеров, которые их держали.

Я вздрогнула и пригнулась, когда кусок кирпича едва не угодил мне в голову. Я едва пришла в себя, когда в половине квартала от нас прогремел крупный взрыв, от которого полицейская машина закувыркалась по воздуху.

— Проклятье, — пробормотал Блэк рядом со мной. — Что за бл*дский бардак, — он коснулся наушника. — Они тут стреляют боевыми патронами по гражданским, — прорычал он, когда на другом конце ответили. — Мы попытаемся подобраться достаточно близко, чтобы разрядить обстановку, но нам нужно прикрытие с воздуха. Проверьте крыши зданий вокруг Мишн и Шестнадцатой. Я насчитал минимум две команды в снайперских укрытиях... Я не могу их прочитать, но это должны быть люди Солоника.

Его голос понизился, делаясь резким.

— Посмотри, не удастся ли дозвониться до кого-нибудь из местной армии, пока это не превратилось в бл*дскую кровавую баню. Если так и будет продолжаться, то нам не хватит людей, чтобы самостоятельно разрядить обстановку вопреки конструкции...

Говоря это, он жестом показал Дексу и Киессе отправляться вперёд.

Он подтолкнул меня следовать за ним, когда он сам протолкнулся за Киессой.

Крепче сжав винтовку, я встала на путь, который его тело прокладывало в толпе. Я оказалась зажата между ним и Джемом, Энджел и Ковбоем. Пока мы продвигались глубже в скоплении людей, я чувствовала, как свет Блэка плотнее окутывает меня, привязывает к земле в такой манере, от которой всё вокруг как будто замедлялось, а зрение делалось кристально ясным.

Размытые силуэты продолжали на моих глазах утаскивать тела, выхватывать их из толпы, как волки хватают газелей из стада. Скользя в тёмных линиях за пределами освещённых пространств, они сторонились света фонарей и пожаров, работая на краях улиц и скрываясь вне радиуса снайперов на зданиях.

Все они, похоже, работали парами.

Я видела, как ещё двое схватили солдат в униформе, которые находились с краю схватки, и утащили их в тень. Через считанные секунды ещё трое схватили человек в красно-чёрных масках солдат Чистоты.

Я не узнавала никого из них.

Никого из вампиров, которых я видела до сих пор, не было на встрече с Бриком.

Ещё больше выстрелов эхом прокатилось между зданиями, заставляя меня поднять взгляды.

Я услышала шипение и повернулась прямо перед тем, как две пули нашли свои цели.

Черноволосый вампир зарычал, выпустив солдата Чистоты, которого он кусал, и похромал во тьму. Вампириша рядом с ним зарычала от пулевой раны в плече. Вместо того чтобы выпустить свою добычу, она потащила её назад, удерживая крепкого мужчину в чёрно-красной маске как щит, пока она скрывалась в разбитой витрине.

Блэк поддел мой разум, привлекая моё внимание к другой потасовке дальше по улице.

Я увидела сборище вампиров в уличной одежде, которые сражались примерно с пятнадцатью солдатами Чистоты, которые все стреляли из пистолетов в переулки и тёмные витрины.

Никого из них я тоже не узнала.

«Возможно, будет достаточно, если они узнают одного из нас», — послал Блэк.

Нахмурившись, я кивнула.

Глядя как два вампира кидаются, чтобы схватить копов в снаряжении для разгона митингов, я посмотрела на другую сторону улицы, где услышала выстрелы, которые доносились откуда-то сверху.

Блэк прав. У Солоника здесь как минимум две группы снайперов.

Они явно целились в вампиров.

Толпа людей вокруг нас закричала от выстрелов и понесла нас сначала вправо, прочь от перестрелки, затем влево, когда ещё больше вампиров показалось из темных углов улицы в той стороне и схватило людей, которые подбежали слишком быстро.

Раздражаясь из-за хаоса вокруг и плохой видимости, я простёрла свет, пытаюсь примкнуть к конструкции наших разведчиков.

«Нет», — резко послал Блэк. Он посмотрел на меня в тот самый момент, когда Джем сжал мою руку, послав предостерегающий импульс. — *Держись вне Барьера, док. Мы не просто так оставили тебя в стороне».*

«Но почему? — раздражённо послала я. — Разве вам не нужно как можно больше глаз для наблюдения?»

«Велика вероятность, что Солоник знает, что мы здесь», — послал Блэк, бросив на меня мрачный взгляд. — *Мы не хотим, чтобы он знал, что ты с нами. Пока мы можем этого избежать».*

Он понизил свой ментальный голос.

«Ты была соединена с ним, док. Если этот мудака взломает твоё сознание, у нас появится куча новых проблем».

Блэк взглянул на Джема и добавил.

«Если его ранг так высок, как говорит Джем, мы вынуждены предполагать, что этот сукин сын может взломать и нас. Я знаю, ты не до конца понимаешь ранги видящих, но поверь мне, если всё так, как говорит Джем, то обстоятельства кардинально меняются».

Я нахмурилась, вспомнив, что говорил мой дядя о том, что Джем вызывает «необходимость» в ком-то вроде Солоника. Всё ещё проталкиваясь между тел, я лишь кивнула в ответ на слова Блэка.

«Поняла», — послала я.

Теперь я видела немного больше.

Ледяной декабрьский ветер уносил от нас большую часть слезоточивого газа вверх по Мишн-стрит в сторону шоссе 101 и Саут-Маркет. Многие солдаты Движения за Чистоту нарушили строй и теперь, похоже, направлялись на восток к Вэн Несс — предположительно, чтобы убраться от вампиров и газа.

Теперь многие солдаты Чистоты носили противогазы вместе со своей чёрно-красной униформой.

Я также видела много слезящихся, налившихся кровью глаз и окровавленных шей, хозяева которых ковыляли по улице, поддерживаемые своими друзьями-Пуристами.

Копы в чёрном обмундировании теперь в основном целились в силуэты в тени, предположительно в вампиров.

Наверное, Солоник тоже приложил к этому руку.

Теперь я видела, как загорелся вход в здание транспортной компании. Полдюжины припаркованных там машин тоже горели, испещряя пылающими точками улицу в северном направлении.

Ближе к нам также горело здание администрации Сан-Франциско, пламя уже пожирало его изнутри, прогорая через ряды почерневших от дыма окон. Кто-то расстрелял больше половины фонарей, но пожары обеспечивали хорошую видимость даже с дымом.

Когда мы приблизились, выстрелы раздались из автобуса позади нас, а затем темноту нарушило рычание. Прежде чем я успела моргнуть, стремительный тёмный силуэт накинута на фигуру в чёрном кевларовом снаряжении.

Винтовка мужчины выпустила череду выстрелов, но оружие лишь моталось из стороны в сторону, когда вампир разорвал ему горло одним-единственным, пугающе проворным движением.

Я смотрела, как вампир утаскивает обмякшее тело вдоль по тротуару.

Сама грация этого движения парализовала меня.

Я сосредоточилась на лице с высокими скулами, рубиновыми зрачками, которые сменили тёмные миндалевидные глаза, которые я знала ранее. Его лицо исказилось животным рычанием, клыки удлинились, и он выплюнул что-то, вырванное из шеи мужчины.

И всё же я бы узнала это лицо где угодно.

— НИК! — закричала я.

Он поднял взгляд, всё его тело замерло.

Он уставился на меня, задержав дыхание, и я видела в этом взгляде жестокость.

Затем сверху полетели выстрелы, нацеленные на него.

Он исчез, растворившись во тьме прежде, чем я успела осознать то, что только что увидела. Я понятия не имела, убил ли он человека или видящего.

Я без раздумий побежала за ним, расталкивая толпу на своём пути.

— Мири, *нет!* Нет, черт подери!

Блэк выругался на прекси, и я почувствовала, как он ринулся за мной.

— НИК! ПОДОЖДИ! — кричала я, игнорируя его и все предупреждения, которые ощущала от видящих вокруг себя. Я чувствовала, как Джем и Джакс несутся за Блэком, чтобы догнать меня. — НИК! *ПОДОЖДИ!* ВЕРНИСЬ!

Я протолкнулась через группу мужчин, которые смотрели на копа с разорванным горлом, затем побежала к автобусу. Я выдернула пистолет из кобуры, подняла его, но не замедлилась и не остановилась, когда забежала в тень.

— Эй, леди... — крикнул один из парней, когда я завернула за автобус. — Вам лучше туда не ходить! Там эти *твари*!

Его я тоже проигнорировала.

Продвигаясь дальше в темноту, я сделала вдох. Мои глаза старались адаптироваться в темноте за пределами свечения от горящего здания администрации, которое отражалось на корпусе автобуса.

Я знала, что у меня есть всего несколько секунд до тех пор, как Блэк и остальные меня догонят.

— Ник! — завопила я, щурясь сквозь дым и тьму, ища признаки движения. — Ник! Мне нужно поговорить с тобой! Ты не знаешь, кто эти видящие! Скажи Брику...

Ладони схватили меня за предплечья.

Прежде чем я успела сделать вдох, мой желудок резко ухнул вниз.

Ощущалось это как падение с утёса, только я устремилась вверх, а не вниз.

Самое похожее, с чем я могла это сравнить — американские горки. Такое ощущение, будто меня только что дёрнуло вверх на огромной петле гигантской американской горки.

Мои ноги оторвались от земли.

Я едва успела выдохнуть, когда мои ноги опять обрели опору, ботинки заскользили и заелозили по платформе из металлической решётки. К горлу подступила желчь.

— *Твою ж мать...* — прерывисто выдохнула я.

Ладони отпустили мои руки.

Я стиснула перила шатающейся пожарной лестницы, где теперь очутилась. Посмотрев вверх, я осознала, что каким-то образом поднялась минимум на три этажа. Мой разум не мог осмыслить, как я тут оказалась.

Я была не одна.

Я подняла взгляд, повернувшись, и увидела красноватые глаза, отражавшие свет пламени.

Ник улыбнулся мне, и между его губ показались клыки.

— Приветтики, док, — сказал он.

Глава 25. Пожарный выход

«МИРИ! ТЫ БЛ*ДЬ ГДЕ?» — разум Блэка взорвался во мне, хотя я слышала его и остальных через наушник.

— Беспилотник сюда! ЖИВО! — через наушник я слышала, как он отдаёт приказы Зайрею. — Только видящие! И будьте *осторожны*, мать вашу! Моя жена там! Не стрелять на поражение, черти бы вас драли! И скажите им, что я здесь, что я послал вас...

«МИРИ! ПРОКЛЯТЬЕ... ОТВЕТЬ МНЕ!»

Сглотнув, я уставилась на Ника, глядя, как он изучает меня взглядом в темноте.

«Я в порядке, Блэк. Ник схватил меня. Я на пожарной лестнице».

Я ощутила, как из света Блэка выплёскивается волна ужаса.

«Всё хорошо, Блэк...»

«ХЕРА С ДВА! — взорвался он. — В каком месте это хорошо?»

«Какое здание? — послал Джем. — Какое здание, Мири?»

«Я вижу школьный автобус, горящий в конце переулка...»

— Ну? — спросил Ник, улыбаясь мне. — Ты звала меня, Мири. Ты хотела поговорить или...? — он поднял ладонь в безмолвном вопросе. — Все эти выкрикивания моего имени были небольшой мелодрамой?

— Ник, — я стиснула перила. Когда я уставилась на него, реальность ударила по мне с новой силой. — Ник, что ты делаешь? Почему я здесь, наверху?

Он улыбнулся ещё шире.

— Почему ты здесь, наверху? Разве ты не звала меня, Мириам? Разве ты не говорила, что тебе нужно со мной поговорить?

Закусив губу и стараясь контролировать грохотание своего сердца в груди, я уставилась на него, пытаюсь увидеть в его глазах моего друга. Я едва видела его лицо в темноте, не считая отсветов пламени в хрустальных глазах.

Я гадала, стоит ли мне рискнуть и спрыгнуть через перила.

«УБИРАЙСЯ ОТТУДА НАХЕР, МИРИ. ПРИСТРЕЛИ ЕГО И БЕГИ!»

«Я не могу пристрелить его, Блэк...»

«ХЕРА С ДВА ты не можешь! С ним всё будет хорошо, Мириам! Выстрели в него! Выстрели в него немедленно и беги! Мы прямо сейчас заходим в переулок!»

— Он говорит тебе пристрелить меня, не так ли? — улыбка Ника вернулась, клыки сверкнули в темноте. — Твой муж.

Он пожал плечами, эти хрустальные радужки посмотрели в мои глаза.

— Он не ошибается, Мириам.

— Ник, — я заставила себя выдохнуть, уставившись на него, всё ещё держа пистолет, хотя обеими руками стискивала шаткие металлические перила. — Ник... мы пришли тебя предупредить.

— Предупредить меня? — Ник улыбнулся, бесшумно скользнув ко мне. Я смотрела, как он протягивает бледные пальцы и сжимает перила в нескольких футах от моей ладони. — Это так мило, Мири. О чём же ты хотела меня предупредить?

Сглотнув и прикусив губу от того, что слышала в его голосе, я покачала головой.

— Это люди Чарльза. Они пришли за тобой, Ник, — выдохнув, я повернула голову и посмотрела ему в глаза. — Их ведёт Солоник. Знаю, тебе это ничего не говорит, но он не такой, как обычные видящие. Он сильнее... сильнее большинства видящих, с которыми ты сталкивался. Сильнее любых видящих, которые есть у нас здесь. Может, даже сильнее Джема.

Ник издал смешок.

— Ты действительно пришла сюда предупредить меня? Серьёзно, Мири?

— Ник...

— А я-то думал, что ты предлагаешь мне впервые по-настоящему попробовать видящую, — заметив мой пристальный взгляд, Ник улыбнулся. — Поверь мне, я не собираюсь отказываться от такого щедрого предложения. Я слышал, что пить одного из вас подобно жидкому сексу, — его взгляд пробежался по мне, уголки губ приподнялись в лёгкой усмешке. — Это правда, Мириам? Признаюсь, я умираю от нетерпения попробовать самолично.

— Ник, тебе нужно послушать меня. Солоник...

— Полагаю, на самом деле мне надо просить твоего мужа, — голос Ника сделался более мелодичным. Всё ещё Ник, но уже такой другой, что я пялилась на него. — Когда я делил кровь, я видел его... твоего мужа, имею в виду. Как он наслаждался временем с некоторыми моими братьями и сёстрами. Воспоминания яркие, док. Просто е*анутся какие яркие. И е*ать — подходящий термин.

Ник всматривался мне в глаза из темноты.

— Теперь я понимаю, док. Я понимаю, почему ты хотела его. Надеюсь, ты не против, если я скажу, что нехило возбудился, наблюдая за этим.

Ощувив, как в моем нутре поднимается другая тошнота, я покачала головой.

— Ник, тебе нужно меня послушать. Ты не в безопасности. Никто из вас здесь не в безопасности. Тебе нужно сказать Брику вытащить своих людей...

— Я ценю твою заботу. Правда, ценю, — Ник стиснул металлические перила, и та улыбка всё ещё дразнила его губы. — И конечно, я с радостью передам любое сообщение... брату Брику или кому бы то ни было ещё. Однако я всё равно восприму твой приход ко мне как приглашение, док.

Он подвинулся на дюйм ближе.

— ...Надеюсь, твой муж не возражает. Я бы с радостью согласился на тройничок, но почему-то сомневаюсь, что он на такое пойдёт.

Он вновь начал двигаться в мою сторону, и я подняла пистолет.

Я сделала это без раздумий, прицелившись ему в грудь.

Стиснув рукоятку, о следующем действии я тоже не думала.

Я нажала на курок.

Однако прежде чем я успела завершить движение, Ник метнулся — так быстро, что мои глаза вовсе не сумели за ним проследить. Пистолет просто вылетел из моих онемевших пальцев. Я ощутила его падение и осознала, что Ник просто выбил его из моей руки так же легко, как человек отмахивается от мухи.

Я услышала, как пистолет ударяется и подпрыгивает на тротуаре внизу.

— Мири! — крикнул Блэк. — Это ты?

Я потянулась к пистолету на другом бедре. Прежде чем я успела его достать, Ник обхватил меня за руки и спину, прижав мои руки к бокам и вжавшись своей грудью в моё тело. Он придавил винтовку за моей спиной, прижал мои руки и ладони.

— БЛЭК! — прохрипела я. — БЛЭК! Я НАВЕРХУ!

Ник усмехнулся, его руки походили на стальные обручи.

— Ага. Зови его сюда. Может, я всё-таки получу тот тройничок, о котором просил...

— Ник, проклятье, — рявкнула я. — Я *помочь* тебе пытаюсь, бл*дь!

— Ты немножко опоздала, док.

Впервые в его голосе зазвучала настоящая злость.

Почему-то эта злость больше походила на знакомого мне Ника, чем всё остальное, что я от него слышала. Она заставила меня на мгновение умолкнуть и посмотреть на него.

Выражение его лица не изменилось.

Когда его губы вновь изогнулись в ленивой улыбке, моя собственная злость полыхнула жаркой волной.

— Проклятье! Ник, тебе нужно *послушать* меня, бл*дь! — рявкнула я. — Солоник — это видящий из Бангкока. Это он меня *похитил*. Помнишь? Он едва не убил меня там. Он едва не убил нас *обоих*, а теперь он пришёл сюда за тобой. Ты меня вообще слушаешь?

Если мои слова достучались до Ника, я этого не видела.

Его черты теперь оказались так близко ко мне, так близко, что моё сердце загрохотало в груди, пока я смотрела на него, всматривалась в слабые отсветы в этих хрустальных глазах. Я видела, как он смотрит на мои губы, пока его лицо находилось всего в паре дюймов от моего.

Я собиралась вновь заговорить с ним, когда он опустил голову. Не успела я издать и звука, или полностью осмыслить, что он делает, как Ник уже вжался в меня всем телом и вонзил клыки в моё горло.

Я закричала.

Мой крик умер ещё до того, как я полностью сделала первый вдох.

Я ощутила, как яд попал в мою кровь, и мой разум утратил связность, разлетевшись на куски как горсть гальки, брошенная на поверхность неподвижного озера.

Руки Ника сомкнулись вокруг меня ещё крепче, и я ощутила в нём прилив удовольствия, который заставил меня ахнуть, когда он ввёл ещё больше яда в мою кровь.

Затем я услышала, как он пьёт, издаёт низкое рычание, прерывисто вдыхает, не отрываясь от меня. Его губы и язык приласкали мою кожу, и он издал тихий звук прямо перед тем, как крепче обхватить меня рукой и вжаться членом между моих ног. Прислонив меня к окну возле пожарной лестницы, он вонзил клыки ещё глубже...

Моя голова запрокинулась.

Я издала хрип, колени как будто утратили способность удерживать меня в вертикальном положении.

Его пальцы сжались в моих волосах.

Я чувствовала, как разум Ника плавает во мне — не как видящий, даже не так, как это было с вампирами у Шипрока. Вместо этого данные ощущения напоминали движения Ника — тёмное жидкое присутствие, безмолвно окружившее меня прежде, чем я успела что-либо осознать. Я попыталась вырваться из его рук, ощутив, как он проникает глубже в моё сознание, но я чувствовала себя кроликом, бьющимся в проволочных силках.

Ник помедлил ровно настолько, чтобы поднять голову.

Прежде чем мой разум осознал эту перемену, он уже целовал меня в губы, сосал мой язык, покусывал его клыками, углубляя поцелуй и прижимая меня к подоконнику всем своим весом. Это шокировало меня. Не только тот факт, что он меня целовал, но и сам поцелуй. Он шокировал меня, как шокировал тот наш первый поцелуй в моей старой квартире в Ричмонде.

Та ночь в моей квартире развивалась совсем не так, как я ожидала.

Ник целовался не так, как я ожидала.

Он целовался намного лучше, чем я ожидала.

Ник издал тихий рык, крепче вжимая меня в окно и снова целуя.

В его сознании замелькали образы — той ночи и последующих ночей, когда он вспоминал тот поцелуй, вспоминал свои руки на мне и хотел трахаться, когда он дробил и хотел оттрахать меня, хотел заявиться ко мне на порог.

Всё это нахлынуло на меня волной чувства вины, а боль врезалась в моё нутро.

Он смотрел, как я вспоминаю, и вспоминал вместе со мной. Я чувствовала, как это возбуждает его, и Ник схватил меня за волосы, снова целуя в губы. Я издала невольный звук, и он крепче стиснул меня, подняв голову и всмотревшись в моё лицо.

На мгновение впившись взглядом в моё лицо, он улыбнулся.

Его пальцы легонько смахнули волосы с моих глаз, затем он опустил рот обратно к моему горлу. Я буквально слышала, как удлиняются его клыки...

Когда в темноте позади нас раздался громогласный рёв.

— Отпусти её, — прорычал он. — Немедленно.

Ник застыл, всё ещё обхватывая мою шею руками.

Не отпуская меня, он повернул голову, и я проследила за его взглядом поверх плеча.

Там стоял Блэк.

Его появление шокировало меня, и не только потому, что я вообще его не почувствовала. Его золотые глаза сверкали ярче обычного, не совсем светились, но почти. Он тяжело дышал, лицо выражало столько ярости, что напоминало маску.

Тогда-то я увидела меч, касавшийся горла Ника самым кончиком.

— Отпусти её, — голос Блэка опустился до гортанного рычания, угрожающего животного рыка, рокотавшего в груди. — Бл*дь, я убью тебя, Ник. Не думай, что я этого не сделаю.

Ник медленно отпустил меня, улыбаясь Блэку через плечо.

— Не нужно жадничать, Квентин, — сказал он. — Я всего лишь хотел попробовать её на вкус.

— Отойди от неё. Немедленно.

Ник легко развернулся, повернувшись так, что меч проследовал за его горлом. Затем он оказался лицом к Блэку, шагнув ближе к нему и дальше от меня.

— Должно быть, для тебя это такое облегчение, Блэк, — сказал Ник. — Что я мёртв и всё такое.

В отличие от меня, слова Ника не повлияли на Блэка.

— Впаривай это дерьмо кому-нибудь другому, Наоко, — прорычал Блэк. — Как мне кажется, ты вполне наслаждаешься своим новым положением...

— Если жизнь даёт тебе лимоны, сделай лимонад, и всё такое, — Ник улыбнулся.

Теперь я приходила в себя, хоть и чувствовала яд, раздирающий мои вены. Моя ладонь взлетела к шее и плечу, и я вздрогнула, закрыв глаза от прилива боли в открытой ране, которую нащупала там.

— Блэк, — произнесла я, задыхаясь. — Будь осторожен. Будь очень осторожен, бл*дь.

— Иди назад, Мири, — сказал Блэк, не отводя взгляда от Ника. — В сторону Джема. В сторону лестницы.

Я посмотрела вправо и увидела Джема, стоявшего там наготове. Его взгляд не отрывался от Ника и Блэка, но он протягивал мне руку и жестом звал подойти поближе.

— Делай, как он говорит, Мири.

Я чуть сдвинулась в сторону, всё ещё пытаюсь перевести дыхание, всё ещё борясь с ядом, вибрировавшим в моих лёгких, моей коже, моих мышцах. От него мои конечности тряслись, как от двойной дозы адреналина, смешанной с каким-то транквилизатором.

Почему-то от этого эффекта сложно было оставаться в своём теле. Такое чувство, будто я плыла, будто какая-то часть меня находилась больше в Барьере, нежели здесь, на Земле. Я пыталась заземлить себя, утянуть обратно, но не могла это сделать. Мне даже сложно было идти по прямой.

Это походило не столько на опьянение, сколько на очень плохое самочувствие из-за лихорадки.

Я стиснула винтовку, которая всё ещё болталась за моей спиной, опёрлась на окно для равновесия и ещё немножко подвинулась к Джему.

Я почти дошла до него, когда в моём сознании раздался другой голос.

«Ilya... Это ты?»

Я остановилась, стиснув кирпичную стену.

Ещё одно присутствие омыло меня как дурной сон, заставив закрыть глаза. Оно оставило меня задохнуться, моя кровь хаотично пульсировала в венах.

«Дорогая девочка... моя шоколадка...»

Я задохнулась. Мое сердце ёкнуло в груди, дыхание перехватило.

«Это действительно ты? Моя прекрасная Мириам, после всего этого времени?»

Джем рядом со мной схватил меня за руку.

Какая-то часть меня потянулась к Блэку, но он казался далёким, недостижимым.

Мой свет тянулся к нему...

«Di'lanlente o' kitre-so 'h, — горячее облако боли выплеснулось из света Солоника, ударив по мне и заставив меня отпрянуть. — Твой свет так сильно изменился. Очень, очень сильно, Ilya. Gaos...»

Я чувствовала, как мой свет пытается бороться с ним, отстраниться от него всеми возможными путями. Однако я не могла от него отдалиться. Это повторение Бангкока: он вторгся в мой свет, а я не в состоянии от него отгородиться. В этот раз виной тому вампирский яд и конструкция, а не мой поломанный свет, но эффект был бы тем же.

Я не могла от него отгородиться.

Меня всё сильнее и сильнее охватывало отчаяние, но это всё равно что бороться с дымом.

Я вновь попыталась потянуться к Блэку, найти его, но и это мне не удавалось.

Я оказалась в ловушке в этом аморфном, похожем на дым состоянии — между Солоником, ядом Ника, самим Ником, конструкцией дяди Чарльза, возможно, стрессом, потерей крови, разделением с Блэком. Какой бы коктейль ни влиял на мой разум и свет, я затерялась там, будучи не в состоянии затащить себя обратно в тело.

Солоник продолжал говорить со мной.

«Моя маленькая и́уа выросла, — его желание ударило по мне с физической силой, душа меня. — Твой дядя рассказывает мне всякое, прекрасная сестра. Он говорит мне, что начал тренировать тебя. Он говорит мне, что ты умна, быстро учишься, что твой свет принадлежит старой душе...»

Его боль усилилась, пока он ощупывал мой свет, пытаясь вновь познакомиться с ним, почувствовать то, о чем говорил ему мой дядя.

«Я бы очень хотел поговорить с тобой, и́уа, теперь, когда ты поистине моя сестра. Я бы научил тебя стольким вещам. Вещам, которым твой ценнок-муж и эти изменники-видящие не могут тебя научить. Вещам, которым не может научить тебя дядя...»

Я ощутила, как в свете Блэка поднимается ярость.

Голос Солоника сделался более холодным, более смертоносным.

«Мне сказали, что ты взяла этого ребёнка в супруги, и́уа. Признаюсь, я отнюдь не обрадовался этим новостям. Я отнюдь не обрадовался, что ему разрешили привязать тебя к нему вопреки тому, что он так молод. Я сказал твоему дяде немало злых слов на этот счёт, и́уа...»

Я чувствовала, как Джем пытается вытолкнуть его из моего света.

Свет Блэка обернулся вокруг меня, но его вновь вытеснили.

Я чувствовала, как внимание Блэка разделилось между Ником и Солоником, когда Ник повернулся и уставился на меня кровавыми глазами, хмуро поджав губы. Я впервые осознала, что мой разум всё ещё связан с ним через яд.

Ник тоже слышал Солоника, так же ясно, как Джем и Блэк.

Может, даже ещё отчётливее.

Я постаралась вытолкнуть Солоника, но это всё равно напоминало попытки оттолкнуть дым.

В своём сознании я видела их всех.

Кроваво-красные глаза Ника, смотрящие на меня с другого конца пожарной лестницы.

Я видела его при нашей последней встрече на острове Мангаан — он смеялся над словами Энджел, пока мы трое катались на досках на главном пляже между плавательными бассейнами. Я видела, как Ник дрейфовал на спине и удовлетворённо вздыхал, глядя в синее небо, говоря о тако и маргаритах на ужин в островном ресторане Блэка.

Я видела лицо Энджел, когда мы вернулись из Европы, затем позднее той же ночью. Её глаза переполнились слезами, пока мы сидели в её с Ковбоем квартире на Калифорния-стрит, пили текилу за Ника и пытались убедить друг друга, что он всё ещё может быть жив.

Золотые радужки сменили светло-карие глаза Энджел.

Лунный свет заливал худую мускулистую грудь. Глаза Блэка светились, пока он лежал подо мной в Санта-Круз. Его искренний смех, когда он показал мне мои светящиеся радужки, поднеся мою же ладонь к моему лицу.

Затем я увидела Джема, который пристально смотрел на Блэка, и черты его красивого лица побелели от страха.

Я чувствовала, что он знает что-то, неизвестное мне. Знает, что на самом деле значат эти светящиеся радужки.

Боль рябью прокатилась по мне. Боль, которой я не понимала.

«Илуа... ты всё ещё там, илуа?»

Я видела Солоника и его фиалковые глаза надо мной.

Я ощущала его горячую кожу, пока он потел надо мной в том сыром подземном помещении в Бангкоке, в той комнате, которая пахла мной, им, пад таем и кислым пивом. Я помнила, как он говорил, что заберёт меня с собой в Россию, что я никогда больше не увижу Блэка...

«Илуа... — его голос смягчился, притягивая меня. — Илуа, пора вернуться домой. Твоя семья скучает по тебе, илуа. Не позволяй этому ценку диктовать тебе, кто ты есть. Не позволяй ему сбить тебя с толку...»

На мои глаза навернулись слёзы.

Нежданные, жестокие слёзы покатались по моим щекам, сопровождаемые ослепляющей болью в груди. Я чувствовала, как они притягивают меня — Чарльз, Солоник, лица видящих, которых я не знала и никогда не видела прежде.

Мой отец.

Та боль сделалась изнурительной.

Я чувствовала все те годы одиночества. Всё то время, что я провела одна, ожидая, когда же кто-нибудь вернётся ко мне, когда же кому-нибудь будет не всё равно. Все те годы после смерти Зои я терпеливо ждала, думая, что однажды моя семья вернётся, вернутся братья моего отца, сестры, братья и кузины моей матери.

Но они не вернулись.

Они оставили меня одну, и после войны я обзавелась новой семьёй.

Ник и Энджел стали той семьёй.

Затем пришёл Блэк, и он тоже стал семьёй.

Боль в груди стала такой сильной, что я не могла дышать.

Я помнила своего отца в той боли. Я ощущала там Блэка. Я ощущала Блэка, Энджел... Ника... мою маму... Зои. Я так сильно чувствовала свою сестру Зои, словно она стояла прямо передо мной. Я чувствовала своих бабушку и дедушку, кузин, дядю Чарльза, тётушек мамы. Я видела все эти лица вокруг меня и едва не теряла сознание от боли в груди. Такое чувство, будто человеческая часть меня боролась с частью видящей, отвоёвывая контроль.

Но я не была ни тем, ни другим. Я была ими обеими одновременно.

Я — нечто иное.

Я — косатка, выпрыгивающая из воды под тремя сияющими звёздами.

Последовала резкая вспышка света.

Затем, на протяжении долгого времени...

Не было вообще ничего.

Я открыла глаза.

Надо мной нависали лица.

Они находились так близко, что я вздрогнула и отпрянула, крепко ударившись обо что-то головой и вздрогнув от боли. Несколько долгих секунд я могла лишь шуриться на них, моргая от боли, пытаюсь узнать черты, которые проступали в тени.

Я увидела, как они спорят, ещё до того как слышала их.

Я видела, как искажаются их лица, шевелятся губы, хмурятся лбы, пока они мрачно и сердито смотрят друг на друга. Их страх ударил по моему свету — страх, злость, тревога. Они спорили снова и снова, пытаюсь справиться со своими эмоциями.

Мой свет узнал их прежде, чем разум успел сообразить.

Я ощущала вокруг себя знакомые света, и каким-то образом это меня успокоило.

Каким-то образом это позволило мне сделать первый настоящий вдох.

Как только это случилось, звук включился обратно.

— Док! Эй, смотри! Блэк! Её глаза! Её глаза открыты! — женский голос, такой знакомый. — Блэк, заткнись и смотри! Она очнулась!

Энджел.

Энджел была здесь.

Она стиснула мою руку через чёрную рубашку, в которую я была одета. Она источала свою особенную частоту света, улыбалась мне, и в её светло-карих глазах светилось беспокойство и облегчение.

— Мири, эй. Ты в порядке?

Я моргнула один раз. Моргнула ещё раз.

Когда я в следующий раз открыла глаза, там очутился Блэк. Его свет окружил меня — а может, я просто вновь осознала его присутствие. В любом случае, он окутывал меня с физической силой, притягивая меня к нему с такой настойчивостью, от которой в горле вставал ком, а грудь болела. Вопреки разряду, который я там ощущала, я расслабилась в этой тяге, ощущая неопишемое облегчение.

Беспокойство клубами исходило от него, пока он смотрел на меня.

Его пальцы прикоснулись к моей щеке и лбу, убрали волосы с глаз, погладили щеку и подбородок.

«Мири, — мягко осмелился он. — Мириам, дорогая... ilya. С тобой всё хорошо?»

Я кивнула, открывая глаза и поднимая на него взгляд.

Странно, как одно и то же слово из его уст могло звучать совершенно иначе.

Ещё больше облегчения омыло меня, пока я всматривалась в его золотые радужки.

«Я люблю тебя, — сказала я ему, затем протянула руку, приласкала его подбородок и шею. Мои пальцы касались мягко, почти робко. Я видела реакцию в его глазах и гладила его шею. — Я люблю тебя, Квентин. Только тебя. Я хочу остаться с тобой. Пообещай мне».

Блэк замер совершенно неподвижно, глядя на меня сверху вниз.

Затем его глаза медленно наполнились слезами, шокировав меня своей яркостью, и я ощутила, как из его света выплёскивается почти агрессивная волна, смешанная с жаром, от которого мои глаза закрылись. Когда я вновь подняла веки, он кивнул, наклоняясь, чтобы поцеловать меня в лицо, затем в губы.

«Ты никуда не пойдёшь, ilya, — послал он хрипло. — Но если ещё раз вот так убежишь в гнездо проклятых вампиров, я тебя публично отилю».

Я кивнула, вновь ощущая прилив облегчения.

Почему-то просто услышав от него, что мне не нужно отправляться к Чарльзу, я успокоилась.

Я посмотрела на остальные лица вокруг и увидела, что они смотрят на нас, хоть и дали нам с Блэком некоторое пространство. Их глаза и света оставались настороженными, пока они смотрели на нас обоих.

Мой взгляд вернулся к нему и встретился с золотыми глазами.

«Что случилось, Квентин? Ты что-то сделал со своим светом?»

Я ощутила его реакцию на то, что я второй раз назвала его по имени, а его свет окутал меня ещё плотнее. Присев и подвинувшись ко мне ближе, он вытер лицо одной рукой, ни на секунду не отрывая от меня взгляда золотых глаз. Его пальцы продолжали ласкать мой подбородок и шею, пока он смотрел на меня. Прилив собственности

выплеснулся из его света, смешавшись с волной привязанности. Она граничила с агрессией, похожей на сокрушительные медвежьи объятия.

Затем я увидела, как его взгляд метнулся к Джему. Я осознала, что ему принадлежало одно из лиц, нависавших надо мной.

Только тогда я осознала, что другие видящие наверняка услышали, что я сказала Блэку.

Блэк повернулся и посмотрел на меня.

— Нахер их, — грубо сказал он. — Нахер всех, Мири. И нет, *ilya*. Я ничего не делал со своим светом.

Поглаживая моё плечо и шею пальцами, он во второй раз взглянул на Джема.

— Я хотел, — сказал он, слегка поджав губы. — Другие посчитали, что это плохая идея. Они сказали мне не делать этого, пока Солоник смотрит.

Я ощутила, как из его света выплёскивается беспокойство. Он поднял взгляд и посмотрел на что-то над головой. Я осознала, что он смотрит на здания и сканирует их крыши своими глазами и светом.

«Нам нужно выбираться отсюда, ilya, — послал он, и его мысли стихли до бормотания. — Нам нужно убраться с улиц. Ты можешь встать? Или ты хочешь, чтобы я тебя понёс на руках?»

«Что с Ником?» — послала я, вспомнив. — Где Ник? Солоник...»

Блэк покачал головой.

*«С Ником всё в порядке, док. Брик и Дориан появились вскоре после того, как ты потеряла сознание. Они забрали Ника с собой. Они сказали, что покинут этот район, и я практически уверен, что они говорили серьёзно. По крайней мере, Брик, — нахмурившись, Блэк погладил меня по волосам и привлёк ближе своим светом. — Брик извинился за то, что не нашёл нас раньше... и за то, что Ник тебя укусил. Как будто это что-то даёт, бл*дь».*

Он всматривался в моё лицо виноватыми и обеспокоенными глазами.

«Брик сказал, что у него здесь намного больше людей, Мири, — добавил Блэк. — Он попросил поблагодарить тебя за попытку их предостеречь, но у него более чем достаточно людей, чтобы выстоять против Солоника и кого угодно. Честно говоря, их больше, чем я рассчитывал, иначе я бы вообще не согласился приходить сюда».

Помедлив при виде моего хмурого взгляда, он добавил:

«Ярли работает с диспетчерами беспилотников Хавьера, чтобы выследить Солоника».

Нахмурившись, я попыталась встать.

Энджел и Блэк тут же наклонились ко мне, подхватив под руки с обеих сторон, пока я пыталась приподняться на локтях. Они помогли мне принять сидячее положение, когда я вцепилась в их руки.

Оказавшись в более-менее вертикальной позе, я осознала, что лежу на тротуаре.

Я осмотрелась по сторонам и увидела знакомый маленький бутик, в котором бывала несколько раз. Они продавали подержанные вещи и украшения от мастеров, в основном антикварные. Не помню, на какой именно улице находился этот бутик, но я понимала, что это одна из тех маленьких улочек, отходивших в сторону от Шестнадцатой. Совершенно точно не тот же переулок, где находилась та пожарная лестница.

Мое горло пульсировало. Мои локти и спина болели, но больнее всего было голове.

Вокруг нас было тихо.

Ну... не совсем *тихо*.

Прислушавшись, я различила вдали крики и вопли, а также сирены, но всё это казалось очень далёким. Насколько я могла видеть и чувствовать, мы находились минимум в шести кварталах от всех бунтов и протестующих, и тем более от полиции.

— Какого черта произошло? — я начала подниматься на ноги, а Энджел и Блэк опять подхватили меня с двух сторон под руки и за талию, помогая встать. Как только мои ноги обрели опору, я встала между ними, стараясь вернуть себе равновесие.

Мои ноги и колени всё ещё дрожали.

Вздвогнув от боли в голове, я посмотрела на Блэка и стиснула его руку для опоры.

— Меня что-то вырубил? — спросила я.

Блэк не ответил.

Я видела, как Энджел хмуро скривила губы, затем переглянулась с Ковбоем и Дексом, которые стояли по другую сторону от неё. Я посмотрела вокруг, увидела стоявших там Киессу и Эй-Джея, а также Зайрея — того видящего, который выглядел как персонаж аниме. Джакс тоже был здесь и выглядел бледнее обычного, сжимая винтовку перед собой обеими руками.

Все они теперь смотрели на меня со смесью беспокойства и облегчения в глазах.

Запутавшись в том, что чувствовала и видела, я сосредоточилась обратно на Энджел. Однако в ней я ощущала лишь озадаченность, словно она тоже не знала, что случилось.

Джем сверлил Блэка сердитым взглядом.

Когда Блэк не посмотрел на него в ответ и не ответил мне, Джем остановил пристальный взгляд на мне.

— Конструкция атаковала тебя, Мири, — сказал он. — Ты была слаба от вампирского яда и укуса, разведчики твоего дяди увидели эту возможность и нацелились на тебя... с Солоником во главе. Мы отреагировали слишком медленно.

Хмуро покосившись на Блэка во второй раз, он добавил:

— По правде говоря, после того твоего разговора с дядей я ожидал атаки на твоего мужа... но не на тебя. Теперь я думаю, что он на самом деле пытался утянуть тебя, пока твой муж был занят Ником. В любом случае, они явно пытались завладеть твоим светом. Они по большей части преуспели, — прорычал он. — Они чертовски быстро зафиксировали тебя... так быстро, что я вынужден предполагать, что они уже подстроили к тебе линии, скорее всего, через твоего дядю и самого Солоника.

Я наградила Джема ровным взглядом.

— Он был связан с тобой прежде, — сказал Джем, не дрогнув. — Солоник.

— Можно и так выразиться, — пробормотала я.

Джем стиснул зубы, но его тон не изменился.

— Твой дядя попытался вытащить тебя к себе, Мири, — сказал он. — Ты меня слышишь? Ты понимаешь, что это означает?

— Я уловила суть, — сказала я, вздрогнув при попытке шагнуть вперёд. Энджел и Блэк двинулись со мной, позволив мне вновь обрести равновесие. — Так что? — я посмотрела на Люс и Декса, которые тоже выглядели обеспокоенными. — Мы закажем кучу такси? Или что?

Ковбой расхохотался.

Когда я взглянула на него, он выгнул бровь, улыбнувшись.

— К нам едут машины, миссис Блэк, — сказал он, символически коснувшись края невидимой шляпы. Улыбка на его лице сделалась ещё шире. — Между прочим, ты напугала нас до смерти. Дважды. Побегала за этими кровососами как безумная, чёрт подери. А потом рухнула как бл*дский камень.

Я нахмурилась, всматриваясь в его лицо.

— Я отключилась, — сказала я.

Ну конечно, я отключилась. Я это знала. Чего я не знала, так это того, что случилось ранее. Всё ещё глядя на Ковбоя, я нахмурилась.

— Как я вырвалась? Если Блэк этого не делал...

— Ты что-то сделала, — выпалила Энджел, привлекая мой взгляд. — Так всё выглядело, — она покосилась на Ковбоя. — Ну, то есть, мы не видящие, но нам так показалось.

— Ага, — согласился Ковбой. — Показалось.

— Как это выглядело? — спросила я.

Ковбой и Энджел опять переглянулись, затем Ковбой вздохнул, легко опустив ладони на пояс.

— Ты рухнула, сестра, как я уже сказал, — он сделал ниспадающее движение рукой, хлопнув по другой ладони. — Как камень. Мы все запаниковали и схватили тебя. Джем... — он показал на зеленоглазого видящего. — ...вопил про то, что они взломали твоё сознание, что мы должны быть осторожны, иначе ты можешь напасть на нас...

— Затем твои глаза открылись, — сказал Декс, подойдя к Блэку с другой стороны. — Мири, твои глаза были как фонари. Они светились бледно-золотым и зелёным светом...

— ...и потом раздался какой-то негромкий бум... — добавила Люс.

— ...скорее *ощущение*, чем звук, — поправил Ковбой. — Как будто по тротуару ударили звуковой волной. Словно звук был слишком низкочастотным для человеческого слуха.

— ...А затем всё стало *ощущаться* иначе, Мири, — сказала Энджел, нахмурившись.

Она взглянула на Блэка, но тот лишь показал ей продолжать. Его лицо не дрогнуло. Энджел опять посмотрела на меня.

— Они сказали, что ты обрушила конструкцию, Мири. Как будто ты её просто сломала. Может, не всю, но ту часть, которую Солоник и твой дядя использовали, чтобы воздействовать на тебя. Это повлияло даже на людей на улице. Многие из них после этого убежали... протестующие Пуристы тоже. Блэк, Джем, Декс и я тогда просто схватили тебя и унесли оттуда. К тому времени Брик и его людей уже ушли, и наша команда не смогла отследить Солоника, когда конструкция рухнула...

— Не используя тебя, — фыркнул Блэк, впервые вклиниваясь в разговор. — А я *ни за что* на свете, бл*дь, не позволил бы им это сделать.

После его слов воцарилось молчание.

В это время я могла лишь хмуро смотреть на всех них.

Наконец, я повернулась к Блэку, переводя взгляд между ним и Джемом.

— Так что именно я сделала? — спросила я.

Они оба в унисон нахмурились.

При других обстоятельствах это даже выглядело бы забавно.

— Вы правда не знаете? — спросила я. — Или просто не хотите мне говорить?

— Мы не знаем, — прямо сказал Джем.

— Тогда как вы вообще можете знать, что это сделала я? — озадаченно спросила я.

— Это была ты, — сказал Джем.

Я хмуро уставилась на него.

Джем покосился на Блэка, наградив его убийственным взглядом, и черты его красивого лица ожесточились перед тем, как он перевёл взгляд на меня.

— ... Что касается того, *что именно* ты сделала, то мне нужно знать больше, чтобы выдвинуть гипотезу, Мири.

— Знать больше? — я проследила за глазами Джема до Блэка и вопросительно посмотрела на него. — Что это значит? О чем тебе надо знать больше?

— О том, *что такое* ты и твой муж, чёрт подери, — прорычал Джем, адресуя Блэку очередной сердитый взгляд.

Я моргнула.

— *Что* мы такое?

— Да, — прорычал Джем.

Переводя взгляд с Блэка на меня, он показал на моё лицо, и его акцент усилился, пока он пристально всматривался в мои глаза.

— ...Я не имею ни единого бл*дского представления о том, что ты такое, Мири. Вы оба. А твой чёртов муж ничего не говорит.

Я смотрела, как Блэк мрачно косится на него, держа руки на пистолетах, которые висели на его бёдрах. Эта поза придавала ему странное сходство с ковбоем Дикого Запада. Он отпустил мою руку, но я чувствовала, как он нависает надо мной, а его беспокойство и желание защитить создают вокруг нас стену.

До этого самого момента я даже не замечала ту стену, но теперь ощущала её почти как физическое существо, отрезающее меня от разума и света окружающих — ото всех, кроме самого Блэка. До меня дошло, что Блэк использует те нижние структуры своего света, чтобы отделить нас двоих от общего Барьера.

Теперь, заметив это по-настоящему, я чувствовала, что Джем и другие видящие попытаются увидеть нас через эту стену — меня в особенности — но им это не удаётся.

Я гадала, не поэтому ли на самом деле бесится Джем.

Если так, Блэку было практически насрать.

Переведя взгляд с неподвижного лица моего мужа на злое выражение Джема, в итоге я лишь выдохнула.

— Как насчёт тако? — отважилась я, посмотрев по сторонам, когда пустые взгляды уставились на меня. — Всего в квартале отсюда отменная такерия. У них просто убийственное чили-верде.

Молчание.

Эти пустые лица лишь смотрели на меня.

Энджел уставилась на меня вместе со всеми.

Затем, когда я уже собиралась спросить у неё и Ковбоя, когда же приедут машины, она запрокинула голову и расхохоталась.

Глава 26. Различия

«Ты целовала его».

Блэк, стоявший рядом со мной в лифте, легонько подтолкнул меня, всё ещё охватывая своим светом. Боль шёпотом проносилась по венам его *aleimi*.

«Ты целовала его, док, — послал он, вновь поддев меня. — Я видел тебя... целующей его».

Я выдохнула — наполовину смеясь, наполовину раздражаясь.

Прислонившись к задней стене лифта, я сжала в ладони тако. Это моё третье тако. Я практически уверена, что захочу четвёртое, но пока что сосредоточилась на поедании третьего так, чтобы не рассыпать всё по полу лифта.

«Да нахер лифт, — тихонько прорычал он в моем сознании, вновь поддев меня локтем и светом. — Для этого и существуют слуги. Я хочу поговорить о поцелуе».

— Слуги? — я подняла на него взгляд, фыркнув.

— Сотрудники. Какая разница.

Люс обернулась на нас через плечо. Переглянувшись со мной, она улыбнулась, покачивая головой. Я широко улыбнулась в ответ, затем откусила ещё кусочек тако.

«Ты целовала его, — послал Блэк, вновь поддев меня. — Полностью пустив в дело язык. Ты буквально целовалась с ним взасос, когда я поднялся на ту пожарную лестницу, док».

Я закатила глаза. *«Ты действительно ожидаешь, что я удостою это ответом? — я фыркнула. — Он меня не убил. Я думала, раз я жива... ты жив... никого из нас не забрал Солоник, никого не скинули с крыши. Значит, можно назвать это победой».*

«Ты даже не будешь притворяться, будто чувствуешь себя виноватой? Из-за того, что мне пришлось увидеть тебя с Ником? Увидеть, как ты засовываешь язык ему в горло?»

Всё ещё прожёвывая полный рот, набитый тако с чили верде, я с неверием уставилась на него. *«Так вот из-за чего твой гипер-собственнический настрой в данный момент? Ты действительно видишь конкуренцию в том, что меня укусил и поцеловал чёртов вампир?»*

«Не «вампир», — послал он выразительно. — Ник. И помнится мне, ты очень сильно возражала против того, чтобы вампиры касались каких-либо частей моего тела, Мири».

Я наградила его суровым взглядом. *«Даже не начинай, Блэк».*

*«А почему, бл*дь, нет? — он фыркнул, и злость выплеснулась из его света, когда он прислонился к стене и взялся за медный поручень руками. — В чём разница? По сравнению с тем, когда меня ядом принуждали делать это с людьми, которых я ненавидел? Тогда как ты делала это с Ником. Ником — парнем, с которым ты добровольно целовалась, когда он был человеком».*

Я раздражённо выдохнула. *«Мы с тобой тогда не были вместе, Блэк».*

«Дерьмо собачье. Тогда мы были вместе. И ты только что снова целовалась с ним. С тем же парнем. Ником. Только в этот раз я видел это своими глазами».

«Он не тот же парень, — раздражённо послала я. — В настоящее время Ник — вампир, Блэк. На случай, если ты не заметил».

«Это всё равно Ник», — упрямо повторил он.

Покачав головой и стараясь удержать свинину и соус в лепёшке тако, я закатила глаза и раздражённо выдохнула, откусив ещё кусочек.

«Да он, наверное, сделал это только для того, чтобы позлить тебя, — проворчала я после паузы. — Учитывая то, что он написал на нашей стене, не думаю, что Ник помешался на мне, Блэк».

*«Дерьмо собачье. Он, бл*дь, не мог оторвать от тебя взгляд во время встречи».*

Но мыслями я вернулась ко вчерашнему дню и тому, что мы обнаружили, когда вошли в пентхаус. Вспомнив Кико, вспомнив, что Ник написал кровью на стене квартиры, которую я делила со своим мужем, в месте, куда Ник приходил смотреть фильмы, ужинать, проводить время и общаться, моё веселье угасло вместе с моей улыбкой.

«Мы ведь туда не пойдём? — послала я, посмотрев на него. — Этой ночью».

Улыбка Блэка тоже померкла.

— Нет, — сказал он вслух.

Он пальцами показал на панель управления в лифте, и я глазами проследила за этим жестом. Светилась не только кнопка пентхауса.

— Шестидесятый этаж, — добавил он. — Мы займём другую квартиру, пока полиция не закончила с пентхаусом. Мы въедем обратно, как только там всё приберут. Я хочу поменять кое-какие вещи. Помимо очевидного — то есть, нового ковра, нового телевизора, нового дивана. Завтра придут подрядчики. Если ты не против, я могу переделать всю комнату, так что мы могли бы завтра рассмотреть кое-какие идеи.

Я кивнула.

— Мы её переделаем, — сказала я твёрдо. — Полностью.

Блэк кивнул, но по его глазам я видела, что он услышал меня лишь наполовину.

Его разум тоже отправился туда.

Я ощутила от него импульс злости, смешанной с отвращением, когда он вспомнил, что мы увидели в квартире. Когда он действительно осознал, кто сотворил такое с Кико. Я чувствовала, как он соотносит это с тем, с чем только что докапывался до меня, и пытается уложить в голове две эти вещи. Я чувствовала, как он пытается осознать, что Ник сделал это с Кико.

Всматриваясь в его лицо, я поддела его рукой, послав импульс тепла.

«Эй».

Он хмуро посмотрел на меня.

Увидев выражение моего лица, он обнял меня рукой и привлёк поближе.

— Они уже должны были перенести большую часть наших вещей в квартиру на шестидесятом этаже, — сказал он ворчливо. — Завтра я поработаю над совершенствованием мер безопасности. Сегодня у нас живая охрана. Много охраны.

Выдохнув, я лишь покачала головой, не утруждая себя возражениями.

Я знала, что толку не будет.

В любом случае, я не уверена, что он такой уж параноик.

— Параноик, — пробормотал он, бросив на меня мрачный взгляд. — *Gaos*, Мириам. Нам нужно придумать ответный удар. То есть, прямо сейчас. Если мы не можем прийти к соглашению с Бриком, думаю, нам нужно нанести удар по твоему дяде в следующие несколько недель. Пока он не пришёл за нами по-настоящему. Такими темпами всё это начинает походить на начало войны. А значит, мне нужно попросить о *многих* одолжениях, и не только от людей в Штатах.

Взглянув на стоявших перед нами Люс и Декса, зная, что они услышали слова Блэка, я почувствовала, как стискиваю зубы.

Однако с этим я тоже не могла поспорить.

Затем двери издали сигнал, открывшись на шестидесятом этаже.

Декс и Люс отодвинулись, давая нам пройти. Я скомкала обёртку от тако, выходя из лифта и зная, что эти двое направляются на пентхаусный этаж, в офисы «Охраны Блэка». Декс, наверное, проработает ещё несколько часов.

Блэк, наверное, присоединится к нему после того, как проводит меня в нашу новую квартиру.

Из-за раскалывающейся головы, остаточного эффекта яда и того, что, чёрт подери, случилось на улице, я честно не была уверена, стоит ли мне присоединиться к ним.

Больше всего мне хотелось навестить Кико.

— Завтра, док, — пробормотал Блэк. — И ты сегодня не работаешь, *ilya*. Ты будешь спать. Я тоже скоро лягу.

Сжав моё плечо — ту сторону, которую Ник не покусал — он нежно помассировал мышцы, направляя меня по устеленному ковром коридору вправо от дверей лифта. Холо уже наложил повязку на укус, пока мы ехали обратно в лимузине. Блэк пытался загнать меня в лазарет, но я буквально послала его нафиг.

— Ничего нового, — пробормотал он, сжимая моё плечо ладонью.

Я обернулась и увидела, как дверь лифта закрывается перед Дексом и Люс, а затем светящиеся циферки начали расти, поднимая их через оставшиеся несколько этажей.

Я знала, что большая часть команды, которая отправилась в Мишн, теперь разошлась по своим комнатам, включая Энджел и Ковбоя. Некоторые уже уехали в другие здания в других частях города. Я невольно чувствовала, что никто из них не в безопасности, где бы они ни ночевали. Мой дядя нарушил этот пузырь защищённости вокруг нас, разбив в клочья последние иллюзии, будто мы могли от них защититься.

Полагаю, он прав. Я действительно наивна.

Я не думала, что он нападёт на нас так мощно, так скоро.

— Он не может допустить, чтобы мы заключили союз с вампирами, — тихо произнёс Блэк. — С его точки зрения, мы спровоцировали это, согласившись встретиться с Бриком.

— То есть, у него имеется кто-то здесь, — сказала я, поднимая на него взгляд. — С нами. Только так он сумел бы настолько оперативно послать сюда Солоника.

Блэк пожал плечами, золотые глаза посмотрели на меня.

— А в этом были какие-то сомнения, док?

Я нахмурилась, но не ответила.

Я смотрела, как Блэк роется в кармане кожаной куртки и вытаскивает серую как сталь ключ-карту. Он уже оставил большую часть своего оружия с Дексом и Хавьером внизу, но всё ещё носил два пистолета в плечных кобурах, а также два на бёдрах, не говоря уж о двух мечах в перекрещённых ножнах за спиной.

Вспомнив, как он приставил этот клинок к горлу Ника, я сглотнула.

Он не убил Ника.

Он мог, но не сделал этого.

Я знала, что он наверняка сделал это для меня.

Я также знала, что возможно, это последнее помилование, которое получил Ник, и не только от Блэка.

— Не думай об этом теперь, док, — сказал Блэк, и его голос напоминал низкое рокотание в груди.

Мельком покосившись на меня и нахмурившись, он распахнул дверь внутрь и жестом показал мне заходить первой. Я пошла по бледно-зелёному ковру, войдя в длинную прямоугольную квартиру с диванами и креслами цвета ржавчины, а также кухней из белого мрамора. Деревянные шкафчики были такого же ржавого цвета, как комплект мебели в гостиной.

Вид выходил на противоположную сторону здания по сравнению с пентхаусом Блэка.

Через эти окна я видела здание Трансамерика и мост Золотые Ворота, но лишь вдали, его освещённые контуры едва виднелись на горизонте. Окна были не такими высокими и длинными как в пентхаусе Блэка, но помещение было впечатляющим и огромным, с полноценной гостиной, кухней, столовой со столом на восемь персон и коридором, который уходил вправо от меня и вёл, наверное, в спальню.

Планировка здесь не полностью повторяла квартиру Блэка; она была совершенно иной. Никакой опущенной гостиной, более низкие потолки, но кухня примерно на том же месте, пусть она и в два раза меньше нашей кухни. Столовая и гостиная располагались совершенно иначе, и здесь не было предметов искусства Блэка или его столешниц из вулканического камня. Но помещение было достаточно знакомым, чтобы я выдохнула и почувствовала, как что-то в моей груди расслабляется.

Больше всего мне хотелось в душ.

Услышав меня, Блэк обвил рукой мою талию и потянул к коридору справа.

Я обернулась, когда он стал на ходу скидывать мечи в ножнах, затем куртку, при этом так и не отпуская меня. Он с грохотом бросил мечи в коридоре, затем избавился от мотоциклетной куртки, не замедляя шагов.

Услышав падение всего этого, я обернулась и рассмеялась.

— Только с пистолетами так не делай, — пожурела я.

— Не буду.

— Туфли, — сказала я. — Что с твоими туфлями?

— Ботинками, док, — сказал он, целуя меня в щеку. — Сниму их в ванной.

Я кивнула, позволяя ему стянуть мою куртку. Он сдёрнул её с плеч, затем стянул с рук, продолжая подталкивать меня вперёд. Избавив мои запястья и руки от рукавов куртки, он бросил её на ковёр в коридоре. Я услышала стук девятимиллиметровых магазинов, оставшихся в карманах.

Обхватив меня рукой спереди, Блэк потянул меня вправо, когда мы дошли до конца коридора, и завёл в шалфейно-зелёную ванную комнату с белым плиточным полом и мраморными столешницами.

Заведя за дверь, он отпустил меня, затем начал раздеваться по-настоящему. Сначала расстегнув застёжки-липучки на плечевых кобурах, он снял оружие, быстро проверил его, затем положил пистолеты и кобуры на мраморную столешницу.

Затем он потянулся к поясу, не отрывая от меня взгляда.

— Прекрати наблюдать за мной и снимай свою бл*дскую одежду, док, — ворчливо произнёс он.

Он расстегнул ремень, наблюдая, как я снимаю ботинки и бросаю их один за другим на толстый шалфейно-зелёный коврик, затем тяну за лямки и избавляюсь от своих плечевых кобур. К тому времени, когда я сняла их, Блэк уже стягивал набедренные кобуры, затем скинул ботинки и отшвырнул их к моей обуви.

К тому времени от его боли у меня почти закружилась голова.

С этой болью смешивалось собственничество, которое я никак не могла упустить, и которое почему-то ударило по мне сильнее боли. Это не просто собственничество; я ощущала в этом желание единения. Эта тяга, завлекающая меня в его свет, была такой интенсивной, что казалась почти органической.

Я расстёгивала ремень, распахнув рубашку на плечах до самого лифчика, когда Блэк обхватил моё лицо ладонями и притянул для поцелуя.

Он крепко поцеловал меня, используя язык, и я слегка ахнула ему в рот, ощущая его реакцию на мой свет, на слабые отпечатки Ника, на порезы на моих губах и языке.

Он оборвал поцелуй ровно настолько, чтобы самому ахнуть, затем застонал и дёрнул меня ближе, вжимаясь всем телом. Я ощущала там облегчение, но в то же время страх, своеобразное озарённое понимание всего, что этой ночью могло пойти не так.

Ощущая ход этих мыслей в его разуме, я поймала себя на том, что обдумываю те же мысли. Я подумала об оружии, о вампирах, разрывающих горла, о бомбах.

Мы все могли умереть.

Ник мог убить меня.

Он легко мог убить меня.

Почему он меня не убил?

— Прекрати думать о Нике, — прорывал Блэк, отстраняясь от поцелуя ровно настолько, чтобы расстегнуть брюки. Его челюсти напряглись, он всматривался в моё лицо, пока сдёргивал штаны по бёдрам и ногам.

Я слегка закатила глаза, но его свет бил по мне так сильно, что я ощущала, как к коже приливает румянец. И я знала, что мои попытки отмахнуться от его реакции были жалкими. Мои глаза не отрывались от его лица, пока я избавлялась от своих штанов, наступила на штанины и приподняла колени, чтобы сдёрнуть их окончательно. Я смотрела, как он наблюдает за мной, пока я скидывала свою чёрную рубашку. Я уставилась на его руки и грудь, пока он стягивал свою рубашку через голову.

Я потянулась к застёжке лифчика, когда Блэк обхватил меня за талию и дёрнул к себе.

Его свет скользнул в меня, и я прерывисто ахнула, вцепившись в его руки.

Боль рябью прокатилась по мне, заставляя закрыть глаза и лишая равновесия.

— Я целуюсь так же хорошо, как он, док? — ворчливо спросил он. — Ник?

Закрыв глаза, я видела крылья.

Они обернулись вокруг меня, окружили жаром, светом, присутствием Блэка. Я едва могла дышать, когда они сжались так крепко, хотя я и расслабилась в них.

Когда я вновь подняла веки, его золотые глаза светились.

Я уставилась в них, затерявшись в их глубинах.

По обе стороны от нас я почти видела крылья, даже с открытыми глазами.

Моя боль усилилась настолько, что какая-то часть меня словно разрывалась на части. Ахнув, я опустила взгляд, пытаюсь дышать, перевести дух, и осознала, что Блэк уже усадил меня на мраморную столешницу, обхватил ладонью мою задницу и расположил член между моих ног.

— Бл*дь, ты собираешься мне отвечать? — грубо поинтересовался он. — Или я не хочу этого знать?

Вспомнив, что дразнение на эту тему в прошлом закончилось *не очень* хорошо, я подняла взгляд и серьёзно посмотрела ему в глаза.

— Я люблю то, как ты целуешься, Блэк. Я совершенно обожаю это.

— Я не об этом спрашивал, бл*дь.

— Это по-другому, — сказала я, отказываясь врать ему. — По-другому, понятно? С тобой всё лучше, потому что твой свет делает всё в разы лучше... потому что мы связаны, и я едва могу оставаться в своём теле, когда мы целуемся. Ник целуется иначе. Я не могу сравнивать чисто физический аспект, потому что всё *по-другому*. Целоваться с тобой лучше. Точка...

— То есть, мне нужно поработать над моими бл*дскими поцелуями, — прорычал он. — Понял.

Нахмурившись, я покачала головой.

— Я этого не говорила.

— Если ты думаешь, что меня устроит слышать от своей жены «вы оба целуетесь одинаково хорошо, просто по-разному», то ты вообще меня не знаешь, — он стиснул челюсти, глядя на меня. — Однако я оценил твою честность.

Он закрыл глаза, войдя в меня и принимаясь двигаться.

Он уже удлинился — прежде, чем я успела перевести дыхание и относительно взять свой свет под контроль.

Мною завладело облегчение, когда он обхватил меня руками (крыльями?), привлекая всё своё тело ближе, прижимая меня к себе, прижимая себя ко мне.

Я открыла свой свет, и он хрипло застонал, почти захрипел.

Я не помню, чтобы кто-то из нас говорил.

Я не помню ничего после того, как тот свет сделался ярче.

Какая-то часть меня открылась под ногами, и я ощутила, как наши света крепко соединяются друг с другом, почти до боли, но какая-то часть меня хотела сделать связь ещё крепче, ещё теснее. Я сосредоточилась там, сосредоточилась на нём, когда эти крылья спустились по моей спине до ног, и я вновь ощутила хвост, как в Санта-Круз.

Я вскрикнула, когда он тоже оказался во мне.

В каком-то смутном уголке сознания до меня дошло, что мы всё ещё не говорили об этом.

Мы не обсуждали ничего — каким странным стало всё между нами, каким странным становился наш секс, крылья, хвост, как сильно менялся мой свет, каким иным он ощущался даже сейчас.

— Я вижу воронки, — Блэк хрипло вздохнул и зашептал мне на ухо. — С тобой, Мири... Я вижу туннели света. Я вижу...

Он ахнул, когда боль в нём усилилась, заставляя нас крепче обхватить друг друга. Его глаза закрылись, и я чувствовала, как он пытается найти слова, какую-то возможность показать мне.

— Я вижу другие миры, — сказал он, сжимая пальцы в моих волосах. — Я вижу другие миры, Мири... туннели света...

Он держал моё лицо и волосы в ладонях.

Это не было бы странным.

Это вообще не было бы странным...

... но другие его части обхватывали мою задницу и спину.

Другие его части обвивали мои ноги и руки, дёргая меня ближе к нему, привлекая его глубже в меня. Я чувствовала, как он трахает меня в задницу и киску, другие его части шире разводили мои ноги, чтобы он мог войти глубже; стискивали мои бедра и под коленями, чтобы он оставался глубже во мне. Я застонала ему в шею, ослабевая в его

объятиях, когда он прижал меня к себе, и какая-то часть меня притягивала его ещё сильнее, требовала большего.

Я бормотала что-то ему в губы, пока он целовал меня, ощущала, как его зубы впиваются в мою шею с противоположной стороны от укуса Ника.

Я открылась ещё сильнее, когда моя боль усилилась, и Блэк перенёс свой вес, толчками вжимая меня в зеркало возле раковины. Я услышала треск стекла, когда он принялся трахать меня ещё жёстче, и вот мы уже наполовину лежали на столешнице. Он стонал, разноцветные крылья обхватывали меня всё крепче, пока я не смогла видеть ничего кроме них.

Боль сделалась такой сильной, что я не могла издать ни звука.

Я даже не могла сказать, моя это боль или его. Я каким-то образом затерялась в нём, просто... затерялась. Может, даже хуже, но мне всё равно.

Бл*дь, мне было совершенно всё равно.

Что бы он ни делал, я лишь хотела, чтобы он делал это ещё сильнее, уничтожил нас обоих этим, если сможет.

В какой-то момент нам нужно об этом поговорить.

В какой-то момент нам нужно перестать притворяться, что этого нет.

Пока что я чувствовала, что ни один из нас не желает это обсуждать. Я ощущала наше нежелание делать что-либо, что заставит нас посмотреть этому в лицо, и уж тем более остановиться.

Я знала, что это как-то связано с тем, что тревожило Джема в глазах Блэка.

Я знала, что это как-то связано с теми особенностями Блэка, о которых ни один видящий нашей команды не хотел рассказывать Чарльзу. Блэк не хотел, чтобы это знал кто-либо, кроме меня.

Даже теперь Джем, наверное, пытался ограничить количество видящих в нашей команде, которым известна эта информация. Я слышала, как Блэк спорил с ним в Барьере на эту самую тему, пока мы ехали в лимузине на Калифорния-стрип.

В основном, Джем спорил, а Блэк увиливал или отвечал отказом.

Джем хотел стереть память Ковбою и Энджел.

Он хотел стереть каждого человека в нашей команде, который мог увидеть свечение глаз Блэка, свечение моих глаз, и вообще любого, кто заподозрил, что Блэк — не обычный видящий. Он также хотел стереть видящих, которым они не доверяли, так как недостаточно их знали.

Блэк ответил отказом.

Когда Джем стал настаивать, Блэк снова отказал и потребовал, что Джем оставил разум «его» чёртовых людей в покое... и разум его видящих тоже, если на то пошло.

Когда Джем попытался разговаривать с ним на тему светящихся радужек, Блэк снова отказался и сказал ему заниматься своими делами, бл*дь.

Я знала, что Блэк чертовски серьёзен в своих угрозах, особенно когда дело касалось фокусов с разумом его человеческих сотрульников.

Я любила его за это.

А ещё я любила его за то, что нам не нужно это обсуждать.

Вопреки внешней грубоватости и заскокам Блэка, вопреки его гипер-прагматизму, который, по мнению Ника и других, граничил с социопатией, этические и моральные принципы Блэка намного твёрже, чем у большинства видящих.

Сколько бы я ни видела, как Блэк проворачивает всякие фокусы с сознанием людей за пределами своего доверенного круга, я никогда не видела, чтобы он использовал свой свет, чтобы хотя бы успокоить кого-нибудь, кто работал непосредственно на него. С другими видящими он обращался куда более сурово, включая меня.

Я не могла не заметить разительный контраст в том, как видящие со Старой Земли говорили, думали и обращались с людьми по сравнению с видящими. Большую часть

времени разница была неуловимой, но когда на кону стояли вопросы безопасности, армии и разведки, разница становилась явной.

Блэк предельно ясно дал понять, что в этом мире другие правила — как минимум в отношении людей, которых он знал лично. Я слышала, как он говорил видящим, что если им хочется дурить людям мозги, то они могут отправляться работать на Чарльза. Он практически угрожал им разными способами, что если поймают их на использовании света против его сотрудника-человека, то они вылетят отсюда навсегда.

Насколько я знала, никто не нарушал это правило, хоть они и спорили о необходимости его нарушить.

Но я знала, что Джем — лишь часть проблемы.

Я видела выражения их лиц, когда радужки Блэка засветились.

Я знала, что нам надо принять больше мер предосторожности, чтобы не дать Чарльзу узнать об отличиях Блэка. А также выяснить, что Чарльз уже знает о нас обоих. Я понимала, как беспечно от этого отмахиваться, особенно если эти различия настолько важны Чарльзу, как считал Джем.

Проблема в том, что большей, менее логичной части меня было просто всё равно.

Та часть хотела, чтобы все просто оставили нас с Блэком в покое.

Когда мы с Блэком были вместе, мне всё больше и больше становилось безразлично все, кроме нас двоих. Даже зная, насколько это опасно, я не могла заставить себя подумать об этом или заставить Блэка обсудить со мной, что это значит.

Я также ощущала нежелание Блэка.

Я чувствовала, что какая-то часть нас обоих боялась даже задавать этот вопрос.

Глава 27. Отголоски

— Он поднимется сюда? — прорычал Джем. — Или нам просто продолжать без него?

Энджел нахмурилась и переглянулась с Ковбоем перед тем, как посмотреть на зеленоглазого видящего. Она отметила хмурое выражение его лица, пока он смотрел на плоскоэкранный монитор, встроенный в металлическую столешницу, и осознала, что на самом деле он не злится.

Он беспокоится.

Более того, она осознала, что он грустит, может, даже скорбит.

Вспомнив, как он вспылil на том собрании с Бриком, она нахмурилась, гадая, что же именно с ним происходит.

Она всё ещё смотрела на его лицо, когда Джем повернулся и наградил её тяжёлым взглядом.

— Ты не могла бы, кухня? — холодно произнёс он.

— Не могла бы что? — оторопело переспросила она.

— Думать потише, — прорычал Джем. — Или вообще отвалить нахер?

— Эй, — Ковбой резко поднял взгляд. Его обычно добродушное лицо ожесточилось, утратив всё дружелюбие и напомнив Энджел, что Блэк нашёл его в федеральной тюрьме, и сидел он там отнюдь не за мелкое воровство из магазина. — Следи за своим бл*дским языком... кузен. Ещё раз заговоришь с ней так, и у нас с тобой будут проблемы, мать твою.

Джем стиснул челюсти.

Затем, переведя взгляд между Ковбоем и Энджел, он один раз кивнул.

— Приношу свои извинения, — произнёс он приглушённым тоном.

После небольшой паузы он прямо посмотрел на Энджел.

— Ты права, — прямолинейно заявил он. — Я грущу. Я зол. Я беспокоюсь. Я скорблю. Бл*дь, со мной сейчас происходит масса всего. Знаю, ты ничего плохого не имела в виду, но то, что ты стоишь тут и думаешь об этом, ни черта не помогает.

В этот раз Энджел почувствовала, как её лицо заливают теплом.

— Прости, — произнесла она.

Он один раз качнул головой в манере видящих.

— Не твоя вина, — сказал он.

Показав на дверь в стене конференц-зала — не стеклянную, которая вела в открытое пространство с рабочими местами, а ту металлическую, что вела в хранилище — он понизил голос.

— Ты знаешь, у них там есть оружие? Другое оборудование?

Ковбой проследил за его показывающим пальцем, затем нахмурился.

— Что ты ищешь?

— GPS-трекер, — тут же ответил Джем. — Желательно с устройством для выстрела, — он развёл руки так, чтобы они оказались на расстоянии примерно ярда, что заставило Энджел лишь нахмуриться, потому что она не совсем поняла жест. — Винтовка, если там таковая имеется. Чёрт, да я возьму даже лук со стрелами. Любая система внедрения будет предпочтительнее. Если нет, то что-нибудь, что можно инъецировать, но это уже последнее средство.

Ковбой нахмурился, глядя на Энджел.

Она скрестила руки, вскинув бровь и глядя на него.

Однако Ковбой не из тех, кто станет задавать вопросы без весомых причин.

— У него там есть РЧИД-чиппер, — сказал он, потирая ладонью шею сзади. Он изобразил пистолет из указательного и большого пальца. — Но скорее пистолет, не совсем винтовка. Я не знаю о системах внедрения для таких вещей, но зная Блэка, у него может иметься что-то подобное. Если нет, может быть, ты сумеешь соорудить из подручных материалов или попросить ребят из лаборатории сделать это — смотря как быстро тебе это нужно.

— Просто покажите мне, что у вас есть, — сказал Джем.

Энджел и Ковбой просто уставились на него.

Джем, похоже, почувствовал их пристальные взгляды.

Посмотрев на Энджел, затем на Ковбоя, он нахмурился, затем сделал глубокий вдох, как будто усилием воли.

— ...Если вы не против, — добавил он смиренным тоном.

Ковбой покачал головой, не скрывая озадаченного выражения на лице.

— Нет проблем, брат, — сказал он. — Идём со мной.

Они только-только пошли к металлической двери, когда стеклянная дверь, ведущая к открытому пространству с кабинетами слева от Энджел, открылась.

Вошёл Блэк с влажными от душа волосами, в чёрной футболке, чёрных классических брюках и чёрных кожаных туфлях. Она почуяла его запах ещё до того, как он преодолел половину пути, и едва не улыбнулась аромату шампуня и мыла, заполонившему комнату. Он не совсем хмурился, но выглядел сосредоточенным.

— Ладно, — сказал он. — Я здесь.

— Время для парада, — пробормотала Энджел.

Блэк вскинул бровь, но улыбнулся, словно вопреки собственному желанию.

Затем он посмотрел на Джема и Ковбоя, которые наполовину дошли до металлической двери. Видимо, решив не спрашивать, к чему это всё, Блэк едва слышно щёлкнул языком, затем посмотрел обратно на Энджел, решительно поджав свои странно идеальные губы.

— Позови сюда Декса, ладно? И всех из основной команды, кто всё ещё здесь. Нам нужно поговорить. Затем я хочу, чтобы все, кто не на дежурстве, отправились спать, — его губы чуть хмуро поджались. — У меня такое чувство, что сон вам понадобится.

— Какова тема? — спросил Джем, подходя к столу со стороны Энджел и останавливая на Блэке взгляд бледно-зелёных глаз. — И дозволяется ли нам это знать?

Блэк перевёл взгляд золотых глаз на старшего видящего.

— Тебе нужно немедленно прекратить это дерьмо, брат, — прорычал Блэк. — Не знаю, к какой, бл*дь, структуре командования ты привык, но я быстро устаю от того, что мои решения ставят под сомнение, — помедлив в ответ на молчание Джема, он добавил: — Я хочу поговорить о вампирах. И о Нике. Мы мало что можем сделать, чтобы прямо повлиять на Чарльза, но нам нужно обсудить, есть ли ещё смысл заключать союз... и какие условия нам нужно просить.

В глазах Джема проступила озадаченность.

Он взглянул на Энджел, затем на Ковбоя, затем обратно на Блэка.

— Например? — спросил он.

Энджел невольно заметила, что в этот раз голос Джема звучал куда более уважительно.

Блэк выдохнул, тоже явно заметив это. Проведя пальцами по влажным волосам, он снова вздохнул и сделал одной рукой неопределённый грациозный жест.

— Например, стоит ли нам выдвинуть условие, чтобы Ника не подпускали сюда, — фыркнул Блэк. — Попытаемся ли мы найти способ, чтобы нашим людям было безопасно находиться в их присутствии... и где мы обозначим предел допустимого, пока они его не пересекли.

Слегка нахмурившись, Блэк оперся ладонями на стол.

Его взгляд как будто ушёл в себя, затем Блэк покачал головой.

— Я вообще не хочу заключать союз с этими мудаками, — прорычал он. — Я знаю, Мири тоже не в восторге от этой идеи. Но, по правде говоря, у нас практически нет выбора.

Покосившись на Энджел, он окинул её взглядом и помрачнел ещё сильнее.

Энджел всматривалась в его лицо, скрестив руки на груди.

— Ты подумываешь об убийстве Ника? — выразительно поинтересовалась она. — Об устранении их рычага давления?

В этот раз Блэк выдохнул с неприкрытым раздражением.

— Конечно, я подумываю об убийстве Ника, — прорычал он. — И по многим бл*дским причинам. И не только потому, что если он продолжит жить в качестве вампира, это будет представлять нешуточную, бл*дь, угрозу для меня и моей жены, — выпрямившись над столом, он с вызовом встретил хмурый взгляд Энджел. Его золотые глаза не дрогнули. — Иисусе, Энджел. Ты правда хочешь видеть Ника живущим вот так? Даже не считая того, что он сделал с Кико... и попытался сделать с Мири... ты думаешь, прежний Ник хотел бы этого?

— Мы ещё даже не знаем, каким он *будет*, — с предостережением произнёс Джем. — Вампиры говорят, что он изменится. Они говорят, что он станет другим, как только его эмоции вернуться. Если, конечно, ты не считаешь, что они врут.

Блэк наградил его открыто скептическим взглядом.

— Потому что все остальные вампиры, с которыми мы сталкивались, такие милые пушистые зайчики?

Выражение лица Джема ожесточилось.

— Ты сейчас серьёзно? Ты серьёзно подумываешь убить его? За спиной у своей жены?

— Не за её спиной, — прорычал Блэк. — Твою ж мать нахер... я хочу это обсудить. Я хочу определить, что мы обсудим с ней, при условии, что мы сами придём к какому-то

соглашению. Я бы предпочёл представить ей на рассмотрение чисто логичные аргументы, потому что нельзя ожидать от неё объективности в этом вопросе.

— А от тебя можно? — пробормотала Энджел, закусывая губу.

Не отворачиваясь от Джема, Блэк мотнул головой в сторону Энджел.

— Ты правда думаешь, что если бы я пытался проверить что-то за спиной своей жены, я бы упомянул это в обществе её лучшей подруги, черт подери?

— Её лучшей подруги-человека, — холодно сказал Джем, скрестив руки.

Блэк мрачно фыркнул, качая головой.

Он даже не потрудился отвечать на обвинение, сквозившее в этих словах.

Он лишь посмотрел на Энджел.

— Ты хотя бы открыта к обсуждению этого, Эндж?

— *Поговорить* об этом? — Энджел фыркнула, скрестив руки. — Конечно. Я поговорю о чём угодно, Блэк. Но должна сказать, здесь я на стороне Джема. Не думаю, что нам нужно что-то предпринимать с Ником, пока мы не получим представление, каким он будет после этой фазы «новорождённого» или как там.

Блэк помрачнел ещё сильнее, но кивнул.

— Почему ты не хочешь выждать? — спросил Ковбой, когда Блэк ничего не сказал. — Он мог бы стать союзником для нас, не только для Брика. Разве этот шанс не стоит того, чтобы отложить действия против него, пока мы не будем знать наверняка?

— На какое время? — Блэк бросил на него суровый взгляд. — Месяцы? Годы? Вполне возможно, что у нас нет этого времени, брат.

— Есть ещё и проблема с Бриком, — напомнила ему Энджел. — Кто займёт место Брика, если тот умрёт? И почему ты решил, что этот вампир вообще станет работать с тобой, а не постарается истребить каждого видящего на своём пути? — она помедлила, затем заговорила с нажимом. — Что, если это будет Дориан, Блэк? Дориан... после того, как ты убил его короля вампиров и лучшего друга?

Блэк один раз качнул головой.

— Любой план, подразумевающий устранение Брика, должен включать устранение Дориана.

Они все лишь стояли там, уставившись на него, и Блэк опять нахмурился.

— Ну? — фыркнул он. — Мы будем обсуждать это? Вчетвером? Чтобы потом опять проходить через всё это с остальными? Или вы изволите позвать людей, которых я *попросил* вас позвать, чтобы мы обсудить все по-настоящему?

Энджел закатила глаза, но вытащила телефон из заднего кармана, куда сунула его до этого. Ковбой отмахнулся от неё, показывая, что уже держит телефон у уха и звонит.

— Декс сейчас собирает людей, — тихо сказал он ей.

Энджел кивнула, затем взглянула на Блэка.

— Злюка-бука, — пробормотала она себе под нос. — Я думала, перепих тебя успокоит.

Блэк наградил её по-настоящему сердитым взглядом.

— Только не тогда, когда на мою жену ведут охоту минимум двое. И оба бл*дские психопаты... со сверхъестественными способностями. И к одному из них она всё ещё питает слабость, черт подери, и потому не станет стрелять.

— Где она? — спросил Джем. — Твоя жена.

Взгляд Блэка метнулся к нему.

— Твоя жена, — повторил Джем, как только Блэк на него посмотрел. — Мириам. Где она прямо сейчас? Почему она не участвует в этом?

— Она, бл*дь, спит, — прорычал Блэк. — Надеюсь на это, во всяком случае...

— Одна?

Блэк наградил его ещё более суровым взглядом.

После неё он щёлкнул языком, глядя на зеленоглазого видящего, но ответил ровным тоном.

— Я поставил Венделла, Кросса и Эверс у двери, — сказал он. — У них мечи, ружья с транквилизаторами против вампиров и винтовки. Номер оборудован датчиками движения на окнах, балконе и входной двери. На весь этаж перекрыт доступ, и внизу у лифтов тоже стоит охрана.

Скрестив руки на груди, он добавил:

— Я также попросил Ярли приставить к ней и её охране как минимум четверых видящих. В каждой комнате, кроме ванной и спальни, есть камеры, а завтра, наверное, я установлю их в оставшихся двух комнатах, — он понизил голос до рычания и наградил Джема сердитым взглядом. — Тебе и остальным извращённым засранцам в моей охране просто придётся смириться с тем, что вы будете смотреть, как я трахаю свою жену.

Джем кивнул.

Энджел видела, как лицо видящего заметно расслабилось.

Ковбой положил телефон.

— Декс в пути. Он приведёт Люс, Эй-Джея, Хавьера, Киессу, Зайрея, Ярли, Мэнни, Фрэнка, Истона, Лоулесса, Лекса, Мишель. И ещё нескольких других.

— Бл*дь, неужели ещё никто не лёг спать? — проворчал Блэк.

— Хочешь, чтобы он сократил список? — предложил Ковбой. — Я могу перезвонить.

— Нет, — Блэк покачал головой и выдохнул. — Если они здесь, то могут сказать своё слово. Если целая толпа будет орать на меня и говорить, какой я монстр, то я лучше выслушаю это за раз...

— Ты действительно хочешь убить Ника? — выпалила Энджел.

Реальность его слов сейчас откладывалась в сознании, когда она смотрела на его красивое лицо.

Когда он не посмотрел на неё и не ответил, она почувствовала, что её горло вновь сдавило.

— Ты же знаешь, что если ты это сделаешь, Мири тебя никогда не простит, — сказала она. — И сговориться против неё с кучей людей тоже не поможет.

Блэк фыркнул, но она заметила на его лице проблеск боли.

Он был там, и тут же исчез.

Он всё ещё не смотрел на неё.

— А ты? — грубовато спросил он. — Простишь меня?

— Я этого не говорила, — резко отозвалась Энджел. — Но я и не замужем за тобой. Я не думала, что моё мнение будет иметь такой вес.

Блэк не ответил, но она вновь заметила напряжение в чертах его лица.

После долгой паузы он лишь пожал плечами.

— Придумай идею получше, — сказал он, сделав грациозный жест рукой и уставившись невидящим взглядом в матовое стекло. — Дай мне какие-нибудь реалистичные варианты, Энджел. Как только я услышу один, который не похож на принятие желаемого за действительное, Ник тут же снят с обсуждения.

Он повернул голову, наградив её суровым взглядом.

— Но заявления, что ты «не думаешь», что Ник убьёт мою жену, если мы позволим ему разгуливать на свободу — учитывая, что он сделал с Кико и наверняка *сделал бы* с Мири, если бы мы не добрались туда вовремя — не хватит, чтобы убедить меня, Эндж.

Нахмурившись, Энджел переглянулась с Ковбоем.

Ковбой скрестил руки с таким же хмурым выражением.

Затем он повернулся, всматриваясь жёсткими серыми глазами в лицо Блэка.

Прежде чем Энджел придумала, что ещё сказать, стеклянная дверь в конце комнаты открылась, и вошёл Декс, за которым следовали люди, перечисленные Ковбоем ранее. К ним присоединились ещё минимум пятеро членов человеческой команды Блэка, а также как минимум три дополнительных видящих из группы разведки Ярли. Энджел

смотрела, как они проходят в комнату, и заметила, что большинство смотрело на лицо Блэка, даже пока они искали себе стулья из полированной стали.

Её вновь поразило осознанием, что они действительно это делают.

Они действительно собрали совещание по поводу того, нужно ли убивать Ника Танаку.

И Мири в этом даже не участвовала.

Она собиралась опять открыть рот, ещё раз попытаться достучаться до Блэка, пока он не перешёл к повестке дня — может, убедить его подождать, чтобы Мири присутствовала при разговоре...

Когда пол под её ногами задрожал.

Она протянула руку и схватилась за Ковбоя. Когда всё прекратилось, она ахнула. Все в комнате умолкли, глядя по сторонам на стены из матового стекла. Монитор, встроенный в столешницу, продолжал показывать полицию в снаряжении для разгона беспорядков и летящие пылающие бутылки где-то в Вэн Несс, в Мишн Дистрикте.

Энджел открыла рот...

Когда пол под её глазами снова задрожал, в этот раз ещё сильнее.

Толчок швырнул её на Ковбоя, который обхватил её за талию, прижал к себе и опустил ниже, возле стола.

Блэк присел рядом с ними вместе с Джемом, который опустил на секунду позже Блэка. Остальные в их группе продолжили стоять и упали, в основном хватаясь и валясь по разные стороны стола, глядя на раскачивавшиеся светильники.

Никто не произносил ни слова, пока земля продолжала трястись.

Кровать подо мной загрохотала.

Я чувствовала, как она трясётся. Вибрация была такой быстрой и сильной, что пронизывала меня до костей, словно пытаюсь отделить их от плоти.

Моё сердце заколотилось сильнее, быстрее.

Однако я не могла открыть глаза.

Мой разум пытался осознать, что происходит, каталогизировать это каким-то образом.

Землетрясение. Ночные кошмары. Сонный паралич. Плохой сон. Землетрясение.

Землетрясение.

Я попыталась открыть глаза.

Свет заполнял всё перед моим мысленным взором. Столько света, что я растерялась, думая, что действительно открыла глаза. От резкого тошнотворного крена моё горло и грудь сдавило, когда я попыталась пошевелиться, сесть, свесить ноги с края кровати...

Всё потемнело.

Тряска сделалась такой сильной, что Энджел закричала, вцепившись в руку Ковбоя. Он держал её за спину и плечи, и они вместе стояли на коленях, наполовину

забравшись под стол, зажатые между Блэком и Джемом с одной стороны, Ярли и Мэнни с другой стороны.

Когда пол не перестал ходить ходуном под её коленями, она начала задаваться вопросом, не нужно ли им уйти, попытаться выбраться из здания.

Но ведь всегда советовали этого не делать. В предупреждениях о землетрясении говорилось не выходить, в каком бы жилище вы ни находились, и уж тем более не пытаться выбраться из такого монстра из стали и стекла, каким являлось здание Блэка, стоявшее посреди финансового района в центре Сан-Франциско.

Это здание должно соответствовать всем требованиям.

И всё же Энджел слегка ахнула, слыша, как в соседних комнатах падают вещи, бьётся стекло, люди кричат друг другу по ту сторону стен из матового стекла.

Она смотрела на сами стены, зная, что ей стоило отвернуться при виде того, как их поверхность покрывается рябью от движений земли.

Затем... постепенно...

Толчки начали стихать.

Энджел стояла на коленях, тяжело дыша, и ждала, когда рокот стихнет.

Здание продолжало слегка покачиваться под ней. Может, из-за подземных опор, которые делались в некоторых больших зданиях, а может, это просто отголоски или фокусы её сознания.

Но земля вновь казалась твёрдой.

Блэк первый поднялся на ноги.

Используя стальной стол как опору, чтобы встать, он обошёл Джема, склонился над столом и набрал код на сенсорной панели, встроенной в стальную поверхность.

Энджел не понимала, что он делает, пока он не заговорил.

— Эверс? — Блэк не ждал ответа. — С ней всё хорошо?

— Кросс сейчас внутри, сэр, — ответил женский голос. — Венделл снаружи, со мной. Мы ничего не слышали из её комнаты, и ключ-карта не срабатывала во время самых сильных толчков...

Энджел видела, как Блэк стиснул челюсти.

Несомненно, он запоминал эту деталь о кодовом доступе на будущее.

— Я останусь на линии, пока он не вернётся, — сказал Блэк. — Если только ты не можешь сразу же меня соединить...

Раздался мужской голос, невнятно прокричавший что-то на другом конце.

Затем женский голос вернулся на линию.

— Сэр? — её голос утратил профессиональный тон, в нем зазвучала паника. — Сэр, вам лучше спуститься сюда. Сейчас же. Она пропала, сэр. Ваша жена. Она просто... пропала.

Её голос дрожал от страха.

— Я не могу это объяснить, сэр. Мы были здесь всё время...

Но Блэк её уже не слушал.

Он даже не стоял у монитора, а уже направлялся к двери.

Его лицо ожесточилось и превратилось в маску.

Энджел вскочила на ноги, чтобы последовать за ним, но он вдруг резко остановился, держа ладонь на дверной ручке. Он повернулся лицом ко всем ним.

— У кого-нибудь есть для меня пистолет? Я свой в комнате оставил.

Ковбой шагнул вперёд вместе с Дексом. Энджел услышала шорох кожи и винила, когда из кобур достали ещё минимум шесть пистолетов. Видящие и люди шагнули к нему, без слов предлагая своё оружие. Окинув их одним беглым взглядом золотых глаз, он взял Glock у Декса, посмотрев ему в глаза.

— Прочешите тут всё. Пошли столько команд, сколько нужно. Всё проклятое здание.

Декс уже кивал.

— Понял, босс. Просто спускайтесь. Мы этим займёмся.
Блэк посмотрел на Ковбоя, затем на Энджел.
— Вы двое со мной, — сказал он.
Он не дожидался их ответа.
Он даже не дожидался их кивка.
Он уже вышел за дверь, направляясь к лифтам.
Энджел взглянула на Ковбоя, но её бойфренд уже перешёл на бег, чтобы последовать за ним.

Глава 28. Раздираемый противоречиями

Наоко ощутил, как здание начало трястись.
Поначалу он подумал, что это какая-то защитная система — какой-то безумно дорогой, скорее всего экспериментальный, вероятно незаконный, высокотехнологичный протокол против проникновения, который Блэк внедрил в своём здании после возвращения с острова Мангаан.
Когда это началось, Наоко застыл, слившись с тенью припаркованного вертолёт. Под его пальцами на двери свинцово-серого корпуса был выгравирован чёрный орёл.
Он стоял на вертолётной площадке, балансируя на покрытии, которое так и шло рябью, и смотрел по сторонам с настороженным и озадаченным удивлением. Даже определив, что это, должно быть, естественный феномен, что он переживает ещё одно из знаменитых землетрясений Сан-Франциско, он наполовину ожидал, что металлическая дверь, ведущая к бетонным лестницам в здание, вот-вот распахнётся.
Он ждал этого.
Он ждал, что появится Декс и полдюжины людей Блэка с транквилизаторами и тазерами, одетые в чёрную броню и инфракрасные очки.
Наоко ждал, выпустив клыки. Кровь лихорадочно пульсировала по его венам, пока земля тряслась под его ногами, грудью, ступнями и руками как злой гавайский бог.
Он смотрел на единственную дверь в главное здание и ждал.
Никто не пришёл.
Когда толчки усилились, его колени согнулись, опустив его ближе к полу. Он легонько балансировал, наполовину присев на взлётной площадке. Его пальцы коснулись фюзеляжа вертолёт, но в остальном он не шевелился.
Его взгляд ни на секунду не отрывался от той металлической двери.
Наконец, толчки замедлились.
Затем, ещё более постепенно...
Всё прекратилось.
Несколько секунд Наоко оставался на прежнем месте, присев у низа фюзеляжа вертолёт. Он посмотрел на небо, заметив тонкую полоску месяца, наполовину скрытую серебристыми и чёрными облаками. Своим вампирским слухом он издали слышал голоса. Он слышал сигнализации в машинах, сработавшие из-за глубоких толчков земли.
Голоса, которые он слышал, переговаривались встревоженно.
Там всё ещё звучал страх, но Наоко уже слышал попытки нормализовать только что случившееся.
«Что думаешь? Шесть баллов? Мне показалось мощным...»

«Как минимум 5,8. Но я думаю, даже больше — зависит от того, где был эпицентр...»

«Чёрт, стеклянный стол разбился...»

«Ты улицу видела? Там куча повреждений...»

Ещё дальше Наоко слышал резкие, более ожесточённые звуки беспорядков. Он слышал скандирование, крики, угрозы, звон бьющегося стекла, рёв вспыхивающего бензина и спирта.

Он чувствовал, как землетрясение успокоило эти беспорядки на несколько минут.

Земле начхать на политические разногласия. Она бунтовала против животных, живущих на ней, отвлекая их друг от друга и от их жалких разногласий, заставляя их посмотреть в лицо своей смертности, бессилию, отсутствию контроля.

Теперь, в свете отголосков эти беспорядки лишь усилятся.

В конечном счёте, люди не так уж сильно отличались от любого другого животного. Они выли, с лаем кидались на луну. Они рычали, когда испытывали неуверенность или страх.

Они паниковали, когда земля делалась жидкой под их ногами.

Теперь же им нужно вернуть себе контроль.

Чарльз, конечно, это подстегнёт. Его цепные псы в округе будут действовать как его глаза и уши, контролируя разум и свет людей.

Наоко нахмурился, бесшумно поднимаясь на ноги.

Он посмотрел по сторонам, ища урон, нанесённый толчками. Армейский вертолёт, за которым он прятался, выглядел нетронутым, его лопасти всё ещё слегка вибрировали от отголосков земных толчков. Само здание выглядело по-прежнему.

Если не считать одной-единственной вьющейся трещинки на белом квадрате цементной вертолётной площадки, Наоко вообще не видел значимых изменений. Трещина сформировала зазубренный раскол на чёрном орле, изображённом на большом белом квадрате. Сам символ образовывал своими изогнутыми крыльями почти ровный круг, обозначая цель, куда приземлялся вертолёт.

Наоко отошёл от безмолвной чёрно-серебристой птицы.

Он начал шагать к металлической двери.

Землетрясение теперь могло даже помочь ему.

Чем бы они ни занимались внутри, землетрясение таких масштабов послужит отвлекающим фактором. А ещё, если теперь Наоко спровоцирует какие-то сигналы тревоги, они могут списать это на землетрясение. Как минимум из-за землетрясения они будут медленнее реагировать.

Он уже проделал половину пути до двери, когда в здании взвыл сигнал тревоги.

Громкий завывающий звук заставил его на мгновение застыть.

Это напоминало сирену воздушной тревоги.

А может, на предупреждение о цунами, которое несколько раз в неделю тестировалось в Сансет Дистрикт и Ричмонде, где жили он и Мири.

Он прислушивался к нарастающему, завывающему звуку, не вздрагивая — такие вещи уже не причиняли ему боли; его вампирские органы чувств естественным образом притуплялись и обострялись, адаптируясь под изменение мощности света и звука, и для этого не требовалось усилий воли — но причина вызывала у него любопытство. Он опять гадал, не распахнётся ли металлическая дверь ещё до того, как он войдёт в здание, и стоит ли ему ожидать, что сюда хлынут люди и видящие Блэка с оружием наизготовку.

Никто не пришёл.

Наоко осторожно пошёл вперёд, готовый бежать.

В худшем случае он перемахнёт через край здания и спустится обратно тяжёлым способом. В идеале не уворачиваясь от пуль, не схлопотав дротик с транквилизатором и не рухнув на тротуар вниз.

Он уже почти дошёл до двери, когда...

Сирена стихла.

Это произошло так внезапно, что Наоко опять застыл.

Он стоял там, прислушиваясь к тишине.

Когда эта тишина не нарушилась, он сделал последний шаг и дотянулся до ручки двери. Он только-только коснулся пальцами полированной металлической поверхности, когда...

Кто-то ахнул.

Звук донёсся с расстояния менее дюжины ярдов.

Женщина.

Раньше там никого не было. Никто не делил с ним крышу.

Он был в этом уверен.

По крайней мере, никто здесь не дышал — никто, кто мог бы так ахнуть. Здесь не было никого с сердцебиением. А теперь он слышал это сердцебиение, гулко пульсирующее за изогнутыми рёбрами груди, гоняющее кровь по её венам мощными импульсами, прямо под самой кожей. Голод нахлынул на него болью, заставив его затвердеть, а клыки — удлиниться настолько, что их острые как бритва кончики легонько прикоснулись к губам и языку.

Наоко не думал.

Ну, он не думал ни о чём, кроме этого — кроме того, чего хотело тело.

Этой ночью он недостаточно кормился.

Учитывая, чем он занимался всю ночь, он кормился далеко не достаточно.

Слегка присев, он скрылся в тени у стены, затем немедленно последовал вдоль поверхности из цементных блоков в сторону звуков сердца и тех вздохов. Он завернул за первый угол и сошёл с покрытия вертолётной площадки.

Его туфли опустились на гравий.

Он вновь полностью остановился.

Теперь он её видел.

Она лежала на земле у стены, растянувшись на спине. Её кожа выглядела бледной, и ох, сколько же её было. Темные волосы обрамляли её лицо, разметавшись вокруг плеч и головы.

Она была совершенно обнажённой.

Он моргнул.

Уставившись на неё, он не поверил своим глазам.

Затем он во второй раз посмотрел на её лицо, на эти высокие скулы, полные губы, длинные тёмные ресницы, почти чёрные волосы... и та боль и голод в нём накатили до боли мощно... так мощно, что у него закружилась голова. В те доли секунды это желание ревело в его сознании громче сирены воздушной тревоги, которая отключилась несколько секунд назад.

Это была Мириам.

Он понятия не имел, как или почему это она.

Это не имело значения.

Это была она.

Он сделал ещё один шаг по направлению к ней.

Как и ранее той ночью, когда она кричала его имя, когда она бежала за ним в темноту, как будто не понимая, что ему пришлось сдерживаться, чтобы не осушить её на месте... сам факт её присутствия перед ним на мгновение парализовал Наоко.

Воспоминания вновь попытались нахлынуть, сбивая его с толку.

С теми воспоминаниями шла боль — другая боль, не боль голода.

Он смотрел на неё и осознал, что задыхается без воздуха, борется с той болью в груди, как тогда в клетке с Дорианом... как это так часто случалось с Дорианом после. В своём сознании он слышал, как она смеётся, видел, как она запрокидывает голову, и её

глаза отражают солнечный свет. Он видел, как она сидит напротив него в их любимом ресторанчике в Джапан-тауне, куда они бессчётное количество раз ходили на ланч.

Они на протяжении многих лет почти каждый день вместе ходили на ланч — иногда с Энджел, иногда нет. Это продолжалось почти всё то время, что он работал в Северном участке, а она держала офис на противоположной стороне улицы.

На глаза навернулись слезы, шокировав его, затем сбив с толку.

Он устоял на неё, и эта боль сокрушала его грудь.

Когда он вновь смог видеть, её глаза открылись.

Те гигантские глаза орехового цвета устали на него, и там было больше зелёного и золотого цвета, чем он помнил.

Блэк каким-то образом изменил даже её глаза.

— Ник, — её голос звучал низко, испуганно, почти хрипло.

Она прочистила горло, посмотрев вокруг, где она лежала. Теперь она приподняла верхнюю часть туловища, опираясь на ладони и глядя на часть крыши, усыпанную гравием. Он видел, как её взгляд фокусируется на вертолётке позади него.

Он видел, как она сообразила, где находится — где они находятся. Он видел, как она перевела взгляд обратно на него, бегло оценивая его лицо. Он видел, как включается её ум, её чёртов ум, который всегда его возбуждал и иногда даже пугал.

— Ник, как ты меня сюда вытащил?

Он лишь стоял там, глядя на неё.

Он видел, как она всматривается в его лицо. Он видел, как она замечает что-то в его взгляде. Прежде чем он сам это осознал, её глаза наполнились слезами.

— Ник, — в этот раз её голос прозвучал тихо, сломлено. — Ник...

Он смотрел, как она пытается найти ещё слова, придумать, что ему сказать.

Но говорить было нечего.

Она бросила его там. Она, Блэк и остальные отдали его Брику.

Теперь он принадлежал Брику.

Похоже, это она тоже увидела на его лице.

— Ник, возвращайся домой, — мягко сказала она, вытирая лицо, но не отводя от него взгляда. — Ник, возвращайся домой. Оставайся с нами. Не делай это с Бриком. Не проходи через всё это с Бриком... с бл*дским *Дорианом*. Сделай это с нами. Позволь нам помочь тебе.

Он издал невесёлый смешок.

Ничего не мог с собой поделать.

Её слова также наконец-то выдернули его из этого парализованного сломленного места, куда отправился его разум — где Мири, может быть, всё ещё любила его. Где у него была семья, друзья, и было важно, что он делает. Он вспомнил слова Дориана в своих ушах, его бледные руки, обхватывающие его, и задрожал.

Он постарался вернуть то чувство, ту...

Пустоту.

— Ник, — она покачала головой, прочистив горло. — Ник, даже Брик говорит, что ты изменишься. Ты почувствуешь себя иначе. Ты вернёшься. По крайней мере, вернётся больше тебя.

Она смотрела ему в глаза, и он невольно видел там эмоции. Он невольно видел там бл*дскую надежду.

Однако он знал, на что она надеялась. Он знал, насколько это полный, бл*дь, бред. Более того, он знал, что дело, наверное, даже не в нём.

— Тебе нет нужды винить себя, Мириам, — сообщил он ей.

Он шагнул в её сторону, и что-то в этом скользком движении напомнило ему, включило другую часть его разума. Переключило его обратно в режим охоты. Выдернуло из прошлого в настоящее, в настоящую версию него самого. Ощущение наполнило его

рот, уши, глаза. Звук её крови, пульсирующей в нём, следующей за каждым сокращением её сердца, каждым расширением и сжатием её лёгких.

Он остро осознавал её наготу.

Не принимая сознательного решения, он посмотрел на остальное её тело, длинные мускулистые ноги, эти бл*дские груди, о которых он бессчётное количество раз фантазировал, будучи человеком. Когда её загорелые плечи отведены назад, как сейчас, эти груди выставились напоказ, словно она была порнозвездой на развороте какого-то журнала для взрослых восьмидесятих годов.

Он смотрел на неё ступни, лодыжки, мускулистые руки, узкую талию.

Возможно, ему не хватит духу убить её, пока что нет.

Но он определённо её трахнет.

— Блэку придётся научиться делиться, — сказал он наконец.

Его голос прозвучал хрипло, грубо... как у животного.

Он уже не возражал. Он уже не возражал против всего — уже нет. Его клыки остро впивались в губы. Он чувствовал, как кровь подступает к его глазам, к его члену, языку и рту.

Через считанные секунды ему уже всё стало безразлично.

Подняв взгляд в этот раз, он увидел, что Мириам широко распахнула глаза. Те ореховые глаза окружил белый белок, и он улыбнулся, даже не успев осознать своё намерение. Охотнику в нём нравилось это выражение её лица. Охотнику в нём это чертовски нравилось.

— Ник, — в этот раз её голос прозвучал жёстко, с предостережением. Она подняла ладонь. — Ник, нет. *Нет*, мать твою. Он убьёт тебя. Ты знаешь, что он убьёт тебя.

— Я знаю, что он попытается, — пробормотал Наоко, окидывая её тело взглядом.

Он видел, что она задышала чаще.

Она была обнажённой. При ней не было никакого оружия.

У неё даже ножа не было.

Он слышал, как её сердце оглушительно стучит в груди.

— Ник, — она хрипела, уже задыхаясь, и снова подняла ладонь, качая головой. — Ник... нет. Не надо. *Не надо*, черт подери. Не надо...

Но теперь он её едва слышал.

Он уже сдвинулся с места.

Он их не слышал.

Он не слышал их разговоры.

Он не слышал, как открылась металлическая дверь, ведущая вниз.

Он не слышал их дыхание. Он не слышал их шаги по цементу или по гравию, когда они прошли за край белой стены из цементных блоков.

Вопреки его вампирскому слуху, вампирскому зрению, способности ощущать малейшие смещения в воздухе и свете, даже происходившие вне его поля зрения...

Он ни черта не слышал.

Удовольствие раз за разом омывало его каскадами, пока её пальцы стискивали его руки. Её киска сжимала его член, пока он кормился от неё, двигаясь всё жёстче. Он чувствовал себя так, будто его окутывало жаркое жидкое одеяло секса, чувствовал, как её сердце бьётся под его пальцами, слышал, как она хрипло всхлипывает ему в ухо, когда он вновь вдолбился в неё.

Ей нравился его член.

Ей нравился его член, его пальцы, его губы... то, как он целовался.

Он затерялся в ощущениях.

Бл*дь, он по-настоящему затерялся.

Остальной мир совершенно исчез... растворился.

Это не похоже ни на одного человека или вампира, с которым он был.

Он никогда в жизни не был таким насытившимся, одурманенным, возбуждённым, раздражённым и таким, бл*дь, *оголодавшим*. Он никогда не чувствовал так много во время секса. Он никогда не хотел так глубоко проникнуть в кого-либо, в разум или тело. Он никогда не уходил вот так с головой в обе вещи одновременно.

Она принадлежала ему. Бл*дь, она *принадлежала* ему...

Так что нет, он их не слышал.

Он ничего не слышал, пока звук выстрела не прогремел как будто прямо над ухом, как будто в то же мгновение, когда пуля пронзила его туловище.

Они ждали, когда Наоко поднимется.

Он ждал — предположительно, чтобы не попасть в Мири.

Наоко смотрел, как его собственная кровь брызгами разлетается по телу Мири, попадая ей на лицо, шею, груди, живот. Воцарилась тишина, и он услышал, как она резко втягивает воздух. Это был единственный звук во всем мире. Она отпустила его руки и вскинула предплечья, инстинктивно пытаясь защититься.

Его тело гудело от её крови.

Его член так глубоко погрузился в неё, что на долю секунды он ощутил нежелание, сожаление — прежде чем включились инстинкты выживания.

В ту долю секунды он подумывал забрать её с собой.

Даже после того как пуля прорвалась через него, врезалась в кости и плоть, вылетела спереди и расплющилась в металлический блинчик на цементной стене, он всё ещё чувствовал себя словно под кайфом, словно всё в ней одурманивало его.

Он подумал о том, что она принадлежала ему, по-настоящему принадлежала ему.

Он посмотрел на неё, на её кожу, забрызганную кровью, и подумал об этом, хоть из его груди только что вырвалась пуля.

Они оба так опьянели от его яда, что он даже теперь ощущал её присутствие. Не совсем *мысли*, не совсем слова, уже нет, но он чувствовал, что она осознает его и чувствует его в себе.

Он чувствовал, как ей было хорошо.

Он придавил её к гравии, стиснув её волосы в кулаке.

Его инстинкты включились в работу ещё до того, как она закончила тот вдох.

Затем он перекатился.

Он вышел из неё и вскочил на ноги, тут же перейдя на бег. Его тело и разум адаптировались за миллисекунды, переключившись обратно в режим охотника. Его органы чувств активизировались в то самое мгновение, когда он подтянул штаны и метнулся к наружной стене, петляя и виляя к вертолёту, чтобы укрыться за ним от пистолета Блэка.

Пистолет выстрелил вновь.

Затем ещё раз.

Затем ещё раз.

Теперь всё ощущалось как в замедленном режиме, хотя он знал Блэка... он знал, что видящий стреляет без промедления, без колебания, опустошает магазин в его удаляющуюся спину в темноте, не делая ни малейшей паузы между нажатиями на курок.

Наоко не сомневался, что Блэк стреляет так быстро, как только позволяет ему модель пистолета.

Он только-только миновал вертолёт, когда пуля попала ему в бок, отбросив тело в сторону и заставив его изогнуться в воздухе, чтобы продолжить двигаться вперёд. К тому

времени он добрался до края стены. Он не колебался, а сразу перемахнул через край, перебросил ноги и как можно быстрее скрылся из поля зрения видящего.

Он в точности знал, где прыгать.

Он в точности знал, куда целиться.

Он в точности знал, где гладкий стеклянный верх здания сменялся стальными выступающими рёбрами нижней части архитектурной постройки. Эти ребра начинались на пятидесятом этаже и выдавались из основания здания, которое было на добрых двадцать футов шире самого высокого пика, сделанного полностью из стекла.

Падение, казалось, тоже заняло целую вечность.

Падая, он ощутил резкую, обжигающую боль, кольнувшую его в шею.

Ник в воздухе хлопнул рукой по этому месту, но что бы там ни было, это не смертельно, и даже не какой-то транквилизатор, как он боялся. Он подумал, что врезался в один из беспилотников Блэка размером с насекомое... но боль уже начала стихать.

Более того, она не шла ни в какое сравнение с болью от пулевых ранений в груди и низе живота.

В любом случае, у него не было времени размышлять над своими травмами.

Он врезался в ту верхнюю часть более широкого здания. Столкновение со стальными рёбрами напоминало падение на шипы металлического забора. Выдохнув из лёгких воздух, в котором он не нуждался, он схватился за гладкую поверхность пальцами, скользкими от собственной крови, сумев замедлиться настолько, чтобы задержаться между двумя рёбрами здания.

Через считанные секунды он втиснулся между двумя параллельными частями выступающего металла, спиной к одной стороне, ступнями к другой — как скалолаз, застрявший в узком ущелье.

Он дал себе секунду, просто задержавшись на месте.

Может, две секунды.

Ему не нужно было дышать, но такое чувство, что он переводил дух.

Такое чувство, будто он завис там всего на время одного вдоха.

Может, это было просто осознание того, что он жив, а также осмысление новых обстоятельств, состояния своего тела, которое *адски* болело, втиснутое в узкое пространство между двумя рёбрами здания. В то же мгновение он застегнул штаны, поддёргнув их вверх и продев ремень в пряжку. Рубашку он проигнорировал, позволив распахнутым полам болтаться по обе стороны обнажённой груди. Он уже скинул куртку, пока был с Мири.

Та куртка, подарок Дориана, осталась где-то наверху, на гравии крыши.

Затем... передышка окончилась.

Ещё больше выстрелов раздалось сверху.

Не глядя вверх, Наоко соскользнул, отпустив ладони и ступни настолько, чтобы соскользнуть между двумя зазубренными стенами металла. Он упал так быстро, как только мог, полностью контролируя падение и подстраивая своё тело, пока он не нашёл оптимальный угол, под которым смог направить себя вниз и не врезаться камнем в цементный тротуар.

Он уже знал, что видящие и люди будут ждать его у основания здания. Как бы быстро он ни падал, Блэк уже направил бы их туда, поджидать его, наверное, прямо под тем местом, куда он сейчас устремлялся.

Ему придётся или напасть на них прежде, чем они успеют его устранить, или найти путь обратно в здание до того, как он достигнет первого этажа.

Как раз когда он подумал об этом, над головой раздалось ещё больше выстрелов.

Они отскакивали от ребристого металла, и вопреки тому, как быстро он падал, одна пуля просвистела в считанных дюймах от его головы.

Видимо, у Блэка есть инфракрасные очки.

А ещё он определённо переключился с пистолета на винтовку.

Наоко не знал наверняка, могут ли они его видеть. Он сомневался в этом — по крайней мере, в этот самый момент, но сильно подозревал, что для Блэка это не будет иметь значения. Он просто прицелится в промежуток, в который упал Наоко, и будет стрелять, пока не закончатся пули.

Более того, Блэк скоро пошлёт беспилотники, если ещё этого не сделал.

Теперь Блэк пошлёт на него всё, что только есть в его распоряжении.

В этот самый момент Наоко осознал, что ударяться о тротуар в таком состоянии — с двумя пулевыми ранениями, без оружия, без других вампиров — не лучшая идея.

Ему нужно найти путь внутрь.

Отпустив ребристые стальные балки, он позволил себе падать быстрее, пролетев в свободном падении минимум пятнадцать этажей — в основном ради того, чтобы создать расстояние между ним и Блэком.

Однако он знал, куда направляется.

Что-то в этом знании успокоило его, хотя сирены в здании за ним вновь взревели. Он слышал, как они ещё громче воют наверху, эхом отдаваясь по всей улице и отражаясь между высоких небоскрёбов.

Он гадал, сколько людей сейчас могут решить, что надвигается большая волна.

Падая, он ни на секунду не переставал считать этажи.

Через несколько секунд он начал замедлять падение.

Ещё через несколько секунд он полностью остановил себя. В отличие от предыдущего раза он ждал не для того, чтобы собраться с силами. Окна позади него оставались тёмными, что служило бонусом, но он знал, что у него мало времени.

Если он вскоре не упадёт на землю, они начнут искать его на верхних этажах.

Зная Блэка, он наверняка осветит прожекторами каждый дюйм здания снаружи

Стиснув стальное ребро перед собой обеими руками, он закричал — скорее по привычке, нежели из необходимости — затем перетащил себя через кусок металла толщиной в фут, используя лишь силу туловища и рук. Перебравшись через первую грань и обретя равновесие ногами и ступнями, он втиснулся между следующей парой стальных балок, затем перебрался через следующую, двигаясь примерно в северо-западном направлении вокруг здания.

Он перетащил себя через следующие балки.

Затем через следующие.

Затем через следующие.

Таким образом он преодолел примерно восьмую часть здания, двигаясь как можно быстрее, не останавливаясь, чтобы отдохнуть или точно определить, где он находится.

Он увидит, когда окажется близко.

Он преодолел ещё шесть балок в такой же манере...

Затем он её увидел.

В четырёх этажах под ним появилась терраса более бледного цвета, чем окружающая её чёрная сталь. Ухоженные деревья легонько покачивались на ночном ветерке, обрамляя стеклянный балкон и располагаясь геометрическими узорами на самой террасе. Их маленькие листья образовывали жидкую рябь во тьме. Выступающая из здания цементная площадка была уставлена стеклянными столиками с тёмно-красными и синими зонтиками и уличными шезлонгами. Она уже закрылась на ночь. Цветы в горшках стояли по краю террасы под деревьями, пруд с золотыми рыбками располагался в центре цементной площадки. Его украшала изогнутая арка деревянного мостика.

Наоко не ждал.

Посмотрев вниз, он оценил точное расстояние до всего, что находилось под ним.

Затем, запомнив всю планировку.

Он рухнул вниз.

Глава 29. Защитить Мири

— Ладно, — сказал Ковбой, понимающе кивая. — Я это понял, брат. Ясно и отчётливо. Но *кто-то* должен поговорить с ним. У нас целая груда людей на улицах, беспилотники полностью охватывают всё здание снаружи, и мы всё ещё ничего не обнаружили...

— Вообще ничего не заметили? — нервно пробормотала Люс.

Ковбой бросил на неё ровный взгляд.

— Ничего. Я говорю буквально — *ничего*.

Выдохнув, он положил ладони на бедра. Он посмотрел на всех собравшихся на крыше, отвернувшись от Энджел, которая шагала к ним от металлической двери.

Она услышала его бормотание:

— Я всё ещё не могу понять, как он изначально вытащил сюда Мири. Мимо всех охранников. Мимо наблюдения Блэка. Это просто не вяжется.

— Окна? — предположила Люс. — Балкон?

Ковбой помрачнел ещё сильнее, покосившись на неё.

— Может быть.

Но Энджел поймала себя на мысли, что луизианец на это не купился.

Ковбой перевёл взгляд обратно на мужчину-видящего с чёрно-каштановыми волосами.

— Мы не можем просто оставить их здесь, Джем. Нам нужно их разделить. Нужно, чтобы кто-нибудь *осмотрел* её, мать вашу. Наверное, ей нужна кровь...

Джем уже качал головой.

— ...от какого-нибудь видящего, — выразительно добавил Ковбой. — Я не имел в виду госпиталь.

Энджел продолжала осторожно подходить к ним.

Добравшись до небольшой группы, она перевела взгляд с лица своего бойфренда на зеленоглазого видящего, который стоял прямо напротив него. Ковбой говорил преимущественно с ним.

Декстер нависал позади другой троицы, его широкое лицо напряглось в хмурой гримасе, пока он стоял на приподнятой ступеньке у цементной стены. Декс на глазах Энджел достал пистолет и проверил магазин, обернувшись на кого-то, кто находился на земле позади них.

— Просто я не думаю, что это хорошая идея, — пробормотал Джем, проследив за взглядом Декса, затем снова посмотрел на Ковбоя. — Не сейчас. Будет лучше, если мы оставим их одних. Мы можем с этим справиться.

— Справиться с чем? — спросила Энджел, заговорив более нормальным тоном.

Ковбой и Джем посмотрели на неё.

Ковбой, похоже, испытал облегчение, а Джем нахмурился, словно меньше всего хотел выслушивать ещё одно мнение.

— Скажи им, милая, — Ковбой ткнул большим пальцем в сторону Джема. — Скажи им, что мы не можем просто оставить этих двоих здесь, наверху. *Декабрь* на дворе, мать вашу.

Но теперь Джем нахмурился, пристально посмотрев на Энджел. После небольшой паузы он взглянул на Ковбоя, затем обратно на неё.

— Ты можешь поговорить с ним, — прямо сказал он, имея в виду Энджел. — Он тебя слушает.

Энджел моргнула.

Затем она сообразила, о чем они говорили.

Как только до неё дошло, она побледнела, пройдя между четырьмя мужчинами и подняв ладонь, чтобы группа расступилась и дала ей дорогу.

Она просто предположила, что они внизу.

Она предположила, что к этому времени *кто-нибудь* уже увёл их.

Она предположила, что приехали медики, что дальше всё пошло так, как обычно развиваются события в таком случае. До сих пор она и не осознавала, что в таком случае не может быть никакого «как обычно». И всё же она испытала чертовски сильный шок от увиденного возле цементной стены, примерно в двадцати ярдах от места, где тихо переговаривались остальные и её бойфренд.

Блэк сидел на гравии.

Он был без рубашки, сидел прямо на земле, скомкав грудку одежды на бёдрах и коленях. Энджел вновь моргнула и осознала, что у него на коленях лежит отнюдь не грудка одежды. Длинные пряди тёмных волос спадали ему на грудь, которая выглядела бледной на фоне ночного неба. Его кожа и глаза слабо светились в освещении вертолётной площадки.

Энджел едва-едва могла различить профиль Мири в этом освещении.

Её глаза оставались закрытыми.

— Иисусе, — выдохнула она.

Она наградила сердитым взглядом Ковбоя, затем Джема.

— Бл*дь, вы просто оставили их там? — спросила она.

— Вот и я об этом *говорил*, — сказал Ковбой оправдывающимся тоном.

Энджел едва его услышала.

Она не помнила, когда в последний раз так злилась. Её буквально трясло. Адреналин курсировал по её конечностям, заставляя их дрожать, заставляя её руки дрожать, а челюсти — стискиваться. Она испытывала не только злость, но злость была сильнее всего. А может, со злостью проще справиться, чем со всеми другими эмоциями, которые хотели на неё нахлынуть.

— Бл*дь, вы оставили их там? — повторила она.

Джем нахмурился, собираясь заговорить, но Ковбой бросил на него предупреждающий взгляд.

— В нашу защиту надо сказать, что к нему сейчас сложно подойти, — смиренно произнёс Ковбой.

Она повернулась и пристально посмотрела на него.

— Ага. Так что давайте просто оставим их здесь... чтобы они схлопотали пневмонию посреди бл*дской зимы. В Сан-Франциско. Когда они оба, наверняка, в шоке. Гениально, бл*дь.

Не дожидаясь ответа, она зашагала в их сторону, хрустя ботинками по тонкому слою гравия.

Она пересекла это расстояние за несколько секунд. Она не медлила, не ждала, когда Блэк поднимет взгляд, или кто-то из них обратит внимание на её присутствие.

Она подошла напрямик к ним и согнула колени, как только встала прямо перед ними.

Она посмотрела Блэку в лицо, затем на Мири.

Её глаза оставались закрытыми. Щека прижималась к груди Блэка. Она была одета в его футболку. Его кожаная куртка накрывала её тело и часть ног, которые она поджала к груди, сидя у него на коленях. Его пальцы запутались в её волосах, и Блэк крепко прижимал её к себе — жест, в котором странно сочеталась сила и нежность, словно он боялся сломать её и в то же время опасался, будто кто-то попытается вырвать её из его рук.

— Блэк.

Энджел заговорила тихо, едва слышным бормотанием.

— Блэк... эй.

Он смотрел в сторону металлической двери.

Энджел опустила взгляд на другую его руку, которая не прижимала Мири к груди. Она увидела, что его ладонь лежала на гравии и так крепко стискивала пистолет, что костяшки пальцев побелели. Он смотрел на металлическую дверь, которая вела обратно в «Охрану и Расследования Блэка».

Энджел осторожно протянула руку.

Она прикоснулась к его лицу, пытаясь добиться, чтобы он посмотрел на неё. Её пальцы приласкали его щеку и отстранились, ощутив влагу.

— Эй.

Она подвинулась ближе и очутилась прямо возле них. Её ладони опустились на спину Мири, ласково погладили подругу, добавляя своё тепло к жару их тел. Блэк вздрогнул, когда Энджел впервые прикоснулась к Мири, но не попытался остановить её и не перевёл взгляд.

— Блэк, — Энджел убрала волосы с его лица, пытаясь согреть и его тоже, вернуть в реальность. — Блэк, ну же. Квентин, дорогой. Нам нужно убрать Мири с крыши. Нам нужно доставить её внутрь. Где тепло, — она заставила себя улыбнуться. — Ты можешь взять с собой пистолет. У нас внизу много пистолетов. И помощнее этого.

Блэк вздрогнул, когда она положила руку на его плечо, и отвернулся.

Но он не отпрянул от её пальцев, и выждав небольшую паузу, Энджел помассировала мышцы его плеча, стиснув зубы от того, какой холодной ощущалась его кожа в ночном воздухе. Сегодня стояла, наверное, нулевая температура. А с холодным ветром по ощущениям тянуло на -10 по Цельсию.

К счастью, Мири казалась более тёплой.

Свернувшись на коленях Блэка и закутавшись в большую часть его одежды, она, должно быть, заснула.

Блэк покачал головой.

— Она не спит.

Он впервые посмотрел на Энджел, встретившись с ней взглядом.

Её грудь сдавило при виде печали в его глазах.

— Она не спит. Она одурманена ядом, — Блэк так крепко стиснул челюсти, что, должно быть, это причинило ему боль. — Мудак так сильно накачал её ядом, что мог убить её уже за счёт этого.

Энджел сглотнула, кивнув.

Когда его золотые радужки сделались неестественно яркими, она снова сглотнула и посмотрела на Мири.

— Тебе нужно занести её внутрь, Блэк, — мягко сказала она. — Нам нужно, чтобы кто-нибудь из медиков осмотрел её. Хорошо?

— Он её всю искусал, — голос Блэка звучал низко, хрипло.

Энджел гадала, полностью ли он осознавал её присутствие.

— ...Видела бы ты её грудь, черт подери, — Блэк крепче прижал её к себе, и по его лицу покатались слезы. — *Gaos*, Энджел. Я его убью. Я его нах*й урою за это, — он снова стиснул зубы как будто до боли. — Он не будет *жить* после этого, бл*дь. И плевать мне, кто он.

Прикусив губу, Энджел лишь кивнула.

— Я понимаю, — пробормотала она, ласково убирая волосы с его лица.

Его глаза закрылись.

Она увидела боль в его чертах, и он тут же покачал головой.

Она всё ещё смотрела на него, когда на глаза Блэка во второй раз навернулись слезы. Он заплакал по-настоящему, и Энджел подвинулась ближе, обняв его обеими руками. Поскольку Мири всё ещё находилась на его коленях, в итоге она обняла их обоих

и прижала к своей груди. Блэк уткнулся лицом ей в плечо. Он выпустил пистолет, чтобы другой рукой обнять Энджел, не выпуская Мириам.

На протяжении какого-то времени, показавшегося ей очень долгим, Энджел просто сидела там, присев и обхватив руками их обоих.

Мускулистая рука Блэка крепко обнимала её, а лоб прижимался к её плечу. Казалось, что боль буквально сочится из его кожи. Боль, горе, то надломленное чувство, которое почему-то ощущалось в разы хуже всего остального — то чувство, которое говорило, что Блэк винит во всем себя.

В итоге он начал отстранять эту часть себя.

Он сделал вдох и как будто убрал всю свою сущность.

Он вернул это обратно к ней, на крышу, может, даже в своё тело. При этом Энджел ощутила, как его окружила какая-то броня, а также жар, который её шокировал. Этот жар ощущался почти физическим, словно под её ногами вспыхнуло настоящее пекло.

Мири поёрзала в его объятиях, словно тоже это почувствовала.

Мгновение спустя Блэк отпустил Энджел и вытер лицо ладонью.

Его подбородок вновь напрягся, но теперь выражение его лица изменилось. Его черты изменились прямо на глазах Энджел. Теперь вместо той боли или надломленного чувства, от которого ей сложно было дышать, она ощущала в нем гнев. Гнев и ожесточённая изощрённость, словно его разум только что переключился в совершенно другой режим работы, перейдя из состояния горящего мужа в...

Ну, нечто иное.

Он посмотрел поверх края крыши, и его золотые глаза напоминали взгляд хищной кошки. Его глаза всегда казались Энджел тигриными или, может, львиными, но в этот раз там виднелось нечто иное, нечто намного более суровое.

— Я попал в него, — сказал он, и в его голосе звучали те резкие нотки. — Дважды.

Энджел немного отстранилась и перенесла вес на пятки. Она положила руки на колени, посмотрела на Мири, затем перевела взгляд обратно на его лицо.

— Да, — сказала она. — Ковбой тоже так сказал. И Джем.

— У меня не было при себе моих бл*дских мечей. Иначе он был бы уже трупом.

Энджел лишь кивнула. Едва ли ей было что ответить на такое.

— Они взяли его под стражу? — спросил Блэк.

Энджел покачала головой.

— Нет. Он исчез.

Блэк повернулся и уставился на неё.

— Что?

Энджел колебалась, затем взглянула на Джема и Ковбоя.

Как только она посмотрела в их сторону, они сразу отвернулись — словно смотрели на них троих, а как только их заметили, они тут же попытались скрыть этот факт.

— Ага, — сказала Энджел, выдохнув и посмотрев обратно на Блэка. — Унеси Мири внутрь, Квентин. Им нужна твоя помощь. Ник пропал. Может, он даже в здании. Они приставили людей наблюдать за каждым участком улицы. Они также подключились ко всем камерам видеонаблюдения. Его нигде не видно.

Лицо Блэка превратилось в камень.

Он посмотрел на Мири, отрешённо погладив её по волосам.

Другая его рука нашла пистолет на гравии и стиснула пальцами.

— Ты останешься с ней? — он поднял взгляд от лица Мири и посмотрел Энджел в глаза. — Пожалуйста, — произнёс он. — Ты останешься с ней? Там ты тоже пригодилась бы мне, но...

Энджел уже качала головой.

— Я останусь с ней, — сказала она. — Конечно, я с ней останусь, Блэк. Тебе нужно идти. Я попрошу кого-нибудь другого, чтобы помогли мне занести её внутрь.

— Кого? — хмуро спросил Блэк.
— Я позову Ярли. Попрошу её послать кого-нибудь. Или пусть сама придёт.
После недолгой паузы Блэк кивнул. Энджел ощущала его неохоту, но он уже думал, его разум обдумывал её слова о Нике, об его исчезновении.
Эта мысль вновь ударила по ней — это был Ник.
Ник сделал это с Мири.
Это сделал *Ник*.
Подумав, она поджала губы и вытерла свои глаза.
— И в любом случае, ты ошибаешься, — сказала она, и её голос прозвучал хрипло. Она снова вытерла щеки. — Я бы тебе там не принесла никакого проку, Блэк. Только не в этом деле.
Блэк не ответил.
С другой стороны, а что, чёрт подери, он мог сказать?

Наоко скользил вдоль стен, пробираясь по коридору офиса, похоже, какой-то технологической компании.
Он почти уверен, что здесь нет камер наблюдения, если только что-то не изменилось с тех пор, как он работал на Блэка, будучи человеком.
И всё же он держался в тени.
Он невольно осознал размазанные пятна крови, которые он оставлял на стенах, а также то, что капало с его ботинок на светлый ковёр.
Он взвешивал, стоит ли ещё раз попытать удачи на лестницах или же идти ва-банк и воспользоваться лифтом. Много людей Блэка сейчас поднималось и спускалось на публичных лифтах, и он, наверное, мог занять одну кабину так, чтобы никто не заметил — если будет действовать быстро.
Он уже перемещался между этажами после того, как проник в здание.
В первый раз он сделал это, чтобы избежать прочёсывающей команды, которую Блэк, должно быть, послал проверить террасу. Он спустился по лестнице на четыре этажа, но тут раздались звуки другой команды, поднимавшейся по туннелю из металла и цемента. Он отступил обратно на этаж, на котором располагались частные офисы — скорее всего, находившиеся под охраной Блэка.
Пока что он держался подальше от лифтов.
Теперь он обдумал другие возможности их использования.
Ему не нравилась мысль о том, что он застрянет в кабине лифта, раненный и не имеющий оружия, кроме его клыков. Он подумывал воспользоваться шахтой, а не самим лифтом. Возможно, ему удастся вывести один лифт из строя и спуститься по шахте и кабелям, пока неисправная кабина будет висеть на месте.
Нахмурившись, он отбросил эту идею через несколько секунд.
Неработающий лифт они заметят намного быстрее, чем его самого, едущего в рабочем служебном лифте, с наблюдением или без.
Более того, если они сумеют запустить кабину до того, как он выберется из шахты, то это может оказаться потенциально очень опасным.
Намного логичнее было раскрыть двери и прыгнуть на кабину одного из лифтов, используемых командой Блэка.
Возможно, оттуда он даже сумеет вывести из строя камеры наблюдения.
Приняв решение, он пошёл в другую сторону по коридору, устеленному ковром, продолжая держаться возле стены и направляясь к главному блоку лифтов. Он знал, что

на другой стороне здания есть меньшее скопление лифтов, но он решил отправиться к общественным, опять-таки решив, что в публичной зоне, где используется множество лифтов, он вызовет меньше подозрения.

Он хотел спуститься в гараж.

Оставалось надеяться, что к тому времени, когда они сообразят, что он не из своих, он уже сумеет угнать автомобиль и убраться отсюда к черту.

Или же он сумеет получить доступ к канализации.

Протолкнувшись через стеклянные двери в приёмной, которая вела к офисам, он вошёл в зону с публичными лифтами и зашагал по ковру с индийским узором, который лежал перед дверьми лифтов.

Его взгляд сканировал светящиеся циферки над каждой дверью.

После секундных раздумий он решил, что ему подойдёт тот, который поднимался и направлялся на один из верхних этажей. Желательно тот, что находился минимум на двадцать этажей ниже него.

Конечно, зайти в тот, который ехал вниз, было логичнее во многих смыслах, но это также показалось ему более рискованным в его раненом состоянии. Из штаба компании Блэка будут ехать более крупные отряды, чем те, что будут подниматься с улицы.

А ещё будет намного сложнее спрыгнуть так, чтобы точно попасть на кабину опускающегося лифта. Рефлексы Наоко всё ещё казались замедленными, его ощущение времени как будто сбилось. Он не хотел идти на необоснованный риск. А с кабиной, поднимающейся наверх, будет относительно проще.

Не для человека, но для него проще.

С другой стороны, для человека любой такой фокус был бы самоубийством.

Наоко просто нужно удостовериться, что он окажется в кабине до того, как доберётся до рабочих этажей. Ему меньше всего нужно, чтобы двери открылись перед двадцатью видящими Блэка, взбешёнными и вооружёнными до зубов, а также готовыми ехать вниз на охоту за ним.

Он остановился перед парой дверей, увидев букву «G»¹⁷, светившуюся в темноте.

Когда кабина начала подниматься, он не колебался и сразу кинулся к дверям.

Впившись пальцами в щель между двумя панелями, он начал раздвигать их, вздрагивая и морщась от боли в груди и боку, когда от усилий его раны вновь открылись.

Он и так оставил слишком много крови на ковре.

Если они остановятся на этом этаже, то узнают, что он был здесь.

Он порадовался, что нашёл время изучить чертежи здания, а также многое помнил со времён своей работы на Блэка. Он знал, какие офисы сдаются частным компаниям, которые не имеют отношения к холдингам Блэка. Он знал, к каким системам наблюдения люди Блэка легко могут получить доступ, а к каким — нет.

Он знал, что после этого, скорее всего, всё изменится.

Всё изменится, как только Блэк поймёт, что Наоко использовал эти пробелы, чтобы уйти от его людей. Легально или нет, но Блэк, скорее всего, после этого внедрит наблюдение во всём здании, включая каждый угол террасы, через которую Наоко повторно проник внутрь.

Он открыл двери примерно на полметра и сделал шаг назад, чтобы посмотреть на светящиеся числа.

Лифт оказался уже на десятом этаже.

Наоко сейчас стоял на двадцать восьмом.

Он начал боком протискиваться в проём между дверями и закричал от боли, помедлив ровно настолько, чтобы коснуться раны на боку и посмотреть, насколько сильно идёт кровь. Он не давал своим вампирским способностям к исцелению сделать свою работу и полностью залечить обе раны.

¹⁷ G, скорее всего, означает ground floor – то есть, наземный этаж, первый этаж.

Убрав руку, он нахмурился и вытер ладонь о штаны, когда та оказалась полностью окровавленной. Ему нужно покормиться.

Ему нужно покормиться как можно быстрее, чёрт подери.

Кайф от крови Мири практически выветрился.

По правде говоря, он почти полностью выветрился тогда, когда стараниями Блэка большая часть этой крови оказалась на обнажённом теле жены Блэка и по всему его навороченному зданию.

На мгновение подумав о Мири, Наоко задрожал.

Это продлилось недостаточно долго. Это продлилось далеко не достаточно долго.

Двери лифта начали вибрировать.

Наоко ощутил это поначалу едва уловимо, словно лёгкую дрожь на коже. От этого волоски на его руках и шее сзади приподнялись, когда он наклонился, чтобы посмотреть в шахту, и ощутил прилив воздуха от поднимавшегося лифта.

Протиснув тело дальше между двух панелей, он использовал ноги и здоровое плечо, чтобы протолкнуться ещё дальше. Теперь он по-настоящему слышал кабину лифта.

Она находилась близко, может, на десять этажей ниже.

Пока что она не делала ни единой остановки после первого этажа.

Он посмотрел вниз и увидел движение тросов в темноте, блеск металла, пока кабина гладко скользила вверх к нему. Он подождал, пока от движения воздуха затрепетала его рубашка, его волосы, и поток воздуха даже на мгновение ослепил его.

Затем он прыгнул...

... и как можно более невесомо приземлился на крышу кабины лифта.

Это было далеко не так невесомо, как ему хотелось бы.

Кабина поднималась ему навстречу так быстро, что если бы он подождал ещё хоть полсекунды, лифт отшвырнул бы его в стену.

Наоко согнул колени, частично смягчив приземление, но его грудь врезалась в трос над кабиной лифта. Он вынужденно схватился за сам трос и верх кабины, чтобы не упасть. На долю секунды он замер там, стоя на коленях, здоровым плечом прислоняясь к тросу и подавляя боль от огнестрельной раны в груди, которой он только что с размаху врезался в трос.

Затем он ощупал верх кабины лифта.

Найдя там аварийный люк, он быстро распахнул его одной рукой.

У него мало времени.

В таких делах скорость решала всё.

В любом случае, тот, кто находился внутри, мог уже его услышать.

Скользнув всем телом вокруг троса и рывком открыв квадратную панель, он свесил ноги и уронил всё своё тело внутрь, приземлившись на пол, от чего вся кабина содрогнулась во второй раз ещё до того, как Наоко посмотрел на её обитателя.

Он знал, что там кто-то один.

Он также по одному лишь запаху знал, что это видящий.

Когда кровь Мири всё ещё покрывала его одежду, заполняла его нос, курсировала по его венам, он подозревал, что никогда уже не спутает этот запах ни с чем.

Выпрямившись в полный рост, он посмотрел в глаза видящего с черными волосами и высокими скулами. Узнав эти черты, Наоко осознал, что в шоке уставился на него, мгновенно узнав лицо перед собой.

Он не ожидал увидеть это лицо.

Видящий тоже уставился на него, испытав не меньший шок при виде его в своей кабине лифта.

Затем, сложив дважды два и посмотрев в вампирские глаза Наоко, мужчина-видящий поднял модифицированную винтовку, которую держал обеими руками.

К счастью, Наоко уже видел, как он начинает поднимать ствол.

Зашипов, он кинулся вперёд, выхватил винтовку из руки видящего и сумел вырвать оружие из его длинных пальцев — скорее, благодаря элементу неожиданности. Перевернув оружие в руках, он врезал видящему прикладом по лицу и ощутил лёгкую дрожь удовлетворения, услышав, с каким звуком сломался нос мужчины.

Как только видящий упал на колени, Наоко без промедления повернулся к панели лифта. Он просканировал цифры, пытаясь определить, куда направлялся видящий.

Сорок шестой этаж.

Наоко изумлённо уставился на цифру. Это был один из этажей для бизнеса.

Очевидно, не он один изучал чертежи здания.

Всё ещё держа винтовку в руках, Наоко отошёл от видящего на полу ровно настолько, чтобы разбить камеру в верхнем углу кабины.

Через считанные секунды лифт начал замедляться.

Наоко подождал, пока он полностью остановится на сорок шестом этаже, дождался открытия дверей, затем нажал кнопку «П2», чтобы отправиться в гараж на втором подвальном этаже.

Металлические двери скрыли тёмный этаж.

Наоко посмотрел на цифры, удостоверившись, что они начали отсчёт по убывающей.

Затем посмотрел обратно на пол.

Видящий уставился на него.

Его фиалковые глаза мерцали в свете лифта — ярче, чем до того, как Наоко дал ему по башке его же оружием. Видящий медленно потянулся вниз, опуская пальцы к лодыжке, но Наоко поднял винтовку, изогнув губы в знающей улыбке.

— А-та-та. Нет. Не двигаться. Или я просто тебя убью.

Губы видящего изогнулись в гневной гримасе.

— Как будто ты этого и так не сделаешь.

Всё ещё улыбаясь, Наоко мотнул головой в сторону — и внезапно осознал, что эту повадку он, возможно, перенял от Блэка.

— Я могу придумать несколько вещей, которые мне хотелось бы сделать с тобой до этого, — усмехнулся он.

Однако всматриваясь в эти бесстрастные фиалковые глаза, Наоко осознал, что его веселье гаснет.

В его сознание нахлынули непрошенные воспоминания.

Он видел образы, вещи, которыми Мири поделилась с ним через кровь, а также свои собственные воспоминания, пришедшие с того Рождества, из месяцев до и после. Он помнил ожоги от веревок на её запястьях, синяки, которые она пыталась скрыть, натягивая костюм для боевых искусств на голые руки и шею, чтобы скрыть это из виду.

Он помнил, как она плакала.

Он помнил, как ходил к ней домой каждый вечер.

Она пила вместе с ним и в какой-то момент вечера напивалась настолько, чтобы плакать. Он никогда не спрашивал, но часто задавался вопросом, помнила ли она, как плакала с ним, или же алкоголь был отчасти для того, чтобы потом ничего не вспомнить.

Как минимум, алкоголь означал, что ей не придётся ничего объяснять.

Посмотрев на мужчину-видящего, Наоко ощутил прилив жара в груди, который застал его врасплох и затруднил дыхание. Он вспомнил Мири после той первой поездки в Таиланд с Блэком. Он помнил, как он, чёрт подери, ненавидел Блэка за то, что он видел в глазах Мири, какие изменения в ней он замечал.

Но то был не Блэк, не в тот раз... не полностью.

Не Блэк сделал это с ней.

Не Блэк оставил Мири сломленной и напуганной.

Это сделал вот этот мудак.

Этот мудак сделал это с ней.

Наведя оружие в лицо видящему, Наоко смотрел в эти фиалковые глаза и подавлял мощный, ожесточённый импульс нажать на курок.

— Сделай это, — процедил видящий. — Сделай это. Ты, бл*дский вампир... думаешь, меня это волнует?

Подбородок Наоко превратился в гранит.

Однако он не нажал на курок.

Вместо этого он опустил оружие.

— Нет, — холодно сказал он, посмотрев на видящего. — У меня есть идея получше.

Он перевернул оружие в руках. Не дав видящему времени отреагировать, он врезал прикладом винтовки по виску мужчины — сильнее, чем в первый раз. Он почувствовал и услышал приятный хруст металла по кости, буквально увидел мысленным взглядом лёгкие трещинки, которые образовались на черепе мужчины-видящего под тонкой кожей.

Затем, когда жар в его груди и горле стих, он забеспокоился, что ударил слишком сильно.

Он забеспокоился, что убил его.

Подняв оружие после удара и отведя в сторону теперь уже окровавленный приклад, Наоко помедлил, нахмурился и посмотрел на обмякшее тело видящего.

Через несколько секунд он расслабился.

Видящий дышал.

Наоко слышал это ещё до того, как заметил вздымавшуюся и опускающуюся грудь.

Повесив винтовку за плечо на ремне, он присел, осторожно опустил рот и вонзил клыки в шею видящего.

Они проехали несколько этажей, пока он вводил яд в кровоток мужчины, помедлив лишь для того, чтобы выпить несколько глотков крови между инъекциями. Он не брал слишком много. Не хотел рисковать, так как мог убить его кровопотерей или же слишком глубоким погружением в бессознательное состояние после такого крепкого удара по голове. Чрезмерное кормление представляло собой реальный риск, учитывая, что этот мудака — видящий, и его кровь на вкус была просто охеренной, кем бы он ни был.

Хотя он не был таким вкусным, как Мири.

Он был далеко не таким вкусным, как Мири.

Одно лишь воспоминание опять заставило его затвердеть. А ещё это заставило его сознательно прекратить кормёжку от видящего.

Для этого ещё будет время.

Пока что он хотел от него лишь покорности.

Дав ему ещё одну хорошую, солидную дозу яда, Наоко заставил себя остановиться, вытер рот тыльной стороной ладони и поднялся на ноги.

Мужчина-видящий не шевелился.

И всё же Наоко всю поездку до гаража держал винтовку в руках, упирая приклад в здоровый бок и всматриваясь в лицо видящего.

Мири предупреждала его об этом типе.

Она говорила, насколько он умён.

Она также говорила ему, что он не такой, как другие видящие.

Наоко улавливал проблески её страха перед ним, даже ранее той ночью, когда он кормился от неё. Он чувствовал это оба раза, когда он кормился от неё на пожарной лестнице и на крыше.

Мири всё ещё боялась этого видящего.

Даже сейчас — после всего этого времени — он внушал ей страх.

Уставившись на это неестественно красивое лицо, закрытые глаза, скрывавшие фиалковые радужки, Наоко решил, что она больше никогда не будет его бояться.

Он превратит Солоника в то, чего Мири никогда, никогда не придётся бояться.

Глава 30. Переговоры

Я смотрела, как Блэк расхаживает по террасе туда-сюда, образуя тёмную фигуру на фоне синего утреннего неба за стеклянной стеной балкона. Его золотые глаза смотрели откровенно смертоносно.

Я сидела в одном из плетёных кресел на тёмно-синей подушке. На стеклянном столике передо мной стоял горячий кофейный напиток мокко.

При других обстоятельствах место было бы очень приятным.

На деле же я осознала, что настороженно смотрю на Блэка и гадаю, не стоит ли мне попытаться как-то его успокоить.

Я знала, что таким образом он справлялся со всем, что случилось за последние двадцать четыре часа. Я также знала, что моя сосредоточенность на нём — это тоже своеобразная тактика избегания. Как бы ненавистно мне ни было видеть его в таком состоянии, мне проще думать о том, как помочь ему, чем вспоминать прошлую ночь.

Блэк сказал мне, что забрал этот номер — чёрт, да весь этаж — у компании, которой он сдавал эти помещения. Он фактически разорвал контракт, как только узнал, что Ник пробрался через эту террасу обратно в здание.

Он поручил это своим адвокатам, но, похоже, считал, что проблем не будет, потому что контракты составлены соответствующим образом. Его адвокаты хороши; даже лучше, чем хороши, как это всегда бывает у богачей. Они уже доложили ему, что будут делать упор на то, что протоколы безопасности компании-арендатора — или отсутствие таковых — сделали проникновение возможным, и тем самым подвергли опасности холдинги Блэка, а также здание в целом.

Я понимала, что по сути это хрень собачья.

Блэк хотел вернуть себе этот номер.

Таким образом, арендовавшая его компания оказалась вышвырнута.

Если Блэку для этого придётся использовать адвокатов или видящих, чтобы принудить их убраться нахер, то они уберутся к концу недели — или даже к концу дня.

Хоть он и не сказал это прямым текстом, но я сильно подозревала, что Блэк хотел вернуть себе контроль над всем зданием. По той же причине я ожидала, что в ближайшие несколько дней появится немало судебных исков за так называемые «пробои в безопасности».

Блэк уже пробормотал что-то про то, чтобы превратить весь этаж в ресторан и зону отдыха для всех, кто жил и работал в этом здании.

Пока мы проходили тут этим утром, он показывал на кафе и кухни, говоря, как он расширил бы это, добавил тут кухню, здесь снёс стену, может, добавил бы даже ряд саун и крытый бассейн.

Он показал на несколько помещений в задней части, говоря, что всю ту зону можно переделать в спортзал, затем показал на другую секцию, которую можно превратить в боксёрский ринг или просто зону с напольными матами и тяжёлыми грушами для тренировки в рукопашке. Он говорил о том, чтобы нанять нескольких массажистов, которые приходили бы сюда на половину недели, а то и взять их полностью в штат.

Я понимала, что он отвлекает меня, да и самого себя тоже.

Настоящая проблема крылась в безопасности.

В тот же день ещё до заката солнца он установил в этой части здания камеры, датчики движения, а также, наверняка, автоматические беспилотники.

Он также поговаривал о том, чтобы построить новое здание под штаб-квартиру и предложил несколько возможных мест в районе залива, а может, в Нью-Мехико или Ванкувере. Он хотел иметь возможность построить что-то с нуля — скорее всего, полноценную военную крепость, если я правильно читала его свет. Подозреваю, что я всё поняла верно.

Я ни на секунду не отходила от него с тех пор, как мы проснулись утром.

Он поднял меня с постели, чтобы вместе принять душ, подождал, пока я оденусь, спросил, что я хочу на завтрак, рассказал свой примерный план на день.

Он так и не попросил, но ему и не нужно было.

Я тоже не хотела расставаться с ним.

Если бы он не дал ясно понять, что хотел держать меня при себе каждую секунду, я бы, наверное, всё равно ходила за ним хвостиком, пытаясь взять свою работу с собой.

Однако он не хотел, чтобы я работала — по крайней мере, помимо того, что делал он сам. Он хотел, чтобы я помогла ему исправить *всё* то, что пошло не так в нашем мире. И из-за чего события прошлой ночи стали возможными.

Надоедливый внутренний голос твердил мне, что мне не стоит поощрять эти наклонности в нас обоих. Я знала, что если не буду осторожна, то будет чудом, если он позволит мне одной выйти из здания хотя бы в следующие несколько месяцев.

Однако пока что я не боролась с этим импульсом в нас обоих.

Пресса уже пыталась проникнуть в здание.

Они выкрикивали вопросы и просьбы дать интервью, с самого рассвета донимали нашу охрану в лобби и снаружи здания, спрашивали о сиренах, которые сработали прошлой ночью, спрашивали о несанкционированных беспилотниках и стрельбе, хотели взять у Блэка интервью по поводу слухов о возможном похищении и проникновении.

Они хотели поговорить о том, причастен ли он к беспорядкам в Мишн, имеет ли он отношение к группам, которые сражаются против Пуристов и федерального правительства. Очевидно, они теперь сообщали, что так называемая «полиция», стрелявшая по протестующим в Мишн, на самом деле была вовсе не полицией. Репортёры на главных новостных каналах теперь утверждали, что эти копы в снаряжении для разгона беспорядков принадлежали к частным дружинам и только оделись как копы.

Смотря новости тем утром, я наслушалась всевозможных теорий заговора, даже по главным кабельным каналам. Ведущие выдвигали гипотезы, что Блэк и другие представители армейской ветви «теневого государства» пытались свергнуть правление президента Риджента. Они упоминали причастность других милитаризированных группировок помимо компании Блэка, хотя я узнала названия лишь нескольких.

Они упоминали «Архангела».

«Архангел», насколько я знала, *действительно* замешан в какой-то теневой глобальной сети и служил их военным подразделением.

Как это связано с моим дядей, я могла лишь предполагать.

Честно говоря, я считала, что мой дядя захотел бы переманить «Архангела» на свою сторону.

Блэк говорил мне, что «Архангел» нанимал и обучал самых безжалостных, организованных, дисциплинированных и умных наёмников из всех, с кем он сталкивался. Он говорил, что они — одни из самых первоклассных убийц на планете... если не *самые* лучшие.

Дядя Чарльз практически признался, что в прошлом работал с «Архангелом», в основном через свои связи с русской организованной преступностью.

Возможно, у них случилась размолвка по поводу «порабощения всего человечества».

В любом случае, новостные комментаторы теперь обсуждали «Блэк Индастриз» и «Архангела» в одном предложении. Пока Блэк говорил со своей командой техников, я посмотрела на телефоне два фрагмента разных программ. Там брали интервью у

экспертов, которые предполагали, что компания Блэка и «Архангел» имели какое-то отношение к беспорядкам в Мишн.

Я также видела размытые кадры всех нас в гуще событий.

Камеры видеонаблюдения запечатлели, как мы бежали по Валенсия-стрит, одетые в чёрную кевларовую броню и вооружённые винтовками и мечами. Я видела кадры нас на Мишн и Шестнадцатой, но там мы были уже в противогазах, так что лиц не узнать.

Телефоны Блэка трезвонили как безумные всё утро, практически с тех самых пор, как эта плёнка попала в новости.

Примерно дюжина каналов попросила его дать интервью, звала на ток-шоу в качестве гостя. Лоуренс «Ларри» Фаррадэй, консультант и адвокат Блэка по криминальным делам, так же получал звонки всё утро. Я несколько раз подслушала, как Блэк говорит с ним, в основном спорит о том, как можно немного исправить впечатление, сложившееся у публики. И стоит ли ему согласиться на интервью. И если да, то на какие.

Очевидно, у Фаррадэя тоже просили интервью.

Некоторые каналы даже звонили и пытались договориться об интервью со мной.

Чарльз тоже пытался звонить.

Не думаю, что Блэк уже поговорил с ним тем утром, и я сама не собиралась разговаривать с ним, чёрт подери. Пока что я не готова была разбираться с Чарльзом, хоть и знала, что не могу откладывать это вечно.

В любом случае, сейчас Блэк определённо не разговаривал с Чарльзом.

Он также не говорил с Фаррадэем — или с кем-то с кабельного телевидения.

Его золотые глаза полыхали в лучах утреннего солнца, пока он слушал, стиснув зубы. Я вдруг осознала, что сейчас всё ещё очень раннее утро вопреки тому, сколько всего успел переделать Блэк. Мы встали несколько часов назад, но сейчас, наверное, было немногим больше девяти утра.

Я смотрела на его скуластое лицо и подавила невольную рябь боли разделения.

Я знала, что не совсем логично желать своего мужа после событий прошлой ночи, но почему-то от всего этого становилось только хуже. Я знала, что Блэк сам борется с противоречивыми импульсами, так что я не настаивала, но похоже, чем дольше я бодрствовала, тем хуже становилась моя боль разделения.

Я знала, отчасти это также может быть вызвано проблемами с безопасностью, более органическим желанием сблизиться с ним, потому что я чувствовала, что мы оба всё ещё в опасности. Блэк говорил мне, что у видящих такое бывает — когда наши жизни в опасности, у нас возникало инстинктивное желание делить свет с друзьями и партнёрами, людьми, которым мы доверяем. Мужья и жены практически возглавляли этот список.

Я также знала, что секс сейчас отнюдь не будет простым.

Если Блэк хотя бы увидит меня голой, учитывая состояние моего тела, это будет непросто для нас обоих. И это ещё не принимая в расчёт другие осложнения из-за моих воспоминаний и света после прошлой ночи, а также те вещи, которые Блэк наверняка почувствует на мне.

С этим я тоже пока не готова была разбираться, чего бы ни хотел мой свет.

Вместо этого мы сблизились в другом смысле слова.

Не думаю, что за всё утро Блэк отходил от меня дальше, чем на два-три метра. Даже сейчас он расхаживал прямо передо мной, не уходя далеко. Когда Киесса и Зайрей, двое видящих, помогавших Блэку оценивать безопасность этого этажа, завели меня за угол террасы, Блэк пошёл за нами, разговаривая по телефону и расхаживая вокруг меня, что одновременно успокоило и немного смутило меня, когда я почувствовала, что двое видящих это заметили.

Однако они вели себя так, словно это совершенно нормально. Они практически проигнорировали нависающее присутствие Блэка, показывая мне кровавые следы ладоней и ног, которые Ник оставил, забираясь в здание. Они поделились своими мыслями о том,

как обеспечить безопасность террасы — предположительно для того, чтобы я пересказала это Блэку, когда он завершит свой разговор по телефону.

Команда Блэка из людей и видящих почти полностью проследила путь Ника по зданию до того места, где он вломился в один из лифтов, прыгнул на кабину и спустился на ней в подвал, чтобы украсть одну из машин Блэка.

Он украл ГТО, что также разозлило Блэка.

Это была одна из его любимых машин.

Судя по камерам в гараже, Ник также забрал кого-то с собой.

Мы не сумели различить по камерам лицо заложника и даже не смогли рассмотреть его тело. Однако когда солнце поднялось над зданием, не хватало лишь одного мужчины.

Даледжема.

Уходя, Ник забрал Джема.

Никто из нас не мог поверить, когда мы это услышали.

Но в итоге это единственное логичное объяснение. Хронология пути Ника через здание совпадала с тем моментом, когда кто-то в последний раз видел Джема. Что ещё важнее, бывший член Адипана — единственный пропавший среди наших людей.

Метод исключения говорил нам, что это должен быть Джем.

И всё же не только Блэк опешил, когда мы слышали, кто это.

Вопрос «зачем» не удивлял никого из нас. Решение Ника, что ему нужен заложник, казалось очевидным, учитывая, что он сделал. Но мы не могли понять, как Ник умудрился вообще подкараулить и накинуться на старшего видящего, учитывая, кем и чем он был.

И всё же, в неподходящий момент всех можно застать врасплох.

Даже Джема.

Когда в течение утра никто не смог связаться с ним через гарнитуру или мобильный телефон, эта возможность превратилась в полноценную вероятность. Блэк поручил большей части команды разведки, работавшей под руководством Ярли, заняться его выслеживанием.

Как бы Ник ни справился с видящим из Адипана, он не использовал Джема, чтобы выбраться из здания. Та горстка людей и видящих, которых Блэк поставил в гараже, была нейтрализована вампирским ядом или выстрелами из автоматической винтовки.

Единственный раз, когда эти двое попали в кадр камер наблюдения — это когда Ник уже устранил команду охранников. Ник в тот момент вернулся к лифтам и нёс своего заложника к ГТО. Угол обзора камеры был не лучшим, их запечатлело практически сверху, и Ник нёс своего пленника на плече, так что его лицо не было видно. Ник также намотал ему что-то на голову, скорее всего, чтобы не дать легко определить его личность.

И всё же по кадрам было ясно, что пленник Ника — мужчина... то есть, мужская особь намного выше человеческих мужчин. У него также были широкие плечи, и он носил униформу «Охраны и Расследований Блэка».

Оружие, которое Ник использовал против охранников, заставило многих видящих удивлённо приподнять брови. На записи камер было видно, как он стреляет — так что они сумели определить модель. Калашников АК-12 русского производства.

Некоторые члены команды Блэка носили такое оружие, так что сама модель вызвала лишь несколько пожатий плечами. Но вот количество органического материала, встроенного в ствол и рабочие части автомата, вызвало у всех недоумение. Винтовка, из которой стрелял Ник, имела в себе столько нестандартного материала, что она мерцала бледно-зелёным в свете ламп гаража и напоминала какой-то инопланетный артефакт, пока выплёвывала пули быстрыми залпами.

Пока мы смотрели эту запись вместе, Блэк показывал на разные органические компоненты и бормотал о том, что весь этот материал — «высококласная органика» и, следовательно, «полностью живая», а не какой-то металл-гибрид. Он сказал, что органика, которую делал мой дядя, явно эволюционирует и становится лучшего качества, чем мы видели до сих пор.

Он даже предположил, что подобное оружие может быть частично разумным.

Видимо, дядя Чарльз обновил снаряжение.

Блэк предположил, что судя по характеру выстрелов органический компонент мог присутствовать даже в снарядах. Он рассказывал мне про «умные» пули из своего родного мира, которые можно запрограммировать на поиск целей. Человеческим армиям пришлось перестать использовать такие пули, потому что они узнали, что видящие могут взламывать эти пули, иногда даже в полёте, и обращать их против тех, кто их выпустил.

Никто не мог объяснить, как Ник заполучил подобное оружие.

Все согласились, что он получил его не от Джема.

Возможно, он забрал его у кого-то из людей Чарльза в Мишн, затем припрятал в здании перед тем, как отправиться на крышу. Теоретически Ник мог забрать оружие потом, когда убегал от охранников Блэка, и ему нужно было отстреливаться по дороге к гаражу на нижних уровнях.

Что бы ни произошло на самом деле, Ник выбрался чисто.

Он также, видимо, заполучил Джема.

И вторую любимую машину Блэка.

Отпив глоток мокко, я постаралась не думать об этом, а также о том, через что прямо сейчас может проходить Джем.

Я всё ещё смотрела в никуда, когда Блэк расхохотался прямо передо мной.

В этом смехе не прозвучало ни капли веселья.

Там звучал практически один чистый гнев.

— Да ты, бл*дь, издеваешься надо мной, — хрипло произнёс он. — Пожалуйста, скажи, что ты шутишь. Потому что если честно, я не уверен, что означает тот факт, что ты вообще *произносишь* эти слова прямо сейчас. То ли ты, бл*дь, безумен, то ли ты просто считаешь меня самым тупым существом на планете, чёрт подери...

Говоривший на другом конце линии перебил его.

Через несколько мгновение Блэк громко щёлкнул языком.

Когда собеседник на другом конце линии продолжил говорить, он бросил яростный взгляд на меня — скорее чтобы поделиться своей злостью и раздражением, нежели чтобы адресовать это в мою сторону.

В итоге он перебил говорившего.

— Брик, — прорычал он. — ...я говорю эти слова от всей души... катись ты нах*й. Или ты передаёшь его мне... немедленно... или мы убиваем того из вас, кого найдём первым. Ты должен понимать, что я уже веду охоту на вас обоих.

Стиснув зубы от слов другого, он рывкнул:

— Да мне *похер* на это! Прямо сейчас я говорю с *тобой*, Брик. Не с Чарльзом. Ты это сделал. Ты превратил его в чёртово животное! Ты понимаешь, что в данный момент ей было бы *не так* больно, если бы ты просто его убил? Её самый давний друг, и он едва её не убил...

Умолкнув на мгновение и слушая, он гневно взорвался уже через несколько секунд.

— Хрень собачья! — рывкнул он.

В этот раз он сказал это настолько громко, что я подпрыгнула как раз в тот момент, когда делала очередной глоток мокко. К счастью, я не облилась, но убрала напиток подальше от рта.

— ...Ты должен понимать, что после этого я позвоню ему, — прорычал Блэк. — Ты *должен* это понимать. В данный момент мне нужно решить, от чего я готов отказаться, чтобы заручиться помощью этого ублюдка. Забавно, но я думаю, что старый-добрый дядюшка Чарльз будет охренеть каким щедрым, помогая мне с этим. Что думаешь, Брик? Думаешь, у тебя сейчас есть проблемы с его видящими и бл*дскими Красными Масками? Ты подожди, пока...

Вампир на другом конце линии перебил его.

Последовала пауза, во время которой Блэк слушал, хмуро глядя перед собой.

— Я тебе не верю, — прорычал Блэк.

И вновь я чувствовала, как Брик настойчиво что-то ему говорит.

— БЛ*ДЬ. Я. ТЕБЕ. НЕ. ВЕРЮ, — прорычал Блэк, перестав расхаживать ровно настолько, чтобы стиснуть перила балкона. — У тебя есть двенадцать часов. Двенадцать. Позвони и сообщи мне место встречи, если ты готов сотрудничать. Если его не окажется с тобой... если ты не *приготовишь* его для передачи под стражу... то нам уже нечего обсуждать.

Я сделала ещё один глоток мокко, наблюдая, как Блэк бросает трубку.

Слегка нахмурившись и посмотрев на него, я легонько поддела его своим светом.

— Ты же знаешь, что он этого не сделает, Блэк, — тихо сказала я. — Если он сказал правду, и Ник умрёт, если умрёт он. В таком случае он не доверит Ника никому.

Блэк выдохнул, стиснув перила обеими руками.

После небольшой паузы он кивнул, стиснув зубы.

Я смотрела на его профиль, пока он глядел на город.

— Итак? Что мы будем делать? — мой голос по-прежнему звучал настороженно. — Ты же на самом деле не хочешь заключать союз с дядей Чарльзом, нет?

Сердито щёлкнув языком, Блэк оттолкнулся от перил балкона и разжал ладони. Повернувшись ко мне, он продолжал хмуриться, и его взгляд выдавал, что он думает.

— Нет, — сказал он после небольшой паузы.

Я почувствовала, как что-то в моей груди расслабилось.

— Ладно, — сказала я. — Хорошо. Так... что тогда?

Он прямо посмотрел на меня, поджав свои красиво очерченные губы.

— Есть у меня несколько мыслей, — сказал он. — Все они могут тебе не понравиться, Мири.

— Я знаю, что ты хочешь убить Ника, — сказала я.

Подбородок Блэка напрягся.

— Ты правда думаешь, что это такая хорошая идея? — настаивала я. — Я понимаю. Правда, понимаю. Но что будет с вампирами, если умрёт ещё один их лидер? Брика едва ли можно назвать святым, но он — не Дориан. Он даже не Константин. Мы понятия не имеем, кто ещё ждёт своей очереди.

Блэк опять кивнул, но по его глазам я видела, что его разум ушёл в какие-то другие мысли. Я знала, что говорила ему то, что он и без меня знает. По правде говоря, у нас нет хороших вариантов. У нас в данный момент даже нет представлений о том, какую модель мира мы хотим создать — особенно принимая во внимание всех игроков, не говоря уж об угрозе разоблачения видящих перед людьми.

Люди ещё даже не полностью смирились с существованием вампиров.

В данный момент всё ещё велись дебаты о том, что они такое — какая-то «утка», генетический эксперимент, пошедший не по плану, или попытки иностранцев манипулировать американской публикой.

Я знала, что Чарльз вскоре ещё сильнее надавит в этом отношении.

Я знала, что это лишь вопрос времени, когда он представит какое-нибудь неопровержимое «доказательство» существования вампиров. Скорее всего, он ждал, когда заполучит больше контроля над публикой и частными институтами, особенно СМИ, чтобы вампиры не могли разыграть ту же карту и разоблачить существование видящих.

Однако я не очень-то верила, что мой дядя сумеет не допустить этого, чтобы он ни делал. История показывает, что правда со временем всплывает. Рано или поздно, видящих разоблачат.

И что тогда случится? Каким будет мир?

Сумеет ли мой дядя контролировать, как будет развиваться тот мир? Если нет, обернётся ли на этой Земле всё так же, как на той, где вырос Блэк? Или будет ещё хуже?

Или в этом мире рабами будут не видящие, а *люди*, как того хочет мой дядя? Или он, напротив, лишь сумеет убедить людей в том, насколько опасны видящие?

В конце концов, соотношение людей к видящим всё ещё равнялось, наверное, тысяче к одному.

Блэк фыркнул, и я подняла взгляд, посмотрев в его золотые радужки.

— Сплошь хорошие вопросы, док, — сказал он.

Подойдя ко мне, он опустил свой вес на кресло рядом со мной и опёрся руками на бедра. Я без раздумий поставила стаканчик с кофе и потянулась к нему, запустив пальцы в его волосы и поцеловав лицо. Очутившись так глубоко в его свете, мне стало сложно остановиться. Я прижалась щекой к его щеке и принялась ласкать его лицо, пока Блэк не издал низкий рокошующий звук, который мог напоминать урчание какого-то животного.

Когда я не отстранилась, он обнял меня одной рукой — всё ещё осторожнее и нежнее обычного, но достаточно крепко, чтобы у меня перехватило дыхание, когда он крепче сжал объятия. Лёгкий намёк, словно просящий разрешения, оставался в его свете, когда он привлёк меня ближе к себе.

— Чего ты от меня хочешь, *ilya*? — пробормотал он, упёршись лбом в моё плечо.

Я гладила его по волосам, думая над его вопросом, пока он соединял свой свет с моим.

После нескольких секунд я осознала, что нахмурилась.

Мой взгляд расфокусировался, пока я смотрела через балкон и думала о тех немногих вариантах, которые у нас действительно имелись.

Правда в том, что нам нужен Брик.

Мы нуждались в нём настолько же сильно, насколько я не могла заставить себя подумать об убийстве Ника. Даже после прошлой ночи, даже после того, что он сделал, слова Брика и Джема всё ещё эхом отдавались в моем сознании, оставляя едва уловимую нить надежды.

«Он изменится. Он станет больше похож на прежнего себя».

Конечно, если это правда, то я не знаю, как он будет чувствовать себя после того, что он сделал со мной на крыше или даже на пожарной лестнице. Я понятия не имела, как Ник сумеет простить себя, и сможет ли он как-то справиться с этим психологически.

Я понятия не имела, как сама с этим справлюсь.

В какой-то странной манере я почти радовалась, что Ник забрал именно Джема.

Ну... если, конечно, он его не убил.

Джем, возможно, единственный, в котором до сих пор осталось достаточно сопереживания Нику, чтобы он мог по-настоящему до него достучаться. Я не могла представить, чтобы я попыталась сделать это сама. Я также не могла представить, чтобы Энджел на это пошла, по крайней мере, пока не пройдет какое-то время.

Когда я увидела её тем утром, она была в полном раздрае.

Ковбой тоже выглядел не лучше, как и Декс.

Конечно, в данный момент ничто из этого не имело значения.

Блэк никогда не сможет простить Ника.

Это важнее всего.

Учитывая, что Блэк по-прежнему более-менее диктовал направление всей нашей операции, это имело критичное значение. Блэк никогда не сумеет забыть, что сделал Ник. Я сомневалась, что он сумеет об этом забыть, даже если Ник *станет* более-менее прежним. В самом крайнем случае, на это уйдёт время. Очень много времени.

Времени, в которое Ник-вампи́р должен будет действовать более-менее как нормальный человек... а я понятия не имела, насколько это реалистично.

В данный момент я не могла представить, чтобы Ник прожил достаточно долго, чтобы мы провели такой эксперимент. Я не думала, что он проживёт дольше нескольких дней, учитывая, что я чувствовала в свете Блэка, а также вероятность того, что Блэк всё же попросит помощи у моего дяди.

Я не винила за этого Блэка.
Это не его вина.
Что есть, то есть.
А значит, мне нужно найти другой способ достучаться до него.

Не думаю, что я когда-либо чувствовала себя такой виноватой — за любой свой поступок — как за то, что я сделала той ночью.

Я знала, что это неправильно.

Я знала, что это неправильно по миллиону разных причин.

Я просто не могла обойтись иным путём.

У меня не было союзников в команде Блэка... только не для такого.

Я знала, они все подумают, что я выжила из своего бл*дского ума, если вообще подумываю о том, что собиралась сделать. Хуже того, они решат — и с весомой аргументацией — что я в шоке, что я не могу мыслить разумно, учитывая, что со мной случилось.

Но я не могла допустить, чтобы Блэк вручил себя моему дяде.

Я не могла допустить этого, не попытавшись сама узнать, нет ли другой возможности.

В данный момент я видела лишь одну другую возможность.

Существовало лишь одно лицо, поистине заинтересованное в союзе с нами, даже если Блэк сумеет как-то договориться о союзе с «Архангелом», враждующими фракциями русской мафии, теми немногими хорошими парнями, что ещё задержались в коридорах американского правительства, или ещё с кем-нибудь.

В любом случае, нам меньше всего нужен ещё один враг.

Так что я сделала то, что сделала.

Не знаю, стало ли мне лучше или хуже от того, что все прошло без сучка, без задоринки.

Я знала, что это сочетание удачи и хорошо выбранного момента — чего никогда не повторится и, наверное, не случилось бы так просто ещё до того, как Блэк установил в здании режим строгой изоляции. В данный же момент никто в нашей команде ни за что на свете не ожидал от меня такого, особенно после прошлой ночи.

По тем же причинам я понимала, что это наверняка мой единственный шанс — по крайней мере, если я хотела провернуть нечто подобное без ведома моего мужа.

К тому времени, когда я добралась до края деревянного причала, прилегавшего к Пирсу 39, стало так тихо, что я начала задаваться, какого чёрта я вообще творю.

Я не пришла безоружной.

Далеко нет.

При мне имелось семь пистолетов — два на рёбрах, два на бёдрах, один на поясище, два в кобурах на лодыжках. Я также взяла четыре ножа, включая длинную охотничью финку, пристёгнутую к моему правому бедру, а также ещё более длинный нож, который пристроился во впадинке на моем позвоночнике.

Я знала, как высока вероятность, что всё это не принесёт никакого прока.

И всё же, стоя в темноте, спиной к залитому лунным светом океану, положив одну руку на приклад пистолета, а другую — на рукоятку финки, я всё равно порадовалась, что взяла с собой оружие.

Непросто было улучить достаточно времени в одиночестве, чтобы организовать хотя бы это.

Мне пришлось надавить на нескольких сотрудников Блэка, чтобы они мне помогли.

Эй-Джей и Хавьер подменили записи камер на случай, если Блэк их увидит.

Мишель принесла мне оружие, включая два длинных ножа в виниловых ножнах, один из которых (я почти уверена) принадлежал Ковбою.

Декс — и я по множеству причин чувствовала себя очень, очень виноватой за это — принёс мне шприцы с достаточным количеством жидкого транквилизатора, чтобы уложить видящего или человека солидных размеров.

Я знала, что Декс может не простить меня за это, если когда-нибудь узнает об этом моем поступке.

Однако для данного задания мои варианты были ограничены. Лишь небольшой круг приближенных Блэка имел полный доступ к ассортименту оружия, и тем более к лабораториям, где они хранили вещи, не входящие в стандартное вооружение. Всё сводилось практически к Дексу или Ковбою... или Энджел... а меня предупреждали не пытаться надавить на Ковбоя, поскольку его разум работал как-то иначе.

Я бы ни за что на свете не смогла поступить так с Энджел.

В любом случае, какой бы виноватой я ни чувствовала себя, используя Декса, это чувство вины не шло ни в какое сравнение с тем, что я ощущала, когда вонзила одну из этих игл в шею своего мужа и ввела всё содержимое шприца в Блэка, задремавшего рядом со мной.

Ещё один шприц я использовала на Зайрее, который вместе с Люс стоял на посту у двери нашего номера.

Ну, точнее, я заставила Люс использовать этот шприц против него.

Я ничем из этого не гордилась.

Думая об этом теперь и дрожа на холодном ветру с залива, я чертовски надеялась, что все эти усилия не приведут к тому, что мне разорвут горло.

Я не видела их приближения.

Я определённо их не почувствовала.

Я предполагала, что он приведёт с собой больше своих людей. Он был бы дураком, если бы не сделал этого — вопреки тому, что сказал по телефону, когда я сумела остаться одна достаточно надолго и позвонить ему. Однако кто бы ни прикрывал спину Брика, они оставались невидимыми.

Лишь его тёмный силуэт пересёк покоробившиеся от соли и воды деревянные доски, подойдя к месту, где я стояла и ждала его.

Остановившись в пяти ярдах от меня, он осмотрелся по сторонам.

Я увидела, как хмурятся его губы правильной формы, затем он склонил голову, открыто оценивая меня.

— Ты здесь одна, — в его голосе звучало неприкрытое изумление. — Ты действительно одна.

Выдохнув дыхание, которое неосознанно задержала, я отошла от деревянных перил и кивнула. Мои руки всё ещё лежали на пистолете и ноже, пока я шла к нему, сокращая последнее расстояние между нами.

— Так и есть, — сказала я с тем же лёгким удивлением в голосе.

Если честно, я не могла сказать, было ли это удивление шутливым, или же до меня, наконец, дошло, какой невероятной глупостью было приходить сюда в одиночку.

— Твой муж знает, где ты? — настороженно спросил вампир.

Я издала невесёлый смешок.

— Шутишь, да?

Король вампиров нахмурился ещё сильнее, сделав ещё один шаг в мою сторону и встретившись со мной примерно на середине расстояния, которое он между нами создал.

Его хрустальные глаза отразили оранжевый свет фонарей в конце пирса, и я видела, как он с почти бесхитростным выражением всматривается в моё лицо.

— Вы храбрая женщина, миссис Блэк, — сказал он наконец.

Выдохнув, я едва слышно щёлкнула языком, но не потрудилась ответить.

— Ты хочешь поговорить здесь? — спросила я. — На открытом пространстве?

Брик посмотрел на меня, затем на воду. После короткой паузы он покачал головой и убрал руки в карманы длинного чёрного пальто.

— Вообще-то, у меня была другая идея, — сказал он, и его голос сделался чрезмерно вежливым. — Не будете ли вы так добры сопроводить меня во время короткой поездки, миссис Блэк?

Я напряглась. Ничего не могла с собой поделать.

В моём сознании всплыли все предупреждения не садиться в машину с серийными убийцами, которые я слышала с самого детства. Перед мысленным взором мелькнул образ того, как Ник кидается на меня, а также те несколько секунд, когда его клыки только впились в моё горло...

Я не заметила, когда моя ладонь сместилась с рукоятки финки и коснулась повязки на горле. Это был бессознательный жест, но Брик проследил за ним взглядом.

Он шагнул вперёд прежде, чем я успела отодвинуться, и легонько прикоснулся пальцами к моей руке.

— Я так сожалею, миссис Блэк... поистине.

Сделав шаг назад, я покачала головой.

— Это ничему не поможет, Брик.

Ещё на мгновение всмотревшись в моё лицо, он кивнул.

— Я понимаю. Однако мои чувства искренни. Немыслимо, что мы позволили ему дважды сбежать от нас. Этот хаос в Мишн...

Увидев мой взгляд, он умолк и снова покачал головой.

— Я очень, очень сожалею, Мириам. Сильнее, чем могу адекватно выразить словами.

Я почувствовала, как напрягся мой подбородок. Прежде чем я успела решить, как ему ответить, и стоит ли это вообще делать, какой-то звук заставил меня посмотреть поверх его плеча на улицу перед причалом.

Позади него на обочине остановилась машина.

Это был лимузин. Чёрный. С тонированными окнами.

Брик повернулся и проследил за моим взглядом.

Мгновение спустя эти глаза вновь посмотрели на меня.

— Это будет короткая поездка, миссис Блэк, — заверил он меня.

— Но зачем это нужно? — спросила я.

На мгновение стиснув зубы, я обвела взглядом пустой пирс. Я чувствовала, как люди ходят по улицам в нескольких кварталах отсюда, сидят на траве, но я принудила всех бездомных и остальных людей, которые направлялись в эту сторону, обойти стороной данный сегмент пирса.

Большинство людей, которых я ощущала, спали в близлежащих домах и квартирах.

— Нас здесь не потревожат, — сказала я, переводя взгляд на Брика.

Он кивнул, его выражение не изменилось.

— Я понимаю твоё нежелание. Но я не играю с тобой и не пытаюсь тебя похитить, Мириам. Ты должна понимать, что в данной ситуации ты — моя единственная надежда. Я не питаю иллюзий, что твоё похищение принесёт какой-то прок помимо того, что ещё сильнее разъярит твоего супруга.

Он помедлил, глубже засунув руки в карманы пальто.

— Я бы хотел, чтобы ты встретила кое-с-кем. Возможно, это поможет тебе понять некоторые вещи.

Я напряглась. Усилием воли сохраняя нейтральное выражение лица, я закусила губу.

— Я думала, мы будем говорить о Нике, — сказала я.

— Это мы тоже можем сделать, конечно же.

— Ты соврал Блэку? Ты знаешь, где он находится?

Брик покачал головой, и его лицо выражало сожаление.

— Нет. Боюсь, я сказал твоему мужу правду на этот счёт, — слегка нахмурившись, он посмотрел мне в глаза с обезоруживающе искренним выражением. — Мы не сумели найти Наоко, Мириам. Мои люди ищут его, даже в этот самый момент, конечно же. Дориан возглавляет эту операцию, поскольку для нас критично важно найти его... особенно для меня, как ты себе представляешь. Знаю, твой муж убьёт его при первой же возможности.

Брик всматривался в мои глаза, слегка нахмурившись.

— Ты можешь мне не верить, Мириам, но я тоже беспокоюсь за него. Мое беспокойство не ограничивается тревогой за собственное благополучие. Как я и говорил твоему мужу, Наоко для меня — семья. В данный момент он позорит меня тем, что сделал с тобой... но я люблю его. Я защищал бы его ценой собственной жизни. Я защищал бы его вне зависимости от его поступков и ошибок. С моей точки зрения он всё ещё ребёнок. Дети часто делают глупые и жестокие вещи.

Я не потрудилась отвечать на эти слова.

Я даже не пыталась расшифровать, какие из его слов правдивы.

— Идём? — спросил он, показав кивком головы в сторону обочины.

На это я тоже ничего не ответила. Однако когда он повернулся и пошёл к лимузину, я молча последовала за ним.

Я зашла уже так далеко.

Если бы они хотели моей смерти, я уже была бы мертва.

Он отвёз меня в парк Золотые Ворота.

Не знаю, чего я ожидала, но точно не этого.

Вопреки моим страхам, мы сидели на заднем сиденье лимузина только вдвоём.

Он не пытался разговаривать со мной во время поездки. Я видела фигуру в передней части машины, водителя лимузина, но это оказался не тот, кого я ожидала. Вместо высокого светловолосого вампира, которого я обычно ассоциировала с Бриком, этот имел рыжевато-каштановые волосы, завязанные в небрежный хвостик. Он был одет в тёмный костюм, на пальцах носил несколько колец. Во время поездки он ни разу не обернулся к нам, так что я видела его лицо и глаза лишь редкими проблесками в зеркале заднего вида.

Я помнила, Брик сказал, что Дориан ищет Ника.

Я вообще его сегодня не увижу.

Когда водитель повернул на Джон Ф. Кеннеди Драйв, въехал в парк, а затем свернул на небольшую петляющую дорожку, я нахмурилась, глядя через тонированные окна на тихие газоны и цветочные сады в окружении тенистых деревьев.

Теперь я видела вдалеке огни.

Только когда лимузин подъехал ближе к этим огням, миновав очередной широкий поворот, я осознала, на что смотрю.

Цветочная Оранжерея освещалась изнутри.

Высокая белая викторианская конструкция из стекла светилась как маяк в парке, где в остальном было темно хоть глаз выколи. Её высокие стеклянные стены освещались белым светом. Лимузин заехал за конструкцию в темноте, следуя вдоль изгиба дороги, пока Оранжерея не оказалась по другую сторону от нас на небольшом холме.

Я нагнулась, смотря на неё через окно со стороны Брика.

— Что мы здесь делаем, Брик? — спросила я, глядя на освещённые стеклянные стены.

— Это казалось нейтральным местом.

Я повернулась, хмуро посмотрев на него.

Может, это и нейтральное место с точки зрения конфликтов между видящими и вампирами, но едва ли ему недоставало драмы. Более того, это место вызывало у меня эмоциональные воспоминания, хотя вампир никак не мог об этом знать.

Это любимое место моей сестры Зои в этом парке, а может, и во всём городе.

Иногда она затаскивала меня сюда на выходных.

У меня имелась куча обувных коробок с фотографиями Зои в различных нарядах, которые сделаны в разных комнатах и сегментах оранжереи в викторианском стиле, и на ступенях, которые к ней вели, и в стеклянном вестибюле, образовывавшем вход.

С тех пор, как ей исполнилось шесть, она твердила, что её свадьба состоится здесь.

Даже когда я уже перешла в старшие классы, мы ездили сюда на велосипедах в хорошую погоду и ели бутерброды на газоне. Оранжерея располагалась на одном из немногих холмов в этой части парка, с неё открывался вид на дорогу Кеннеди и участок близлежащих садов, так что это было идеальное место для наблюдений за людьми.

Мы сидели здесь и говорили об экстрасенсорных вещах.

Нам не позволялось открыто говорить об этом дома, так что мы обсуждали это в парке, или на Оушн Бич, где, как нам казалось, нас не подслушают.

Глядя на светящиеся стеклянные стены здания под старину, я постаралась вытолкнуть из головы воспоминания о Зои. Я не бывала здесь много лет. Я не избегала этого места сознательно, но теперь, глядя на купольную крышу и два L-образных крыла, отходивших от центральной постройки, я осознала, что понимаю, почему не возвращалась сюда.

Я никак не могла прийти сюда и не вспоминать сестру.

При этой мысли мой подбородок напрягся, но в этот раз я злилась на саму себя.

А ещё я задумалась над тем, захочет ли Блэк пожениться здесь.

Может, я могла бы сделать это для Зои. Хотя бы одна из девочек Фокс выйдет замуж здесь, пусть даже и не та.

Эту мысль я тоже выбросила из головы.

Наверное, лучше подождать и посмотреть, как пройдёт эта встреча — и узнает ли о ней Блэк — прежде чем начинать планировать свадьбу в этом месте.

Кто-то открыл дверцу лимузина возле места, на котором я сидела.

Это был не водитель.

Подняв взгляд, я посмотрела в хрустальные глаза незнакомого мне вампира, в этот раз женщины. У неё были черно-красные волосы, губная помада подходила под цвет красных прядей в её длинных, слегка волнистых волосах. Она улыбнулась мне, и улыбка показалась почти настоящей и тревожила лишь из-за ясных глаз, казавшихся бездушными.

Я без раздумий приняла её протянутую ладонь и позволила ей помочь мне выйти из машины.

Пройдя мимо неё, я встала в нескольких шагах от открытой дверцы и подождала, наблюдая, как Брик сам выходит, наклоняется к уху женщины и что-то шепчет — слишком тихо, чтобы я расслышала. Затем Брик одёрнул своё тёмное пальто, слегка улыбнулся мне и подошёл вместе со мной к ступеням Оранжереи.

Не сказав ни слова, мы вместе поднялись, направляясь к освещённому вестибюлю, который вёл в оранжерею с экзотическими растениями.

Мы уже приближались к двери, когда я осознала, что мои шаги замедляются.

Я остановилась и посмотрела на него.

Брик проделал ещё несколько шагов, затем тоже остановился и посмотрел на меня.

Теперь я ясно видела его лицо в свете, лившемся из Оранжереи.

— Что это, Брик? — спросила я.

При виде его вскинутой брови я закусил щеку изнутри.

— Разве мы не будем говорить о Нике? — спросила я. — Разве всё это не ради того, чтобы примирить два наших лагеря? При условии, что их вообще можно примирить? Минуту Брик лишь смотрел на меня, и его улыбка померкла.

На моих глазах эта улыбка превратилась в задумчивое, более противоречивое и хмурое выражение.

Затем, двигаясь медленно, обманчиво медленно, почти скользя, он приблизился к месту, где стояла я. Прежде чем я решила, как реагировать, он ласково сжал мою руку и ловко просунул руку и предплечье под мой локоть, не убирая моих пальцев с рукоятки пистолета.

В те же доли секунды я осознала, что он не пытался меня разоружить.

Он даже не поручил одному из своих людей обыскать меня.

— Зайди внутрь, Мири, — мягко произнёс он. — Всё это обретёт смысл, как только ты войдёшь внутрь.

Наблюдая за его лицом и не скрывая скептицизма, я шагнула вперёд одновременно с ним.

Это дурное предчувствие оставалось в моей груди, тянуло мой свет, сдавливало горло. Дело не в Брикe как таковом. По какой-то причине я не считала, что он привёл меня сюда, чтобы причинить вред. Чего бы он ни хотел добиться, привезя меня сюда, дело не в этом.

Он всё ещё поддерживал меня под руку и вёл через стеклянные двери. Двое его людей придерживали эти двери открытыми и улыбнулись мне, пока я проходила мимо. Ещё одна женщина и мужчина вампиры, оба черноволосые. Мужчина походил на жителя Ближнего Востока и носил короткую стриженую бородку. У женщины была смуглая кожа и коротко стриженные чёрные вьющиеся волосы. Она смотрела на меня хрустальными глазами, и я видела там неприкрытое любопытство, словно она знала меня.

Может, она просто знала, кто я такая.

И всё же это знание в её глазах вызывало дурное предчувствие.

— Знаю, ты сомневаешься в том, чем станет твой друг Ник, — сказал Брик. — Знаю, что не только твой муж скептически настроен в этом отношении, Мириам.

Его голос звучал тихо, почти по-отцовски и обладал успокаивающим мелодичным звучанием.

Когда я посмотрела на него, он улыбнулся, изучая моё лицо чуть более пронизывающим взглядом, чем было бы уместно с таким выражением лица.

— ...Знаю, ты никак не можешь оценить это, глядя на меня, — продолжил он, всё ещё всматриваясь в моё лицо. — Знаю, ты никак не можешь оценить это, глядя на моих людей или разговаривая с ними. Как и человеческие существа, вампиры разнятся по характеру, жестокости, состраданию, мудрости, глупости, опыту, нраву.

Он повёл меня в восьмиугольный павильон, и мой взгляд метнулся вверх, рассматривая арочную крышу, купол и верхний ряд окон. Вокруг нас тропические растения окружали центральный сегмент оранжереи, а налево и направо расходились проходы.

Брик повёл меня вправо.

Мы вошли в выставку, которую я смутно помнила, и он снова повёл меня вправо, так что мы направлялись вдоль южной стены к восточному крылу здания.

Тропические растения окружали нас и свисали со всех сторон, создавая ощущение джунглей.

Я осознала, что смотрю на красочные цветы и тёмные пальмовые листья, пока Брик продолжал говорить и мягко вести меня глубже в оранжерею.

— ...Чтобы поистине понять различия и сходства, тебе нужно было бы иметь дело с вампиром, которого ты знала до обращения, — продолжил Брик, взглянув на меня. —

Учитывая то, как обстоит дело между мной и твоим мужем, теперь я беспокоюсь, что Наоко попросту не проживёт достаточно долго, чтобы ты стала свидетелем этой трансформации в нём...

Ощувив, как я вздрогнула, он вновь посмотрел на меня и на мгновение сжал мою руку.

— Я тоже не рад такому исходу, Мириам, — произнёс он тише. — Даже если мне каким-то образом удастся выжить. И хоть у меня дурное предчувствие относительно того, что я собираюсь тебе показать, я чувствую, что это единственный способ не допустить такого исхода. Прежде я колебался действовать в этом направлении по многим причинам... и одна из самых главных — честно говоря, я понятия не имею, как ты можешь отреагировать.

Помедлив, он вновь взглянул на меня, ведя по стеклянному коридору, полному растений.

Пока мы шли, я время от времени встречала вампиров, и все они смотрели на меня. На их лицах я также видела узнавание.

Брик продолжал говорить со мной тем низким, мелодичным голосом.

— ...Но теперь у меня нет выбора, — твёрдо произнёс он. — Я могу лишь надеяться, что ты простишь меня за то, что я не сказал тебе ранее. Знай, что это было не моё решение, дражайшая... поверь, убедить причастных лиц согласиться на эту встречу сегодня стало немалым подвигом.

Я прикусила губу, пытаюсь уловить смысл в его абстрактных фразах, пока я следовала за его грациозными шагами. Отвлёкшись на ещё двух вампиров по обе стороны следующего стеклянного прохода, я сосредоточилась на пруду, покрытом плоскими круглыми кувшинками и располагавшемся сразу за проходом.

Он привёл меня в секцию водных растений.

В детстве я проводила здесь слишком много времени.

Может, это тоже сбивало меня с толку.

— Что ты пытаешься мне сказать? — спросила я. — Я не понимаю.

Затем что-то в моем мозгу щёлкнуло, и я повернулась, наградив его суровым взглядом.

Мои челюсти напряглись, пока я обдумывала всё, что он сказал.

— Ты собираешься попытаться обратить меня в вампира, Брик? — прямо спросила я. — Потому что ты понятия не имеешь, как быстро Блэк *прикончит* тебя, если такое случится.

Помедлив, я добавила:

— Если ты каким-то образом привяжешь свою жизнь к моей, как ты сделал это с Ником, он убьёт каждого вампира вокруг тебя... и, наверное, закинет тебя в клетку в подвале, чтобы экспериментировать на тебе в момент скуки.

Я устала на него, зная, что каждое произнесённое мною слово правдиво.

И всё же от страха адреналин выстрелил в мою кровь и свет, отчего стало сложно дышать, сложно связно мыслить, вопреки моим собственным словам.

— Поверь мне, Брик, — жёстко произнесла я. — Ты не хочешь это делать.

Брик поднял пальцы и отмахнулся от моих слов терпеливым пренебрежительным жестом.

— Не беспокойся, Мириам. Я ни в коем разе не подводил к чему-то подобному. Я не имею ни малейшего намерения превращать тебя в вампира.

Моему разуму и телу потребовалась секунда, чтобы отреагировать на его слова.

Затем я бесшумно выдохнула, ощущая почти физическое облегчение.

— Однако, — произнёс Брик, во второй раз поднимая ладонь. Он сделал грациозный жест, показывая на пруд по другую сторону от выставки водных растений. — ...Возможно, сегодня я могу раскрыть для тебя одну загадку. В отношении того, о чём ты только что говорила.

Он повернулся, ответив улыбкой на мою хмурую гримасу.

— Ты и твой муж не раз спрашивали у меня, почему я так уверен, что сумею обратить тебя, если захочу, — заметив моё недоумение, он улыбнулся чуть шире, сверкнув ослепительно белыми клыками. — Возможно, я, наконец, сумею дать ответ на этот вопрос.

Нахмурившись, я просто уставилась на него.

Однако когда он кивнул в сторону пруда, показывая мне посмотреть на другую сторону L-образной стеклянной комнаты, я повернула голову.

Несколько секунд я ничего не видела.

Вода оставалась совершенно неподвижной, её зеркальную поверхность покрывали тёмно-зелёные кувшинки в окружении папоротников и тёмных лиан, отчего пруд напоминал какой-то доисторический пейзаж. Я уставилась в плотную зелёную растительность, помня, как бывала здесь в детстве...

Когда по другую сторону пруда появилась фигура.

Она скользила бесшумно, мягко, двигаясь как жидкость и выходя из-за гигантского папоротника.

Я обвела недоуменным взглядом это тело, замечая детали, но не осознавая их. Длинные худые мускулистые ноги, одетые в брюки из чёрной кожи. Высокие красные сапоги, тоже кожаные. Облегающая майка из белого кружева с глубоким декольте, которое акцентировалось кулоном-капелькой из бледно-зелёного камня, висевшего на серебряной цепочке. Красный кожаный ремень. Худые мускулистые руки. Длинные пальцы с серебряными кольцами, лежащие на крутом изгибе бёдер под узкой талией.

Мой взгляд поднялся к её лицу.

Я застыла.

На протяжении нескольких долгих секунд я думала, что мои воспоминания наложились на то, что на самом деле находилось передо мной.

Я спала... ну или галлюцинировала.

Непременно.

Затем она улыбнулась.

— Привет, — сказала она, приподняв ладонь.

Это был тот же дурацкий небрежный взмах рукой, которым она одаривала меня в свои семнадцать.

Я уставилась на неё.

Я не могла моргнуть.

Я не могла отвернуться.

Я не могла полностью видеть её.

— Мири, — её голос зазвучал громче. — Эй... старшая. Сделай вдох. Дыши, ладно? Тебя не глючит. Это я.

Она повернулась, и её взгляд переместился на пространство рядом со мной.

Какая-то часть моего разума понимала, что она смотрит на Брику, но я не могла отвернуться от неё, чтобы проследить за её взглядом и подтвердить то, что я и так знала.

Я также не могла дышать.

Я не могла дышать.

— Мири, — её взгляд метнулся обратно ко мне. Она обеспокоенно выпятила нижнюю губу. — Слушай, прости. Я не хотела делать это вот так. Я говорила им, что не стоит делать это вот так.

И вновь её взгляд метнулся в сторону, затем обратно ко мне.

— Не вини Брику. Это не его вина, — она хмуро посмотрела на другого вампира. — Хотя я говорила ему, что у тебя наверняка случится чёртов инфаркт... а потом ты, наверное, забьёшь его насмерть голыми руками.

Снова взглянув на Брику, она улыбнулась.

Её улыбка померкла, как только она перевела взгляд обратно на меня.

Она обеспокоенно нахмурила лоб.

— Эй! Мири... я серьёзно. Дыши!

Однако я не дышала.

Я не шевелилась.

Я посмотрела ей в глаза, охваченная этим приливом знакомости, воспоминаний, миллиона вещей, которые говорили мне, что всё это нереально, что я вижу галлюцинацию, я под наркотиками или сошла с ума.

Я посмотрела ей в глаза и как будто зафиксировалась там.

Я смотрела в эти прозрачные радужки, похожие на потрескавшееся стекло.

Я смотрела, как она смотрит на меня.

Я видела там насторожённость, нервозность, радость от встречи со мной.

Я видела всё, что находилось там... всё, что я помнила.

Я видела всё, что было не так.

Что-то в моей груди просто отказало.

Затем всё потемнело.

Эпилог. Грузовое судно

Боль рябью пронеслась по нему, вынудив его отвести взгляд.

Стиснув зубы, Даледжем отвернулся от просвета в грузовом контейнере и заставил себя посмотреть на высокий потолок грузового отсека, усилием воли сосредоточившись на металлических сходах, которые тянулись над местом его укрытия. Сделав вдох, чтобы привести мысли в порядок, он через несколько секунд перевёл взгляд обратно, посмотрев через узкий просвет между овальной дверью, похожей на люк, и металлическим боком контейнера.

Он задержал дыхание, наблюдая, как трахаются двое мужчин.

Это было нелегко даже сейчас.

Более мускулистый мужчина сверху закрыл глаза и издал низкий рык, удерживая другого мужчину-видящего, с более высоким, но худым телом. Видящий внизу на глазах Даледжема застонал, стискивая мужчину сверху до побелевших костяшек, издавая низкий, болезненный звук, когда другой вдобавил в него.

Даледжем вновь закрыл глаза и стиснул зубы.

Gaos. Какого хера он творит?

Что он вообще здесь делает?

Он знает, что он твердил себе самому.

Теперь он не мог представить, как он вообще мог быть настолько высокомерным, что поверил в чушь, которую сам и выдумал. Теперь, находясь здесь, он гадал, не погибнет ли он сам, и не погибнут ли из-за него все остальные, кто находился на корабле.

Он говорил себе, что даст Нику шанс.

Он говорил себе, что он пытается спасти вампиру жизнь — до тех пор, когда они сумеют определить, стоит ли там что-то спасать.

Если Брик и другие вампиры говорили правду, Ник выйдет из этого состояния. Он сбросит этот кайф избавления от оков, последствий и сопереживания, и он останется с эмоциональными последствиями своих поступков.

Даледжем догадывался об этом, ещё когда Ник был человеком. Наоко Танака сидел на образной пороховой бочке подавляемых эмоций, отрицания, злости и неразрешённых чувств.

Эта бочка включала себя (но не ограничивалась этим): злость, горечь, ненависть к себе, подавление сексуальности, ревность, гнев. Он хоронил это всё под вежливой личностью, под синдромом хорошего парня, под долгом и патриотизмом, семейными обязательствами, долгом единственного сына, дружескими обязательствами, общественными обязательствами... и чем там ещё, черт подери, люди мучили себя.

Его новая вампирская природа взорвала всё это и выпустила на свободу — как только Ник сумел полностью и безоговорочно наплевать на все.

В результате всё это подавляемое дерьмо выплыло на поверхность.

Его злость на Блэка за женитьбу на Мири; его злость на Мири за то, что она его не хотела; его злость на них обоих за то, что они бросили его в той пещере на острове Мангаан, а затем ещё раз бросили на милость вампиров в так называемом «побеге»; за то, что он едва не погиб на том дереве. Его злость на весь бл*дский мир за то, что он никогда не получал то, чего хотел, разочаровывал родителей. Злость из-за того, что вампиры и видящие захватили его мир. Из-за того, что он был «хорошим парнем», но никогда не получал за это награды. Из-за того, что он вечно оказывался тем, кому приходилось поступать по совести, бл*дь.

Его вампирской натуре было посрать на всё это.

Его вампирской природе было *посрать на всё*.

Но рано или поздно, Ник придёт в себя.

Ник придёт в себя, и это тяжело ударит по нему. И Джем не хотел, чтобы в этот момент его опорой стали бл*дские вампиры.

Он совершенно точно, черт подери, не собирался допускать, чтобы Брик и/или Дориан стали теми, кто поможет Нику пройти этот переход, или внедрит их так называемую «вампирскую мудрость» в Ника, когда тот будет уязвимым и готовым поверить во всё, что поможет ему меньше ненавидеть себя.

Так что Джем решил, что когда Ник придёт в себя, он увидит не Брика и не Дориана.

Это будет он — Даледжем.

Даже в то время он знал, что это дурацкая затея.

Он знал, что это опасно, глупо... наверное, эгоистично и инфантильно.

А ещё он знал, что если этого не сделает он, то этого не сделает никто.

Ник, скорее всего, умрёт от руки Блэка — или же его затянут глубже в вампирскую семью, и в итоге он станет как все. Он найдёт способ как-то рационализировать и подавлять это всё в вампирской форме, и тогда они потеряют Ника Танаку навсегда.

Теперь, наблюдая за Ником с Солоником, видя, что он уже сделал с разведчиком высокого уровня с помощью своего яда, Даледжем вернулся к мысли, что он, Даледжем, идиот.

Он гадал, каким же глупым и высокомерным он должен был быть, чтобы думать, будто он на это способен. Даже если он сумел бы уберечь Ника от Блэка, то чертовски высока вероятность, что через несколько недель он сам закончит как Солоник.

Он закончит как Мири на той крыше, или как Блэк в той правительственной лаборатории.

Он закончит как все те видящие под кайфом от вампирского яда, только навсегда.

Еда для вампира, секс-раб... ментальный калека.

Пока что он держался на расстоянии — в основном, чтобы не показать Блэку, где он находится, и тем самым, не показать Блэку, где находится Ник. Он знал, что Блэк не будет вести себя рассудительно. Наверное, Блэк и *не мог* вести себя рассудительно в этом отношении.

Джем это понимал. Правда, понимал.

Он также знал, что Блэк может убить *его самого*, если узнает, что Джем стоял между ним и Ником Танакой.

По той же причине он знал, что если не найдёт какой-то способ скрыть Ника от Блэка, всё это закончится в то же мгновение, как только Блэк их настигнет.

Поэтому Джем прождал три дня и не приближался.

Три дня без сна, прячась в грузовом отсеке корабля, который пах маслом и экскрементами, потом, металлом и океаном — в зависимости от того, в какой части он прятался. Джем таился в самых вонючих частях, стараясь замаскироваться и перебить свой запах, чтобы вампир его не нашёл.

Он не решался поспать.

Он знал, что если заснёт, если войдёт в Барьер хоть на какой-то промежуток времени по любым причинам — а именно так и будет, если он позволит себе потерять сознание — то команда разведчиков Блэка найдёт его за минуты, если не за секунды.

Видящие не умели прятаться, пока спали.

Ну, они не умели прятаться от других видящих.

А именно они не могли прятаться от других разведчиков с военной выучкой, которые активно искали их. Команда Блэка, несомненно, именно этим сейчас занималась.

Как и у людей, пока видящие спали, их *aleimi* или световое тело покидало их физическое тело. Как только это случится, свет Даледжема появится в пределах видимости любого отслеживающего видящего, который знал его специфическую частоту.

У Блэка имелось как минимум четверо видящих, которые могли дать точные маркеры света Джема. На Старой Земле им приходилось запоминать световые признаки всех членов своей команды на случай, если кто-то потеряется, попадёт в плен или столкнётся с проблемами в Барьере.

По той же причине Ярли, Мика, Холо и Джакс знали его свет.

К этому времени, наверное, и другие видящие в команде Блэка знали его световые признаки.

Даледжем мог маскироваться от них, пока бодрствовал. Он тренировался в самом Адипане, и его навыки постановки щитов были выше среднего даже по меркам их элитной команды.

Однако если он задремлет, ему конец.

Ну, точнее, конец придёт вампиру, который на данный момент самозабвенно трахал своего видящего любовника-тире-пленника.

Даледжем не мог этого допустить, пока у него не было других средств закрыть свой свет щитами, скажем, конструкции — *или*, тихо пробормотал его разум, *например, вампира*. Или пока он не окажется достаточно далеко, чтобы успеть объяснить Блэку, что он делает и сколько времени ему нужно прежде, чем видящий придёт за ним с тучей беспилотников и эскадрой взбешённых разведчиков, жаждущих крови.

До тех пор ему нужно бодрствовать.

Никакое количество тренировок не могло компенсировать базовую биологию видящих. Единственный способ сейчас оставаться невидимым — это вовсе держаться вне Барьера.

Это означало никакого сна.

Конечно, он не мог вечно оставаться без сна.

Его рефлексy уже страдали... и замедляясь, и давая сбои. Он уже слишком легко пугался, шарахался от теней, и ему мерещились угрозы.

Он также поймал себя на том, что мысленно «подвисает», когда этого делать не стоило.

Вот как только что, пока он наблюдал, как Ник трахает того видящего-социопата, Солоника.

Поморщившись, он выбросил из головы эти образы, заставляя себя мыслить связно.

Он не мог оттягивать ещё дольше.

Ему нужно сделать это сейчас.

Когда солнце встало этим утром, и его лучи полились в смотровые отверстия возле ящика с грязным бельём на стирку, возле которого он притулился на ночь, Джем решил, что не вытерпит ещё одну ночь так, чтобы не подвергнуть свою жизнь настоящей опасности.

Он использовал GPS трекер, чтобы подтвердить, что видящий и вампир всё ещё находились там, где Даледжем обнаружил их изначально; и что Ник не переместил своего пленника в другую часть корабля. Даледжем знал, что Ник должен каким-то образом кормить видящего и давать ему воду. Предположительно, он передвигался под прикрытием ночи, чтобы совершать набеги на корабельную кладовку и хранилище с водой, оставляя видящего в гнезде, устроенном за контейнером.

Тем же утром Даледжем также использовал GPS трекер, чтобы определить, где они находились — то есть, все они, всё грузовое судно. Он хотел, чтобы Блэка от них отделял минимум день пути перед тем, как начать действовать.

Насколько он мог сказать, он почти добился этого.

Покинув Калифорнию, судно не поплыло вдоль побережья, а от верфей в Окленде направилось напрямик в Тихий океан. Судя по линии на карте в его наладоннике, или «смартфоне», как их здесь называли, корабль и все его обитатели, похоже, направлялись в Азию — возможно, в Китай или Россию, если они будут придерживаться нынешней траектории.

Судя по черным кириллическим буквам, нарисованным на тёмно-синем корпусе, Даледжем предположил, что судном владеет и распоряжается русский торговый конгломерат. Обрывки русской, польской и украинской речи, которые он подслушал от команды, подтверждали эту теорию.

Даледжем понятия не имел, почему Ник выбрал этот корабль.

Он подозревал, что на самом деле это не имело значения.

Возможно, его выбор был действительно таким случайным, каким казался, и в этом имелась своя логика. Сложно последовать за кем-то, когда этот кто-то сам не знает, куда направляется и зачем.

Если Джем ещё не забыл русский, и надпись близка к той версии русского языка, которой пользовались в его версии Земли, то корабль назывался «Мончегорск».

Проведя ладонью по лицу и сильно поморгав, чтобы привести мысли в порядок, он перевёл взгляд на просвет возле люка контейнера. Глядя в узкую щель, он подавил боль, которая хотела затопить его свет.

Ему нужно сохранять осторожность.

Он не мог рисковать, ведь видящий тоже мог его почувствовать.

Солоник несомненно скажет Нику, если почувствует Джема. Судя по тому, как Солоник прямо сейчас смотрел на Ника, он сделает что угодно, лишь бы защитить вампира — в том числе и убьёт ради него, если подумает, что Нику нужно кого-то убить.

Но в данный момент видящий и вампир, казалось, были очень заняты.

Даледжем смотрел, вновь вздрагивая от реакции своего света на выражение лица видящего с фиалковыми глазами. Он смотрел, как Солоник запрокидывает голову, подставляя вампиру горло, на котором и так уже виднелась масса следов. Вопреки тому, каким бледным выглядел видящий, это сильно напоминало даже не предложение, а требование.

Темноволосый вампир стиснул волосы видящего в кулаке.

Опустив рот и лицо, он медленно, чувственно вонзил клыки в шею Солоника. Так же медленно и с удовольствием он начал пить.

Через несколько секунд вампир издал низкий рык.

Даледжем наблюдал за лицом Ника, наблюдал, как вампир пьёт с таким явным удовольствием и самозабвением, что он сам невольно на это реагировал. Он не мог

чувствовать вампира так, как ощущал свет другого видящего, но выражение его безграничного наслаждения, выражение лица, расслабившегося от неприкрытого желания, по-своему влияло на Джема.

Почему-то неспособность почувствовать Ника влияла на него ещё сильнее.

Может, потому что в этот момент он *очень, очень* сильно хотел его почувствовать.

Мужчина-видящий ахнул, когда вампир оторвал губы и с явной неохотой прервал кормление.

На мгновение Ник лишь нависал над ним, всматриваясь в лицо мужчины-видящего.

Затем он издал тихий рокочущий звук, почти похожий на урчание. Ласково убрав волосы видящего с лица, вампир немного сместил тело и перенёс вес на другую руку.

Когда он заговорил, Даледжем невольно подпрыгнул.

В голосе вампира звучало притягивающее, мелодичное желание вкупе с откровенной привязанностью.

Это сочетание вновь усилило боль Даледжема.

— Не искушай меня, кузен, — пробормотал вампир. — Не позволяй мне убить тебя ненароком.

Видящий протянул руку, приласкав лицо вампира. Он продолжал гладить кожу Ника, ласкать его мускулистую грудь и руки, прослеживать черты и мышцы его горла и лица.

Они оба были совершенно обнажёнными.

Они оба вновь сделались твёрдыми вопреки тому, что недавно закончили и вообще далеко не первый раз трахались за последние несколько часов.

Очевидно, вампиры больше походили на видящих, чем на людей — по крайней мере, в отношении потребностей в сексе. Даледжему говорили, что кровь их тоже связывает. Он невольно гадал, не походила ли эта связь на ту связь света, которую образовывали видящие, или же это нечто совершенно иное.

Он закусил губу от осознания того, как далеко забрёл его разум, не говоря уж о том, как сильно он отвлёкся на секс, обнажённый и эрегированный член Ника, шёпот раздражённой ревности, в котором он даже самому себе признавался с трудом, а также на тот факт, что всё это ухудшалось нехваткой сна. Он вновь отодвинулся от просвета.

Следующие несколько секунд он просто сидел там на корточках, выталкивая из головы образы вампира и видящего вместе.

Он знал, что это не помогало ему добиться того, что он хотел сделать — то есть, не способствовало цели, ради которой он вообще затеял эту безумную поездку. Всё это лишь заставляло его вновь усомниться в своих мотивах и гадать, какого черта он хотел достичь, при условии, что он всё-таки сумеет спасти жизнь Нику.

Аккуратно отодвинувшись от просвета, он ещё аккуратнее прислонился к выступающему металлическому бруску слева от люка, изо всех сил стараясь не издать ни звука.

Блэк предупреждал его, что слух вампиров ещё лучше, чем у видящих.

У них более быстрые рефлексy, более острый слух, более острое физическое зрение.

По словам команды техников Блэка, у них также имелись особые органы чувств.

Физические органы чувств — не квази-физические, как у видящих.

Даледжем не владел полными знаниями о различиях в анатомии вампиров и видящих (по крайней мере, пока что), но он читал отчёты о том, как вампиры могли ощущать смещение воздуха — это помимо всех органов чувств, которые имелись и у видящих, и у вампиров. Судя по тому, что сумели определить лабораторные крысы Блэка, это не просто следствие других органов чувств, хотя это тоже могло частично сказываться. Похоже, они могли ощущать уровень и движение самого атмосферного давления, даже чувствовать малейшие смещения вдалеке от их кожи.

Отчёт, который читал Даледжем, предполагал, что это происходит через совершенно другой механизм, аналогов которого нет у видящих и людей.

В данный момент всё это означало, что Даледжему нужно быть очень осторожным, чёрт подери.

GPS метка, которую он сумел всадить в шею Ника после того, как тот спрыгнул со здания на Калифорния стрит, привела его сюда.

Она привела его в доки Окленда.

Она привела его к этому контейнеру.

Тем утром Джем несколько часов проверял контейнер Ника со всех углов, пока не нашёл этот люк. Это давало ему добрых тридцать футов от места, где вампир улёгся со своим любовником-видящим, до места, где Даледжем присел с винтовкой, полной транквилизаторов.

Медленно подняв эту винтовку, Даледжем проверил заряд, хотя сделал это уже три раза.

Сделав решающий вдох, он повернулся лицом к проёму.

Он был хорошим стрелком.

Он был хорошим стрелком, ещё когда был юным видящим в Азии, когда его учил только его отец. Может, он и не был природной машиной для убийств, как Дигойз на Старой Земле, но он был довольно близок.

Теперь, глядя через прицел винтовки, он осознал, насколько близко к вампиру он находился.

Он ни за что не мог промазать.

В те последние несколько секунд перед нажатием на курок, он осознал, что все равно возносит молитву к богам.

Судя по тому, что он знал о вампирах... и Нике... и Блэке...

Благоволение богов ему определённо понадобится.

Конец десятой части

Общий порядок чтения:

1) Дверь Кирева (Тайна Квентина Блэка #0,5) – доступно онлайн чтение в <https://vk.com/vmrosland>

2) Чёрное в белом (Тайна Квентина Блэка #1)

3) Чёрный как ночь (Тайна Квентина Блэка #2)

4) Чёрное Рождество (Тайна Квентина Блэка #2,5)

5) Чёрное на чёрном (Тайна Квентина Блэка #3)

6) Чёрный ужин (Тайна Квентина Блэка #3,5)

7) Возвращение чёрного (Тайна Квентина Блэка #4)

8) Чёрный и синий (Тайна Квентина Блэка #5)

9) Чёрная кровь (Тайна Квентина Блэка #5,5) – доступно онлайн чтение в <https://vk.com/vmrosland>

10) Чёрный настрой (Тайна Квентина Блэка #6)

11) Чёрный прах (Тайна Квентина Блэка #7)

12) Вера в Чёрного (Тайна Квентина Блэка #8)

13) Чёрное Солнце (Тайна Квентина Блэка #9)

14) Чёрному, с любовью (Тайна Квентина Блэка #10)

История Мири и Блэка продолжится в бонусном рассказе – «Чёрные сны».

Перевод выполнен группой Rosland || Переводы романов

(<https://vk.com/vmrosland>)

Подписывайтесь и следите за обновлениями. Настоятельно просим сохранять авторство перевода, уважайте чужой труд.